Престон Дуглас, Чайлд Линкольн

Реликт

Пролог

1

Бассейн Амазонки, сентябрь 1987 г.

В полдень тучи, цеплявшиеся за вершину Серро-Гордо, разошлись. Уиттлси видел, как высоко вверху, на вершинах деревьев, играли золотистые солнечные блики. Животные – видимо, паукообразные обезьяны – с криками носились над его головой, попугай макао разразился громкими, отвратительными воплями.

Уиттлси остановился возле упавшей джакаранды и обернулся к Карлосу – помощник догонял его, обливаясь потом.

– Остановимся здесь, – сказал он по-испански. – Baja la caja. Поставь ящик.

Уиттлси сел на упавшее дерево, снял правый ботинок и носок. Закурив сигарету, поднес огонек к голени – на ноге кишмя кишели клещи.

Карлос снял с плеч армейский рюкзак, к которому был неуклюже привязан деревянный ящик.

– Открой его, пожалуйста, – попросил Уиттлси.

Карлос развязал веревки, отпер несколько маленьких медных защелок, снял крышку.

Плотно уложенное содержимое ящика было прикрыто волокнами какого-то местного растения. Уиттлси отодвинул их, обнажив несколько артефактов[1], небольшой деревянный пресс и журнал в кожаной, покрытой пятнами обложке. Поколебался, потом достал из нагрудного кармана полевой куртки маленькую, искусно вырезанную из дерева статуэтку какого-то животного. Покачал на ладони, вновь изумляясь ее изяществу и неестественной тяжести. Потом неохотно положил фигурку в ящик, прикрыл все волокнами и вернул крышку на место.

Вынув из рюкзака сложенные листы чистой бумаги. Уиттлси развернул их на колене. Достал из кармана рубашки видавшую виды ручку с золотым пером и начал писать:

Верховье Шингу, 17 сентября 1987 года

Монтегю! Я решил отослать Карлоса с ящиками обратно и отправиться на поиски Крокера в одиночку. Карлос надежен, а я не могу допустить потери ящика, если со мной что-нибудь случится. Обрати внимание на шаманскую трещотку и другие ритуальные предметы. Они производят впечатление уникальных. А статуэтка, которую мы обнаружили в заброшенной хижине, является подтверждением того, что я искал. Обрати внимание на чрезмерно большие когти, характерные черты рептилий, намеки на двуногость. Племя котога существует, и легенда о Мбвуне не просто вымысел.

Все мои полевые записи в этом журнале. Тут же полный отчет о развале экспедиции, ты, разумеется, уже будешь об этом знать, когда получишь мое письмо.

Уиттлси покачал головой, вспомнив разыгравшуюся накануне сцену. Ох уж этот идиот Максуэлл! Только и думал о том, как бы доставить в музей в целости и сохранности свою случайную находку. Это просто смешные древние семенные коробочки в форме яйца. Совершенно никчемные. Ему быть бы палеобиологом, а не антропологом… По иронии судьбы Максуэлл и остальные повернули назад, находясь всего в тысяче ярдов от *его* открытия.

После их ухода с ним остались только Карлос, Крокер и двое проводников. Теперь никого, кроме Карлоса. Уиттлси вернулся к письму.

Используй журнал и находки, как сочтешь нужным, чтобы помочь мне восстановить свое положение в музее. Но главное – позаботься об этой статуэтке. Я убежден, что для антропологии она бесценна. Мы вчера случайно нашли ее. Видимо, она занимает центральное место в культуре Мбвуна. Однако других следов обитания людей поблизости нет. Мне это кажется странным.

Уиттлси отложил ручку. Он не стал описывать в журнале, как была обнаружена фигурка. И даже теперь разум его противился этому воспоминанию.

Крокер отклонился от намеченного пути, чтобы получше разглядеть одно дерево, иначе бы им не обнаружить ни скрытой тропинки, круто спускавшейся вниз между замшелыми откосами расселины, ни грубой хижины, скрытой среди старых деревьев во влажной низине, куда едва проникал дневной свет… Двое проводников-ботокудов, обычно болтавших без умолку на тупианском языке, тут же притихли. В ответ на вопрос Карлоса один из них что-то пробормотал о страже хижины и проклятии тому, кто осмелится вторгнуться в ее тайны. И тут Уиттлси впервые услышал слово *котога*. Котога. Люди мрака.

Уиттлси отнесся к этому скептически. Он и раньше слышал разговоры о проклятиях – обычно перед требованиями повысить плату. Но когда он вышел из хижины, проводники исчезли.

…Потом откуда-то из чащи появилась та старуха. Видимо, она принадлежала к племени яно-мамо, явно не котога. Но слышала о них. *Видела их*. Проклятия, на которые она намекала… А с какой быстротой вновь скрылась в лесу – прямо годовалый ягуар, а не женщина преклонных лет…

Потом они обратили внимание на хижину.

Хижина… Уиттлси с робостью позволил себе вспомнить. По бокам – две каменные плиты с одинаковыми резными изображениями какого-то сидящего зверя. В когтях он держал что-то неразличимое, выветрившееся. За хижиной был заросший сад, причудливый оазис ярких красок среди сплошной зелени.

Пол хижины был опущен на несколько футов, и Крокер, шагнув внутрь, едва не сломал себе шею. Уиттлси последовал за ним более осторожно, а Карлос лишь опустился на колени у входа. Внутри было темно, прохладно, пахло гнилью. Включив фонарик, Уиттлси увидел статуэтку, стоящую на высокой земляной насыпи посреди хижины. Вокруг ее основания лежало несколько причудливо вырезанных дисков. Потом луч фонарика упал на стены.

Они были увешаны человеческими черепами. Осматривая ближайшие, Уиттлси заметил глубокие царапины, происхождение которых он смог понять не сразу. На теменной части черепов зияли рваные отверстия. В большинстве случаев и затылочные кости были проломлены, верхние части толстых височных костей отсутствовали.

Рука Уиттлси задрожала, фонарик выпал. Прежде чем включить его снова, он увидел, что из тысяч глазных впадин сочится тусклый свет. В душном воздухе медленно плавали пылинки…

Чуть позже Крокер решил, что ему нужно немного прогуляться – побыть наедине с собой, объяснил он Уиттлси. Но не вернулся…

Растительность здесь очень необычная, травы и папоротники выглядят чуть ли не примордиальными[2]*. Жаль, что нет времени для более пристального изучения. Самые упругие разновидности мы использовали для упаковки; можешь показать их Йоргенсону, если он заинтересуется.*

Я твердо рассчитываю встретиться с тобой в клубе исследователей через месяц, отметить наш успех порцией сухого мартини и хорошего маканудо. А пока что со спокойным сердцем доверяю тебе этот материал и свою репутацию.

Твой коллега Уиттлси.

Он сунул письмо под крышку ящика и заговорил:

– Карлос, доставь этот ящик в Порто-де-Мос и жди меня там. Если через две недели я не вернусь, обратись к полковнику Сото. Скажи, чтобы отправил этот ящик вместе с остальными в музей самолетом, как условлено. Он выдаст тебе заработанные деньги.

Карлос поглядел на него.

– Не понимаю. Вы хотите остаться здесь один?

Уиттлси улыбнулся, зажег вторую сигарету и вновь принялся уничтожать клещей.

– Кто-то должен доставить ящик. Ты сможешь нагнать Максуэлла еще до реки. А мне нужно несколько дней на поиски Крокера.

Карлос хлопнул себя по колену.

– Es loco![3] Я не могу бросить вас одного. Si te dejo atras, te moririas. Вы погибнете здесь в лесу, сеньор, и ваши кости растащат обезьяны-ревуны. Мы должны вернуться вместе, так будет лучше всего.

Уиттлси раздраженно покачал головой.

– Дай мне из своего мешка хлористую ртуть, хинин и вяленую говядину, – сказал он, вновь натянув на ногу грязный носок и зашнуровывая ботинок.

Карлос, продолжая протестовать, развязал рюкзак. Уиттлси, не обращая на него внимания, рассеянно почесывал укусы насекомых на шее и неотрывно глядел на Серро-Гордо.

– Они будут удивлены, сеньор. Сочтут, что я бросил вас. Мне придется очень плохо. – Быстро говорил Карлос, перекладывая лекарства и мясо в рюкзак Уиттлси. – Мухи кабури съедят вас заживо, – продолжал он, подойдя к ящику и обвязывая его веревкой. – Вы снова заболеете малярией и на сей раз умрете. Я останусь с вами.

Уиттлси поглядел на копну белоснежных волос, челка прилипла к потному лбу Карлоса. Вчера, до того как тот заглянул в хижину, его волосы были совершенно черными. Карлос на миг встретился с хозяином глазами, потом отвел взгляд.

Уиттлси поднялся.

– Adios, – попрощался он и скрылся в кустах.

Под вечер Уиттлси заметил, что густые низкие тучи вновь окутали Серро-Гордо. Последние несколько миль он шел по старой узкой тропе неизвестного происхождения. Тропа вилась среди черных болот, окружавших основание *тепуи,* сырого, покрытого джунглями плато, лежавшего впереди. Логика человеческой дороги, подумал Уиттлси. Путь проложен с определенной целью: тропы животных зачастую никуда не ведут. А эта тропа идет к оврагу на склоне *тепуи*. Крокер, должно быть, пошел туда.

Уиттлси остановился, бессознательно ощупывая талисман, который носил с детства, – золотую стрелку с серебряной поверх нее. Кроме той хижины, он уже несколько дней не видел следов человеческого обитания, если не считать давно заброшенной деревушки собирателей кореньев. Проложить эту тропу могли только индейцы племени котога.

Подходя к плато, Уиттлси увидел несколько блестящих лент воды, струящихся по склонам. У подножия он устроит ночлег, а утром поднимется на тысячу метров. Подъем будет крутой, грязный, возможно, опасный. Если он повстречает индейцев котога – что ж, будет схвачен.

Но у него нет причин думать, что котога свирепы. В конце концов все убийства и зверства местные мифы приписывают Мбвуну. Интересно – неведомое существо, предположительно контролируемое племенем, которого никто не видел. *Может ли Мбвун существовать на самом деле?* – задумался Уиттлси. Возможно, какие-то реликты и сохранились в громадном тропическом лесу: район этот совершенно не исследован биологами. Уже не впервые он пожалел, что Крокер, покидая лагерь, взял его «манлихер» тридцатого калибра.

Первым делом необходимо найти Крокера. Потом можно искать племя котога, доказать, что оно не вымерло много веков назад. Он прославится – открыватель первобытных людей, живущих в глубине амазонских джунглей в каменном веке, как в “Затерянном мире” Конан-Дойля.

Опасаться котога нет оснований. *За исключением той хижины…*

Внезапно в ноздри Уиттлси ударил тошнотворный запах. Он остановился. Ошибки быть не могло – дохлое животное, притом крупное. Он сделал десяток шагов – запах усилился. Сердце его забилось с надеждой: возможно, котога разделывали добычу поблизости. Там могли остаться инструменты, оружие, быть может, даже какая-то ритуальная утварь.

Уиттлси медленно двинулся вперед. Сладковатый мерзкий запах становился все сильнее. Путешественник увидел солнечный свет сквозь кроны деревьев высоко над головой – верный признак того, что

поблизости поляна. Остановился и подтянул лямки рюкзака, чтобы он не колотил по спине, если придется бежать.

Узкая, окаймленная кустами тропа выровнялась и свернула в небольшую прогалину. На противоположной стороне ее лежал труп. На комле дерева, к которому он был привален, была вырезана ритуальная спираль, на рассеченной грязно-бурой грудной клетке лежал пучок ярко-зеленых перьев попугая.

Подойдя поближе, Уиттлси увидел на трупе рубашку цвета хаки.

Над разрезанной грудной клеткой жужжала туча жирных мух. Отрубленная левая рука с рассеченной ладонью была привязана к стволу дерева волокнистой веревкой. Вокруг тела валялись стреляные гильзы. Потом Уиттлси увидел голову. Она лежала вверх лицом под мышкой у трупа, затылочная кость черепа была сорвана, мутные глаза смотрели вверх.

Уиттлси нашел Крокера.

Инстинктивно исследователь попятился. Он видел, что ряды когтей исполосовали тело с чудовищной, нечеловеческой силой. Труп выглядел окоченевшим. Возможно, если Бог милостив, котога уже ушли отсюда.

Если только это дело рук котога.

И тут Уиттлси обратил внимание, что тропический лес, обычно оглашаемый звуками жизни, совершенно тих. Он резко обернулся. В высоком подлеске на краю прогалины что-то двигалось, среди листвы светились два узких глаза цвета жидкого пламени. Уиттлси всхлипнул, выругался, провел по лицу рукавом и снова поглядел в ту сторону. Глаза исчезли.

Скорее в обратный путь, прочь от этого места. Дорога прямо перед ним. Терять время нельзя.

И тут Уиттлси увидел на земле нечто, чего не заметил раньше, почувствовал ужас, уловив движение крадущегося в кустах тяжеловесного существа.

2

Бразилия, Белен, июль 1988 г.

На сей раз Вен убедился, что десятник докеров его раскусил.

Стоя в глубине темного прохода между складами, он вел наблюдение. Моросил дождик, затуманивая широкие обводы грузовых судов, превращая фонари на пристани в крохотные точки. От горячих палубных досок поднимался пар, неся с собой легкий запах креозота. Сзади доносился ночной шум портового города: отрывистый лай собак, негромкий смех и болтовня на португальском языке, музыка в стиле “калипсо” из баров на набережной.

Дела у него шли отлично. Когда оставаться в Майами стало слишком рискованно, он подался далеко на юг. Грузооборот здесь был незначительным, маленькие суда ходили на север и на юг вдоль побережья. В порту постоянно требовались грузчики, а ему эта работа была знакома. Он назвался Веном Стивенсом, и никто в этом не усомнился. А вот тому, что он носит имя Стивенсон, не поверили бы.

Обстановка здесь оказалась вполне подходящей. В Майами было достаточно времени и практики, чтобы обострить интуицию. Здесь она ему пригодилась. Он нарочно говорил по-португальски плохо, запинаясь, чтобы разглядеть выражение глаз собеседника и должным образом отреагировать. Рикон, младший помощник начальника порта, был единственным напарником, в котором нуждался Вен.

Когда груз приходил с верховьев реки, Вен получал сообщение. Обычно ему говорили о характере груза только два слова: поступающий или отправляемый. Он всегда знал, что искать, ящики неизменно бывали одинаковыми. Следил, чтобы их благополучно выгрузили и разместили на складе. А потом устраивал так, чтобы на идущее в Штаты судно их погрузили последними.

Вен от природы был осторожным. И пристально наблюдал за десятником докеров. Несколько раз у него возникало тревожное чувство, что десятник что-то подозревает. Тогда он слегка умерял аппетиты, и через несколько дней чувство опасности притуплялось.

Вен глянул на часы. Одиннадцать. Услышал, как за углом открылась, потом закрылась дверь. Прижался к стене. Послышались тяжелые шаги по настилу, затем под фонарем мелькнул знакомый силуэт. Когда звук шагов затих, Вен глянул за угол. В конторе, как он и предвидел, было темно. Осмотревшись в последний раз, он юркнул за угол здания.

При каждом шаге пустой рюкзак влажно хлопал о его спину. На ходу Вен полез в карман, достал и крепко сжал в кулаке ключ. Свое орудие труда. Не проработав в порту и двух дней, он снял с ключа слепок.

Вен миновал суденышко, пришвартованное у пристани, черная вода по его толстым перлиням стекала на ржавые кнехты. Посудина казалась безлюдной, на палубе не было даже стояночной вахты. Вен замедлил шаг. Дверь склада была рядом, у конца главного пирса. Вен быстро

оглянулся через плечо, потом проворно отпер металлическую дверь и юркнул внутрь.

Затворив за собой дверь, Вен подождал, пока глаза привыкнут к темноте. Он уже чувствовал себя на полпути к дому. Осталось только завершить здесь дела и сматываться к чертовой матери.

Да, пора убираться. В последнее время Рикона совсем обуяла жадность, крузейро текли через руки как вода. Недавно помощник начальника порта позволил себе пошутить относительно доли Вена. А утром Рикон разговаривал с десятником, торопливо, вполголоса, и десятник поглядывал на Вена.

Темный склад был заставлен контейнерами и ящиками. Зажигать фонарик было рискованно, но Вен так хорошо знал расположение грузов, что мог бы ходить там даже во сне. Он осторожно двинулся вперед.

Вот наконец то, что он искал: кучка обшарпанных ящиков, шесть больших и один маленький, сложенных в углу. На двух больших виднелась трафаретная надпись: “МЕИ, НЬЮ-ЙОРК”.

Несколько месяцев назад Вен спросил об этих ящиках. Помощник квартирмейстера складов поведал ему их историю. Груз прибыл по реке из Порто-де-Мос прошлой осенью. Ящики требовалось отправить самолетом какому-то нью-йоркскому музею, но с людьми, которые заключали это соглашение, что-то случилось – помощник не знал, что именно. Оплата не поступила в срок, и о грузе, видимо, все забыли.

Все, кроме Вена. Позади забытых ящиков было достаточно места, чтобы припрятывать свой товар до загрузки идущего в Штаты судна.

Теплый ночной ветерок ворвался в высоко расположенное разбитое окно и охладил потный лоб Вена. Он улыбнулся в темноте. На прошлой неделе он прослышал, что вскоре ящики будут отправлены в Нью-Йорк. Но к тому времени его и след простынет.

Вен обследовал свой тайник. На сей раз там был всего один ящик, содержимое его как раз умещалось в рюкзак. Он знал, где находятся рынки и что там делать. Очень скоро – где-нибудь подальше – он этим займется.

Собираясь протиснуться мимо больших ящиков, Вен внезапно замер. Он почувствовал странный запах – какой-то земляной, козлиный, гнилостный. Через порт проходило много разного груза, но ни один не вонял, как этот.

Интуиция подсказывала парню, что здесь кроется какая-то опасность, однако он не мог понять, что его так встревожило. Помедлив, Вен двинулся вперед между стеной и музейным грузом.

И вновь замер. Что-то было не так. Что-то совсем не так.

Вен скорее услышал, чем увидел нечто движущееся в этом тесном пространстве. Потянуло резким, гнилостным запахом. Внезапно его со страшной силой ударило о стену. Грудь и живот разорвала нестерпимая боль. Он открыл рот, пытаясь крикнуть, но в горле что-то бурлило, потом в голову словно бы ударила молния, и Вен погрузился во мрак.

Часть первая

Музей сверхъестественной тайны

3

Нью-Йорк, наши дни

Рыжий мальчишка, похваляясь перед младшим братом – он называл его цыпленком, – тянулся к ноге слона. Хуан молча следил за ним и, когда мальчишка коснулся экспоната, подался вперед.

– Эй! – крикнул Хуан, направляясь к нему. – Эй, не трогай слонов!

Парнишка испуганно отдернул руку: он был еще в том возрасте, когда форменная одежда производит впечатление. Ребята постарше – пятнадцати-шестнадцати лет – иногда отвечали Хуану грубыми жестами. Они понимали, что он невелика птица, просто-напросто охранник музея. Паршивая работенка. Надо бы подготовиться как следует и сдать экзамены в полицию.

Он с подозрением наблюдал, как рыжий и его братишка крутились в полутемном зале, разглядывая чучела львов. Подойдя к стенду с шимпанзе, рыжий начал на потеху младшему гикать и почесывать под мышками. Где, черт побери, их родители?

Затем Билли, рыжий, утащил братишку в зал с африканскими экспонатами. Целый ряд масок злобно скалился на них из-за стекла витрины плоскими деревянными зубами.

– Здорово! – восхищенно воскликнул младший.

– *Ерунда,* – сказал Билли. – Пошли посмотрим динозавров.

– А мама где? – спросил младший, оглядываясь.

– Потерялась, – ответил Билли. – Идем. Они пошли через просторный, гулкий зал со множеством тотемных столбов. В дальнем его конце

женщина с красным флажком водила последнюю в этот день группу воскресных экскурсантов, голос ее звучал пронзительно. Младшему казалось, что в зале слегка пахнет чем-то странным, такие запахи издают дым и корни старого дерева. Когда экскурсанты скрылись за углом, в зале наступила тишина.

Билли помнил, что в прошлый раз они видели здесь самого большого в мире бронтозавра, и тиранозавра, и трахидента. Во всяком случае, ему казалось, что чудища назывались именно так. Зубы у тиранозавра длиной, наверное, десять футов. Ничего более замечательного Билли еще не видел. А вот этих тотемных столбов он не помнил. Может, динозавры находятся за следующей дверью? Но она вела в скучный зал тихоокеанских народов, где были только вещицы из нефрита и кости, шелка и бронзовые статуэтки.

– Смотри, что ты натворил, – проворчал Билли.

– Что?

– Заблудился я из-за тебя, вот что.

– Мама очень рассердится, – сказал малыш. Билли издал презрительный смешок. С родителями они должны встретиться перед самым закрытием на больших ступенях у главного входа. Обратную дорогу он найдет, не проблема.

Пройдя через несколько безлюдных пыльных комнат, мальчики спустились по узкой лесенке и оказались в длинном, тускло освещенном зале. Тысячи чучел маленьких птичек покрывали стены от пола до потолка, из их незрячих глаз торчала вата. Пахло нафталином.

– Я знаю, где мы, – обнадежил Билли, вглядываясь в полумрак. Малыш засопел.

– Тихо ты, – сказал Билли. Сопение прекратилось.

Зал делал резкий поворот и оканчивался темным тупиком с пустыми витринами. Выхода не было видно, пришлось возвращаться обратно. Шаги мальчиков гулко раздавались в пустом помещении. В дальнем конце зала была брезентовая ширма, неудачно изображавшая стену. Выпустив руку братишки, Билли подошел и заглянул за нее.

– Я здесь уже бывал, – уверенно заявил он. – Это место отгородили, но в прошлый раз тут было открыто. Держу пари, мы находимся прямо под динозаврами. Дай-ка посмотрю, есть ли тут лестница наверх.

– Туда нельзя, – предупредил младший.

– Дурачок, я только посмотрю. А ты подожди.

Били шмыгнул за занавеску, и через несколько секунд младший услышал скрип петель открываемой двери.

– Эй! – донесся голос старшего. – Здесь винтовая лестница. Она ведет вниз, ну да ничего. Я спущусь, посмотрю.

– Не надо! Билли! – крикнул малыш, но единственным ответом ему был звук удаляющихся шагов.

Малыш принялся вопить, его тонкий голос эхом отдавался в полутемном зале. Через несколько минут он начал икать, громко шмыгнул носом, сел на пол и принялся отрывать отстающую полоску резины с носка ботинка.

Внезапно мальчик поднял взгляд. Зал был тихим, душным. Лампы в витринах отбрасывали на пол черные тени. Где-то затарахтела вентиляционная труба. Билли пропал окончательно. Малыш стал кричать, на сей раз громче.

Может, пойти за ним? Может, там не так уж и страшно? Может, Билли нашел родителей, и они ждут его снаружи? Только надо поторапливаться. Музей, наверное, уже закрыт!

Он поднялся и проскользнул за занавеску. Зал продолжался, там тоже стояли пыльные витрины с никому не интересными экспонатами. Старая металлическая дверь в стене была чуть приоткрыта.

Малыш подошел и заглянул туда. За дверью находилась верхняя площадка теряющейся из виду винтовой лестницы. Здесь было еще более пыльно, стоял какой-то странный запах, от которого он сморщил нос. Ему очень не хотелось спускаться по этим ступенькам. Но брат находился внизу.

– Билли! – позвал малыш. – Билли, поднимайся! *Пожалуйста!*

Откликнулось только эхо. Мальчик шмыгнул носом, ухватился за перила и начал медленно спускаться в темноту.

4

Понедельник

Когда Марго Грин обогнула угол западной Семьдесят второй улицы, лучи утреннего солнца ударили ей прямо в лицо. Моргнув, она на несколько секунд опустила глаза: потом встряхнула головой, забросив назад длинные каштановые волосы, и пошла через улицу.
Нью-йоркский музей естественной истории вздымался перед ней, словно древняя крепость, величественный фасад высился над буковой аллеей.

Марго свернула на мощеную дорожку, ведущую к служебному входу. Прошла мимо разгрузочного тупика и направилась к гранитному туннелю, выходящему во внутренний дворик. Настороженно остановилась: вход в туннель окрашивали мерцающие полосы красного света, у дальнего конца в беспорядке стояли санитарные и полицейские автомобили.

Марго вошла в туннель и направилась к стеклянной будке. Старый Керли, охранник, в это время обычно дремал на своем стуле, привалясь к углу, со свисающей изо рта на широкую грудь почерневшей деревянной трубкой. Но сегодня он стоял.

– Доброе утро, доктор, – поздоровался он, открывая дверь. Старик называл “докторами” всех, от директора музея до аспирантов.

– Что случилось? – спросила Марго.

– Не знаю, – ответил Керли. – Они приехали пару минут назад. Но сейчас я хотел бы взглянуть на ваше удостоверение.

Марго принялась рыться в сумке. Предъявлять пропуск никто не просил уже несколько месяцев.

– Не уверена, что удостоверение у меня с собой, – сказала она, недовольная тем, что так и не собралась выкинуть всякий накопившийся за зиму хлам. Друзья из отдела антропологии недавно присвоили ее сумке звание “самой захламленной в музее”.

В будке зазвонил телефон, и Керли потянулся к трубке. Марго наконец обнаружила документ и поднесла к окошку, но охранник не взглянул на него – он с широко раскрытыми глазами слушал, что говорят по телефону.

Трубку он положил молча и застыл всем телом.

– Ну? – повторила Марго. – Что случилось?

Керли ответил:

– Вам незачем знать.

Телефон зазвонил снова, и охранник поспешно протянул к нему руку.

Марго в жизни не видела, чтобы Керли двигался так быстро. Она пожала плечами, бросила удостоверение в сумку и пошла дальше. Ее поджимал срок – надо было заканчивать очередную главу диссертации, и каждый день был на счету. Предыдущая неделя была тяжелой – поминки по отцу, формальности, телефонные звонки, – не до научной работы. Больше времени она терять не могла.

Пройдя через дворик, Марго вошла в служебный вход, свернула направо и быстро зашагала по цокольному коридору к отделу антропологии.

В многочисленных служебных кабинетах было темно, как всегда до половины десятого или до десяти.

Коридор повернул под прямым углом, и Марго остановилась. Дорогу ей преградила желтая пластиковая лента. Марго разобрала печатные буквы: “НЬЮ-ЙОРКСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ ПОЛИЦИИ, МЕСТО ПРЕСТУПЛЕНИЯ – НЕ ПЕРЕХОДИТЬ”. Джимми, охранник, обычно назначаемый в зал перуанского золота, стоял перед лентой, как и Грегори Кавакита, молодой помощник хранителя из отдела эволюционной биологии.

– Что здесь происходит? – спросила Марго.

– Типичная музейная неразбериха, – отозвался Кавакита с кривой улыбкой. – Нас не пропускают.

– Никто мне ничего не объяснил, только велели никого не пускать, – раздраженно произнес охранник.

– Послушай, – сказал Кавакита. – На будущей неделе у меня презентация в Национальном научном фонде, дел по горло. Если пропустишь меня…

На лице у Джимми появилось выражение замешательства.

– Я просто выполняю свою работу.

– Идем отсюда, – сказала Марго Кавваките. – Выпьем кофе в комнате отдыха. Может, узнаем у кого-нибудь, что случилось.

– Сначала я хотел бы зайти в туалет, если найду такой, куда вход не перекрыт, – раздраженно ответил Кавакита. – Иди, я тебя догоню.

Всегда распахнутая дверь комнаты отдыха для служащих в тот день оказалась закрытой. Марго взялась за шарообразную дверную ручку, думая, не лучше ли дождаться Грегори. Потом открыла дверь. Уж без *его-то* поддержки она как-нибудь обойдется.

Внутри двое полицейских разговаривали, стоя к ней спинами.

– Это уже который раз, шестой? – хихикнул один.

– Потерял счет, – ответил его напарник. – Но желудок у него должен наконец опустеть.

Когда полицейские расступились, Марго увидела комнату отдыха.

Просторное помещение было безлюдным. В дальнем конце, возле кухни, кто-то склонился над раковиной. Человек сплюнул, вытер губы и обернулся. Марго узнала Чарли Прайна, нового специалиста по консервации, которого взяли на работу полгода назад, чтобы восстановить экспонаты для новой выставки. Его ничего не выражающее лицо было пепельным.

Полицейские, подойдя к Прайну, мягко подтолкнули его к двери.

Марго посторонилась, пропуская группу. Прайн шел скованно, будто робот. Марго инстинктивно опустила взгляд.

Туфли Прайна были в крови.

Рассеянно глядя на Марго, Прайн заметил, как изменилось выражение ее лица. Последовал за нею взглядом; потом остановился так внезапно, что шедший сзади полицейский наткнулся на него.

Глаза Прайна расширились и побелели. Полицейские схватили его за руки, он стал сопротивляться, заскулил. Его быстро вывели из комнаты.

Марго прислонилась к стене, пытаясь справиться с сердцебиением, тут вошел Кавакита и с ним еще несколько человек.

– Перекрыта, должно быть, половина музея, – сказал он, покачивая головой и наливая себе кофе. – Никто не может войти в свои кабинеты.

И словно в ответ на его реплику система общественного оповещения с хрипом заработала. *“Внимание! Всех находящихся в здании служащих просим пройти в комнату отдыха”.*

Когда они сели, по двое, по трое стали входить служащие. Главным образом лаборанты и помощники хранителей без полномочий: время для появления важных лиц было еще ранним. Марго бесстрастно смотрела на входивших. Кавакита что-то говорил, но она его не слышала.

Через десять минут помещение наполнилось людьми. Все говорили разом: возмущались, что не могут войти в свои кабинеты, обсуждали каждый новый слух. В музее никогда не происходило ничего сенсационного, и теперь настроение у всех было приподнятым.

Кавакита отпил кофе и скорчил гримасу.

– Сплошная гуща. – Повернулся к Марго. – Онемела? С тех пор как мы сели, рта не раскрыла.

Она, запинаясь, стала рассказывать о Прайне. Красивое лицо Кавакиты вытянулось.

– Господи, – наконец произнес он. – Как ты думаешь, что случилось?

Когда прозвучал его баритон, Марго осознала, что все разговоры в комнате стихли. В дверном проеме появился крепко сложенный лысеющий мужчина в коричневом костюме, из кармана его плохо сидящего пиджака торчала полицейская рация, изо рта – незажженная сигара. За ним вошли двое полицейских в форме.

Мужчина встал перед сидящими в комнате, вынул изо рта сигару, снял табачную крошку с языка и откашлялся.

– Прошу внимания, – сказал он. – Ситуация такова, что вам придется потерпеть наше присутствие еще какое-то время.

Внезапно из глубины комнаты раздался громкий, укоризненный голос:

– Прошу прощения, мистер… Марго вытянула шею и оглянулась.

– Фрид, – прошептал Кавакита. Марго была наслышана о вспыльчивом характере Фрэнка Фрида, хранителя ихтиологического отдела.

Мужчина повернулся и взглянул на Фрида.

– Лейтенант д’Агоста, – отчеканил он. – Нью-йоркское управление полиции.

Такой ответ заставил бы умолкнуть большинство людей. Но худощавый, седовласый хранитель был не из пугливых.

– Надеюсь, – произнес он саркастически, – нам дозволено будет узнать, что здесь происходит? Полагаю, мы имеем право…

– Я *хотел бы* подробно осведомить вас о том, что случилось, – ответил д’Агоста. – Однако в настоящее время могу только сказать, что в здании музея обнаружен труп, обстоятельства случившегося расследуются. Если…

Все разом зашумели, д’Агоста поднял руку, призывая к тишине.

– Могу только сказать, что бригада из отдела расследования убийств находится здесь и занята делом. Музей закрыт. Пока что никто не может ни войти, ни выйти. Надеемся, такое положение продлится недолго.

Он немного помолчал.

– Если произошло убийство, то есть вероятность – вероятность – того, что убийца все еще в музее. Мы просим вас побыть здесь час или два, пока ведется поиск улик. Полицейский запишет ваши фамилии и должности.

Никто не произнес ни звука. Д'Агоста вышел и закрыл за собой дверь. Один из оставшихся полицейских придвинул к двери стул и грузно сел на него. Разговоры стали понемногу возобновляться.

– Мы арестованы? – воскликнул Фрид. – Это возмутительно.

– Господи, – чуть слышно произнесла Марго. – Неужели Прайн – убийца?

– Ужасная мысль, правда? – сказал Кавакита. Встал, подошел к кофеварке и сильным ударом выбил из нее последние капли. – Но то, что я не подготовлюсь к своей презентации, еще ужаснее.

Марго была уверена, что молодой энергичный ученый всегда будет подготовлен к чему угодно. Однако кивнула.

– Теперь престиж – это все, – продолжал Кавакита. – Чистая наука сама по себе больше не приносит субсидий.

Марго снова кивнула. Она слышала Грегори, слышала голоса коллег, но все казалось ей не важным. Кроме крови на туфлях Прайна.

5

Теперь можете идти, – сказал через час полицейский. – Но ни в коем случае не заходите за желтую ленту.

Сидевшая сжавшись в комочек Марго резко вскинула голову, когда ей на плечо опустилась чья-то ладонь. Рядом стоял долговязый, тощий Билл Смитбек, в другой руке он держал пару скрепленных спиралями блокнотов, его каштановые волосы были, как всегда, взъерошены. За ухо засунут карандаш с изжеванным концом, воротничок был расстегнут, узел черного галстука спущен. Живая карикатура на работягу-журналиста. Марго подозревала, что это тщательно продуманный имидж. Смитбеку поручили написать книгу о музее, уделив главное внимание выставке "Суеверия", которая должна была открыться на будущей неделе.

– Сверхъестественные события в музее естественной истории, – угрюмо пробормотал Смитбек ей на ухо, присев на стоявший рядом стул. Бросил на стол свои блокноты, и поток исписанных листков бумаги, компьютерных дискет без этикеток и ксерокопий газетных статей разбежался по его пластиковой поверхности.

– Привет, Кавакита, – весело сказал Смитбек, хлопнув его по плечу. – Не встречал тигров в последнее время?

– Только бумажных, – сухо откликнулся Кавакита.

Смитбек повернулся к Марго:

– Ты, наверное, уже знаешь все кровавые подробности. Жуть, правда?

– Нам ничего не сообщали, – ответила она. – Мы только слышали что-то об убийстве. Совершил его, надо полагать, Прайн.

Смитбек рассмеялся.

– Чарли Прайн? Этот парень мухи не способен убить, тем более двуногого. Нет, Прайн только обнаружил тело. Вернее, *тела*.

– *Тела?* О чем ты?

Смитбек вздохнул.

– Так вам в *самом деле* ничего не известно? Я думал, вы хоть что-то разузнали, пока сидели здесь несколько часов. – Он вскочил, подошел к кофеварке, наклонил ее, подергал за ручку и вернулся с пустыми руками. – В зале приматов за стеклом витрины нашли жену директора, – сообщил он, усевшись снова. – Ее двадцать лет никто не замечал.

Марго застонала.

– Смитбек, рассказывай, что произошло на самом деле.

– Ну ладно, – вздохнул он. – Утром около половины восьмого двух мальчишек обнаружили мертвыми в подвале старого здания.

Марго прижала ладонь ко рту.

– Как ты об этом узнал? – спросил Кавакита.

– Покуда вы прохлаждались здесь, все остальное человечество собралось на Семьдесят второй улице, – продолжал Смитбек. – Ворота закрыли у нас перед носом. Журналисты там тоже были.

И немало. В общем, Райт собирается в десять часов устроить пресс-конференцию в Большой ротонде, дабы пресечь слухи. Все разговоры о зоопарке. Начнется она через десять минут.

– О зоопарке? – переспросила Марго.

– Находящемся здесь. До чего же сложное положение. – Смитбек явно наслаждался, выдавая им информацию небольшими порциями. – Убийство, кажется, было очень жестоким. А вы знаете журналистов: они всегда предполагали, что тут у вас содержатся в клетках всевозможные звери.

– Кажется, ты рад случившемуся, – улыбнулся Кавакита.

– Происшествие придаст моей книге совершенно новый размах, – продолжал Смитбек. – Потрясающий правдивый отчет об ужасном

убийстве в музее, автор – Уильям Смитбек-младший. Ненасытные дикие звери бродят по пустынным коридорам. Книга может стать бестселлером.

– Это не смешно, – раздраженно заметила Марго. Она думала о том, что лаборатория Прайна находится неподалеку от ее кабинета в подвале старого здания.

– Знаю, знаю, – добродушно отозвался Смитбек. – Это ужасно. Бедные дети. Но все же я не уверен, что это правда. Возможно, Катберт пошел на такую уловку, чтобы сделать рекламу выставке.

Он вздохнул, потом заговорил виноватым тоном:

– Послушай, Марго, меня очень огорчило известие о смерти твоего отца. Я собирался сказать тебе раньше.

– Спасибо, – ответила она. В улыбке ее было немного теплоты.

– Послушайте, – сказал, поднимаясь, Кавакита. – Я, право, должен…

– Я слышал, ты собираешься уволиться, – продолжал Смитбек, обращаясь к Марго. – Забросить диссертацию, работать в отцовской компании или что-то в этом роде. – Он с любопытством глядел на нее. – Это правда? Я думал, твои исследования в конце концов дают какие-то результаты.

– И да, и нет, – ответила Марго. – Работа над диссертацией слегка затягивается. Сегодня в одиннадцать у меня еженедельная встреча с Фроком. Возможно, он забудет о ней, как обычно, и наметит на это время что-нибудь другое, особенно после такой трагедии. Но все же надеюсь увидеться с ним. Я обнаружила интересную монографию о классификации лекарственных растений у племени кирибуту.

Заметив, что взгляд Смитбека начинает блуждать, она вновь напомнила себе, что большинство людей не интересуется ни генетикой растений, ни этнофармакологией.

– Так что мне надо подготовиться, – заключила Марго, поднимаясь.

– Погоди минутку! – сказал Смитбек, с трудом собирая свои бумаги. – Не хочешь побывать на пресс-конференции?

Когда они выходили из комнаты отдыха, Фрид все еще жаловался на притеснения тем, кто его слушал. Кавакита уже быстро шагал впереди них по коридору, потом, помахав им через плечо, скрылся за поворотом.

Когда они пришли в Большую ротонду, пресс-конференция уже шла. Репортеры, окружив Уинстона Райта, директора музея, направляли микрофоны и камеры в его сторону, голоса гулко раздавались в похожем

на пещеру помещении. Ипполито, начальник охраны музея, стоял рядом с директором. Поодаль столпились другие служащие и несколько любопытных школьников.

Рассерженный Райт, стоя в свете кварцевых ламп, пытался отвечать на вопросы, которые выкрикивали журналисты. Обычно безупречный костюм директора был помят, редкие волосы спадали на ухо. Бледная кожа посерела, глаза налились кровью.

– Нет, – говорил Райт, – видимо, они сочли, что их дети уже ушли из музея. У нас не было предварительного предупреждения... Нет, мы не держим в музее живых животных!.. Ну разумеется, у нас есть мыши и змеи для исследовательских целей, но ни львов, ни тигров, ни прочих хищников... Нет, трупов я не видел... Не знаю, какие там были увечья... Я не проводил экспертизы и не могу говорить на эту тему, вам придется подождать вскрытия... Хочу подчеркнуть, что полиция не делала официальных заявлений... Пока не прекратите крик, я не буду отвечать на вопросы... Нет, я уже сказал, что у нас нет диких зверей в музее... Да, в том числе и медведей... Нет, никаких фамилий называть не буду... Как я могу ответить на этот вопрос?.. Пресс-конференция окончена... Я сказал окончена... Да, конечно, мы всеми средствами оказываем содействие полиции... Нет, я не вижу причин откладывать открытие новой выставки. Позвольте подчеркнуть, что дата открытия выставки “Суеверия” уже назначена... Да, у нас есть чучела львов, но если вы намекаете... Господи, они застрелены в Африке семьдесят пять лет назад! Зоопарк? У нас нет связей с зоопарком... Я просто не буду отвечать на эти возмутительные намеки... Может, джентльмен из газеты “Пост” перестанет орать?.. Полиция допрашивает ученого, обнаружившего трупы, но я никакими сведениями об этом не располагаю... Нет, мне больше нечего добавить, кроме того, что мы делаем все, что в наших силах... Да, конечно, это трагично...

Репортеры стали расходиться. Райт повернулся к начальнику охраны.

– Где была полиция, черт возьми? – услышала Марго его гневный голос. Обернувшись, он бросил через плечо: – Если увидите миссис Рикмен, скажите, чтобы немедленно зашла ко мне в кабинет.

И с важным видом вышел из Большой ротонды.

6

Марго дошла до коридора, который сотрудники музея называли Бродвеем. Он тянулся во всю длину здания – шесть городских кварталов. Говорили, что это самый длинный коридор в Нью-Йорке. Стены его были обиты дубовыми панелями, через каждые десять футов находились двери с матовыми стеклами. Очень многие фамилии

хранителей на золотистых прямоугольных табличках были обведены черной каймой.

В распоряжении аспирантки Марго Грин были только металлический стол и книжная полка в одной из подвальных лабораторий. По *крайней мере, у меня есть кабинет,* подумала она, выйдя из коридора и начав спускаться по узкой железной лестнице. У одной из ее знакомых – аспирантки в отделе маммологии – был только маленький обшарпанный школьный стол, втиснутый между большими холодильниками. Этой женщине даже в середине августа приходилось носить на работе теплые свитера.

Внизу охранник махнул ей рукой, разрешая проходить, и она двинулась по тускло освещенному туннелю, окаймленному по обеим сторонам конскими скелетами в застекленных витринах. Никаких полицейских лент там не было.

У себя в кабинете Марго поставила сумочку и села. Большая часть лаборатории представляла собой, в сущности, склад артефактов из южных морей: здесь были маорийские щиты, боевые каноэ и тростниковые стрелы, набитые в металлические зеленые, высящиеся до потолка шкафы. Имитирующая озеро стогаллоновая цистерна для рыбы, принадлежавшая отделу поведения животных, стояла на железном каркасе под батареей ламп. В ней было столько водорослей, что Марго очень редко могла разглядеть рыбу. Рядом с ее рабочим местом примостился столик, заваленный пыльными масками. Консерватор, неприятная молодая женщина, работала в угрюмом молчании, казалось, не больше трех часов в день. По медлительности коллеги Марго полагала, что на консервацию каждой маски у нее уходит недели две. В данной коллекции насчитывалось пять тысяч масок, но, похоже, никого не волновало, что при таких темпах на завершение работы потребуется около двух столетий.

Марго включила компьютер. На мониторе появились зеленые буквы:

ПРИВЕТ МАРГО ГРИН

С ВОЗВРАЩЕНИЕМ В РАСПРЕДЕЛЕННУЮ СЕТЕВУЮ СИСТЕМУ МУЗЕЯ

ВЫПУСК 15 – 5 СООБЩЕНИЙ ДЛЯ ВАС НЕТ

Марго изменила режим и стала просматривать свои записи, готовясь к встрече с Фроком. Ее наставник зачастую выглядел озабоченным во время еженедельных встреч, и Марго постоянно старалась представить ему что-нибудь новое. Проблема заключалась в том, что обычно ничего нового не было, – еще какие-то статьи прочтены, проанализированы и введены в компьютер: сделана какая-то лабораторная работа: и

возможно… *возможно*… написаны еще три-четыре страницы диссертации. Она понимала, что представляет собой научный сотрудник, существующий на государственные средства, и что ученые с насмешкой именуют ПД – псевдодиссертация.

Два года назад, когда Фрок согласился быть ее научным руководителем, Марго даже подумала, что произошла какая-то ошибка. Фрок – автор теории “эффекта Каллисто”, профессор кафедры статистической палеонтологии Колумбийского университета, глава отдела эволюционной биологии музея – избрал ее в аспирантки! Этой чести удостаивались очень немногие.

Карьеру Фрок начинал как антрополог. Прикованный перенесенным в детстве полиомиелитом к инвалидной коляске, он тем не менее провел выдающуюся полевую работу, результаты которой до сих пор являлись основой многих учебников. После того как несколько серьезных приступов малярии сделали невозможным продолжение полевых исследований. Фрок посвятил все свои силы разработке эволюционной теории. В середине восьмидесятых он выступил с новой радикальной гипотезой, вызвавшей бурную полемику. Сочетая теорию хаоса и дарвинизм, гипотеза Фрока оспаривала общепринятое мнение, что жизнь эволюционировала последовательно. Ученый теоретически допускал, что принцип последовательности иногда нарушался; он считал, что недолговечные аберрации – “чудовищные виды” – иногда становились ответвлением эволюции. Фрок доказывал, что эволюция не всегда вызывалась слепым отбором, что само окружение способно вызывать в видах внезапные, причудливые изменения.

Хотя теория Фрока подкреплялась блестящей серией статей и документов, большинство светил научного мира продолжали пребывать в сомнении. Если причудливые формы жизни существуют, вопрошали ученые, то где же они скрываются? Фрок отвечал, что его теория прогнозирует как быструю передачу генов, так и быструю эволюцию.

Чем чаще специалисты называли Фрока заблуждающимся, даже безумным, тем охотнее становилась на его сторону популярная пресса. Его теорию окрестили “эффектом Каллисто”, по греческому мифу, где молодая женщина внезапно превращается в медведицу. Хотя Фрок и жалел о популистском толковании своего труда, он расчетливо пользовался известностью для продолжения научных изысканий. Как многие блестящие ученые, Фрок был увлечен собственными исследованиями; Марго иногда казалось, что все прочее, в том числе и ее работа, вызывает у него скуку.

Консерватор в другом конце комнаты поднялась и, ни слова не говоря, ушла на обед, значит, время близилось к одиннадцати часам. Марго

написала на листе бумаги несколько фраз, очистила экран компьютера и взяла тетрадь для записей.

Кабинет Фрока находился в юго-восточной башне, в конце коридора пятого этажа: он представлял собой оазис, далекий от лабораторий и автоматизированных рабочих мест, весьма характерных для той части музея, куда не ходят посетители. На массивной дубовой двери кабинета было написано просто: “ДОКТОР ФРОК”.

Марго постучала.

Она услышала покашливание и негромкий шорох, инвалидной коляски. Медленно открылась дверь, появилось знакомое румяное лицо, кустистые брови были удивленно нахмурены. Потом взгляд Фрока посветлел.

– Ну да, сегодня же понедельник. Входите.

Фрок произнес это вполголоса, коснулся запястья Марго пухлой рукой и указал ей на кресло. Одет он был, как обычно, в темный костюм с белой рубашкой и ярким пестрым галстуком. Густая грива седых волос была взъерошена.

Стены кабинета были заставлены старыми застекленными книжными шкафами, на полках лежали реликты и диковины, привезенные из экспедиций. Книги были сложены у одной из стен в громадные, грозящие рухнуть стопы. Два больших эркера выходили на Гудзон. Зачехленные викторианские кресла стояли на потертом персидском ковре, на письменном столе лежало несколько экземпляров последней книги Фрока “Фрактальная эволюция”.

Рядом с книгой стояла знакомая Марго глыба серого песчаника. На плоской поверхности камня был глубокий отпечаток, странно смазанный и вытянутый вдоль одного края, с тремя большими вмятинами возле другого. Фрок утверждал, что это ископаемый след неизвестного науке существа: единственное материальное свидетельство, подтверждавшее его теорию аберрационной эволюции. Другие ученые оспаривали этот факт. Многие не верили, что это ископаемый след, и называли его причудой Фрока. Многие вообще его не видели.

– Уберите этот хлам и садитесь, – сказал Фрок, возвращаясь на свое любимое место у одного из окон. – Шерри? Хотя нет, вы всегда отказываетесь. Как глупо с моей стороны забыть об этом.

На предложенном кресле лежало несколько старых номеров журнала “Нейчур” и рукопись неоконченной статьи, озаглавленной “Филогенетическая трансформация и широколистный папоротник

кайнозойской эры”. Марго переложила все на ближайший столик и села, гадая, упомянет ли Фрок о смерти двух мальчиков.

Несколько секунд он, неподвижно застыв, глядел на нее. Потом замигал и вздохнул.

– Ну что, мисс Грин? Приступим?

Разочарованная, Марго раскрыла тетрадь. Быстро просмотрела записи, потом стала обосновывать свой анализ классификации растений племенем кирибиту и то, какое он имеет отношение к следующей главе диссертации. Слушая ее, Фрок склонил голову на грудь и закрыл глаза. Посторонний человек принял бы его за спящего, но Марго знала, что доктор внимательно слушает.

Когда она закончила, Фрок медленно расправил плечи.

– Классификация лекарственных растений по способу воздействия, а не по внешнему виду, – пробормотал он наконец. – Интересно. Этот параграф напоминает мне о том, с чем я столкнулся у племени ки в Бечуаналенде.

Марго терпеливо ждала воспоминаний, которые неизбежно должны были последовать.

– Ки, как вам известно, – Фрок всегда предполагал, что слушатель так же хорошо знаком с предметом, как и он сам, – некогда использовали кору некоего кустарника как средство от головной боли. Шарьер изучал их в восемьсот шестьдесят девятом году и отметил этот факт в полевых журналах. Когда я появился там три четверти века спустя, племя уже не пользовалось этим средством. Теперь ки верили, что головные боли вызываются колдовством.

Рассказывая, он понемногу передвигался в кресле.

– Для исцеления заболевшего его родственники находили колдуна и, разумеется, убивали. Естественно, родные убитого жаждали мести и зачастую приканчивали больного. Можете представить, к чему это в конце концов привело.

– К чему же? – спросила Марго, полагая, что Фрок намерен объяснить, какое отношение все это имеет к ее диссертации.

– Ну, ясное дело, – развел руками Фрок, – к медицинскому чуду. У людей перестали болеть головы.

Его широкая грудь затряслась от смеха. Марго тоже улыбнулась – и осознала, что это впервые за день.

– Ну, хватит о первобытной медицине, – с легким сожалением сказал Фрок. – А работа в поле была интересной.

Он немного помолчал.

– Знаете, в экспозиции “Суеверия” племени ки отводится целый раздел, – продолжал ученый. – Конечно, выставка будет чудовищно разрекламирована для привлечения зрителей. Специально для этого пригласили какого-то молодого человека, только что окончившего Гарвард. Говорят, в компьютерах и маркетинге он разбирается лучше, чем в чистой науке.

Фрок снова слегка передвинулся в своей коляске. Пока Марго укладывала в сумочку тетрадь, Фрок заговорил снова:

– Скверная история произошла сегодня утром.

Марго кивнула.

Фрок немного помолчал.

– Боюсь за музей, – наконец произнес он. Удивленная Марго сказала:

– Они были братьями. Это трагедия для семьи. А все остальные скоро забудут о случившемся – как обычно.

– Думаю, что нет, – ответил Фрок. – Я кое-что слышал о состоянии трупов. Приложенная сила была… необычайной.

– Не предполагаете же вы, что их убило дикое животное? – сказала Марго. Неужели, подумала она, Фрок столь безумен, как о нем говорят?

Фрок улыбнулся:

– Дорогая моя, я не строю предположений. Буду ждать дальнейших свидетельств. Пока что просто надеюсь, что произошедшее не повлияет на ваше решение остаться в музее. Да, я с глубоким прискорбием узнал о смерти вашего отца. Но вы обнаружили три незаменимые для настоящего ученого способности: понимание, что искать, понимание, где искать, и стремление завершить разработку своих теорий. – Он подъехал к ней. – В обработке материала усердие так же важно, как и в сборе, мисс Грин. Не забывайте этого. Ваши лабораторные работы были великолепны. Будет весьма досадно, если наука лишится столь талантливого исследователя.

Марго испытывала одновременно и возмущение, и благодарность.

– Спасибо, доктор Фрок, – ответила она. – Очень признательна за добрые слова и за вашу заботу.

Ученый только махнул рукой.

Марго попрощалась. Но у двери она вновь услышала голос Фрока:

– Мисс Грин?

– Да?

– Пожалуйста, будьте осторожны.

7

Выйдя, Марго чуть не столкнулась нос к носу со Смитбеком. Тот явно обрадовался, даже подмигнул.

– Может, пойдем пообедаем?

– Нет, – отказалась она. – Очень занята. Дважды в день – Марго не была уверена, что сможет выносить Смитбека в таких дозах.

– Пошли, – настаивал он. – Я разузнал еще несколько ужасных подробностей об этих убийствах.

– Ну и ладно.

Девушка заспешила по коридору, раздраженная тем, что он так легко пробудил ее любопытство. Смитбек догнал Марго, схватил за руку.

– Говорят, в кафетерии подают восхитительную передержанную лазанью.

И повел к лифту.

Зал кафетерия был, как обычно, заполнен хранителями, здоровенными громогласными охранниками, техниками и препараторами в белых халатах. Один хранитель раздавал образцы сидящим за столом коллегам, те вполголоса выражали восхищение и интерес. Марго вгляделась. Образцы представляли собой паразитических червей, свернувшихся в банках с формальдегидом.

Когда Смитбек и Марго сели, она уставилась на корку своей лазаньи.

– Как я и обещал, – сказал Смитбек, взял кусок и с хрустом надкусил. – Стояла на мармите как минимум с десяти часов.

И принялся шумно жевать.

– В общем, полиция наконец сделала заявление. Ночью совершено два убийства. Блестящее открытие! И помнишь, сколько вопросов задавали репортеры о диких животных? Так вот, есть вероятность, что ребят загрыз дикий зверь!

– Только не надо за едой, – попросила Марго.

– Говорят, они буквально растерзаны.

Марго подняла взгляд.

– *Пожалуйста.*

– Я не шучу, – продолжал Смитбек. – И это дело необходимо раскрыть, тем более что предстоит большая выставка. Говорят, полицейские пригласили коронера[4], который читает зияющие раны от когтей, как по книге.

– Смитбек, черт возьми. – Марго бросила вилку. – Мне это надоело – и твоя развязность, и твои кровавые подробности, когда я ем. Нельзя ли обсудить это после еды?

– Коронер – женщина, – продолжал Смитбек, не обращая внимания на вспышку Марго, – видимо, специалист по большим кошкам. Доктор Матильда Зивич. Ну и фамилия! Так и представляешь себе толстуху.

Марго подавила невольную улыбку. Может, Смитбек и толстокожий, но все же забавный. Отодвинув свой поднос, она спросила:

– Где ты слышал все это?

Смитбек ухмыльнулся:

– У меня свои источники информации. – И отправил в рот очередной кусок лазаньи. – Честно говоря, я встретил приятеля, который пишет для “Ньюс”. Кто-то выведал подробности у своего человека в управлении полиции. Сообщения будут во всех вечерних газетах. Можешь представить себе физиономию Райта, когда он увидит все это? О Господи.

Смитбек хохотнул и снова наполнил рот. Покончив со своей лазаньей, он уставился на то, что не доела Марго. Несмотря на худобу, журналист обладал волчьим аппетитом.

– Но как могло оказаться дикое животное на воле в музее? – спросила Марго. – Это чушь.

– Да? Так вот, слушай: полицейские привезли сюда человека с ищейкой, чтобы выследить эту тварь.

– Шутишь.

– Нет. Спроси любого из охранников. Здесь миллион квадратных футов, по которым может бродить большая кошка, да еще пять миль вентиляционных труб, по которым вполне может ползать человек. А под музеем целый лабиринт заброшенных туннелей. Полицейские относятся к этому серьезно.

– К туннелям?

– Угу. Не читала моей статьи в прошлом номере журнала? Первоначально здание музея возвели на болоте, которое невозможно было осушить. Потом в девятьсот одиннадцатом году тот музей сгорел, а на его месте построили нынешний, поверх подвалов старого. Нижний подвал огромный, многоуровневый… большая часть его даже не электрифицирована. Сомневаюсь, что кто-то знает там все ходы…

Дожевав последний кусок. Смитбек отодвинул поднос.

– А потом, как всегда, ходят слухи о Музейном звере.

Все, кто работал в музее, слышали эти истории. Ремонтники видели зверя краем глаза в ночную смену. Помощники хранителей, идя по тускло освещенным коридорам к хранилищам с образцами, видели его тень. Никто не представлял, что это за зверь и откуда взялся, но кое-кто утверждал, что несколько лет назад он убил человека.

Марго решила переменить тему.

– Рикмен все еще досаждает тебе? – спросила она.

При упоминании этой фамилии Смитбек скорчил гримасу. Марго знала, что Лавиния Рикмен, начальник отдела по связям с общественностью, наняла Смитбека написать книгу о музее. Договорились о доле музея в авансе и гонораре. Смитбек был недоволен условиями, но грядущая выставка обещала быть очень интересной, может быть, даже сенсационной, и благодаря этому тираж книги легко мог достичь шестизначной цифры. Для Смитбека сделка отнюдь не плохая, думала Марго, если учесть весьма скромный успех его предыдущей книги о Бостонском аквариуме.

– Рикмен? Досаждает? – Он возмущенно фыркнул. – О Господи. Чего еще можно ждать от нее? Послушай, я хотел тебе кое-что прочесть. – Он вытащил из блокнота пачку листов. – “Когда доктор Катберт подал директору музей идею выставки “Суеверия”, тот воодушевился. Такая экспозиция могла иметь не меньший успех, чем “Сокровища фараона Тутанхамона” или “Семь уровней Трои”. Райт понял, что выставка сулит музею большие доходы и небывалую возможность получить финансовую поддержку города и правительства. Однако некоторые старые хранители сомневались: они сочли, что выставка будет отдавать сенсационностью”. Смитбек прервался.

– Посмотри, что сделала Рикмен.

Он протянул Марго лист. Абзац был жирно перечеркнут наискось, на полях было начертано красным: “УБРАТЬ!” Марго хихикнула.

– Что тут смешного? – спросил журналист. – Она кромсает мою рукопись. Взгляни на это.

Он ткнул пальцем в другую страницу. Марго покачала головой.

– Рикмен хочет панегирика о музее. Вы никогда не сойдетесь во взглядах.

– Она доводит меня до бешенства. Черкает все хоть чуточку негативное. Хочет, чтобы я общался лишь с тем болваном, который оформляет выставку. Знает – он скажет только то, что одобрит Катберт. – Журналист заговорщицки подался вперед. – Думаю, ты еще не видела столь преданного начальству человека.

Тут Смитбек поднял голову и простонал:

– О Господи, вот и он.

Возле их стола появился несколько располневший молодой человек в роговых очках, державший поднос на блестящем кожаном портфеле.

– Можно подсесть к вам? – робко спросил он. – Кажется, свободных мест больше нет.

– Конечно, – ответил Смитбек. – Присаживайся. Мы как раз говорили о тебе. Марго, познакомься с Джорджем Мориарти. Это тот самый человек, который оформляет выставку “Суеверия”. – И потряс перед ним своими бумагами. – Посмотри, что сделала Рикмен с моей рукописью! Единственное, чего она не коснулась, – тех мест, где я цитирую *тебя*.

Мориарти пробежал глазами страницы и посмотрел на Смитбека с почти детской серьезностью.

– Не удивляюсь. Да и зачем вытаскивать на свет неприглядные подробности?

– Ну что ты, Джордж. Они-то и делают повествование интересным.

Мориарти повернулся к Марго:

– Вы аспирантка, занимаетесь этнофармакологией, так?

– Да, – ответила она, чувствуя себя польщенной. – Откуда вы знаете?

– Я интересуюсь этой темой. – Он улыбнулся и бросил на нее быстрый взгляд. – На выставке несколько стендов посвящено фармакологии и медицине. Я, собственно, хотел поговорить с вами об одном из них.

– Пожалуйста. О чем конкретно?

Она поглядела на Мориарти более пристально. Самый обычный сотрудник музея: среднего роста, чуть полноватый, с каштановыми

волосами. Помятый твидовый пиджак серого цвета, как того требуют музейные правила. Вот только наручные часы имеют форму солнечных. И замечательные глаза за стеклами очков: ясные, карие, светящиеся умом. Смитбек подался вперед и уставился на них.

– Я хотел бы остаться и быть очевидцем этой очаровательной сцены, но, увы, много работы: в среду мне предстоит брать кое у кого интервью в зале насекомых, и нужно закончить текущую главу. Джордж, прежде чем подписывать контракт на киносъемку своей выставки, посоветуйся со мной.

Он встал, фыркнул и направился к двери, петляя между столами.

8

Джонатан Хэмм пристально поглядел в подвальный коридор сквозь толстые стекла очков, которые не мешало бы протереть. На его руки в черных перчатках были намотаны кожаные поводки, две гончие послушно сидели у его ног. Рядом стоял помощник, а возле помощника – лейтенант д’Агоста со сложенными в несколько раз, покрытыми пятнами чертежами. Позади него прислонились к стене двое полицейских, вооруженные скорострельными “ремингтонами” двенадцатого калибра.

Д’Агоста полистал чертежи.

– Собаки не могут взять след? – раздраженно спросил он.

Хэмм испустил долгий вздох.

– *Гончие*. Их не вывели на след. И здесь слишком много запахов.

Д’Агоста что-то буркнул, вынул из кармана изжеванную сигару и стал подносить ко рту. Хэмм поглядел ему в глаза.

– Ах да, – спохватился д’Агоста и сунул сигару обратно.

Хэмм потянул носом воздух. Сырой. Хорошо. Но больше ничего хорошего в этой прогулке нет. Хуже всего обычная тупость полицейских. *Что это за собаки?* – спросили они. – *Нам нужны ищейки. Гончие,* объяснил он. В нормальных условиях они способны найти заблудившегося человека после метели по трехфутовым сугробам. *Но эти условия,* думал Хэмм, *нормальными не назовешь.*

Место преступления, как водится, было загрязнено, затоптано. Пахло химикалиями, красками, побелкой, множество людей прошагало туда-сюда. Кроме того, основание лестницы было буквально залито кровью; даже восемнадцать часов спустя воздух был насыщен ее запахом, будоражившим собак.

Сперва они сделали попытку пустить гончих по следу с места преступления. Когда ничего не получилось, Хэмм предложил отойти подальше.

Гончих не тренировали для работы в помещении. Естественно, псы были сбиты с толку. Но это не его вина. Полицейские даже не сказали, человека они ищут или животное. Может, и сами не знают.

– Сюда, – позвал д’Агоста.

Хэмм передал поводки помощнику, тот двинулся вперед, гончие обнюхивали пол.

Первым делом они облаяли хранилище костей мастодонта: когда открыли дверь, оттуда хлынул запах парадихлорбензола. Пришлось полчаса ждать, пока у собак восстановится чутье. А затем последовал еще ряд хранилищ со шкурами животных, гориллами в формальдегиде, холодильник, наполненный образцами фауны, комната, полная человеческих скелетов.

Они подошли к арочному проему с открытой железной дверью, за которой находилась ведущая вниз каменная лестница. На ней было темно.

– Там, должно быть, подземная тюрьма, – нервно хихикнул один из полицейских.

– Лестница ведет в нижний подвал, – сказал д’Агоста, взглянув на чертеж. Протянул руку, и один из полицейских подал ему длинный *фонарик.*

Короткая лестница окончилась в туннеле, выложенном кирпичом “в елочку”, сводчатый потолок был чуть выше человеческого роста. Помощник с собаками шел впереди, Хэмм и д’Агоста за ним. Замыкали шествие двое полицейских.

– Пол мокрый, – заметил Хэмм.

– Ну и что? – спросил д’Агоста.

– Если по туннелю течет вода, никаких следов здесь не найти.

– Меня предупредили, что луж следует ожидать, – ответил д’Агоста. – Но вода течет, когда идет дождь, а сейчас на улице сухо.

– Это уже лучше, – сказал Хэмм. Они дошли до места, где сходилось четыре туннеля, д’Агоста остановился и взглянул на чертеж.

– Почему-то я так и думал, что вам потребуется взглянуть на него, – сказал Хэмм.

– Вот как? – отозвался д’Агоста. – В таком случае должен вас удивить. На этом чертеже нижнего подвала нет.

Когда собаки заскулили и принялись неистово сопеть, Хэмм внезапно насторожился.

– Сюда. Быстрее. Собаки заскулили снова.

– Они что-то унюхали! – сказал Хэмм. – Наверняка чистый след. Смотрите, как шерсть у них встала дыбом! Посветите сюда, я ни черта не вижу.

Собаки напряглись, подались вперед, подняли носы и стали нюхать воздух.

– Смотрите, смотрите! – сказал Хэмм. – Запах в воздухе. Чувствуете ток воздуха? Надо было взять спаниелей. У них самое лучшее верхнее чутье!

Полицейские вышли вперед, один светил фонариком, другой держал наготове оружие. Туннель впереди снова раздвоился, собаки свернули направо и побежали рысцой.

– Осторожнее, мистер Хэмм, там может быть убийца, – сказал д’Агоста.

Собаки неожиданно подняли оглушительный лай.

– Сидеть! – приказал помощник. – К ноге! Кастор! Поллукс! К ноге, черт возьми! – Собаки, не обращая внимания на команду, рвались вперед. – Хэмм, нужна помощь!

– Что это с вами? – воскликнул тот, подойдя к обезумевшим собакам и пытаясь схватить их за ошейники. – Кастор, *к* ноге!

– Утихомирьте их! – рявкнул д’Агоста.

– Вырвался! – крикнул помощник, когда одна из собак стрелой бросилась в темноту. Они побежали следом за ней.

– Чувствуешь запах? – спросил Хэмм, резко останавливаясь. – Черт возьми, *чувствуешь?*

Их внезапно окутала едкая козлиная вонь. Другая собака, обезумев от волнения, заметалась, задергалась и неожиданно вырвалась.

– Поллукс! *Поллукс!*

– Постойте! – вмешался д’Агоста. – Забудьте на секунду о собаках. Пойдем упорядочение. Вы двое – впереди. Снимите оружие с предохранителей.

Полицейские повиновались.

Впереди, в гулкой темноте, лай стал тише, потом прекратился. Несколько секунд тишины. Затем из туннеля донесся ужасный, пронзительный вопль, похожий на визг шин по асфальту. Полицейские переглянулись. Вопль оборвался так же внезапно, как возник.

– Кастор! – воскликнул Хэмм. – О Боже! Он ранен!

– Назад, Хэмм, черт побери! – рявкнул д’Агоста.

В этот миг какой-то силуэт неожиданно метнулся к ним из темноты, сверкнули две вспышки, раздались два оглушительных выстрела. Грохот отозвался в туннеле эхом и стих, наступило напряженное молчание.

– Идиот чертов, застрелил мою гончую, – негромко произнес Хэмм. Поллукс лежал в пяти футах от них, из размозженной головы пса рекой текла кровь.

– Он летел прямо на меня… – начал было один из полицейских.

– Прекратите, черт побери, – приказал д’Агоста. – Там до сих пор что-то есть.

Другую собаку обнаружили примерно в ста ярдах. Она была разорвана чуть ли не пополам, из живота вылезали внутренности.

– Господи, поглядите только, – сказал д’Агоста.

Хэмм промолчал.

Чуть подальше тела туннель разветвлялся. Д’Агоста продолжал смотреть на мертвого пса.

– Без собак нам не понять, куда оно скрылось, – сказал он наконец. – Пошли отсюда, к черту, пусть останками займется медицинская экспертиза.

Хэмм промолчал.

9

Мориарти, внезапно оставшийся за столиком наедине с Марго, казалось, застеснялся еще больше.

– Ну-ну? – подбодрила она его после недолгого молчания.

– Знаете, я очень хотел поговорить с вами о вашей работе.

Мориарти умолк.

– Правда?

Впервые кто-то проявлял любопытство к исследованию Марго.

– Честно говоря, интерес у меня побочный. Все стенды первобытной медицины укомплектованы, кроме последнего. У нас потрясающая коллекция растений, используемых шаманами, и артефактов из Камеруна. Мы хотим их выставить на последнем стенде, но они плохо задокументированы. Если хотите взглянуть...

– С удовольствием, – сказала Марго.

– Отлично! Когда?

– Может быть, сейчас? У меня есть немного времени.

Выйдя из переполненного кафетерия, они пошли по длинному подвальному коридору, вдоль которого тянулись урчащие трубы парового отопления и запертые двери. Табличка на одной из дверей гласила: "КОСТИ ДИНОЗАВРОВ – ВЕРХНЕЮРСКИЙ ПЕРИОД". Большинство ископаемых коллекций хранилось в подвале – с тех пор, как слышала Марго, потолки на верхних этажах провалились под тяжестью окаменевших костей.

– Эта коллекция находится в одном из хранилищ на шестом этаже, – извиняющимся тоном сказал Мориарти, когда они вошли в служебный лифт. – Надеюсь, я смогу ее найти. Знаете, там столько складских помещений.

– Слышали еще что-нибудь о Чарли Прайне? – негромко спросила Марго.

– Почти ничего. Очевидно, он не является подозреваемым. Но, судя по всему, мы еще долго не увидим его здесь. Перед обедом доктор Катберт сказал мне, что он сильно травмирован. – Мориарти покачал головой. – Какой ужас.

На пятом этаже Мориарти и Марго, пройдя по широкому коридору, свернули на металлическую лестницу и стали подниматься. Узкие, путаные коридоры этой части здания были расположены прямо под длинной наклонной крышей музея. По обе стороны тянулись ряды высоких металлических дверей, за которыми находились герметически закрытые хранилища скоропортящихся антропологических коллекций. Некогда, чтобы уничтожать паразитов и бактерии, туда периодически накачивали ядовитый цианистый газ: теперь сохранность артефактов обеспечивалась более тонкими методами.

По пути Марго и Мориарти проходили мимо приставленных к стенам экспонатов: резного боевого каноэ, нескольких тотемных столбов, ряда расщепленных барабанов из бревен. При миллионе квадратных футов складской площади в музее использовали каждый квадратный дюйм, включая лестницы, коридоры и кабинеты младших сотрудников. Из пятидесяти миллионов артефактов и образцов выставлялось лишь около

пяти процентов: остальное было доступно только исследователям и ученым.

Нью-йоркский музей естественной истории представляет собой не одно, а несколько больших зданий, соединенных за многие годы в одну хаотическую структуру. Когда Марго и Мориарти перешли из одного здания в другое, потолки стали выше, узкий проход превратился в разветвленный коридор. Тусклый свет, сочившийся из ряда грязных окон на крыше, освещал полки с гипсовыми слепками туземных лиц.

– Господи, до чего огромный музей, – сказала Марго, внезапно ощутив холодный страх, довольная уже тем, что находится семью этажами выше темных подвалов, где мальчики нашли смерть.

– Самый большой в мире, – ответил Мориарти, отпирая дверь с трафаретной надписью “ЦЕНТР. АФРИКА. Д-2”.

Он включил двадцатипятиваттную лампочку – голую, без абажура. Марго увидела комнатушку, заполненную масками, шаманскими трещотками, раскрашенными черепами и длинными палками с резными гримасничающими головами наверху. Вдоль одной стены тянулись деревянные шкафы. Мориарти указал на них подбородком.

– Растения там. Все остальное – шаманские принадлежности. Коллекция замечательная, но Истмен, человек, который собирал ее в Камеруне, был не самым внимательным антропологом, когда дело касалось документации.

– Невероятно, – сказала Марго. – Я представить не могла...

– Послушайте, – перебил Мориарти, – когда мы начали эти исследования, то чего только не обнаружили, вы даже *не поверите*. Лишь в этой части здания около ста антропологических хранилищ, и клянусь, некоторые не открывались как минимум лет сорок.

Мориарти стал более оживленным и уверенным. Марго решила, что если он снимет твидовый пиджак, сбросит несколько фунтов веса и сменит роговые очки на контактные линзы, то станет почти привлекательным.

Мориарти продолжал:

– Только на прошлой неделе мы обнаружили один из всего двух образцов юкагирской пиктографической письменности – в соседней комнате! Как только будет время, напишу заметку в ААЖ.

Марго улыбнулась. Парень был так взволнован, словно говорил о находке неизвестной шекспировской пьесы. Она была уверена, что этой заметкой заинтересуется всего десяток читателей, “Американского

антропологического журнала”. Но воодушевление Мориарти выглядело забавно.

– Словом, – сказал он, возвращая на место пальцем сползающие очки, – мне нужна помощь, чтобы разобраться с этой камерунской коллекцией и составить текст для стенда.

– Что от меня требуется? – спросила Марго, забыв на время об очередной главе диссертации. Воодушевление было заразительным.

– Ничего особенного, – ответил Мориарти. – Я уже набросал черновой текст.

И достал какой-то документ из портфеля.

– Видите, – сказал он, водя пальцем по верхнему листу, – здесь изложено, что в идеале мы хотим написать на этом стенде. Это общий набросок. От вас требуется только дополнить его, втиснуть несколько артефактов и кое-какие растения.

Марго пробежала глазами написанное. Задание стало казаться ей требующим больше времени, чем она предполагала.

– Кстати, как по-вашему, сколько часов займет эта работа?

– О, десять, от силы пятнадцать. У меня есть каталожные списки и несколько описательных заметок. Но нам нужно спешить. До открытия выставки остается несколько дней.

Марго подумала об очередной главе.

– Погодите, – сказала она. – Это долго, мне надо писать диссертацию.

Испуг Мориарти выглядел почти комично. Ему даже не приходило в голову, что у нее могут быть другие дела.

– Значит, вы не сможете помочь?

– Может, как-то удастся выкроить время, – негромко ответила она. Его лицо посветлело.

– Отлично! Послушайте, раз уж мы на шестом этаже, давайте покажу вам кое-какие экспонаты.

Мориарти подвел Марго к двери другого хранилища и отпер ее. Она открылась, представив взору великолепное зрелище: раскрашенные буйволовые черепа, трещотки, связки перьев и даже скелеты воронов, связанные сыромятным ремнем.

– Господи, – негромко произнесла Марго.

– Здесь культовые принадлежности, – гордо сказал Мориарти. – Погодите, еще увидите, что мы выставляем на стендах. Тут просто-напросто вещи, не вошедшие в число экспонатов. У нас есть одно из лучших в мир одеяний для Пляски Солнца. И взгляните на это! – Мориарти выдвинул один из ящиков. – Оригинальный восковой цилиндр с записями цикла песен Пляски Солнца, всех до единой. Сделаны записи в девятьсот первом году. Мы перенесем их на пленку и будем прокручивать в зале индейцев племени сиу. Ну, что скажете? *Замечательная* выставка, правда?

– Не все в музее так думают, – сдержанно отозвалась Марго.

– Собственно говоря, здесь нет таких уж конфликтов, как некоторые стараются представить, – сказал Мориарти. – Научность и развлекательность вполне могут идти рука об руку.

Марго не смогла сдержаться.

– Держу пари, вы повторяете слова Катберта, своего начальника.

– Он считает, что выставка должна быть интересна широкой публике. Возможно, люди придут сюда увидеть призраков, гоблинов, какие-то ужасы – и увидят. Но вынесут отсюда больше, чем можно ожидать. К тому же зрелище принесет музею немалые деньги. Что в этом дурного?

– Ничего, – улыбнулась Марго. Нападки она решила оставить Смитбеку. Но Мориарти не закончил.

– Я знаю, слово “суеверия” кое-кому режет ухо. Оно отдает приманкой. И действительно, некоторые эффекты из тех, что мы готовим... э... несколько сенсационны. Но выставка под названием “Туземные верования” успеха бы не имела, верно?

– Думаю, против названия никто не возражает, – мягко возразила Марго. – По-моему, некоторые ученые считают, что ваши цели не являются подлинно научными.

Мориарти покачал головой.

– Только несколько сварливых хранителей и помешанных. Например, Фрок. Он предлагал устроить выставку “Эволюция” и, конечно, не скажет доброго слова о “Суевериях”.

Улыбка исчезла с лица Марго.

– Доктор Фрок – блестящий антрополог.

– Фрок? По мнению доктора Катберта, он слишком много берет на себя. “Этот человек безумец”, – скопировал Мориарти шотландский акцент

своего начальника. В полутемном коридоре его выкрик неприятно отдался эхом.

– Думаю, Катберт далеко не столь гениален, как вам кажется, – сказала Марго.

– Оставьте, пожалуйста. Он ученый высшего класса.

– Ему далеко до Фрока. Что скажете об “эффекте Каллисто”? Это одна из самых выдающихся современных работ.

– Есть ли у него хоть малейшее подтверждение своих теорий? Видели вы свидетельства того, что по земле бродят какие-то неизвестные чудовища? – Мориарти покачал головой, отчего очки у него снова сползли на кончик носа. – Теоретические бредни. Конечно, теория имеет право на существование, но она должна подкрепляться фактическим материалом. А этот его сподручный. Грег Кавакита, подстрекает Фрока программой экстраполяции, над которой работает. Видимо, у Кавакиты есть свои расчеты. Но печально видеть, как человек с таким блестящим умом избирает ложный путь. Взять хотя бы новую книгу Фрока “Фрактальная эволюция”. Даже заглавие предполагает скорее детскую компьютерную игру, чем научную работу.

Марго слушала с нарастающим возмущением. Пожалуй, Смитбек был все-таки прав относительно Мориарти.

– Ну что же, – сказала она, – поскольку я ученица доктора Фрока, вряд ли вы примете мою помощь в оформлении выставки. Я могу внести в текст слишком много теоретических бредней.

Она повернулась, быстро вышла из двери и зашагала по коридору.

Мориарти опешил. Он совсем забыл, что Фрок ее научный руководитель. Вприпрыжку он догнал Марго.

– О нет, нет. Я не имел в виду... – замямлил он. – Прошу вас, я просто... Вы знаете, что Фрок и Катберт не ладят. Видимо, это как-то сказалось и на мне.

Вид у него был до того испуганный, что Марго позволила своему гневу улечься.

– Я не знала, что разногласия между ними настолько резки, – сказала она, позволив Мориарти остановить себя.

– И уже давно. Знаете, после того как Фрок выступил с “эффектом Каллисто”, его положение в музее пошатнулось. Теперь он глава отдела только номинально, и Катберт плетет интриги. Разумеется, я знаком только с одной точкой зрения. Право, мне очень жаль. Вы напишете для меня этот текст, да?

– При условии, что вы, – ответила Марго, – выведете меня из этого лабиринта. Мне пора возвращаться на рабочее место.

– Да, конечно. Извините, – сказал Мориарти. После совершенной бестактности к нему вновь вернулась робость, и, пока они шли на пятый этаж, он не раскрывал рта.

– Расскажите мне еще о вашей выставке, – попыталась приободрить его Марго. – Я немного слышала о чрезвычайно редком артефакте, который будет демонстрироваться.

– Видимо, вы имеете в виду материалы племени котога, – сказал Мориарти. – Лишь одной экспедиции удалось обнаружить какие-то его следы. Статуэтка их мифического зверя Мбвуна… является одним из главных экспонатов. – Он замялся. – Вернее, будет одним из главных экспонатов. Сейчас ее нет на выставке.

– Вот как? – заинтересовалась Марго. – Зачем же тянуть до последней минуты?

– Ситуация не совсем обычная, – ответил Мориарти. – Только послушайте, Марго, это не для всеобщего сведения.

Они свернули в узкий коридор, и Мориарти пошел впереди, говоря вполголоса:

– В последнее время к артефактам котога проявило большой интерес руководство музея. Рикмен, доктор Катберт… даже, видимо, Райт. Возник спор, выставлять ли этот материал. Вы, конечно, слышали россказни о проклятии, тяготеющем над этой статуэткой?

– Почти нет, – ответила Марго.

– Экспедицию, которая обнаружила этот материал, постигла трагедия, – продолжал Мориарти, – и с тех пор к нему никто не приближался. Он до сих пор лежит в тех ящиках, в которых прибыл. Только на прошлой неделе ящики подняли из подвала, где они простояли все эти годы, и перенесли в охраняемую зону. С тех пор никто не имел к ним доступа, и я был не в состоянии подготовить последние стенды.

– А зачем их было переносить? – не отставала Марго.

Они вошли в лифт. Мориарти не отвечал, пока не закрылась дверь.

– Похоже, в эти ящики недавно кто-то совался.

– Их взломали?

Мориарти с удивлением уставился на Марго.

– Я не говорил этого.

Он повернул ключ, и лифт пошел вниз.

10

Д’Агоста очень жалел, что съел два чизбургера с соусом чили. Они не беспокоили его – пока, – но присутствие их в желудке было нежелательным.

В прозекторской пахло специфически. Даже воняло. Вся дезинфекция мира не способна заглушить запах смерти. Ядовито-зеленые стены не способствовали улучшению настроения. Как и пустая пока что тележка, неприкаянно, будто незваный гость, стоявшая под яркими лампами.

Мысли лейтенанта прервало появление крупной дамы, за которой следовали двое мужчин. Д’Агоста обратил внимание на ее элегантные очки, на белокурые волосы, выбивающиеся из-под хирургической шапочки. Женщина подошла широким шагом и протянула руку, растянув накрашенные губы в заученной улыбке.

– Доктор Зивич, – представилась она, крепко пожимая ему руку. – Вы, должно быть, д’Агоста. Это мой ассистент, доктор Фред Гросс. – Указала на невысокого худощавого мужчину. – А это наш фотограф, Делберт Смит.

Делберт кивнул, прижимая к груди фотоаппарат.

– Доктор Зивич, вам, должно быть, часто приходится бывать здесь? – спросил д’Агоста, внезапно ощутив желание поговорить о чем угодно, лишь бы оттянуть неизбежное.

– Это мой второй дом, – ответила Зивич с той же улыбкой, – моя область деятельности – как бы это выразить – особая медицинская экспертиза. Для всевозможных организаций. Выполняем свою работу, сообщаем о результатах. Потом я читаю в газетах о том, что, собственно, произошло. – Она задумчиво посмотрела на полицейского. – Вам уже приходилось присутствовать при вскрытиях, так ведь?

– Да, – ответил д’Агоста. – Не раз. Чизбургеры в желудке казались свинцовым слитком. Почему он вовремя не вспомнил, что ему предстоит?

– Отлично. – Зивич глянула в свои бумаги. – Согласие родителей есть? Хорошо. Кажется, все в порядке. Фред, начнем с пять-Б.

Она надела три пары латексных перчаток, маску, защитные очки и пластиковый фартук. Д’Агоста сделал то же самое.

Гросс подвез тележку к холодильнику морга и выдвинул контейнер 3-Б. Нечеткий силуэт под пластиком показался д’Агосте слишком коротким, со странной выпуклостью на одном конце. Гросс плавно сдвинул труп с

поддоном на тележку, подкатил ее под лампы, проверил привязанную к большому пальцу бирку и закрепил колеса. Под сточную трубку тележки подставил ведро из нержавеющей стали.

Зивич возилась с микрофоном, висящим над трупом.

– Проверка звука, один-два-три… Фред, микрофон совершенно не работает.

Фред нагнулся к катушечному магнитофону.

– Ничего не понимаю, все включено.

Д’Агоста откашлялся.

– Он не включен в сеть.

Наступило недолгое молчание.

– Ну что ж, – сказала Зивич, – как удачно, что среди нас есть человек не из научного мира. Мистер д’Агоста, если у вас будут вопросы или замечания, пожалуйста, называйте свою фамилию и четко говорите в сторону микрофона. Хорошо? Все записывается на пленку. Сначала я опишу состояние трупа, а потом начнем резать.

– Понял, – сдержанно ответил д’Агоста. *Резать*. Одно дело, когда труп просто лежит. Но когда его начинают кромсать, снимать ткани – к этому он никак не мог привыкнуть.

– Начинаем? Хорошо. Вскрытие производят доктор Матильда Зивич и доктор Фредерик Гросс, сегодня двадцать седьмое марта, понедельник, время четырнадцать часов пятнадцать минут. С нами находится сержант…

– Лейтенант. Винсент.

– Лейтенант Винсент д’Агоста, из нью-йоркского управления полиции. На операционной тележке…

Фред прочел по бирке: “Уильям Говард Бриджмен, номер тридцать три – А сорок пять”.

– Снимаю покрывало.

Послышался треск толстого пластика.

Наступило недолгое молчание. Д’Агосте неожиданно вспомнилась изувеченная собака, которую он видел утром. *Главное, поменьше думать. Не думай о своей Винни, которой на будущей неделе исполнится восемь.*

Доктор Зивич глубоко вздохнула.

– На операционной тележке мальчик, белой расы, возраст примерно десять – двенадцать лет, рост… не могу определить, потому что труп обезглавлен. Может, четыре фута десять дюймов, может, пять футов? Это очень приблизительно.

Состояние тела таково, что я не вижу других особенностей. Цвет глаз и черты лица неразличимы из-за обширной травмы головы.

Наружных ран или ушибов на ступнях, ногах и гениталиях нет. Фред, протри, пожалуйста, губкой область живота… спасибо. Здесь множественные разрывы, идущие от левой части груди под углом сто девяносто градусов вниз по ребрам, грудине и оканчивающиеся в нижней части живота. Это большая рана, примерно фута два в длину и фут в ширину. Мышцы, видимо, отделены от грудной клетки, тело в значительной степени выпотрошено. Видны грудина и ребра. Сильное кровотечение в области аорты – без очистки и обследования почти ничего не видно.

Фред, очисти этот край грудной полости. Внутренние органы обнажены, желудок, толстые и тонкие кишки выходят наружу.

Фред, протри губкой шею. В области шеи видны следы повреждений, синяки, возможно смещение позвонков.

Теперь переходим к голове… Господи.

В наступившей тишине Фред откашлялся.

– Голова отделена по линии между первым и вторым шейными позвонками. Вся затылочная часть черепа и часть теменной кости снесены или скорее продырявлены и вырваны неизвестно каким образом, отчего образовалось отверстие диаметром примерно десять дюймов. Череп пуст. Весь мозг, очевидно, выпал или был извлечен через это отверстие… Мозг, вернее, его остатки находятся в тазу справа от головы, но указаний об их первоначальном положении относительно тела нет.

– Они были найдены разорванными возле трупа, – сказал д’Агоста.

– Спасибо, лейтенант. Но где остальное?

– Там больше ничего не было.

– Чего-то недостает. Вы полностью обследовали место преступления?

– Конечно, – ответил д’Агоста, стараясь не выказать недовольства.

– Мозг сильно поврежден. Фред, подай скальпель номер два и косое зеркало. Продолговатый мозг разорван. Вариолев мост не тронут, но отделен. На мозжечке только поверхностные разрывы. Следов

кровотечения немного, что указывает на посмертное повреждение. Средняя часть мозга полностью отделена, рассечена пополам и… смотри-ка, Фред, нет зрительного бугра. И гипофиза. Вот чего недостает.

– А что это такое? – спросил д’Агоста. Он заставил себя смотреть более пристально. Мозг в тазу из нержавеющей стали казался скорее жидким, чем твердым. Лейтенант отвернулся. *Бейсбол. Думай о бейсболе. Подача, звук удара битой…*

– Таламус и гипоталамус. Регулятор организма.

– Регулятор организма, – повторил д’Агоста.

– Гипоталамус регулирует температуру тела, давление крови, сердцебиение, метаболизм жиров и углеводов, предположительно в нем находятся центры удовольствия и боли. Это очень сложный орган, лейтенант.

Доктор Зивич пристально поглядела на него, ожидая вопроса. Д’Агоста послушно спросил:

– Каким образом он все это делает?

– Посредством гормонов. Выделяет их в мозг и кровь.

– Так, – произнес д’Агоста. И отступил. Мяч полетел в глубь поля, принимающий попятился, занося руку в рукавице…

– Фред, взгляни-ка, – отрывисто пригласила Зивич.

Гросс нагнулся над тазом.

– Как будто бы… Не пойму…

– Ну-ну. Фред, – терпеливо сказала она.

– Похоже… Здесь как будто выкушена часть.

– Вот именно. Фотограф! – Делберт быстро приблизился. – Сними это. Когда один из моих детей откусывает кусок торта, след остается такой же.

Д’Агоста подался вперед, но не смог разглядеть в серой окровавленной массе ничего особенного.

– Прикус полукруглый, как у человека, но пошире, более зазубренный. Возьмем срезы. Фред, на всякий случай проведем тест на наличие слюнных ферментов. Отнеси это в лабораторию, пусть срочно заморозят и сделают гистологические срезы здесь, здесь и здесь. По пять в каждом месте. Пусть обработают, по крайней мере один, эозинофилом. Один –

слюноактивирующим ферментом. И проделайте все, что еще придет вам в голову.

Фред ушел. Зивич продолжала:

– Теперь я рассекаю мозг. Задняя доля повреждена при удалении из черепа. Делай снимок. На поверхности видны параллельные разрывы и разрезы на расстоянии четырех миллиметров друг от друга, глубиной примерно полдюйма. Раздвигаю первый разрез. Делай снимок. Лейтенант, видите, как широкие вначале разрывы ткани сужаются? Что думаете по этому поводу?

– Не знаю, – ответил д’Агоста, поглядев чуть пристальнее. *Это просто мертвый мозг,* подумал он.

– Может, длинные ногти? Заостренные? Неужели это дело рук убийцы-психопата?

Фред вернулся из лаборатории, и они продолжали работать над мозгом, как показалось, целую вечность. Наконец Зивич велела Фреду положить его в холодильник.

– Теперь я обследую руки, – продолжала она в микрофон. Сняла пластиковый пакет с правой руки и старательно его запечатала. Потом подняла руку, повернула ее и осмотрела ногти. – Под ногтями большого, указательного и безымянного пальцев находится постороннее вещество. Фред, три предметных стекла с лункой.

– Это же ребенок, – сказал д’Агоста. – Вполне естественно, что ногти у него грязные.

– Возможно, лейтенант, – ответила Зивич. И выскребла вещество из-под каждого ногтя на отдельное стекло. – Фред, стереомикроскоп. Хочу поглядеть на это.

Зивич положила стекло на предметный столик и, глядя в объектив, настроила прибор.

– Под ногтем большого пальца, судя по всему, обычная грязь. То же самое и под остальными. Фред, на всякий случай – полный анализ.

На левой руке ничего интересного не было.

– Теперь, – продолжала Зивич, – я осматриваю продольное повреждение на передней части тела. Делберт, сделай снимки здесь, здесь, здесь и там, где, по-твоему, рана будет видна лучше всего. Крупным планом в области проникновения. Похоже, убийца сделал для нас У-образное рассечение, так ведь, лейтенант?

– Да, – ответил д’Агоста, с трудом сглатывая. Последовала серия быстрых фотовспышек.

– Пинцет, – продолжала Зивич. – Три рваных разрыва начинаются чуть выше левого соска, углубляются и в конце концов рассекают мышцы. Я открываю и обследую первый разрыв у его начала. Скобку, Фред.

Теперь я зондирую рану. Здесь находится неизвестное постороннее вещество. Фред, пергамин. Похоже, это ткань, возможно, от рубашки жертвы. Делай снимок.

Сверкнула вспышка, потом Зивич достала что-то похожее на кусочек окровавленной корпии и положила в пергаминовый конверт. Потом еще несколько секунд продолжала зондировать молча.

– Вот еще кусочек постороннего вещества глубоко в мышце, примерно в четырех сантиметрах прямо под правым соском. Он зацепился за ребро. Похоже, твердый. Делай снимок. Фред, вставь сюда флажок.

Зивич извлекла инородное тело и подняла, в кончике пинцета был какой-то окровавленный комок.

Д’Агоста подошел.

– Что это? Может, ополоснем, посмотрим?

Зивич посмотрела на него с легкой улыбкой.

– Фред, принеси мензурку дистиллированной воды.

Когда она опустила туда извлеченный предмет и помешала, вода стала буровато-красной.

– Воду сохрани, потом проверим, что в ней содержится, – сказала Зивич, поднимая к свету свою находку.

– Господи, – сказал д’Агоста. – Коготь.

И непристойно выругался.

Зивич обернулась к своему ассистенту.

– Очаровательный краткий монолог для нашей пленки, не так ли, Фред?

11

Бросив книги с бумагами на диван, Марго взглянула на часы, стоящие на телевизоре. Четверть одиннадцатого. Потрясла головой. Какой жуткий, несуразный день. Потратила столько времени и написала всего три абзаца диссертации. Да еще нужно работать над текстом для Мориарти. Она вздохнула, жалея, что согласилась.

Неоновый свет вывески винного магазина на другой стороне улицы проникал в единственное окно гостиной Марго, создавая в комнате голубую светотень. Она включила небольшую лампочку под потолком и прислонилась к двери, озирая беспорядок. Обычно она бывала аккуратной до педантизма. Но теперь, после того как целую неделю ей было не до уборки, всюду валялись книги, письма с выражениями соболезнования, юридические документы, обувь и свитера. Пустые картонные коробки из китайского ресторана внизу были свалены в мойке. Старая пишущая машинка стояла на полу, рядом с ней веером разбросаны листы бумаги.

Неприглядный район – еще не облагороженная северная часть Амстердам-авеню – давал ее отцу лишний довод для уговоров вернуться домой, в Бостон. "Мошка, не годится жить в этом месте такой девушке, как ты, – сказал он, называя ее детским прозвищем. – И в музее не годится работать. Сидеть там изо дня в день среди чучел и заспиртованных тварей – что это за жизнь? Возвращайся, будешь работать в моей фирме. Купим тебе дом в Беверли или Марблхеде. *Там* ты будешь счастливее. Мошка. Я уверен".

Увидев, что огонек на автоответчике мигает, Марго нажала кнопку прослушивания.

"Это Джейн, – зазвучало первое сообщение. – Я сегодня вернулась в город и только что узнала. Послушай, я очень, очень сожалею о смерти твоего отца. Позвоню попозже, хорошо? Хочется поговорить с тобой. Пока".

Марго подождала. Зазвучал другой голос. "Марго, это твоя мать". Потом раздался щелчок.

Марго на миг зажмурилась, испустила глубокий вздох. Звонить Джейн она пока не будет. И матери тоже: по крайней мере до завтра. Она знала, что скажет мать: "Ты *должна вернуться домой, в фирму своего отца. Он хотел именно этого. Это твой долг перед нами обоими"*.

Марго, подобрав под себя ноги, села на пол к машинке и стала просматривать записки хранителя, каталожные данные и распечатки, которые дал ей Мориарти. Он сказал, что текст нужен послезавтра. А очередная глава диссертации должна быть готова к следующему понедельнику.

Еще минуту-другую Марго глядела на бумаги, собираясь с мыслями. Потом начала печатать. Но тут же бросила и уставилась в темноту. Ей вспомнилось, как отец готовил омлеты – единственное, что он умел стряпать, – по утрам в воскресенья. "Эй, Мошка, – всякий раз говорил он. – Недурно для старого экс-холостяка, правда?"

Снаружи гасли огни, потому что магазины закрывались. Марго поглядела на светящиеся вывески, на заставленные витрины. Пожалуй, отец был прав: в бедности хорошего мало.

Бедность. Девушка тряхнула головой, вспомнив, как в последний раз слышала это слово, какое лицо было у матери, когда она его произносила. Они вдвоем сидели в прохладном, темном кабинете отцовского поверенного, вникая во все сложные причины, по которым коэффициент задолженности и недостатки планирования приведут к ликвидации фирмы, если кто-то из членов семьи не возглавит ее, чтобы удержать на плаву.

Марго подумала о родителях тех двух мальчиков. Они *тоже, наверное, возлагали большие надежды на детей*. Теперь им никогда не познать разочарования. Или счастья. Потом мысли ее перенеслись к Прайну. И крови на его туфлях.

Марго поднялась, включила другие лампы. Пора ужинать. Завтра она запрется в кабинете и закончит главу. Поработает над текстом для Мориарти. Принятие решения надо отложить хотя бы на день. Она пообещала себе, что окончательно все решит к встрече с Фроком на будущей неделе.

Телефон зазвонил. Она механически сняла трубку.

– Алло. – Послушала несколько секунд. – О! Привет, мама.

12

К пяти часам мартовское солнце уже садилось. Толпа посетителей Музея естественной истории начинала редеть. Туристы, школьники и их родители потянулись по мраморным лестницам к выходу. Вскоре голоса и топот в сводчатых коридорах затихли. Выставочные стенды один за другим потемнели, и когда ночь вступила в свои права, лишь немногочисленные светильники отбрасывали причудливые тени на мраморные полы.

Одинокий охранник в стандартной черно-синей форме брел по коридору, совершая обход. Беззаботно помахивая ключами на длинной цепочке, он что-то напевал. Смена только что началась. Интерес к экспонатам у него давным-давно угас.

В *дрожь бросает от всего этого,* думал он. Поглядеть только на *вон ту харю. Дрянная туземная поделка. Кому только, черт возьми, охота платить деньги, чтобы глядеть на этот хлам? К тому же над половиной его тяготеет проклятие*.

Маска злобно пялилась на него из темной витрины. Охранник поспешил к ближайшему контрольному пункту, где повернул ключ в коробке.

Коробка зафиксировала время: 22.23. Когда он свернул в другой коридор, у него возникло впечатление – отнюдь не впервые, – что кто-то невидимый ступает в такт его гулким шагам.

Он подошел к следующему контрольному пункту и повернул ключ. Коробка, щелкнув, зафиксировала: 22.34.

Путь до следующего пункта занял у него всего четыре минуты. Это давало ему шесть минут, чтобы выкурить косячок.

Охранник свернул на лестницу, запер за собой дверь и пристально поглядел в темный подвал, откуда другая дверь вела во внутренний двор. Рука его потянулась к выключателю, но он вовремя спохватился. Привлекать внимание ни к чему. Осторожно спускаясь, он крепко держался за металлический поручень. По подвалу шел вдоль стены, пока не коснулся длинной горизонтальной дверной ручки. Толкнул ее, и в лицо ему хлынул холодный ночной воздух. Охранник закрепил открытую дверь, зажег сигарету и, высунув голову наружу, с наслаждением втянул в себя горьковатый дым. Легкий шум уличного движения доносился будто с другой планеты. Он с облегчением ощутил, как от марихуаны у него поднимается настроение – это поможет пережить еще одну долгую ночь. Докурив, он щелчком выбросил окурок в темноту, провел рукой по коротко стриженным волосам, потянулся.

Поднявшись до середины лестницы, охранник услышал, как внизу захлопнулась дверь. Остановился, ощутив внезапный озноб. Неужели он оставил дверь открытой? Нет. Черт, что, если кто-то видел, как он курил марихуану? Впрочем, чего бояться? Унюхать ничего невозможно, а огонек в темноте выглядел просто сигаретным.

В воздухе появился странный гнилостный запах, не имеющий никакого отношения к травке. Но нигде не мелькнуло ни лучика света, металлические ступени не издали ни звука под чьими-нибудь шагами. Охранник стал подниматься к верхней площадке.

Достигнув ее, он ощутил за спиной стремительное движение. Обернулся, и резкий толчок в грудь швырнул его к стене. Последнее, что он видел, – это как его собственные внутренности скользят вниз по ступеням. В следующий миг он перестал удивляться, откуда вдруг взялась кровь.

13

Вторник

Смитбек сидел в кресле, глядя на четкий силуэт Лавинии Рикмен, читавшей за столом его измятую рукопись. Ярко-красные ногти барабанили, по полированной столешнице. Журналист понимал, что

ритм постукивания не предвещает ничего хорошего. За окном серело очень хмурое утро.

Комната не походила на типичный музейный кабинет. Беспорядочных стоп бумаг, журналов и книг там не было. Зато полки украшали безделушки со всего света: кукла сказочника из Нью-Мексико, бронзовый тибетский Будда, марионетки из Индонезии. Стены были окрашены в светло-зеленый цвет, пахло сосновым освежителем воздуха.

По краям стола миссис Рикмен правильно и симметрично, как кусты во французском парке, были размешены еще несколько экзотических вещиц: агатовое пресс-папье, костяной нож для бумаг, японская нэцкэ[5]. За столом восседала сама Рикмен, чопорно склонившаяся над рукописью. Смитбек находил, что ее рыжие кудри выглядят на фоне зеленых стен особенно отвратительно.

Постукивание то ускорялось, то замедлялось, когда Рикмен перелистывала страницы. Наконец она перевернула последнюю, аккуратно сложила листы и поместила рукопись в самый центр стола.

– Так, – сказала она с веселой улыбкой, – у меня есть несколько замечаний.

– О, – произнес Смитбек.

– К примеру, раздел о человеческих жертвах, которые приносили ацтеки. Он слишком спорный. – Рикмен грациозно послюнила палец и отыскала нужную страницу. – Вот здесь.

– Да, но ведь на выставке…

– Мистер Смитбек, на выставке эта тема представлена со *вкусом*. А здесь безвкусно. Слишком картинно.

Она перечеркнула страницу.

– Написано ведь совершенно правдиво, – возразил Смитбек, изо всех сил стараясь сохранять спокойствие.

– Меня интересует *акцент,* а не правдивость. Описание может быть *совершенно* точным, но если придать ему неверный акцент, оно произведет ложное впечатление. Позвольте напомнить вам, что в Нью-Йорке много испанцев.

– Да, но каким образом это может оскорбить…

– Пойдем дальше. Этот раздел о Гилборге надо убрать.

Она провела черту еще по одной странице.

– Но почему…

Рикмен откинулась на спинку кресла.

– Мистер Смитбек, экспедиция Гилборга была вопиюще неудачной. Она искала несуществующий остров. Один из членов экспедиции, как вы старательно подчеркиваете, изнасиловал туземку. Мы сознательно *избегали* упоминания о Гилборге на выставке. Неужели так уж необходимо документировать неудачи музея?

– Но ведь его коллекции превосходны! – слабо запротестовал журналист.

– Мистер Смитбек, я не уверена, что вы поняли суть этого задания. – Наступила долгая пауза. Постукивание возобновилось. – Неужели вы полагаете, что музей нанял вас и платит вам, чтобы вы документировали неудачи и контроверзы?

– Но ведь неудачи, как и сомнительные случаи, неотделимы от науки. Кто станет читать книгу, в которой...

– Многие корпорации спонсируют музей, и этим корпорациям вполне может не понравиться кое-что в вашей рукописи, – перебила миссис Рикмен. – И здесь упомянуты весьма темпераментные этнические группы, у которых могут найтись сильные возражения.

– Но ведь речь идет о делах многовековой давности...

– Мистер Смитбек!

Миссис Рикмен лишь немного повысила голос, но эффект был достигнут. Воцарилось молчание.

– Мистер Смитбек, должна сказать вам с полной откровенностью... – Она не договорила, быстро поднялась, обогнула стол и встала прямо позади журналиста. – Должна сказать, – продолжила миссис Рикмен, – что вы слишком долго не можете встать на нашу точку зрения. Вы пишете книгу не для коммерческого издателя. Говоря прямо, нам нужно благоприятное освещение, какое вы придали Бостонскому аквариуму в своей предыдущей книге. – Она обошла кресло, на котором сидел Смитбек, и с чопорным видом присела на край стола. – У нас есть к вам определенные требования, и мы *вправе* их предъявлять. Это... – Она начала загибать костлявые пальцы. – Первое: никаких контроверз. Второе: ничего такого, что может оскорбить этнические группы. Третье: ничего такого, что может повредить репутации музея. Разве они столь уж непомерные?

На последней фразе дама понизила голос, подалась вперед и стиснула своей сухой рукой руку Смитбека.

– Я… нет, – выдавил Смитбек с почти неодолимым желанием вырвать руку.

– Отлично, значит, договорились. Миссис Рикмен придвинула к журналисту рукопись.

– Теперь необходимо обсудить еще один небольшой вопрос. – Говорила она очень четко. – В рукописи вы несколько раз цитируете интересные комментарии людей, “близких к выставке”, но не называете источников. В этом нет ничего особенного, понимаете, но мне хотелось бы иметь их список – для моих файлов и только.

Она выжидающе улыбнулась.

Смитбеку это не понравилось.

– Видите ли, – сдержанно ответил он, – я бы хотел вам помочь, но не позволяет журналистская этика. – И пожал плечами.

Улыбка миссис Рикмен мгновенно увяла, она открыла рот, собираясь заговорить. Но тут, к облегчению Смитбека, зазвонил телефон. Журналист поднялся, взял рукопись и направился к выходу. Когда закрывал дверь, до него донесся вздох, похожий на стон.

– Как, *еще одно?*

Дверь закрылась.

14

Д’Агоста никак не мог освоиться в зале человекообразных обезьян, среди чучел усмехающихся шимпанзе, висящих на искусственных деревьях, с их волосатыми шкурами и большими человеческими руками, на которых были настоящие ногти. Лейтенант недоумевал, почему ученые так долго не могли установить, что человек произошел от обезьяны. Это должно было быть ясно с первого взгляда на шимпанзе. Д’Агоста где-то слышал, что они совсем как люди: легко возбудимые, вечно дерутся, даже убивают и поедают друг друга. *Черт возьми,* думал он, *можно ведь, наверное, как-то пройти по музею, минуя этот зал.*

– Сюда, – сказал охранник, – вниз по лестнице. Это просто жуть, лейтенант. Я пришел в…

– Об этом потом, – сказал д’Агоста. Побывав на вскрытии трупа мальчика, он был готов ко всему. – Говоришь, на убитом форма охранника? Знаком он тебе?

– Не знаю, сэр. Трудно разобрать.

Охранник указал вниз. Лестница оканчивалась у выхода во дворик. Тело лежало у ее подножия, в темноте. Все было залито и забрызгано черным – пол, стены, лампочка наверху. Д'Агоста знал, что это за чернота.

– Ты, – приказал он одному из шедших за ним полицейских, – позаботься об освещении. Место преступления нужно в срочном порядке тщательно обыскать. Криминалисты выехали? Человек этот явно мертв, поэтому санитаров со "скорой помощи" пока не пускайте. Они здесь все затопчут.

Д'Агоста снова посмотрел вниз.

– Черт возьми, – сказал он, – чьи там следы? Похоже, какой-то болван прошел прямо по луже крови. Или убийца решил оставить нам хорошие улики.

Все промолчали.

– Твои следы? – обратился лейтенант к охраннику. – Как тебя зовут?

– Норрис. Эрик Норрис. Я уже говорил...

– Да или нет?

– Да, но...

– Замолчи. В этих ботинках?

– Да. Понимаете, я...

– Разувайся. – *Чертов болван,* подумал д'Агоста. – Отнеси ботинки в лабораторию. Скажи, пусть их положат в сумку для вещественных улик. Жди меня там. Хотя нет, не надо, я вызову тебя потом. У меня будет к тебе несколько вопросов. Нет-нет, разувайся прямо здесь.

Д'Агосте не нужен был еще один Прайн. Что это делается в музее, людям нравится шлепать по крови?

– Идти туда тебе придется в носках.

– Слушаюсь, сэр.

Один из полицейских за спиной д'Агосты фыркнул.

Лейтенант грозно поглядел на него.

– По-твоему, это смешно? Он повсюду наследил кровью.

Д'Агоста спустился до середины лестницы. Голова покойного лежала в дальнем углу вниз лицом. Разглядеть ее как следует он не мог, но знал, что череп будет раскроенным, а мозг плавающим в крови. Господи, чего только не обнаружишь на месте убийства.

Позади него послышались шаги.

– Криминалисты, – сообщил невысокий мужчина, за которым шли фотограф и еще несколько человек в лабораторных халатах.

– Наконец-то. Мне нужен свет здесь, здесь, здесь и там, где сочтет нужным фотограф. Протяните ленту. Ее нужно было протянуть пять *минут назад*. Соберите каждую пылинку, каждую ниточку. Обработайте все химикалиями. И… что еще? Проведите на трупе все возможные тесты, и пусть никто не заходит за ленту. Ни одна живая душа.

Д’Агоста обернулся.

– Бригада из лаборатории здесь? А эксперт коронера? Или попивают кофе с рогаликами? – Он похлопал себя по нагрудному карману – нет ли там сигары. – Эти следы прикройте картонными коробками. А потом расчистите дорожку вокруг тела, чтобы можно было ходить, не следя повсюду кровью.

– Превосходно, – услышал д’Агоста за спиной негромкий приятный голос.

– Кто вы, черт побери? – спросил лейтенант, оборачиваясь. Его действия одобрил высокий стройный незнакомец в черном костюме: он стоял, опираясь о перила наверху лестницы. Голубоглазый, со светлыми, почти белыми, зачесанными назад волосами. – Из похоронной конторы?

– Пендергаст, – ответил тот, спустившись и протянув руку. Мимо неизвестного протиснулся фотограф со своим оборудованием.

– Так вот, Пендергаст, если у вас нет веских причин находиться здесь…

Блондин улыбнулся:

– Особый агент Пендергаст.

– А-а. ФБР? Странно, почему я не удивляюсь? Что ж, Пендергаст, здравствуйте. Почему не позвонили заранее, черт возьми? У меня тут внизу труп, обезглавленный. А где же ваша команда?

Пендергаст высвободил руку.

– Видите ли, я один.

– Что? Не разыгрывайте меня. Вы же постоянно ходите сворами.

Вспыхнули лампы, и все вокруг них залил свет. Все, что казалось черным, проступило из тьмы, труп стал виден как на ладони. Посреди кровавой лужи лежало то, что, как заподозрил д’Агоста, было завтраком Норриса. Челюсть его непроизвольно задвигалась. Потом он увидел

кусок черепа с уцелевшими короткими волосами, лежавший футах в пяти от мертвого охранника.

– Ах, черт, – сказал д’Агоста, отступив назад, и не смог совладать с собой. Его вырвало прямо перед этим типом из ФБР, перед криминалистами, перед фотографом. *Надо же,* подумал он. Впервые за *двадцать два года и, как назло, в самую неподходящую минуту*.

На лестнице появилась молодая женщина, эксперт коронера, в белом халате с пластиковым фартуком.

– Кто здесь главный? – спросила она, натягивая перчатки.

– Я, – ответил д’Агоста, утирая рот. Глянул на Пендергаста. – По крайней мере еще на несколько минут. Лейтенант д’Агоста.

– Доктор Коллинз, – бодро отозвалась женщина.

Вместе с шедшей следом ассистенткой она спустилась к очищенному от крови месту возле трупа.

– Фотограф, – сказала она. – Я буду поворачивать *тело*. Полную серию, пожалуйста.

Д’Агоста отвернулся.

– Нам нужно работать, Пендергаст, – повелительно сказал он. Указал на рвоту. – Не убирайте это, пока криминалисты не закончат дела на лестнице. Ясно?

Все кивнули.

– Мне нужно получить данные как можно скорее. Выясните, можно ли опознать труп. Если это охранник, вызовите сюда Ипполито. Пендергаст, пойдемте, проведем согласование или координацию, или как там это у вас именуется, а когда бригада закончит работу, вернемся.

– Отлично, – согласился Пендергаст. Д’Агоста подумал, что, судя по акценту, парень приехал с Юга. Он уже встречал таких типов, в Нью-Йорке никакого проку от них не было.

Пендергаст подался к нему и негромко сказал:

– Разбрызганная по стене кровь довольно любопытна.

Д’Агоста уставился на брызги.

– Неужели?

– Меня интересует ее баллистика.

Лейтенант поглядел в светлые глаза Пендергаста.

– Хорошая мысль, – наконец сказал он. – Эй, фотограф, сделай серию крупных планов этих пятен на стене. А ты…

– Макгенри, сэр.

– Мне нужен их баллистический анализ. Похоже, брызги разлетались с большой скоростью, под острым углом. Требуются направление, сила, скорость – полная картина.

– Слушаюсь, сэр.

– Результаты должны быть у меня на столе через тридцать минут.

На лице Макгенри отразилось смятение.

– Ну что, Пендергаст, – спросил д’Агоста, – есть еще идеи?

– Нет, это была единственная.

– Идемте.

На пункте оперативного реагирования царил порядок. Д’Агоста всегда об этом заботился. Бумаги, папки, магнитофоны – все было под рукой. Выглядело это солидно, лейтенант был доволен. Все занимались делом.

Худощавый Пендергаст легко уселся в кресло. Несмотря на свой церемонный вид, двигался он ловко, как кошка. Д’Агоста вкратце рассказал ему о ходе расследования.

– Ну, Пендергаст, – закончил он, – каковы ваши полномочия? Мы напортачили? Нас отстраняют?

Пендергаст улыбнулся:

– Нет-нет. Я и сам сделал бы все то же самое. Видите ли, лейтенант, мы начали заниматься этим делом давно, только сами не сознавали этого.

– То есть?

– Я из Нового Орлеана. Мы пытались раскрыть серию убийств, весьма необычных. Не буду вдаваться в подробности, но у жертв была удалена затылочная кость и вынут мозг. Тот же почерк.

– Вот те на… Когда это было?

– Несколько лет назад.

– *Лет?* Значит…

– Да. Убийства остались нераскрытыми. Расследование сначала вело Агентство по контролю за распространением алкогольных напитков, табачных изделий и огнестрельного оружия, поскольку решили, что

дело, возможно, связано с наркотиками. Когда ничего не вышло, за дело взялось ФБР. Но мы ничего не смогли сделать, след простыл. А вчера я прочел телеграфное сообщение об убийстве двух мальчиков в Нью-Йорке. Почерк весьма специфический, верно? И вечером я вылетел. Сейчас я здесь неофициально. До завтрашнего дня.

Д’Агоста успокоился.

– Значит, вы из Луизианы? Я подумал, вы новый человек в нью-йоркском отделении.

– Люди оттуда будут заниматься этим делом. После моего рапорта сегодня вечером. Но руководить расследованием буду я.

– Вы? В Нью-Йорке этому не бывать.

Пендергаст улыбнулся.

– Руководить буду я, лейтенант. Я несколько лет занимался этим делом и, откровенно говоря, заинтересован в успехе расследования.

“Заинтересован” Пендергаст произнес так, что у д’Агосты по спине пробежали мурашки.

– Но не беспокойтесь, лейтенант, я охотно готов сотрудничать с вами, хотя, возможно, метод будет несколько отличаться от того, что предложили бы мои нью-йоркские коллеги. Если вы, конечно, пойдете мне навстречу. Это не моя территория, и мне потребуется ваша помощь. Что скажете?

Он встал и протянул руку. *Черт,* подумал д’Агоста, *нью-йоркские фэбээровцы разорвут этого парня и отправят кусками в Новый Орлеан.*

– Договорились, – сказал лейтенант, обмениваясь с ним рукопожатием. – Я познакомлю вас с людьми, первым делом с начальником охраны Ипполито. Только ответьте на один вопрос. Вы сказали, почерк новоорлеанских убийств тот же. Что скажете о следах зубов, которые мы обнаружили на мозге старшего мальчика? Об обломке когтя?

– Судя по вашему рассказу о вскрытии, экспертиза лишь строит предположения о следах зубов, – ответил Пендергаст. – Интересно было бы узнать о поисках следов слюны. Коготь подвергали анализу?

Позднее д’Агоста вспомнит, что ответил на вопрос не полностью. Тогда же он только сказал:

– Подвергнут сегодня.

Пендергаст откинулся на спинку кресла, сплел пальцы и уставился в пространство.

– Придется нанести визит доктору Зивич после того, как она изучит сегодняшнее происшествие.

– Послушайте, Пендергаст, вы, случайно, не знакомы с Энди Уорхолом?

– Я мало интересуюсь современным искусством, лейтенант.

На месте преступления было много людей, но царил порядок, все двигались быстро и говорили вполголоса, словно из уважения к покойному. Работники морга приехали, но держались поодаль, терпеливо наблюдая за происходящим. Пендергаст стоял рядом с д’Агостой и Ипполито, начальником охраны музея.

– Сделайте мне одолжение, – обратился Пендергаст к фотографу. – Нужен снимок отсюда. – Показал жестом. – И серия снимков, первый с верхней ступеньки, потом со следующей и так далее. Не спешите, добивайтесь нужного ракурса и освещения.

Фотограф внимательно поглядел на Пендергаста и отошел.

Пендергаст обратился к Ипполито:

– У меня вопрос. Почему охранник – как его, Джолли, Фред Джолли? – оказался здесь? Маршрут его тут не проходил. Так ведь?

– Совершенно верно, – подтвердил Ипполито. Начальник охраны стоял на сухом месте у выхода во дворик, лицо его было бледно-зеленым.

– Кто знает? – пожал плечами д’Агоста.

– Да, конечно, – сказал Пендергаст. Он осматривал дворик, окруженный с трех сторон кирпичными стенами. – И говорите, запер за собой дверь?.. Мы должны предположить, что он выходил наружу или направлялся туда. Хм-м. Вчера в это время был пик потока метеоритов. Быть может, Джолли был подающим надежды астрономом. Но я в этом сомневаюсь.

Агент помолчал, осматриваясь. Потом обернулся к обоим.

– Кажется, я могу сказать почему.

Черт возьми, настоящий Шерлок Холмс, подумал д’Агоста.

– Он спустился по лестнице, чтобы предаться своему пороку. Покурить марихуану. Дворик изолирован и хорошо продувается. Идеальное место, чтобы побаловаться травкой.

– Это всего лишь догадка.

– По-моему, я вижу окурок, – настаивал Пендергаст, указывая во дворик. – У дверного косяка.

– Я не вижу ничего, – ответил д'Агоста. – Слушай, Эд. Пошарь-ка у основания двери. Да-да, там. Что это?

– Косячок, – ответил Эд.

– Ребята, что это с вами, не могли обнаружить косячка? Я велел собрать все до последней пылинки, черт возьми.

– Пока не успели туда добраться.

– Угу.

Он глянул на Пендергаста. Везунчик. *А может, косячок вовсе не охранника?*

– Мистер Ипполито, – протянул Пендергаст, – для ваших подчиненных обычное дело баловаться наркотиками на дежурстве?

– Вовсе нет, и я не убежден, что это Фред Джолли…

Пендергаст махнул рукой, призывая его умолкнуть.

– Полагаю, вы сможете объяснить происхождение всех этих следов.

– Их оставил охранник, обнаруживший тело, – ответил д'Агоста. Пендергаст нагнулся.

– Улики, которые могли остаться, совершенно затоптаны, – сказал он хмурясь. – Право, мистер Ипполито, вам бы следовало обучить своих людей оберегать место преступления.

Ипполито открыл рот, потом закрыл снова. Д'Агоста подавил усмешку.

Пендергаст осторожно зашел под лестницу, где была приоткрыта большая металлическая дверь.

– Мистер Ипполито, что за этой дверью?

– Коридор.

– И куда он ведет?

– Направо сохранная зона. Но убийца не мог уйти в ту сторону, потому…

– Простите, мистер Ипполито, но я уверен, что убийца ушел именно в ту сторону, – сказал Пендергаст. – Дайте подумать. За сохранной зоной находится старый подвал, верно?

– Верно, – ответил Ипполито.

– Где были найдены те двое детей.

– Тот самый, – сказал д’Агоста.

– Любопытное название “сохранная зона”, мистер Ипполито. Прогуляемся?

За ржавой дверью тянулся освещенный рядом лампочек коридор. Пол был покрыт потертым линолеумом, на стенах красовались картины с изображениями мелющих зерно, ткущих и подкрадывающихся к оленю индейцев племени пуэбло.

– Красота, – заметил Пендергаст. – Жаль, что они висят здесь. Манера напоминает раннего Фремонта Эллиса.

– Раньше они висели в зале Юго-Запада, – сказал Ипполито. – Его закрыли, кажется, в двадцатых годах.

– Ага! – сказал Пендергаст, внимательно разглядывая одну из картин. – Это и *есть* Фремонт Эллис. Господи, какая красота. Посмотрите, как освещен фасад глинобитной хижины.

– Угу, – буркнул Ипполито. – Как вы узнали?

– Да ведь каждый, кто знаком с манерой Эллиса, узнал бы его кисть.

– Я спросил, как вы узнали, что убийца прошел здесь?

– Очевидно, это было просто догадкой, – ответил Пендергаст. – Видите ли, если кто-то говорит “это невозможно”, я тут же самым уверенным тоном начинаю возражать. Очень скверная привычка, но от нее трудно избавиться. Теперь-то мы, разумеется, точно знаем, что убийца прошел здесь.

– Откуда?

Ипполито казался сбитым с толку.

– Посмотрите на это чудесное изображение Санта-Фе. Бывали когда-нибудь там?

Воцарилось недолгое молчание.

– Нет, не был, – откликнулся наконец начальник охраны.

– За городом тянется горный хребет, названный “Сьерра де Сангре де Кристо”. Это означает “Горы Крови Христовой”.

– Ну и что?

– Они бывают очень красными в лучах заходящего солнца, но, осмелюсь сказать, не настолько красными. Это настоящая кровь, притом свежая. Право, жаль, что картина испорчена.

– Черт возьми, – сказал д’Агоста. – Поглядите-ка.

По картине на уровне пояса тянулась широкая кровавая полоса.

– Убийство, как вам известно, дело грязное. Следы крови должны быть по всему коридору. Лейтенант, сюда нужно направить людей из криминалистической лаборатории. – Пендергаст немного помолчал. – Давайте закончим нашу небольшую прогулку, а потом пригласим их. Мне хочется поискать улики, если вы не против.

– Пожалуйста, – ответил д’Агоста.

– Смотрите под ноги, мистер Ипполито, мы попросим экспертов осмотреть и полы, и стены.

Они оказались у запертой двери с надписью “ВХОД ВОСПРЕЩЕН”.

– Это и есть сохранная зона, – сообщил Ипполито.

– Вижу, – ответил Пендергаст. – А в чем смысл этой сохранной зоны, мистер Ипполито? В остальной части музея сохранность не обеспечивается?

– Нет-нет, – торопливо отозвался начальник охраны. – Сохранная зона предназначена для особо редких и ценных экспонатов. Из всех музеев страны наш наилучшим образом обеспечен средствами безопасности. Недавно мы установили систему скользящих металлических дверей по всему зданию. Двери соединены с нашей компьютерной системой, и в случае грабежа музей легко перекрыть по секциям, как водонепроницаемые отсеки на...

– Я понял, мистер Ипполито, большое спасибо, – перебил Пендергаст. – Любопытно, старая, обитая медью дверь, – сказал он, пристально ее разглядывая.

Д’Агоста увидел, что медная обивка покрыта неглубокими вмятинами.

– Судя по виду, вмятины свежие, – сказал Пендергаст. – А что скажете об этом? – И указал вниз.

– Черт побери, – выдохнул д’Агоста, глядя на дверь. Деревянная рама была исцарапана, словно кто-то скреб ее когтями.

Пендергаст отступил.

– Лейтенант, с вашего позволения, я хотел бы, чтобы всю эту дверь подвергли анализу. Мистер Ипполито, могли бы вы открыть нам ее, поменьше прикасаясь к ней руками?

– Сюда не положено никого пускать без разрешения.

Д'Агоста удивленно посмотрел на него.

– Черт возьми, нам что, выписывать пропуска?

– Нет-нет, просто...

– Он забыл ключ, – пояснил Пендергаст. – Мы подождем.

– Я сейчас вернусь, – сказал Ипполито, и по коридору зазвучали его торопливые шаги. Когда их не стало слышно, д'Агоста обратился к агенту ФБР:

– Не собирался говорить этого, Пендергаст, но мне нравится, как вы работаете. Вы отлично разобрались с картиной и управились с Ипполито. Желаю вам удачи с нью-йоркскими коллегами.

На лице Пендергаста появилась улыбка.

– Спасибо. Я тоже рад, что работаю с вами, а не с кем-то из этих крутых парней. Судя по тому, что произошло там, у вас еще есть сердце. Вы до сих пор нормальный человек.

Д'Агоста рассмеялся.

– Нет, дело совсем в другом. Все из-за яичницы с ветчиной, сыра и кетчупа, которыми я завтракал. И короткой стрижки покойного. Терпеть не могу короткие стрижки.

15

Дверь гербария, как всегда, была заперта, несмотря на табличку “НЕ ЗАПИРАТЬ”. Марго постучала. *Ну-ну, Смит, я знаю, что вы там.* Постучала еще раз, погромче, и услышала недовольный голос: “Ладно, ладно, успокойтесь! Иду!”

Дверь открылась, и Бейли Смит, старый помощник хранителя гербария, снова сел за свой стол, издал громкий раздраженный вздох и принялся с шелестом разбирать почту.

Марго решительно шагнула вперед. Бейли Смит, казалось, считал своей обязанностью бесцеремонно приставать к ней с разговорами. И едва открывал рот, его невозможно было остановить. Обычно Марго посылала ему требования и таким образом избегала тяжкого испытания общаться со стариком. Но для очередной главы диссертации ей было необходимо исследовать образцы лекарственных растений кирибуту как

можно быстрее. Текст для Мориарти не был дописан, и она слышала еще об одном страшном убийстве, из-за которого музей могли закрыть до конца дня.

Бейли Смит что-то мурлыкал под нос, не обращая на нее внимания. Хотя ему было почти восемьдесят. Марго подозревала, что он просто симулирует глухоту, потому что ему доставляет удовольствие раздражать людей.

– Мистер Смит! – окликнула она. – Прошу вас, мне нужны эти образцы. – Придвинула к нему список по крышке перегородки. – Немедленно, если можно.

Смит хмыкнул, поднялся со стула, неторопливо взял список и хмуро просмотрел его.

– Поиски могут занять много времени. Что, если завтра утром?

– Пожалуйста, мистер Смит. Я слышала, музей могут закрыть в любую минуту. Эти образцы мне очень нужны.

Поскольку появилась возможность поболтать, старик стал дружелюбнее.

– Ужасный случай, – сказал он, покачивая головой. – За сорок два года работы здесь не припомню ничего подобного. Однако не могу сказать, что удивлен, – добавил он, многозначительно кивнув.

Марго не хотела поощрять Смита и промолчала.

– Но не первый, судя по тому, что я слышал. И не последний. – Он повернулся, держа список перед носом. – Это что? Muhlenbergia dunbarii? Ее у нас совершенно нет.

За спиной Марго раздался голос:

– Не первый?

Это произнес Грегори Кавакита, молодой помощник хранителя, с которым они вместе ждали сообщения полицейских в комнате отдыха накануне утром. Марго прочла в личном деле биографию Кавакиты: сын богатых родителей, осиротев в детстве, покинул родную Иокогаму и рос у родственников в Англии. Окончив колледж святой Магдалины в Оксфорде, он поступил в Массачусетский технологический институт, защитил там диссертацию, потом стал помощником хранителя в музее. Он был самым блестящим протеже Фрока, что иногда злило Марго. По ее мнению, Кавакита не мог быть искренним союзником Фрока. Он обладал инстинктивным чутьем в том, что касалось музейной политики, а Фрок был бунтарем, оппозиционером со сложившимися взглядами. Однако, несмотря на свой эгоцентризм, Кавакита был, несомненно, блестящим ученым. Он работал вместе с Фроком над моделью

генетической мутации – проблемой, в которой, казалось, никто, кроме них двоих, не разбирался. Под руководством Фрока Кавакита совершенствовал экстраполятор, программу, которая могла сравнивать и комбинировать генетические коды разных видов. Когда они пропускали свои данные через мощный компьютер музея, продуктивность системы падала до такой степени, что ее в шутку называли “режимом ручного калькулятора”.

– Что “не первый”?! – спросил Смит, неприветливо глянув на Кавакиту.

Марго бросила на пришедшего предостерегающий взгляд, но тот продолжал:

– Вы упомянули о том, что происшедшее убийство не первое.

– Грег, тебе это *необходимо?* – простонала Марго вполголоса. – Теперь я никогда не получу образцов.

– Меня тут ничто не удивляет, – продолжал Смит. – Я человек не суеверный, – сказал он, облокотившись на перегородку, – но уже не впервые какая-то тварь бродит по коридорам музея. Во всяком случае, так говорят. Только, заметьте, я не верю ни единому слову.

– Тварь? – переспросил Кавакита. Марго легонько пнула его в голень.

– Я лишь повторяю то, о чем все говорят, доктор Кавакита. Распускать ложные слухи не в моих правилах.

– Конечно, – сказал Кавакита, подмигнув Марго.

Смит обратил на него суровый взгляд.

– Говорят, она здесь уже давно. Живет в подвале, питается крысами, мышами и тараканами. Вы заметили, что ни крысы, ни мыши не бегают по музею? А *должны бы,* видит Бог, весь Нью-Йорк кишит ими. Но здесь их нет. Странно, вы не находите?

– Я не обращал на это внимания, – ответил Кавакита. – Постараюсь разобраться.

– Был здесь ученый, разводил кошек для каких-то экспериментов, кажется, по фамилии Слоун. Доктор Слоун из отдела поведения животных. Однажды около дюжины его мурок сбежало. И знаете что? После этого их не видели. Исчезли. А вот это уже странно. Одна-две по крайней мере должны были бы появиться.

– Может, они убежали, потому что здесь не было мышей? – предположил Кавакита. Смит словно бы не слышал его.

– Кое-кто говорит, эта тварь вывелась из одного привезенного из Сибири яйца динозавра.

– Понятно, – сказал Кавакита, пытаясь подавить усмешку. – По музею бродят динозавры. Смит пожал плечами.

– Я просто пересказываю то, что слышал. Другие полагают, это что-то такое из могил, разграбляемых из года в год. Какой-то артефакт, над которым тяготеет проклятие. Вроде проклятия фараона Тутанхамона. И если хотите знать мое мнение, эти ребята получили по заслугам. Как это ни называй – археологией, антропологией или шаманологией, – для меня это просто разграбление могил. Могилы своих бабушек они не станут раскапывать, а чужие разоряют спокойно и забирают то, что там лежит. Я прав?

– Полностью, – ответил Кавакита. – Но вы вроде бы говорили о том, что эти убийства были не первыми?

Смит заговорщицки поглядел на Марго и Кавакиту.

– Смотрите, если расскажете кому-то, что слышали это от меня, я буду все отрицать, но лет пять назад произошло нечто странное. – Старик помолчал, словно проверяя, какое впечатление производит его рассказ. – Был тут один хранитель, по имени Моррисси, Монтана или что-то наподобие. Он имел отношение к злосчастной экспедиции на Амазонку. К той самой, где все погибли. В общем, он просто-напросто исчез. Бесследно. Об этом стали шептаться. И вроде бы какой-то охранник подслушал разговор о том, что его тело нашли в подвале жутко изувеченным.

– Понятно, – сказал Кавакита. – Думаете, его растерзал Музейный зверь?

– Я ничего не думаю, – торопливо ответил Смит. – Рассказываю, что слышал, и только. Поверьте, я наслушался многого от многих людей.

– А видел кто-нибудь, ну, эту тварь? – спросил Кавакита с вымученной улыбкой.

– Да-да, видели. Несколько человек. Знаете старого Карла Коновера из слесарки? Он говорит, что видел ее три года назад. Пришел пораньше, чтобы закончить какую-то работу, и увидел ее, сидящую за углом в подвале.

– Правда? – спросил Кавакита. – И как она выглядела?

– Ну... – начал было Смит, но умолк. Наконец до него дошло, что Кавакита просто потешается над ним. Выражение его лица

изменилось. – Полагаю, доктор Кавакита, слегка походила на мистера Джонни Уокера[6].

Кавакита пришел в недоумение.

– Уокера? Я как будто бы его не знаю...

Бейли Смит неожиданно захохотал, и Марго тоже не сдержала улыбки.

– Грег, – сказала она, – он имеет в виду, что Коновер был пьян.

– Понятно, – сдавленно произнес Кавакита. Все его хорошее настроение улетучилось. *Не любит шуток в свой адрес,* подумал Марго. Хотя *сам охотно подшучивает над другими.*

– Ну, ладно, – с напускным оживлением сказал Кавакита. – Мне нужны кое-какие образцы.

– Постой-постой! – запротестовала Марго, когда Кавакита положил свой список на перегородку. Старик просмотрел бумагу и поднял взгляд на ученого.

– Недели через две, устроит?

16

Несколькими этажами выше лейтенант д’Агоста сидел на громадном, обитом кожей диване в кабинете хранителя. Довольно причмокнув, он забросил одну толстую ногу на другую и огляделся по сторонам. Пендергаст, увлеченный книгой с литографиями, сидел, откинувшись на спинку кресла, за одним из столов. Над его головой висела в вычурной золоченой раме большая картина Одюбона[7] изображающая брачный ритуал белых цапель. Стены были обшиты дубовыми панелями. Под самым потолком, покрытым прессованной жестью, висела изящная позолоченная люстра ручной работы. Один из углов просторной комнаты занимал камин из резного доломитового известняка. Старый Нью-Йорк, подумал д’Агоста. Шикарное место. Не такое, где курят дрянные сигары. И закурил.

– Половина третьего уже прошла, Пендергаст, – сказал он, выдыхая голубой дым. – Как думаете, где Райт, черт бы его побрал?

Агент ФБР пожал плечами.

– Пытается на нас давить, – ответил он, переворачивая страницу.

Д’Агоста с минуту глядел на него.

– Музейное начальство, похоже, считает, что может заставить ждать кого угодно и сколько угодно, – сказал он наконец, наблюдая за

реакцией собеседника. – Райт и его компания со вчерашнего утра обращаются с нами, как с людьми второго сорта.

Пендергаст перевернул еще одну страницу.

– Вот не знал, что в музее есть полное собрание этюдов Форума Пиранези[8], – пробормотал он.

Д’Агоста мысленно усмехнулся. *Разговор у нас, наверное, будет интересным.*

После обеда он позвонил нескольким знакомым в ФБР. Оказалось, они слышали не только фамилию Пендергаст, но и кое-какие слухи о нем. Что он окончил с отличием какой-то английский университет – видимо, это было правдой. Что он служил во Вьетнаме офицером частей особого назначения, попал в плен и вышел пешком из джунглей, лишь один выжил в камбоджийском лагере смерти – в *этом,* д’Агоста слегка усомнился. Но тем не менее стал пересматривать свое мнение об этом лощеном южанине.

Массивная дверь беззвучно открылась, вошел Райт, по пятам за ним следовал начальник охраны. Директор музея сел напротив агента ФБР.

– Вы, я полагаю, Пендергаст, – со вздохом сказал он. – Давайте покончим с этим делом.

Д’Агоста откинулся на спинку дивана, предвкушая развлечение.

Наступило долгое молчание, Пендергаст перелистывал страницы. Райт заерзал.

– Если вы заняты, – раздраженно сказал директор, – мы можем прийти в другое время.

Лицо Пендергаста было скрыто за большой книгой.

– Нет, – ответил он. – Сейчас самое время.

И не спеша перевернул еще страницу, потом еще. Д’Агоста с удовольствием наблюдал, как директор краснеет.

– Начальник охраны не нужен для этой беседы, – послышался голос из-за книги.

– Мистер Ипполито участвует в расследовании…

Над корешком книги внезапно появились глаза агента.

– Расследованием руковожу я, доктор Райт, – спокойно сообщил Пендергаст. – И если мистер Ипполито будет столь любезен…

Ипполито нервно глянул на Райта, тот махнул рукой, отпуская его.

– Послушайте, мистер Пендергаст, – заговорил Райт, когда дверь закрылась, – я руковожу музеем и времени у меня немного. Надеюсь, наш разговор будет кратким.

Пендергаст аккуратно положил раскрытую книгу на стол перед собой.

– Я часто думал, – неторопливо произнес он, – что ранние вещи у Пиранези самые лучшие. Вы согласны?

На лице Райта появилось изумленное выражение.

– Не понимаю, – запинаясь, произнес он, – какое это имеет отношение к...

– Последние его работы, конечно, интересны, но, на мой взгляд, слишком фантастичны, – продолжал Пендергаст.

– Собственно говоря, – начал директор лекторским тоном, – я всегда думал...

Книга захлопнулась со звуком, напоминающим выстрел.

– *Собственно говоря,* доктор Райт, – заговорил Пендергаст строгим тоном, его изысканные манеры исчезли, – пора забыть, что вы *всегда* думали. Поиграем в небольшую игру. Я буду говорить, а вы слушать. Понятно?

Райт лишился дара речи. Потом лицо его пошло от гнева красными пятнами.

– Мистер Пендергаст, я не потерплю подобного тона...

Пендергаст перебил его:

– На тот случай, если вы не видели заголовки в газетах, доктор Райт, сообщаю, что в руководимом вами музее за последние сорок восемь часов произошло три жестоких убийства. Три. Пресса предполагает, что совершил их некий свирепый зверь. Посещение музея после выходных сократилось вдвое. Сотрудники ваши, мягко говоря, очень расстроены. Потрудились вы сегодня пройтись по музею, доктор Райт? Прогулка эта оказалась бы познавательной. Ужас ощущается чуть ли не физически. Большинство людей, если только вообще покидают кабинеты, предпочитают ходить по двое, по трое. Технические служащие находят любой предлог, чтобы не спускаться в старый подвал. Однако вы ведете себя так, будто ничего не случилось. Поверьте, доктор Райт, случилось, и притом нечто ужасное.

Пендергаст подался вперед и медленно сложил руки на книге. Было что-то столь зловещее в его неторопливости, столь холодное в его

светлых глазах, что директор невольно отшатнулся. Д'Агоста, сам того не сознавая, задержал дыхание. Агент ФБР продолжал:

– Так вот, к этому делу возможны три подхода. Ваш, мой или фэбээровский. Пока что слишком явно превалировал ваш подход. Я заявляю, что полицейскому расследованию искусно чинились препятствия. На телефонные запросы отвечали слишком поздно либо не отвечали вовсе. Служащие оказывались либо заняты, либо их невозможно было найти. От тех, кто на месте – например, от мистера Ипполито, – толку мало. Вызванные люди задерживались. Этого вполне достаточно, чтобы возбудить подозрения. Нет, ваш подход неприемлем.

Пендергаст подождал ответа. Его не последовало, и он продолжал:

– Подход ФБР был бы таким: закрыть музей, приостановить работы, отменить выставки. Поверьте, это явилось бы очень скверной рекламой. И в конечном итоге обошлось бы слишком дорого как вам, так и налогоплательщикам.

Мой подход несколько мягче. Если ничего больше не произойдет, пусть музей продолжает работать. Но я выдвигаю определенные условия. Во-первых, обеспечьте сотрудничество работников музея. Нам время от времени придется беседовать с вами и другими руководителями, при этом требуется полная откровенность. Кроме того, мне нужен список персонала. Нам нужно поговорить с каждым, кто находился или мог находиться неподалеку от мест преступления. Исключений быть не должно. Буду признателен, если вы позаботитесь об этом лично. Мы составим график, и *каждый* обязан будет явиться в назначенное время.

– Но у нас две с половиной тысячи сотрудников… – заговорил Райт.

– Во-вторых, – продолжал Пендергаст. – С завтрашнего дня мы ограничим доступ сотрудников в музей до конца расследования. Ради их же безопасности. По крайней мере вы так скажете им.

– Но здесь проводятся очень важные исследования, которые…

– В-третьих, – Пендергаст наставил на директора три пальца, сложенные, будто ствол пистолета, – возможно, нам время от времени придется закрывать музей, частично или полностью. Иногда вход будет закрыт только для посетителей, иногда и для сотрудников. Не исключено, что без предупреждения.

Райт вышел из себя.

– Музей бывает закрыт лишь три дня в году: на Рождество, на Новый год, на День Благодарения. Это беспрецедентно. И произведет ужасное впечатление. – Он устремил на Пендергаста долгий оценивающий

взгляд. – К тому же я не уверен, что вы имеете необходимые полномочия. Полагаю, нам следует…

И умолк. Пендергаст поднял телефонную трубку.

– Это еще зачем? – спросил директор музея.

– Доктор Райт, наш разговор становится утомительным. Возможно, имеет смысл привлечь к нему министра юстиции.

И агент ФБР начал набирать номер.

– Погодите, – сказал Райт. – Можно же обо всем договориться самим.

– Это зависит от вас, – заявил Пендергаст, перестав вращать телефонный диск.

– Ради Бога, положите трубку, – раздраженно попросил директор. – Конечно, мы будем сотрудничать с вами – в разумных пределах.

– Отлично, – заключил Пендергаст. – А если в будущем вы сочтете что-нибудь неразумным, можно будет снова набрать этот номер.

И мягко положил трубку.

– Если мне предстоит сотрудничать с вами, – продолжал Райт, – думаю, я вправе быть в курсе расследования. Насколько мне известно, добились вы пока очень немногого.

– Да, доктор, – ответил Пендергаст. Бросил взгляд на лежавшие на столе бумаги. – Судя по вашим табельным часам, последний убитый, Джолли, погиб вчера вечером вскоре после половины одиннадцатого. Экспертиза это подтвердит. Он был, как вы уже знаете, изувечен так же, как и предыдущие жертвы. Погиб Джолли во время обхода. Хотя лестница, возле которой нашли труп, находится в стороне от его маршрута. Возможно, он вышел туда на какой-то подозрительный шум. Возможно, покурить травки. Возле выхода во дворик обнаружен довольно свежий окурок сигареты с марихуаной. Мы, разумеется, исследуем тело на употребление наркотиков.

– Разумеется, – сказал Райт. – А не обнаружили вы каких-нибудь *особенностей?* Что там по поводу дикого зверя? Вы…

Пендергаст выставил руки ладонями вперед и дождался тишины.

– Я предпочел бы не строить догадок, пока мы не обсудим имеющиеся улики с экспертами. Возможно, экспертами будут некоторые служащие музея. Официально нет никаких улик, свидетельствующих о том, что поблизости находилось какое бы то ни было животное.

Тело найдено у подножия лестницы, хотя ясно, что нападение произошло недалеко от верхней площадки, потому что на ступенях обнаружены кровь и внутренности. Труп либо скатился, либо его сволокли вниз. Убедитесь сами, доктор Райт.

Пендергаст вынул из ящика стола конверт, достал оттуда глянцевую фотографию и аккуратно положил на стол.

– О Господи, – произнес Райт, разглядывая ее. – Да поможет нам Небо.

– Правая стена лестничного колодца забрызгана кровью, – сказал Пендергаст. – Вот снимок.

Он протянул фотографию Райту, и тот быстро положил ее поверх первой.

– Провести баллистический анализ брызг было несложно, – продолжал агент ФБР. – В данном случае это явно был сильный удар сверху вниз, мгновенно выпустивший внутренности жертве.

Вложив фотографии обратно в конверт, Пендергаст взглянул на часы.

– Лейтенант д'Агоста будет общаться с вами, дабы убедиться, что все идет, как мы условились, – сказал он. – И последний вопрос, доктор. Кто из хранителей лучше всех знает антропологические коллекции музея?

Райт, казалось, не слышал. И наконец едва ли не прошептал:

– Доктор Фрок.

– Отлично, – сказал Пендергаст. – Да, и вот что еще, доктор. Я вам уже сказал, что музей может оставаться открытым, если *ничего больше не произойдет*. Однако, если в этих стенах погибнет еще кто-то, музей будет закрыт немедленно. Я ничего не смогу поделать. Понятно?

Через несколько долгих секунд Райт кивнул.

– Превосходно, – подытожил Пендергаст. – Я осведомлен, доктор, о том, что открытие выставки "Суеверия" намечено на конец недели, а вечером в пятницу вы готовите большой предварительный осмотр. Хотелось бы, чтобы у вас все прошло гладко, но это будет зависеть от того, что обнаружим мы в течение ближайших суток. Не исключено, что осторожность потребует отложить торжественное открытие.

Левое веко Райта начало подергиваться.

– Это совершенно невозможно. Вся наша рекламная кампания пойдет насмарку. Разразится скандал.

– Посмотрим, – ответил Пендергаст. – Теперь, если вопросов нет, полагаю, нам незачем больше вас задерживать.

Побледневший Райт поднялся и, ни слова не говоря, чопорно вышел из комнаты.

Когда дверь закрылась, д’Агоста усмехнулся.

– Здорово вы отделали этого типа.

– Что-что, лейтенант? – спросил Пендергаст, откинувшись на спинку кресла и с наслаждением взяв книгу.

– Бросьте, Пендергаст, – сказал д’Агоста, с хитрецой глядя на агента ФБР. – Насколько я понимаю, когда нужно, вы можете забыть о благовоспитанности.

Пендергаст с наивным видом посмотрел на полицейского.

– Прошу прощения, лейтенант, за неподобающее поведение. Дело в том, что я терпеть не могу напыщенных бюрократов. И похоже, иногда становлюсь с ними очень резким. – Он раскрыл книгу. – Скверная привычка, но от нее очень трудно избавиться.

17

Окна лаборатории выходили на Ист-Ривер и расположенные за рекой склады и на ветшающие промышленные здания Лонг-Айленда. Льюис Тероу стоял перед окном, глядя, как буксир толкает в сторону моря громадную баржу, доверху загруженную мусором и окруженную бесчисленными чайками. *Ничтожная часть нью-йоркского мусора,* подумал он.

Тероу отвернулся от окна и вздохнул. Он терпеть не мог Нью-Йорка, но приходилось выбирать: или мириться с этим мегаполисом и работать в одной из лучших генетических лабораторий страны, или жить в славном зеленом городке и работать на допотопном оборудовании. Пока что он предпочитал большой город, но терпение подходило к концу.

Послышался негромкий гудок, затем мягкое шипение принтера. Появлялись результаты. Еще один негромкий гудок известил, что процесс печатания закончен. “Омега-9” – сверхмощный компьютер, стоивший три миллиона долларов, – затих полностью. Лишь несколько огоньков указывало на то, что в машине что-то происходит. Это была особая модель для программирования ДНК и установления соответствия генов. Именно ради нее Тероу поступил на работу в лабораторию полгода назад.

Он достал бумагу из принтера и просмотрел. На первой странице была сводка результатов, за ней список нуклеиновых кислот, обнаруженных в образце. Дальше следовали столбцы букв, обозначавших наборы и совпадение целевой группы.

Целевая группа в данном случае была необычной: большие кошки. Требовалось определить совпадение генов с азиатским тигром, ягуаром, леопардом, рысью. Тероу избрал гепарда, поскольку его генетика хорошо известна. Контрольной группой для проверки того, что процесс сличения генов точен, а образец полноценен, был взят, как обычно, Homo sapiens.

Он пробежал глазами сводку.

ЗАПУСК 3349А5 990 ОБРАЗЕЦ: Криминалистической лаборатории ЛА-33 СВОДКА ЦЕЛЕВАЯ ГРУППА

% совпадений

степень уверенности

Panthera leo

5,5

4%

Panthera onca

7,1

5%

Felis lynx

4,0

3%

Felix rufa

5,2

4%

Acinonyx jubatus

6,6

4%

КОНТРОЛЬНАЯ ГРУППА

Homo sapiens

45,2

33%

Полная чушь, подумал Тероу. Процент совпадения с контрольной группой гораздо больше, чем с целевой, – вопреки тому, что следовало ожидать. Четыре процента вероятности, что генетический материал взят от большой кошки, но тридцать три – что от человека.

Тридцать три! Мало, но в пределах вероятного.

Значит, нужно запросить для сравнения Генетическую лабораторию. Это огромная международная база данных – она содержит наборы ДНК и гены для сравнения тысяч организмов, от бактерии Escherichia coli до Homo sapiens. Сравнить эти данные с базой данных Генетической лаборатории, посмотреть, откуда эта ДНК. Похоже, от чего-то близкого к Homo sapiens. Недостаточно близко к человекообразной обезьяне, но, возможно, что-то вроде лемура.

Любопытство Тероу усилилось. Он впервые сталкивался с тем, что лаборатория выполняет работы для управления полиции. С чего они взяли, будто этот образец от большой кошки? – подумал он.

Результаты заняли восемьдесят больших страниц. Принтер отпечатал колонками опознанные нуклеиды с указаниями вида опознанных генов и неопознанных наборов. Тероу знал, что большинство наборов будет неопознано, потому что единственным организмом с полной генетической картой является E. coli.

Тероу просмотрел цифры, затем отнес бумагу на свой стол. Нажав несколько клавиш на своем компьютере, он мог получать информацию из тысяч баз данных. Если их нет у “Омеги-9”, она автоматически включится в Интернет и найдет компьютер, в котором есть нужная информация.

Разглядывая распечатку более внимательно, Тероу нахмурился. *Должно быть, испорченный образец,* подумал он. *Слишком много неопознанных ДНК.*

И перестал листать страницы, увидев нечто поистине странное: программа опознавала большое количество ДНК как принадлежащие животному, именуемому Hemidactylus turcicus. *Что это может быть?* – подумал Тероу. База данных биологической номенклатуры ответила:

ОБЫЧНОЕ НАЗВАНИЕ: ТУРЕЦКИЙ ГЕККОН

Что? – подумал Тероу. Ввел команду: “Расширить”.

HEMIDACTYLUS TURCICUS: ТУРЕЦКИЙ ГЕККОН

МЕСТО ПОЯВЛЕНИЯ: СЕВЕРНАЯ АФРИКА МЕСТА РАСПРОСТРАНЕНИЯ В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ: ФЛОРИДА, БРАЗИЛИЯ,

МАЛАЯ АЗИЯ, СЕВЕРНАЯ АФРИКА. СРЕДНЕЙ ВЕЛИЧИНЫ ЯЩЕРИЦА СЕМЕЙСТВА ГЕККОНОВ, GEKKONIDAE, ДРЕВЕСНАЯ, НОЧНАЯ, БЕЗ ПОДВИЖНЫХ ВЕК.

Тероу отключил базу данных, хотя информация все еще поступала. ДНК ящерицы и ДНК человека в одном образце? Явная чушь. Но подобное случалось не впервые. Собственно говоря, компьютер винить невозможно. Процедура эта неточная, а известны лишь очень малые доли наборов ДНК в любом организме.

Он проглядел отпечатанный список. Меньше пятидесяти процентов наборов человеческие – очень низкая пропорция, если субъект являлся человеком, но не исключается дефектный образец. А возможность примеси существует всегда. Случайная клетка или две могут испортить весь запуск. Эта последняя возможность казалась Тероу все более и более вероятной. *Чего можно ждать от управления* полиции? *Не могут даже взять парня, который в открытую торгует наркотиками* напротив *дома, где я живу*.

Он продолжал просмотр. Подумал, постой, вот *еще один длинный набор:* Tarentola mauri-tanica. Включил базу данных. На экране появилась надпись:

TARENTOLA MAURITANICA: СТЕННОЙ ГЕККОН.

Хватит с *меня,* подумал Тероу. Это *какая-то шутка*. Глянул на календарь: первое апреля приходилось на субботу.

Он засмеялся. Хорошая шутка. Очень, очень слоеная. Вот *уж не думал, что Бухгольц способен на такое. Ну и ладно, я тоже не лишен чувства юмора*. И стал писать отчет.

ОБРАЗЕЦ ЛА-33

Вывод: образец окончательно определен как Homo gekkoniens, обычное название Человеко-геккон...

Дописав отчет, Тероу сразу же отправил его наверх. Потом, все еще посмеиваясь, пошел выпить чашку кофе. Он гордился тем, что сумел достойно выйти из положения. И недоумевал, откуда Бухгольц мог взять геккона. *Может, этих ящериц продают в зоомагазинах?* Он представил себе, как Бухгольц смешивает клеточный материал от двух или трех гекконов с несколькими каплями собственной крови. *Небось думал: посмотрим, к какому выводу придет наш новичок Тероу*. Возвратясь из кафетерия, Тероу громко рассмеялся. Бухгольц ждал его в лаборатории, но был совершенно серьезен.

Среда

Сидевший в инвалидной коляске Фрок утирал лоб платком от гуччи.

– Прошу вас, присаживайтесь, – сказал он Марго. – Спасибо, что пришли так быстро. Это ужасно, просто ужасно.

– Несчастный охранник, – отозвалась она. Никто в музее ни о чем больше не говорил.

– Охранник? – Фрок поднял взгляд. – Да-да, настоящая трагедия. Но я вот о чем. Он поднял лист бумаги.

– Всевозможные новые правила. Очень неудобные. На сегодняшний день служащим разрешено находиться в здании только с десяти до пяти. Нельзя работать допоздна или по воскресеньям. В каждом отделе будет охрана. В отделе антропологии при приходе и уходе нужно будет расписываться. Просят всех постоянно иметь при себе удостоверения. Без них в музей никого не впустят и не выпустят.

Пробежал глазами несколько строчек.

– Посмотрим, что еще... а, да. По мере возможности старайтесь находиться в своей секции. И я должен запретить вам посещать изолированные места музея в одиночку. Если вам нужно пойти куда-то, идите вместе с кем-нибудь. Полиция будет расспрашивать каждого, кто работает в старом подвале. Вас вызовут в начале будущей недели. И в некоторые секции музея вход воспрещен.

Фрок пододвинул памятную записку к Марго. Она увидела приложенный план этажа, закрашенные красным зоны, куда вход был запрещен.

– Не беспокойтесь, – продолжал Фрок. – Я обратил внимание, что ваш кабинет находится не в запретной зоне, а рядом.

Замечательно, подумала Марго. *Рядом с тем местом, где, возможно, прячется убийца.*

– Профессор Фрок, это, похоже, сложное мероприятие. Почему не закрыли весь музей?

– Наверняка пытались, дорогая моя. Я уверен, что отговорил их от этого Уинстон. Если выставка “Суеверия” не откроется в срок, музею грозят крупные неприятности. – Фрок протянул руку за памятной запиской. – Будем считать, с этим покончено? Я хотел поговорить с вами о других делах.

Марго кивнула. *Музею грозят крупные неприятности*. Ей казалось, они уже начались. Ее соседка по кабинету вместе с половиной сотрудников сказалась больной. Те, кто вышел на работу, большую часть времени проводили у кофеварок или ксероксов, обмениваясь слухами и держась группами. Музейные залы практически пустовали. Приехавших в отпуск семей, школьников, крикливой детворы – обычных посетителей – было очень немного. Теперь музей привлекал главным образом неприятных зевак.

– Удалось ли вам раздобыть растения, необходимые для написания следующей главы? – продолжал Фрок. – Я подумал, для нас обоих было бы полезно пропустить их через экстраполятор.

Зазвонил телефон.

– Черт возьми, – выругался Фрок, поднимая трубку. – Да?

Наступило долгое молчание.

– Это необходимо? – спросил ученый. – Пауза. – Ну, раз вы так настаиваете, – завершил он разговор и со вздохом положил трубку.

– Власти хотят, чтобы я спустился в подвал. Бог весть зачем. Понадобился некоему Пендергасту. Не отвезете меня туда? По дороге можно поговорить.

В лифте Марго вернулась к прерванному разговору:

– Я сумела взять несколько образцов в гербарии, правда, меньше, чем хотелось бы. Но я не понимаю. Вы предлагаете пропустить их через ЭГН?

– Вот именно, – ответил Фрок. – Это зависит от состояния растений, разумеется. Есть там пригодный материал?

ЭГН – экстраполятор генетических наборов, программа, которую разрабатывали Фрок и Кавакита для анализа генных “отпечатков”.

– Растения большей частью в хорошем состоянии, – ответила Марго. – Но, доктор Фрок, чем тут может быть полезен экстраполятор? *Может, я завидую Каваките?* – подумала она. – *Потому и возражаю?*

– Дорогая Марго, все получается, как по заказу! – воскликнул Фрок, назвав ее от волнения по имени. – Проиграть эволюцию заново нельзя. Но можно сымитировать на компьютере! Возможно, эти растения генетически близки к тем, которые классифицировали шаманы кирибуту. Разве это не будет интересным дополнением к вашей диссертации?

– Я не думала об этом, – ответила Марго.

– Мы сейчас проводим опытную эксплуатацию, это как раз то, что нам нужно, – пылко продолжал Фрок. – Почему бы вам не поговорить с Кавакитой о совместной работе?

Марго кивнула. Хотя подумала, что Кавакита не захочет делиться своей славой – и даже своей аппаратурой – ни с кем.

Двери лифта открылись. Прямо у них был устроен контрольно-пропускной пункт, где дежурили двое вооруженных полицейских.

– Вы доктор Фрок? – спросил один.

– Да, – раздраженно подтвердил ученый.

– Поехали за нами, пожалуйста.

Марго провезла Фрока по коридорам, и наконец они оказались у второго пропускного пункта. По ту сторону барьера стояли еще двое полицейских и высокий худощавый мужчина в черном костюме, его белокурые волосы были тщательно зачесаны назад. Когда полицейский отодвинул барьер, он шагнул к коляске.

– Вы, очевидно, доктор Фрок, – начал он. – Спасибо, что спустились. Я, как и сказал вам, дожидался еще одного человека, поэтому не смог лично пригласить вас. Если бы знал, – он указал подбородком на коляску, – ни за что не обратился бы с такой просьбой. Особый агент Пендергаст.

Он протянул руку для пожатия.

Любопытный акцент, подумала Марго. *Алабамский? Он не похож на агента ФБР.*

– Ничего, – сказал Фрок, смягчившись. – Это моя помощница, мисс Грин.

Марго пожала прохладную руку Пендергаста.

– Познакомиться с таким ученым, как вы, большая честь, – продолжал Пендергаст. – Надеюсь, мне удастся прочесть вашу последнюю книгу.

– Благодарю, – кивнул Фрок.

– В ней вы прилагаете сценарий “Разорения игрока” в качестве иллюстрации к своей теории эволюции? Я считаю, он прекрасно подкрепляет вашу гипотезу, а то, что самые общие рассуждения подаются в увлекательной форме, лишь усиливает воздействие на читателя.

Фрок распрямился в инвалидной коляске.

– Знаете, я собираюсь сделать несколько ссылок на него в следующей книге.

Пендергаст кивнул полицейским, которые поставили барьер на место.

– Нам необходима ваша помощь, доктор Фрок. – Агент понизил голос.

– Пожалуйста, – дружелюбно ответил ученый. Марго поразилась тому, как быстро Пендергаст добился его сотрудничества.

– Прежде всего я должен попросить, чтобы наш разговор пока что оставался между нами, – продолжал агент ФБР. – Могу я получить от вас такое заверение? И от мисс Пэйн?

– Конечно, – сказал Фрок. Марго кивнула. Пендергаст указал одному из полицейских на большую пластиковую сумку с надписью "УЛИКИ", тот подал ее. Пендергаст достал оттуда маленький темный предмет и подал Фроку.

– В руках у вас, – произнес он, – латексный слепок когтя, обнаруженного в теле одного из убитых детей.

Марго подалась вперед, чтобы рассмотреть получше. Слепок был длиной с дюйм, может, чуть поменьше, изогнутый, зазубренный.

– Коготь? – переспросил Фрок, разглядывая его. – Очень необычный. На мой взгляд, это подделка.

Пендергаст улыбнулся.

– Доктор, мы не сумели установить его происхождение. Но я не уверен, что это подделка. В корневом канале когтя мы обнаружили какое-то вещество, сейчас оно исследуется на ДНК. Результатов пока нет, исследования продолжаются.

Фрок приподнял брови.

– Любопытно.

– Теперь вот что, – сказал Пендергаст, достав из сумки предмет значительно побольше, – это реконструкция орудия, которым был убит ребенок.

И подал его Фроку.

Марго посмотрела на слепок с отвращением. На одном конце латекс был пупырчатым, неровным, но детали просматривались ясно и четко. Оканчивался он изогнутыми когтями: центральным большим и по бокам более короткими.

– Господи! – произнес Фрок. – Похоже на лапу ящерицы.

– Ящерицы? – с сомнением повторил Пендергаст.

– Дино-ящерицы, – ответил ученый. – Я бы сказал, типичная, похожая на птичью конечность, с одной лишь разницей. Посмотрите. Центральный коготь чрезмерно утолщен, а два других слишком маленькие.

Пендергаст с легким удивлением приподнял брови.

– Дело в том, сэр, – неторопливо произнес он, – что мы думали о большой кошке или другом плотоядном млекопитающем.

– Но вам *наверняка* известно, мистер Пендергаст, что у всех млекопитающих хищников пять пальцев.

– Конечно, доктор, – сказал агент ФБР. – Если позволите, я хотел бы посвятить вас в наши догадки.

– Разумеется, – ответил Фрок.

– Есть предположение, что преступник использовал это, – Пендергаст приподнял слепок лапы, – как орудие убийства. То, что я держу в руке, как нам показалось, может быть копией какого-то *артефакта,* изготовленного примитивным племенем из лапы ягуара или льва. Возможно, это артефакт, давно приобретенный музеем и затем похищенный.

Фрок постепенно опускал голову, пока подбородком не коснулся груди. Стояла тишина, нарушаемая лишь шагами полицейских у барьера. Наконец ученый заговорил:

– А убитый охранник? Есть в его ранах следы сломанного или отсутствующего когтя?

– Хороший вопрос, – сказал Пендергаст. – Посмотрите сами.

Он достал из сумки большую латексную пластину, длинный прямоугольник с тремя зазубренными выступами посредине.

– Слепок одной из ран охранника в брюшной полости, – объяснил агент ФБР. Марго содрогнулась. Вид у пластины был ужасный.

Фрок пристально вгляделся в зазубрины.

– Проникновение, видимо, было очень глубоким. Но в ране нет признаков сломанного когтя. Стало быть, вы предполагаете, что убийца пользовался *двумя* такими артефактами?

Пендергаст несколько смутился, однако кивнул. Фрок снова опустил голову. Молчание длилось несколько минут.

– Вот еще что, – внезапно громко заговорил ученый. – Вы обратили внимание, что следы когтей *слегка сходятся?* Что вверху расстояние между ними шире, чем внизу?

– Так? – произнес Пендергаст.

– Словно пальцы сжимались. Это указывает на гибкость орудия.

– Согласен, – сказал агент ФБР. – Однако человеческая плоть довольно мягка и легко деформируется. По этим слепкам можно установить очень немногое. – Он помолчал. – Доктор Фрок, не исчезал ли из коллекции какой-нибудь артефакт, способный нанести такие раны?

– В коллекции нет такого артефакта, – сообщил ученый с легкой улыбкой. – И у существующих животных, которых я изучал, нет таких лап. Видите, у этого когтя коническая форма, глубокий, полностью скрытый корень. Видите, как он сужается к концу почти до правильной трехгранной пирамиды? Это встречается только у двух разновидностей фауны: динозавров и птиц. Потому-то некоторые биологи, занимающиеся эволюцией, считают, что птицы произошли от динозавров. Я бы сказал, что это птичий коготь, но он слишком велик. Следовательно, он принадлежал динозавру.

Ученый положил латексовый коготь на колени и снова поднял взгляд.

– Конечно, умный человек, знакомый с морфологией динозавров, мог бы изготовить такой коготь и использовать его как орудие убийства. Думаю, вы проверяли, действительно ли обломок, с которого сделана эта копия, состоит из настоящего биологического материала, например, из кератина, а не отлит или выточен из неорганического вещества?

– Да, доктор. Коготь настоящий.

– Уверены вы, что ДНК его настоящая, а не от крови и плоти жертвы?

– Уверен, – ответил Пендергаст. – Как я говорил, она взята из корневого канала, а не из-под кутикулы.

– И что же это за ДНК?

– Окончательного заключения пока нет.

Фрок поднял руку.

– Понятно. А можно узнать, почему вы не пользуетесь нашей лабораторией здесь, в музее?

Оборудование здесь не хуже, чем где бы то ни было во всем штате.

– Даже во всей стране, доктор. Но вы должны понимать, что нашими правилами это запрещено. Можно ли быть уверенным в результатах,

если в анализы проводились там, где совершено преступление? Когда, возможно, на оборудовании работал сам убийца? – Пендергаст улыбнулся. – Доктор, простите мою настойчивость, но готовы ли вы *рассмотреть* вероятность того, что орудие убийства изготовлено из реликта, находящегося в антропологической коллекции, и подумать, на какой артефакт или артефакты больше всего похож данный слепок?

– Пожалуй, – ответил ученый.

– Благодарю вас. Поговорим на эту тему через день или два. А тем временем можно будет получить отпечатанную инвентаризационную опись коллекции?

Фрок улыбнулся.

– Шести миллионов предметов? Впрочем, вы можете воспользоваться компьютерным каталогом. Хотите, вам установят терминал?

– Возможно, позже, – ответил Пендергаст, убирая латексную пластину обратно в сумку. – Это очень любезно. Пункт оперативного реагирования находится сейчас в пустовавшей комнате за репрографией.

Позади раздались шаги. Марго обернулась и увидела высокую фигуру доктора Иена Катберта, заместителя директора музея, который приближался в сопровождении двух полицейских.

– Послушайте, сколько времени это займет? – недовольно спросил Катберт, остановясь у барьера. – О, доктор Фрок, они и до вас добрались. Какая неприятность.

Фрок чуть заметно кивнул.

– Доктор Фрок, – обратился к ученому Пендергаст, – прошу прощения. Этого джентльмена я ждал, когда мы начали разговор. Если хотите, можете присутствовать.

Фрок снова кивнул.

– Итак, доктор Катберт, – оживленно заговорил агент ФБР, обращаясь к шотландцу, – я попросил вас спуститься, потому что мне нужны сведения об этом месте.

И указал на большую дверь.

– О сохранной зоне? Какие сведения? Кто-нибудь другой наверняка мог бы... – заговорил Катберт.

– Но вопросы у меня к вам, – вежливо и вместе с тем твердо прервал его Пендергаст. – Войдем?

– Если это не займет много времени, – ответил Катберт. – Я должен готовить выставку.

– Да, конечно, – чуть насмешливо сказал Фрок. – *Выставку*.

И жестом велел Марго везти его вперед.

– Доктор Фрок? – вежливо произнес Пендергаст.

– Да?

– Не могли бы вы вернуть мне слепок?

Обитую медью дверь в сохранную зону заменили стальной. Напротив нее находилась маленькая дверка с табличкой “Pachidermae”[9]. Марго недоумевала, как удалось внести в нее громадные слоновые кости.

Отвернувшись от нее, девушка вкатила коляску Фрока в узкий проход сохранной зоны за открытой дверью. По обе стороны его находились хранилища с наиболее ценными приобретениями музея: сапфирами и бриллиантами: слоновой костью и рогами носорогов, сложенными в штабеля, будто дрова; костями и шкурами исчезнувших животных; идолами военных богов зуньи. В дальнем конце прохода двое мужчин в темных костюмах разговаривали вполголоса. При появлении Пендергаста они вытянулись.

Агент ФБР остановился у раскрытой двери одного из хранилищ, похожей на прочие, с большой черной головкой для набора цифровых комбинаций, медной ручкой и декоративным орнаментом. Внутри горела лампочка, бросая яркий свет на металлические стены. В хранилище находилось всего несколько ящиков, довольно больших, за исключением одного. Крышка меньшего была снята, а один из больших ящиков был серьезно поврежден, оттуда торчала набивка, похожая на мягкую древесную стружку.

Пендергаст подождал, когда все войдут в хранилище.

– Позвольте ввести вас в курс дела, – сказал он. – Охранник был убит неподалеку отсюда. Похоже, затем убийца пытался взломать дверь, ведущую в сохранную зону. Возможно, уже не впервые. Попытки оказались безуспешными.

– Поначалу мы терялись в догадках, что было нужно убийце. Как вам известно, ценного материала здесь много. – Пендергаст поманил одного из полицейских, тот подошел и подал ему листок бумаги. – Поэтому мы навели справки и выяснили, что в течение полугода из сохранной зоны ничего не выносили и ничего не вносили сюда. За исключением этих ящиков. Их поместили в это хранилище на прошлой неделе. По вашему распоряжению, доктор Катберт.

– Мистер Пендергаст, позвольте объяснить… – начал тот.

– Минутку, пожалуйста, – попросил агент ФБР. – Осматривая ящики, мы обнаружили нечто весьма любопытное. – Он указал на поврежденный ящик. – Обратите внимание на эти планки. На них глубокие следы когтей. Наши эксперты утверждают, что раны убитых, возможно, нанесены тем же предметом или орудием.

Пендергаст умолк и пристально поглядел на Катберта.

– Я понятия не имел… – заговорил Катберт. – Ничего не было взято. Просто подумал… – и умолк.

– Доктор, не могли бы вы посвятить нас в историю этих ящиков?

– Это несложно, – ответил Катберт. – Тут нет никакой тайны. Это ящики давней экспедиции.

– Я так и понял, – сказал Пендергаст. – Какой именно?

– Экспедиции Уиттлси.

Агент ФБР молча ждал. Наконец Катберт вздохнул.

– Экспедиция отправилась в Южную Америку более пяти лет назад. И оказалась… не совсем успешной.

– Оказалась гибельной, – с иронией вмешался Фрок. И, не обращая внимания на гневный взгляд Катберта, продолжал: – Она вызвала скандал в музее. Экспедиция быстро распалась из-за личных неурядиц. Несколько членов ее было убито дикарями: остальные погибли в авиакатастрофе по пути в Нью-Йорк. Пошли неизбежные слухи о каком-то проклятии.

– Это преувеличение, – резко произнес Катберт. – Никаких скандалов не было.

Пендергаст поглядел на обоих.

– А что же ящики? – мягко осведомился он.

– Их отправили морем, – сказал Катберт. – Но это несущественно. В одном из ящиков находилась уникальная вещь, статуэтка, изготовленная индейцами вымершего южноамериканского племени. Она будет важным экспонатом на выставке “Суеверия”.

Пендергаст кивнул.

– Продолжайте.

– На прошлой неделе, когда мы пришли за статуэткой, один из ящиков оказался взломанным. – Катберт указал на него. – И я распорядился, чтобы все их на время перенесли в сохранную зону.

– Что было взято?

– История несколько странная, – ответил Катберт. – Ни один из артефактов не исчез. А ведь только статуэтка стоит целое состояние. Она уникальна, единственный экземпляр в мире. Племя котога, которое ее изготовило, исчезло много лет назад.

– Значит, *ничего* не пропало? – спросил Пендергаст.

– Ничего значительного. Кажется, пропали семенные коробочки или что там они собой представляли. Максуэлл, ученый, который уложил их, погиб в той авиакатастрофе неподалеку от Венесуэлы.

– Семенные коробочки? – переспросил Пендергаст.

– Честно говоря, даже не знаю, что это было. Из всей документации сохранились только антропологические материалы. У нас был журнал Уиттлси – и только. Когда ящики поступили, началась восстановительная работа, но потом...

– Расскажите, пожалуйста, о той экспедиции подробнее, – попросил Пендергаст.

– Тут почти нечего рассказывать. Она отправилась разыскивать следы племени котога, произвести обследование и общий сбор материала в очень отдаленном районе латиноамериканских джунглей. Думаю, первоначальные исследования показали, что девяносто пять процентов росших там растений неизвестны науке. Руководил экспедицией Уиттлси, антрополог. Полагаю, там были еще палеонтолог, зоолог, энтомолог, несколько помощников. Уиттлси и его помощник Крокер исчезли, возможно, были убиты дикарями. Остальные погибли в авиакатастрофе. Какая-то документация у нас была только на эту статуэтку, описание в журнале Уиттлси. Все прочее представляет собой загадку, данных нет.

– А почему материалы так долго находятся в ящиках? Почему их не распаковали, не внесли в каталоги, не поместили в коллекции?

Катберт поежился.

– Спросите Фрока. Он глава этого отдела.

– У нас огромные коллекции, – сказал Фрок. – С тридцатого года, например, в ящиках хранятся кости динозавров, к которым никто не притрагивался. Чтобы заниматься всем этим, требуется очень много денег и времени. – Вздохнул. – Но в данном случае дело не просто в

недосмотре. Насколько я помню, когда эти ящики прибыли, отделу антропологии было запрещено их касаться.

Он язвительно взглянул на Катберта.

– Это было много лет назад, – в свою очередь, едко отозвался Катберт.

– Откуда вы знаете, что в этих ящиках нет редких находок? – спросил Пендергаст.

– Из журнала Уиттлси следовало, что статуэтка в маленьком ящике – единственный важный предмет.

– Можно ознакомиться с этим журналом?

Катберт покачал головой.

– Он исчез.

– Вы распорядились перенести сюда ящики по собственной инициативе?

– Я предложил доктору Райту сделать это, когда обнаружил, что один из ящиков поврежден, – ответил Катберт. – Мы храним материалы в тех ящиках, в которых они получены, пока не представится возможность разобрать и описать их. Таковы правила.

– Значит, ящики были перенесены в конце прошлой недели, – негромко, чуть ли не себе под нос произнес Пендергаст. – Перед самым убийством мальчиков. Что могло понадобиться убийце? – Агент снова взглянул на Катберта. – Что, вы сказали, взято из ящиков? Семенные коробочки?

Катберт пожал плечами.

– Я уже ответил – не знаю, что они представляли собой. Мне они показались семенными коробочками, но я не ботаник.

– Можете их описать?

– Толком уж не помню, годы прошли. Большие, тяжелые, округлые. Снаружи морщинистые. Понимаете, я всего дважды заглядывал в этот ящик: когда материалы только пришли, потом на прошлой неделе, когда искал Мбвуна. Ту самую статуэтку.

– Где она сейчас? – спросил Пендергаст.

– Видимо, уже на стенде: мы сегодня опечатываем выставку.

– Больше из ящика вы ничего не доставали?

– Нет. Уникальна там была только статуэтка.

– Мне хотелось бы взглянуть на нее, – сказал Пендергаст.

Катберт раздраженно переступил с ноги на ногу.

– Увидите, когда откроется выставка. Честно говоря, я не понимаю, к чему все это. Зачем тратить время на взломанный ящик, когда по музею бродит маньяк-убийца, а вы не в состоянии его найти?

Фрок откашлялся.

– Марго, пожалуйста, подвезите меня поближе.

Та подвезла его к ящикам. Ученый с кряхтением подался вперед и стал разглядывать сломанные доски.

Все наблюдали за ним.

– Спасибо, – сказал Фрок, распрямясь. И по очереди оглядел всех присутствующих. – Обратите, пожалуйста, внимание, что доски поцарапаны не только снаружи, но также *изнутри,* – сказал он наконец. И помолчав, спросил: – Мистер Пендергаст, разве у вас не возникает некое предположение?

– Я никогда не строю предположений, – с улыбкой ответил агент ФБР.

– Строите, – настаивал Фрок. – Все вы предполагаете, что кто-то или что-то вырвалось из этого ящика.

В хранилище внезапно наступило молчание. Марго ощутила легкие запахи пыли и стружек.

Потом Катберт хрипло засмеялся, смех его эхом раскатился по подземелью.

На обратном пути к своему кабинету Фрок был необычайно оживлен.

– Вы разглядели этот слепок? – спросил он Марго. – Птичьи атрибуты, морфология динозавра. Возможно, это именно оно!

Ученый с трудом сдерживался.

– Но, профессор Фрок, мистер Пендергаст считает, что оружие изготовлено искусственно, – торопливо возразила Марго. И сказав, поняла, что *тоже* хотела бы в это верить.

– Чушь! – фыркнул ученый. – Разве, глядя на слепок, вы не заметили чего-то мучительно знакомого и вместе с тем совершенно неизвестного? Мы – свидетели эволюционной аберрации, подтверждающей мою теорию.

В кабинете Фрок немедленно достал из кармана записную книжку и принялся писать.

– Но, профессор, разве могло бы подобное существо…

Марго умолкла, потому что рука Фрока стиснула ее запястье. Хватка старика оказалась необычайно крепкой.

– Моя дорогая, – произнес он, – как говорил Гамлет. “Есть многое на свете… что и не снилось нашим мудрецам”. Наше дело не только думать. Иногда мы должны просто наблюдать. – Его негромкий голос дрожал от волнения. – Мы не можем упустить такой возможности, слышите? Будь проклята моя стальная тюрьма! Марго, вы должны стать моими глазами и ушами. Должны быть повсюду, искать, смотреть, быть продолжением моих пальцев. Нам нельзя упустить этой возможности. Согласны, Марго?

Он стиснул ее руку еще крепче.

19

В старом грузовом лифте двадцать восьмой секции музея, как всегда, пахло падалью. Смитбек пытался дышать ртом.

Кабина лифта была громадной, лифтер поставил себе стол, стул и увешал стены картинками из журнала, который издавался в музее. В подборе картинок он придерживался одной темы. Там были трущиеся шеями жирафы, спаривающиеся насекомые, бабуин, демонстрирующий свой зад, туземки с отвислыми грудями.

– Нравится моя картинная галерея? – с усмешкой спросил лифтер. Ему было под шестьдесят, и он носил рыжий парик.

– Приятно видеть, что кое-кто так интересуется естественной историей, – саркастически ответил журналист.

Когда он выходил, запах падали ударил ему в нос с удвоенной силой.

– Как вы это выносите? – морщась, спросил он лифтера.

– Что выношу? – удивился лифтер, закрывая люк подъемника.

Из коридора послышался веселый голос.

– Добро пожаловать! – прокричал пожилой человек, перекрывая шум вентиляции, и пожал руку Смитбеку. – Сегодня я вываривал только зебру. Носорогов вы пропустили. Но все равно, прошу вас, прошу!

Смитбек знал, что акцент у этого человека австрийский.

Йост фон Остер заведовал остеологической лабораторией, где вываривались до костей трупы животных. Ему перевалило за восемьдесят, но он был настолько упитанным, румяным, веселым, что большинство людей считали его значительно моложе.

Работать в музее фон Остер начал в конце двадцатых годов, подготавливал скелеты и устанавливал их на стендах. В те дни вершиной его достижений явилась серия конских скелетов. Один был установлен идущий шагом, другой – бегущим рысью, третий – галопом. Говорили, что эти скелеты революционизировали способ экспонирования животных. Потом фон Остер принялся воссоздавать группы в естественной среде обитания, добиваясь того, чтобы каждая деталь – вплоть до слюны из пасти животного – выглядела реальной.

Но мода на группы в природной среде миновала, и фон Остера в конце концов перевели в остеологию. С презрением отвергая все предложения уйти на пенсию, он бодро руководил лабораторией, где животные – теперь получаемые главным образом из зоопарков – превращались в чистые белые кости для изучения или сборки в скелет. Однако умения создавать группы он не утратил, и его пригласили сделать группу с шаманом специально для выставки “Суеверия”. Кропотливой работе над этой композицией Смитбек хотел посвятить одну из глав своей книги.

Фон Остер сделал приглашающий жест, и Смитбек вошел в лабораторию. В той знаменитой комнате он еще ни разу не был.

– Рад, что вы пришли осмотреть мою мастерскую, – сказал фон Остер. – После этих ужасных убийств людей здесь, внизу, бывает мало. Право, очень рад.

Мастерская напоминала некий гибрид цеха и кухни. Вдоль одной стены стояли глубокие цистерны из нержавеющей стали. Над ними на потолке крепились массивные блоки, с них свисали цепи с крюками для перемещения тяжелых туш. Посередине пола находился сток, в его решетке застряла маленькая сломанная кость. В дальнем углу мастерской стоял обитый нержавеющей сталью стол, на нем лежало какое-то крупное животное. Если бы не большая, написанная от руки табличка, привязанная к ножке стола, Смитбек ни за что бы не догадался, что это дюгонь из Саргассова моря: он уже почти полностью разложился. Возле туши лежали скребки, щипцы, скальпели.

– Спасибо, что нашли время принять меня, – выдавил журналист.

– Не за что! – воодушевился фон Остер. – Я хотел бы, чтобы здесь устраивались экскурсии, но этот этаж, к сожалению, сейчас закрыт для туристов. Попасть бы вам сюда, когда я вываривал носорога. На это стоило посмотреть!

Быстро пройдя по комнате, он показал Смитбеку цистерну с зеброй. Несмотря на вытяжной шкаф, вонь все еще была сильной. Фон Остер приподнял крышку и отступил, словно повар, гордящийся своим искусством.

– Что скажете об этом?

Смитбек поглядел на коричневую, напоминающую бульон жидкость. В ней лежал труп зебры, мясо и мягкие ткани медленно разжижались.

– Слегка протухло, – слабым голосом произнес журналист.

– То есть как это протухло? То, что надо! Внизу находится горелка. Она поддерживает постоянную температуру – девяносто пять градусов. Понимаете, сперва мы опускаем труп в цистерну. Он гниет. Через две недели вынимаем затычку и все сливаем. У нас остается груда грязных костей. Мы снова заливаем цистерну водой, добавляем квасцов и кипятим. Долго кипятить кости нельзя, они размякнут.

Фон Остер перевел дыхание.

– Знаете, получается то же самое, как если слишком долго варить курицу. Пфуй! Гадость! Но кости все еще жирные, поэтому мы моем их в бензоле. И они становятся совершенно белыми.

– Мистер фон Остер, – заговорил Смитбек, понимая, что если быстро не переведет разговор в другую колею, то не скоро выйдет отсюда. Он уже едва мог переносить этот запах. – Не могли бы вы рассказать о группе с шаманом, над которой работаете? Я пишу книгу о выставке “Суеверия”. Помните наш разговор?

– Ja, ja![10] Конечно!

Ученый подошел к письменному столу и достал несколько набросков. Смитбек включил диктофон.

– Сперва рисуешь фон на вогнутой поверхности, чтобы не было углов, понимаете? Необходимо создать иллюзию глубины.

Фон Остер принялся описывать процесс высоким от волнения голосом. Отлично, подумал Смитбек. Этот *человек – находка для журналиста*.

Говорил фон Остер долго, оживленно жестикулируя, делая передышки. Закончив, он улыбнулся Смитбеку.

– А теперь не хотите ли взглянуть на жуков?

Смитбек не смог удержаться. Эти жуки пользовались широкой известностью. Фон Остер изобрел метод, которым пользовались теперь все музеи естественной истории в стране: жуки полностью уничтожали плоть трупов мелких животных, оставляя совершенно чистый скелет.

В “безопасной” комнате чуть побольше чулана, где содержались жуки, было влажно и душно. Жуков, именуемых “дерместиды”, привезли из Африки, жили они в белых фарфоровых чашах со скользкими стенками

и прозрачными крышками. Смитбек смотрел, как они медленно ползают по рядам мертвых, освежеванных животных.

– Что это за существа? – спросил он, глядя на покрытые жуками тушки в чашах.

– Летучие мыши! – ответил фон Остер. – Для доктора Пойсманса. Чтобы очистить их скелеты, требуется десять дней.

Смитбек по горло был сыт жуками и запахами. Он выпрямился и протянул руку старому ученому.

– Мне пора. Спасибо за интервью. А эти жуки очень любопытны.

– Пожалуйста! – ответил фон Остер. – Хотя, погодите. Вы сказали "интервью". Для кого пишете?

– Для музея, – ответил Смитбек. – По инициативе Рикмен.

– Рикмен? – Глаза фон Остера внезапно сузились.

– Да. А что?

– Вы работаете на Рикмен?

– Собственно говоря, нет. Она просто, ну… вмешивается, – объяснил журналист.

Фон Остер усмехнулся.

– Несносная особа! Почему вы работаете под ее началом?

– Так уж получилось, – ответил Смитбек, довольный тем, что обрел союзника. – Вы даже не представляете, чего я от нее натерпелся. Господи!

Фон Остер сцепил пальцы рук.

– Охотно верю! Охотно! Она повсюду чинит неприятности! Даже на выставке!

Смитбек внезапно заинтересовался.

– Какие же?

– Она бывает там ежедневно, твердит "это нехорошо, то нехорошо". Майн Готт[11], ну и женщина!

– Это на нее похоже, – произнес Смитбек с мрачной улыбкой. – И что же там нехорошо?

– Ну вот, я был вчера там во второй половине дня. Она явилась и подняла крик: “Все покиньте выставку! Мы внесем статуэтку племени котога!” Всем пришлось бросить работу и выйти.

– Статуэтку? Какую? Что в ней такого секретного?

Журналист вдруг подумал: нечто, столь беспокоящее Рикмен, может оказаться полезным для него.

– Статуэтку Мбвуна, важный экспонат. Я о ней почти ничего не знаю. Но Рикмен была очень озабочена, можете мне поверить.

– Почему?

– Я же говорю, из-за этой статуэтки. Вы про нее не знаете? О ней много разговоров, очень, очень дурных. Я стараюсь не обращать внимания.

– Каких, например?

Смитбек еще долго слушал старика. И наконец, пятясь, вышел из мастерской. Фон Остер провожал его до самого лифта.

Когда двери закрывались, старик все еще продолжал говорить.

– Для вас несчастье работать на нее! – прокричал он, когда лифт тронулся вверх. Но Смитбек не слышал. Он напряженно размышлял.

20

Лишь под вечер утомленная Марго подняла взгляд от монитора. Нажала на клавиши, запуская стоявший в коридоре принтер, потом откинулась назад и потерла глаза. Текст для Мориарти был наконец готов. Возможно, получился он не столь изящным и вразумительным, как ей хотелось бы, но работать над ним больше не было времени. Все же она была довольна своим трудом и собралась отнести распечатку на четвертый этаж, в обсерваторию Баттерфилда, где находилась группа подготовки “Суеверий”.

Марго полистала справочник, нашла номер телефона Мориарти. Потом придвинула аппарат и набрала четырехзначный номер.

– Центр подготовки выставки, – услышала она в трубке протяжный голос. В отдалении слышались голоса.

– Можно Джорджа Мориарти? – спросила Марго.

– Думаю, он на выставке, – ответил тот же голос. – Мы расходимся. Передать ему что-нибудь?

– Нет, спасибо. – Марго положила трубку. Поглядела на часики: почти пять. Пора покидать музей. Но выставка открывалась в пятницу вечером, а она обещала Мориарти этот материал.

Собравшись встать. Марго вспомнила просьбу Фрока позвонить Грегу Каваките. Вздохнула и снова взялась за телефон. Сделаю попытку. Скорее всего он *уже ушел, и можно будет просто оставить* запись на *автоответчике.*

– Грег Кавакита слушает, – послышался в трубке знакомый баритон.

– Это Марго Грин. – *Перестань говорить извиняющимся тоном. Он не глава отдела, не твой начальник или что-то в этом роде.*

– Привет, Марго. В чем дело?

Она услышала позвякивание его ключей.

– Хочу попросить тебя о любезности. Собственно говоря, это предложение доктора Фрока. Я делаю анализ образцов лекарственных растений, которыми пользовалось племя кирибуту, и он хотел бы, чтобы я пропустила их через твой экстраполятор. Возможно, обнаружатся какие-то генетические аналогии.

Молчание.

– Доктор Фрок считает, что это будет полезным испытанием твоей программы, а заодно и помощью мне, – добавила она.

– Понимаешь, Марго, – ответил, помолчав. Кавакита, – я бы рад тебе помочь. Поверь. Но экстраполятор пока еще не в том виде, чтобы им пользовался кто попало. Я все еще довожу его до ума и не могу поручиться за результаты.

Лицо Марго вспыхнуло.

– Кто попало?

– Извини, неудачно выразился. Ты понимаешь, что я имею в виду. К тому же время у меня сейчас напряженное, и необходимость рано покидать музей очень некстати. Слушай, может, вернемся к этому разговору через недельку-другую. Лады?

Кавакита положил трубку.

Марго поднялась, схватила куртку, сумочку и направилась в коридор к принтеру за распечаткой. Ей стало ясно, что Кавакита будет затягивать дело до бесконечности. Ну и черт с ним. Нужно найти Мориарти и отдать ему распечатку. В конце концов, возможно, удастся посмотреть выставку, а может, и узнать, из-за чего поднялся весь этот шум.

Несколько минут спустя Марго медленно шагала по пустынному мемориальному залу Селоуса. У входа стояли двое охранников, ассистент в информационном центре готовил сувениры, предназначенные для продажи посетителям на следующий день. Если только посетители *будут,* подумала Марго. Под громадной бронзовой статуей Селоуса разговаривали двое полицейских. Марго они не заметили.

Девушка невольно вернулась мыслями к утреннему разговору с Фроком. Если убийцу не найдут, меры безопасности будут ужесточаться. Возможно, защиту ее диссертации перенесут на более поздний срок. Или весь музей вообще закроют. Марго потрясла головой. Если это произойдет, она точно уедет в Массачусетс.

Марго направилась к галерее Уокера и заднему входу на выставку. К ее смятению, большие железные двери оказались закрыты. Перед ними на двух медных столбиках висел бархатный шнур, а рядом неподвижно стоял полицейский.

– Могу я помочь вам, мисс? – спросил он. На его нагрудной табличке было написано “Ф. БОРЕГАР”.

– Хочу повидать Джорджа Мориарти, – ответила Марго. – Думаю, он на выставке. Нужно кое-что отдать ему.

Она помахала распечаткой, но на полицейского это не произвело впечатления.

– Извините, мисс, – сказал он. – Уже шестой час. Вам не следует находиться здесь. – И добавил помягче: – К тому же выставка опечатана до открытия.

– Но... – запротестовала было Марго, потом со вздохом повернулась и пошла обратно к ротонде.

Зайдя за угол, девушка остановилась. В конце пустого коридора виднелся большой полутемный зал. Полицейского Борегара видно не было. Поддавшись порыву. Марго повернула налево, через маленький, невысокий проем в другой, параллельный коридор. Может, все-таки еще не поздно найти Мориарти.

Марго поднялась по широкой лестнице, осторожно огляделась и крадучись вошла в сводчатый зал, посвященный насекомым. Потом свернула направо и вышла на галерею, опоясывающую второй ярус морского зала. Как и повсюду в музее, там было безлюдно и жутковато.

Она спустилась по одной из парных лестниц на гранитный пол нижнего яруса. Шагая еще осторожнее, миновала группу моржей в натуральную величину и тщательно изготовленный макет подводного рифа. Такие

диорамы, вошедшие в моду в тридцатых – сороковых годах, больше не строили – Марго знала, что теперь это стало слишком дорого.

В дальнем конце зала был выход на галерею Вейсмана, где устраивались большие временные экспозиции. Это была одна из галерей, где размещались “Суеверия”. Стекла дверных створок были закрыты изнутри черной бумагой, висело большое объявление: “ГАЛЕРЕЯ ЗАКРЫТА. ГОТОВИТСЯ НОВАЯ ВЫСТАВКА. СПАСИБО ЗА ПОНИМАНИЕ”.

Левая створка находилась на запоре. Правая легко подалась.

Дверь с легким шелестом закрылась, и Марго оказалась в узком пространстве между стенами галереи и “изнанкой” собственно выставки. Там в беспорядке были разбросаны листы фанеры, длинные гвозди, по полу вились электрокабели. Слева от нее громоздилось грубо сколоченное сооружение с деревянными подпорками, очень похожее на задник голливудской декорации. Эта часть выставки не предназначалась для глаз посетителей.

Марго осторожно двинулась по захламленному полу, ища какой-нибудь проход на выставку. Освещение было скудным – забранные металлической сеткой лампочки располагались через двадцать футов, – и ей вовсе не хотелось споткнуться и упасть. Вскоре девушка обнаружила небольшой проем между деревянными панелями и решила, что сможет протиснуться.

Марго попала в большой шестиугольный вестибюль. Уходящие в темноту проходы в трех стенах были обрамлены готическими арками. Освещены были главным образом расположенные почти под потолком изображения шаманов. Она задумчиво оглядела все три выхода, не представляя, в какой части выставки находится, – где начало, где конец и куда идти, чтобы отыскать Мориатри.

– Джордж? – негромко позвала она, почему-то боясь повысить голос в тишине и полумраке.

Марго пошла по центральному проходу и оказалась еще в одном коридоре, более длинном, чем предыдущий, и заставленном экспонатами. Кое-где в ярких пятнах света виднелись артефакты: маска, костяной нож, резная, усеянная гвоздями фигурка. Экспонаты словно бы плавали в бархатной темноте. На потолке играли причудливые тени.

К дальнему концу галереи стены сужались. У Марго появилось странное ощущение, будто она погружается в какую-то глубокую пещеру. Очень *впечатляюще,* подумала девушка. Ей было понятно, почему Фрок недоволен выставкой.

Марго шла все дальше в темноту, слыша только собственные шаги по толстой ковровой дорожке. Экспонатов она не видела, пока едва не натыкалась на них, и гадала, как будет возвращаться в вестибюль с шаманами. Если повезет, может, где-нибудь окажется незапертый выход – незапертый и хорошо освещенный.

Впереди и без того узкий коридор раздваивался. После минутного колебания Марго выбрала правое ответвление. Идя по нему, она разглядела по обе стороны маленькие ниши, в каждую был помещен какой-нибудь причудливый артефакт. Тишина была такой, что Марго невольно затаила дыхание.

Коридор расширился, превратился в комнату, и Марго остановилась перед коллекцией покрытых татуировкой голов маори. Они не ссохлись – под кожей определенно находились черепа, сохраненные, как объясняла надпись на табличке, с помощью копчения. Глазницы были заткнуты каким-то волокном, кожа цвета красного дерева поблескивала. Между черными съежившимися губами белели зубы. Голов было шесть. Синие татуировки поражали сложностью: замысловатые спирали многократно пересекались, изгибаясь бесчисленными узорами на щеках, носах и подбородках. Табличка гласила, что татуировки сделаны при жизни, а головы сохранены в знак уважения.

За стендом с головами стены галереи сходились углом. В углу был установлен массивный, приземистый тотемный столб, подсвеченный снизу тусклым оранжевым светом. Тени громадных волчьих голов и птиц с хищно изогнутыми клювами серели на черном потолке. Уверенная, что забрела в тупик, Марго неохотно подошла к тотемному столбу. За ним слева увидела небольшой проход, ведущий в какую-то нишу. И медленно направилась туда, стараясь ступать бесшумно. Желание снова окликнуть Мориарти у нее давно исчезло. *Слава Богу, я далеко от старого подвала,* подумала девушка.

В нише размещалось собрание фетишей. Некоторые представляли собой грубо вытесанные из камня фигурки животных, но большей частью то были чудовища, олицетворявшие темную сторону людских суеверий. Еще один проход вывел Марго в длинную узкую комнату. Всю ее сверху донизу покрывал черный войлок, сквозь невидимые отверстия сочился тусклый голубой свет. Потолок был низким. Марго едва не касалась его головой. *Смитбеку пришлось бы передвигаться на четвереньках,* мелькнула у нее мысль.

Из этой комнаты Марго попала в восьмиугольный зал под высоким крестовым сводом. Разноцветные лучики проникали сверху сквозь витражные стекла со средневековыми изображениями ада, вмонтированные в сводчатый потолок. В каждой стене было по большой витрине.

Марго подошла к ближайшей и обнаружила, что заглядывает в гробницу индейцев майя. Посредине ее лежал скелет, покрытый толстым слоем пыли. На ребрах – золотой нагрудник, пальцы унизаны золотыми кольцами. Вокруг черепа полукругом стояли раскрашенные глиняные горшки. В одном виднелись ссохшиеся початки кукурузы.

В следующем окне демонстрировалось эскимосское погребение в скалах с мумией эскимоса, обернутой звериными шкурами. Дальше следовало нечто еще более поразительное: гнилой европейского стиля гроб без крышки вместе с телом покойника. Труп с заметными следами разложения был одет в почти истлевшие сюртук, галстук и брюки. Голова его была приподнята, словно он хотел поведать Марго какой-то секрет, под закрытыми веками бугрились глаза, рот застыл в мучительной гримасе. Марго попятилась. *Господи помилуй,* подумала она, *это чей-то прадед.* Прозаический тон таблички, описывающий ритуалы похорон в девятнадцатом веке, не соответствовал безобразию зрелища. *Действительно,* подумала Марго, *музей рискует, выставляя подобные экспонаты.*

Она решила не смотреть в остальные витрины и вышла через низкий сводчатый проход в дальнем конце восьмиугольного зала. Коридор за ним раздваивался. Слева находился небольшой тупик; справа длинный узкий проход вел в темноту. Идти туда ей не хотелось, во всяком случае, сразу. Она вошла в тупичок и внезапно замерла. Потом приблизилась к одной из витрин, чтобы разглядеть ее повнимательнее.

Эта галерея представляла концепцию высшего зла во множестве мистических форм. Там были многочисленные изображения средневекового дьявола; был эскимосский злой дух Торнарсук. Но внимание Марго привлек грубый каменный алтарь, поставленный в центре галереи. На алтаре стояла освещенная желтым светом статуэтка, детали которой были проработаны так, что у Марго перехватило дыхание. Покрытое чешуйками существо сидело, опираясь на четыре лапы. Однако в фигурке было кое-что – длинные предплечья, посадка головы – волнующе-человеческое. Марго содрогнулась. *Какое воображение породило существо с чешуей и шерстью?* Взгляд ее опустился к табличке.

МБВУН. Это статуэтка злого бога Мбвуна, вероятно, изваянная индейцами племени котога из верховьев Амазонки. Свирепый бог, известный также как Тот, Кто Ходит На Четвереньках, внушал огромный страх соседним племенам. По местным мифам, котога были способны заклинать Мбвуна и отправлять на уничтожение соседних племен. Артефактов племени котога найдено очень мало, и это единственное известное изображение Мбвуна. Кроме немногочисленных упоминаний в амазонских легендах, о котога и их таинственном “дьяволе” ничего не известно.

Марго пробрала дрожь. Она вгляделась внимательнее, испытывая отвращение перед чертами рептилии, маленькими злобными глазами… когтями. На каждой передней лапе их было три.

О Господи. Не может быть.

Внезапно Марго осознала, что инстинкт велит ей замереть. Прошла минута, затем другая.

Потом вновь послышался тот самый звук. Какой-то едва уловимый шелест, неторопливый, сводящий с ума своей легкостью. Ковер толстый, и шаги должны раздаваться близко… очень близко. Марго казалось, что она задохнется от невыносимой козлиной вони.

Девушка торопливо огляделась по сторонам, подавляя страх, ища безопасный выход. Темнота была полной. Марго бесшумно выбралась из комнаты, пересекла развилку. Шелест раздался снова, и она со всех ног побежала в темноту, мимо омерзительных экспонатов и ухмыляющихся масок, которые словно бы выскакивали из черноты, по извилистым коридорам, стараясь выбрать самый укромный путь.

Наконец, совершенно заблудившись и запыхавшись, Марго юркнула в нишу с экспонатами первобытной медицины. Ловя ртом воздух, присела за витриной с трепанированным человеческим черепом на железном стержне. Спряталась в ее тени и прислушалась.

Никаких звуков. Дыхание Марго становилось медленнее, рассудок возвращался. Там ничего нет. Да и не было – просто этот кошмарный поход разбередил воображение. *Напрасно я пробралась сюда,* подумала она. *Не знаю, захочу ли теперь снова прийти – даже в самую людную субботу*.

Однако надо было отыскать выход. Уже поздно, но Марго надеялась, что в здании есть люди, которые услышат ее стук, если она набредет на запертую дверь. Неловко будет объясняться с охранником или полицейским. Зато она все-таки выйдет.

Марго подняла взгляд над витриной. Даже если действительно *воображение* сыграло с ней злую шутку, возвращаться тем же путем не хотелось. Затаив дыхание, девушка бесшумно вышла из ниши. Тишина.

Марго повернула налево и медленно двинулась по коридору, пытаясь понять, где может быть выход. У большой развилки остановилась и, до боли в глазах вглядываясь в темноту, стала думать, куда свернуть. *Разве здесь не должно быть указателей “Выход”? Очевидно, их пока не установили*. Как водится. Но левый коридор казался предпочтительнее: он как будто вел в большой зал, невидимый в темноте.

Боковым зрением Марго уловила движение. Руки и ноги у нее стали ватными, девушка нерешительно глянула вправо. Какая-то тень – черная на черном фоне – бесшумно скользила к ней, петляя между витринами и усмехающимися артефактами.

Ужас прибавил сил, и Марго понеслась по коридору. Скорее ощутила, чем увидела, что коридор кончился и стены расступились. Потом она разглядела две вертикальные полоски света, окаймлявшие проем большой двустворчатой двери. Не замедляя шага, Марго бросилась на нее. Дверь распахнулась, что-то застучало. Ворвался тусклый свет – красный, горящий в музее по ночам. Прохладный воздух охладил ее щеки.

Зарыдав, Марго захлопнула дверь и прислонилась к ней. Закрыла глаза, прижалась лбом к холодному металлу и, всхлипывая, силилась вновь обрести дыхание.

В полумраке за ее спиной явственно раздалось чье-то покашливание.

Часть вторая

Выставка “Суеверия”

21

– Что происходит? – послышался суровый ГОЛОС.

Марго повернулась, ноги ее подкашивались от облегчения.

– Борегар, там... – начала было она и замолчала на полуслове.

Полицейский, поднимавший сшибленные дверью медные столбики, услышав свою фамилию, поднял взгляд.

– О, да вы та девушка, которая пыталась пройти на выставку! – Глаза его сузились. – В чем дело, мисс, вы не понимаете слова “нет”?

– Послушайте, там... – заговорила снова Марго и умолкла.

Полицейский отступил и сложил руки на груди. Потом на его лице появилось удивленное выражение.

– Что за черт? Что с вами, леди? Марго сгибалась пополам, смеялась – или плакала, она сама не могла понять – и утирала слезы. Борегар взял ее за руку.

– Пожалуй, вам придется пройти со мной. Смысл этой фразы – необходимость сидеть в комнате, полной полицейских, снова и снова повторять свой рассказ, ждать вызова доктора Фрока или даже доктора Райта, возвращаться на выставку – заставил Марго выпрямиться. Они *просто сочтут меня сумасшедшей*.

– О, в этом нет необходимости, – заявила она, шмыгая носом. – Я просто слегка испугалась. На лице Борегара отразилось сомнение.

– Все же думаю, нам следует пойти поговорить с лейтенантом д’Агостой. – Свободной рукой он достал из заднего кармана большую записную книжку в кожаной обложке. – Как ваша фамилия? Я должен буду написать рапорт.

Было ясно, что он ее так просто не отпустит.

– Меня зовут Марго Грин, – сказала она наконец. – Я аспирантка, работаю под руководством доктора Фрока. Выполняла поручение Джорджа Мориарти – он занимается этой выставкой. Но вы оказались правы. Там никого не было.

Говоря, она мягко высвободила руку из пальцев полицейского. Потом стала пятиться к мемориальному залу Селоуса, продолжая говорить. Борегар смотрел на нее, потом пожал плечами, раскрыл записную книжку и стал писать.

Оказавшись в зале, Марго остановилась. Возвращаться в кабинет было нельзя: время близилось к шести, и это явилось бы серьезным нарушением. А домой она ехать не хотела – не могла.

Потом вспомнила о распечатке для Мориарти. Прижала локоть к боку. Сумочка была на месте. Чуть постояв, Марго подошла к пустому справочному киоску. Сняла трубку внутреннего телефона и набрала номер.

Один гудок, затем голос:

– Мориарти слушает.

– Джордж? Это Марго Грин.

– Привет, Марго, – сказал Мориарти. – В чем дело?

– Я нахожусь в зале Селоуса, – ответила она. – Только что вышла с выставки.

– С моей выставки? – удивленно переспросил Мориарти. – Что ты там делала? Кто тебя впустил?

– Искала тебя, – ответила она. – Хотела отдать текст. Ты был *там?*

Марго вновь ощутила приступ страха.

– Нет. Выставка должна быть опечатана до открытия в пятницу вечером, – сказал Мориарти. – А что?

Марго глубоко дышала, пытаясь овладеть собой. Руки дрожали, и трубка постукивала по уху.

– Что скажешь о ней? – с любопытством спросил Мориарти.

У Марго вырвался истерический смешок.

– Страшная.

– Мы привлекли экспертов, чтобы разработать систему расположения и освещения экспонатов. Доктор Катберт даже нанял человека, который спроектировал Мавзолей с привидениями. Знаешь, он признан лучшим специалистом в мире.

Марго наконец почувствовала, что может снова говорить нормально.

– Джордж, со мной на выставке что-то находилось.

С дальней стороны зала к Марго направился охранник.

– Как это понять – что-то?

– Именно так!

Девушка мысленно перенеслась обратно на выставку, в темноту, к той жуткой статуэтке. И ощутила во рту горький привкус страха.

– Ну-ну, не кричи, – сказал Мориарти. – Слушай, пойдем в “Кости” и там все обсудим. Нам все равно пора покинуть музей. Я слышу, что ты говоришь, но не понимаю.

Заведение, которое в музее именовали “Костями”, местным обывателям было известно как “Самоцвет”. Невзрачный фасад бара находился между большими нарядными домами прямо напротив южного входа в музей, на другой стороне Семьдесят второй улицы. В отличие от других баров северного Вест-Сайда в “Самоцвете” не предлагали паштета из зайца или пяти разновидностей минеральной воды, но там можно было получить колбасный хлеб домашнего приготовления и кувшин пива за десять долларов.

Сотрудники музея прозвали заведение “Костями”, потому что Болейн, владелец, прикрепил гвоздями и проволокой на каждой свободной плоской поверхности поразительное количество костей. Стены были увешаны бесчисленными бедренными и берцовыми костями. Плюсны, лопатки и коленные чашечки складывались в причудливые мозаики на потолке. Черепа странных млекопитающих находились в каждом мыслимом углублении. Где он добывал эти кости, было тайной, но кое-кто утверждал, что Болейн совершает ночные набеги на музей.

“Люди приносят”, – неизменно объяснял хозяин бара, пожимая плечами. Естественно, у работников музея “Самоцвет” стал любимым местом сборищ.

И сегодня недостатка в посетителях не наблюдалось. Мориарти и Марго пришлось протискиваться сквозь толпу к пустой кабине. Оглянувшись, Марго заметила несколько знакомых, в том числе и Билла Смитбека. Журналист сидел у стойки, оживленно разговаривая со стройной блондинкой.

– Порядок, – сказал Мориарти, повысив голос, чтобы перекрыть гомон. – Так о чем ты говорила по телефону?

Марго сделала глубокий вдох.

– Я пробралась на выставку, чтобы отдать тебе распечатку. Там было темно. И за мной что-то ходило. *Преследовало* меня.

– Опять “что-то”. Почему ты так говоришь?

Марго раздраженно потрясла головой.

– Не проси объяснения. Там были звуки, похожие на глухие шаги. До того осторожные, что я… – Не найдя подходящих слов, девушка пожала плечами. – И странный запах. Отвратительный.

– Послушай, Марго, – заговорил Мориарти, но тут же отвлекся, делая официантке заказ. – Эта выставка и задумана так, чтобы от нее бежали по коже мурашки. Ты сама говорила, что Фрок и еще кое-кто считают ее чересчур сенсационной. Могу представить, каково тебе там было: одна, взаперти, в темноте…

– Другими словами, я все придумала? – Марго невесело усмехнулась. – Ты даже не представляешь, как бы мне самой хотелось в это верить.

Официантка принесла для Марго легкого пива, для Мориарти пинту “Гиннесса” с положенным полудюймовым слоем пены поверх краев. Тот отпил глоток, словно дегустируя.

– Эти убийства, слухи, которые ходят по музею. Я, наверное, реагировал бы точно так же.

Марго, немного успокоившись, осторожно продолжила:

– Джордж, эта статуэтка индейцев котога на выставке…

– Мбвун? А что с ним такое?

– На передних лапах у него по три когтя.

Мориарти с наслаждением пил “Гиннесс”.

– Знаю. Замечательная работа, одно из украшений выставки. Хоть и неприятно в этом признаваться, я полагаю, что самым привлекательным в статуэтке является тяготеющее над ней проклятие.

Марго отпила пива.

– Джордж, расскажи во всех подробностях, что тебе известно о проклятии, тяготеющем над Мбвуном.

Их разговор был прерван чьим-то возгласом. Подняв взгляд. Марго увидела Смитбека, вышедшего из дымного полумрака, – он нес охапку блокнотов, волосы растрепались. Женщины, с которой он разговаривал у стойки, нигде не было видно.

– Встреча изгнанников, – сказал журналист. – Необходимость покидать музей в пять – сущее наказание. Избави меня, Боже, от полицейских и руководителей отделов по связям с общественностью.

Без приглашения он вывалил на стол блокноты и уселся рядом с мисс Грин.

– Я слышал, полиция собирается допросить тех, кто работает неподалеку от мест убийств, – сказал журналист. – Насколько я понимаю, Марго, это распространяется и на тебя.

– Мой допрос намечен на будущую неделю, – ответила Марго.

– Я ничего об этом не слышал, – произнес Мориарти. Судя по выражению его лица, он был раздосадован появлением Смитбека.

– Ну, тебе на твоей верхотуре беспокоиться не о чем, – заявил ему журналист. – Очевидно, Музейный зверь не способен подниматься по лестницам.

– Ты сегодня в дурном настроении, – заметила Марго Смитбеку. – Рикмен опять искромсала твою рукопись?

Журналист все еще продолжал обращаться к Мориарти:

– Собственно, тебя-то я и искал. У меня вопрос. – Мимо проходила официантка, и Смитбек помахал ей. – Виски “Макаллан”, чистого.

Потом продолжал:

– Я хотел узнать, что там за история со статуэткой Мбвуна.

Наступило ошеломленное молчание. Смитбек перевел взгляд с Мориарти на Марго.

– Что я такого сказал?

– Мы как раз разговаривали о Мбвуне, – нерешительно ответила она.

– Вот как? – произнес Смитбек. – Мир тесен. В общем, старик австриец, фон Остер, сказал мне, что Рикмен поднимала шум, когда Мбвуна устанавливали на стенд. Намекала на какие-то тайны. Поэтому я начал копать.

Официантка принесла виски, журналист поднял стакан в безмолвном тосте, потом осушил.

– Пока что я разузнал только кое-какие подробности из прошлого, – продолжал он. – В верховьях Шингу, притока Амазонки, обитало племя котога. Публика, надо полагать, была еще та – колдуны, человеческие жертвоприношения и все такое прочее. Поскольку следов эти дикари почти не оставили, антропологи решили, что они вымерли несколько столетий назад. Сохранилась только куча мифов у тамошних племен.

– Мне кое-что известно об этом, – заговорил Мориарти. – Мы с Марго как раз завели речь о Мбвуне. Только не все считают…

– Знаю, знаю. Не перебивай.

Мориарти с недовольным видом откинулся на спинку стула. Делать замечания ему было привычнее, чем выслушивать их.

– Словом, несколько лет назад в музее работал человек по фамилии Уиттлси. Он организовал экспедицию в верховья Шингу на поиски следов племени котога – артефактов, мест древних стоянок и прочего – Смитбек с заговорщицким видом подался вперед. – Но Уиттлси скрыл от всех, что собирается искать не только следы племени. Он надеялся найти само племя! Вбил себе в голову, что котога еще существуют, и не сомневался, что сможет отыскать их. Разработал так называемую триангуляцию мифа.

Тут уж Мориарти не смог больше сдерживаться:

– Это значит – пометить на карте все места, где бытуют легенды о каком-нибудь народе, установить, где эти легенды наиболее подробны и последовательны, а затем определить центр региона, в котором распространен этот миф. Наиболее вероятно, что источник мифа находится там.

Смитбек поглядел на Мориарти.

– Угу. Словом, этот Уиттлси отправился на их поиски в восемьдесят седьмом году и сгинул в амазонских джунглях. Больше его никто не видел.

– Тебе рассказал все это фон Остер? – Мориарти закатил глаза. – Кошмарный старик.

– Может, и кошмарный, но знает о музее многое. – Смитбек с грустью поглядел в свой пустой стакан. – Насколько я понял, в джунглях произошла серьезная ссора, и большая часть членов экспедиции повернула обратно раньше времени. Они нашли нечто столь важное, что решили немедленно вернуться, но Уиттлси воспротивился. Он остался с помощником по фамилии Крокер. Видимо, оба погибли в джунглях. Но когда я попросил фон Остера рассказать поподробнее о статуэтке Мбвуна, тот вдруг словно бы язык проглотил. – Смитбек томно потянулся и стал искать взглядом официантку. – Видимо, придется отыскать кого-то, кто был в той экспедиции.

– Не везет тебе, – сказала Марго. – Они все погибли в авиакатастрофе на обратном пути.

Журналист пристально взглянул на нее.

– Вот оно что. А ты откуда знаешь?

Марго заколебалась, вспомнив просьбу Пендергаста держать язык за зубами. Потом подумала о Фроке, о том, как сильно он стиснул утром ей руку. *Нам нельзя упускать такую возможность.*

– Расскажу тебе то, что знаю, – неторопливо произнесла она. – Но ты должен об этом помалкивать. И обещай помочь мне, чем сможешь.

– Осторожнее, Марго, – предостерег Мориарти.

– Помочь тебе? Само собой, не проблема, – ответил Смитбек. – Кстати, чем?

Марго, запинаясь, поведала им о встрече с Пендергастом в сохранной зоне, о слепке когтя и ранах убитых людей, о ящиках, наконец, об истории, рассказанной Катбертом. Потом описала статуэтку Мбвуна, которую видела на выставке, – без упоминания о своем страхе и бегстве. Она понимала, что Смитбек поверит ей не больше, чем Джордж Мориарти.

– Когда ты подошел, – закончила она, – я расспрашивала Джорджа, что он знает о проклятии, тяготеющем над Мбвуном.

Мориарти пожал плечами.

– В сущности, не так уж много. По местным легендам, племя котога было таинственным, с шаманскими культами. Считалось, что оно способно повелевать демонами. У этих индейцев было существо – фамильяр[12], если угодно, – которое они использовали для убийств из мести: Мбвун, Тот, Кто Ходит На Четвереньках. Так вот, Уиттлси наткнулся на эту статуэтку и другие предметы, упаковал их и отправил в музей. Конечно, подобные осквернения священных предметов

совершались уже бесчисленное множество раз. Но когда он пропал в джунглях, а остальные члены экспедиции погибли на обратном пути... – Мориарти пожал плечами. – Вот вам и проклятие.

– А теперь люди гибнут в музее, – сказала Марго.

– По-твоему, тяготеющее над Мбвуном проклятие, разговоры о Музейном звере и эти убийства имеют между собой какую-то связь? Оставь, Марго, уйми свою фантазию.

Она пристально поглядела на Мориарти.

– Не ты ли говорил мне, что Катберт не разрешал устанавливать статуэтку на выставке до последней минуты?

– Да, верно, – согласился тот. – Катберт не спускал глаз с этого реликта. Ничего странного, если учесть его ценность. А что до задержки с установкой, это, по-моему, идея Рикмен. Может, она решила подстегнуть таким образом интерес к статуэтке?

– Сомневаюсь, – возразил Смитбек. – Она мыслит иначе. Скорее даже старается *избежать* интереса. Пригрози скандалом – она съежится, как мотылек в огне.

И хохотнул.

– Ну а в чем твой интерес ко всему этому? – спросил Мориарти.

– Думаешь, старый, пыльный артефакт не может интересовать меня?

Смитбек наконец привлек внимание официантки и велел повторить заказ.

– Но ведь Рикмен наверняка не позволит тебе писать об этом, – сказала Марго. Журналист скорчил гримасу.

– Вот-вот. Это может оскорбить всех котога, живущих в Нью-Йорке! Собственно, услышав от фон Остера, что Рикмен ужом вилась из-за этой статуэтки, я решил покопаться, поискать чего-нибудь скандального. Чтобы при очередной нашей встрече чувствовать себя увереннее. Иметь возможность, к примеру, заявить: «Эта глава останется, иначе я несу материал об Уиттлси в журнал “Смитсониан”».

– Постой-постой, – сказала Марго. – Я не для того доверила тебе эти сведения, чтобы ты использовал их в своих интересах – и только. Понимаешь? Мы должны побольше разузнать об этих ящиках. Существу, которое убивает людей, что-то в них нужно. Мы обязаны узнать, что именно.

– Самое важное для нас – найти журнал Уиттлси, – заявил Смитбек.

– Но Катберт говорит, он утерян, – ответила Марго.

– А ты запрашивала базу данных о поступлениях? – спросил журналист. – Возможно, там есть какие-то сведения. Я занялся бы этим сам, но к подобной информации у меня нет санкционированного доступа.

– У меня тоже, – ответила Марго. Она рассказала о разговоре с Кавакитой.

– А что думает Мориарти? – произнес Смитбек. – Ты ведь умеешь обращаться с компьютерами. К тому же ты помощник хранителя, доступ к информации тебе обеспечен.

– Я считаю, пусть этим занимается начальство. – Мориарти с достоинством откинулся. – Незачем нам соваться в такие дела.

– Как ты не понимаешь? – взмолилась Марго. – *Никто* не знает, с чем мы здесь имеем дело. Человеческие жизни – а возможно, и будущее музея – под угрозой.

– Марго, я знаю, что у тебя мотивы благородные, – сказал Мориарти. – А вот в мотивах Билла не уверен.

– Мои помыслы чисты, как Кастальский ключ, – заверил Смитбек. – Рикмен штурмует цитадель журналистской объективности. Я просто хочу отстаивать бастионы.

– А не проще было бы делать то, чего хочет Рикмен? – иронически осведомился Мориарти. – На мой взгляд, твоя вендетта несколько отдает ребячеством. И знаешь что? Тебе ее не одолеть.

Официантка принесла напитки, Смитбек опрокинул свой стакан и с наслаждением выдохнул.

– Когда-нибудь я разделаюсь с этой сукой.

22

Борегар дописал докладную и сунул записную книжку в задний карман. Он понимал, что об этом инциденте следовало бы немедленно доложить. *К черту*. Девчонка выглядела перепуганной, ясно, что ничего дурного она не замышляла. Он доложит, когда представится возможность, не раньше.

Борегар пребывал в дурном настроении. Ему не нравилось исполнять обязанности сторожа. Хотя это лучше, чем регулировать движение в ночное время. И произвело хорошее впечатление на О'Райенов. Да, можно будет сказать, *меня назначили работать над* этим *делом в музее. Извините, рассказывать ничего не могу*.

Что-то здесь слишком тихо, подумал Борегар. Он считал, что в обычный день жизнь в музее должна бурлить. Но с минувшего воскресенья музей уже не был обычным. Правда, в течение дня служащие ходили в залы новой выставки. А потом ее заперли до открытия. Без письменного разрешения доктора Катберта вход туда был запрещен для всех, кроме полицейских или охранников. Слава Богу, смена кончается в шесть, и впереди два свободных дня. Можно будет поехать одному на рыбалку в горы Катскилл. Он уже несколько недель мечтал об этом.

Ободряя себя, Борегар провел рукой по кобуре "смит-вессона" тридцать восьмого калибра. Как всегда наготове. А на другом бедре пистолет с дробовыми патронами, там достаточно электрошоковых игл, чтобы парализовать слона.

Борегар услышал за спиной звук, похожий на очень осторожные шаги.

С внезапно забившимся сердцем он оглянулся и осмотрел запертую дверь на выставку. Нашарил ключ, отпер ее и заглянул внутрь.

– Кто там?

В ответ ни звука, лишь прохладный ветерок овеял ему щеки.

Борегар закрыл дверь и проверил замок. Выйти можно, войти нельзя. Та девушка, видимо, проникла туда через передний вход. Но разве там не заперто? Вечно ему ничего не говорят.

Звук послышался снова.

Черт, с ним, подумал Борегар, что *там внутри* – не *мое дело. Я должен никого не пускать на выставку. А насчет выпускать ничего не сказано*.

И принялся что-то напевать, отбивая ритм по бедру двумя пальцами. Через десять минут в этом доме с привидениями его уже не будет.

Звук послышался снова.

Борегар вторично отпер двери и сунул голову внутрь. Разглядел несколько витрин, темную лестничную площадку.

– Полиция. Кто там, отзовитесь, пожалуйста!

Витрины были темными, стены казались смутными тенями. Никто не отозвался.

Закрыв двери, охранник достал рацию.

– Борегар вызывает командный пункт. Слышите меня?

– Диспетчер слушает. Что случилось?

– Докладываю о шумах у заднего входа на выставку.

– Какого рода шумы?

– Непонятно. Похоже, там кто-то есть.

Послышался какой-то разговор, приглушенный смех.

– Э… Фред?

– Что?

Борегар с каждой минутой раздражался все больше. Диспетчер был известным зубоскалом.

– Смотри, не входи туда.

– Почему?

– Фред, возможно, это чудовище. Еще схватит тебя.

– Пошел к черту, – буркнул Фред. Без дублера ему не полагалось ничего проверять, и диспетчеру это было известно.

Из-за дверей донесся какой-то скребущий звук, словно кто-то царапал их когтями. Борегар заметил, что дыхание его участилось.

Рация заработала.

– Ну, видел чудовище? – спросил диспетчер. Стараясь говорить как можно спокойнее. Борегар произнес:

– Повторно докладываю о непонятных звуках на выставке. Для проверки прошу дублера.

– Дублер ему понадобился. – Раздался приглушенный смех. – Фред, прислать некого. Все заняты.

– Слушай, ты, – рявкнул Борегар, выходя из себя. – Кто там с тобой? Почему не пошлешь его?

– Здесь Макнитт. Устроил себе короткий перерыв, пьет кофе. Верно. Макнитт?

Борегар снова услышал смех. И выключил Рацию. *Черт бы их подрал,* подумал он. *Работнички.* Он надеялся, что лейтенант ведет подслушивание на этой частоте.

Стоя в темном коридоре, он ждал. *Еще* пять *минут, и меня здесь не будет.*

– Диспетчер вызывает Борегара. Слушаешь?

– Прием, – ответил Борегар.

– Макнитт еще не появился?

– Нет, – сказал Борегар. – Перерыв у него наконец кончился?

– Да я просто пошутил, – слегка нервозно ответил диспетчер. – Я тут же отправил его.

– Ну, значит, он заблудился, – сказал Борегар. – А моя смена кончается через пять минут. Потом я исчезаю на сорок восемь часов, и ничто не сможет этому помешать. Свяжись с ним.

– Он не отвечает, – сказал диспетчер.

Борегара осенило.

– Каким путем отправился Макнитт? Сел в лифт семнадцатой секции, тот, что за пунктом оперативного реагирования?

– Да, я направил его к этому лифту. У меня карта, такая же, как у тебя.

– Значит, чтобы попасть сюда, ему придется идти через выставку. Умная ты голова. Надо было послать его через пищеблок.

– Оставь в покое мою голову, Фредди. Заблудился Макнитт, а не я. Когда он появится, сообщи.

– Появится он или нет, через пять минут меня здесь не будет. Потом уже разговаривай с Эффингером. Конец связи.

Тут с выставки донесся глухой стук, словно кто-то упал. Черт возьми, подумал Борегар. Макнитт. Отпер двери и вошел, расстегивая кобуру "смит-вессона".

Диспетчер положил в рот еще один пончик, прожевал и запил глотком кофе. Рация зашипела.

– Макнитт вызывает командный пункт. Отзовись, диспетчер.

– Сообщение принято. Где ты, черт возьми?

– У заднего входа. Борегара здесь нет. Не могу его дозваться.

– Давай я попробую. – Он заговорил: – Диспетчер вызывает Борегара. Фред, отвечай. Диспетчер вызывает Борегара… Слушай, Макнитт, похоже, он разозлился и ушел. Его смена как раз кончилась. Кстати, как ты добирался туда?

– Отправился тем маршрутом, что ты сказал, но передний вход на выставку оказался заперт, а ключей у меня нет. Пришлось идти в обход. Слегка заблудился.

– Постой там, ладно? Его сменщик должен быть с минуты на минуту. По графику – Эффингер. Сообщи, когда он явится, и возвращайся.

– А вот и он. Будешь докладывать об исчезновении Борегара?

– Смеешься? Он что, ребенок?

23

Д’Агоста, развалясь на потертом заднем сиденье “бьюика”, глядел на Пендергаста. *Черт* возьми, думал он, такому парню *нужно было бы предоставить уж в крайнем случае лимузин последней модели*. А ему дали проездивший четыре года “бьюик” с шофером, который едва говорит по-английски.

Глаза Пендергаста были полузакрыты.

– Сверни на Восемьдесят шестой и поезжай через Центральный парк, – громко приказал водителю д’Агоста.

Тот повиновался.

– Езжай по Пятой авеню до Шестьдесят пятой улицы, там сделаешь поворот, – сказал д’Агоста.

– По Пятьдесят девятой быстрее, – возразил водитель с сильным ближневосточным акцентом.

– Только не в часы пик, – повысил голос лейтенант. Черт, не могли дать даже знающего город водителя.

Выехав на авеню, водитель пронесся мимо Шестьдесят пятой улицы.

– Что ты делаешь, черт возьми? – напустился на него д’Агоста. – Проскочил Шестьдесят пятую.

– Виноват, – ответил тот и свернул на Шестьдесят первую, где оказалась громадная пробка.

– Уму непостижимо, – обратился д’Агоста к Пендергасту. – Скажите, пусть уволят этого шута.

Пендергаст улыбнулся, глаза его по-прежнему были полузакрыты.

– Это, так сказать, подарочек нью-йоркского отделения ФБР. Зато задержка даст нам возможность все обсудить.

И откинулся на рваную спинку переднего сиденья.

Последние несколько часов агент ФБР провел на вскрытии трупа Джолли. Д’Агоста от приглашения отказался.

– Лаборатория обнаружила в нашем образце две разновидности ДНК, – продолжал Пендергаст. – Одна принадлежит человеку, другая геккону.

Д'Агоста поглядел на него.

– Геккону? Это что такое?

– Ящерица. Довольно безобидная. Они любят сидеть на стенах, греться под лучами солнца. Когда я был ребенком, однажды летом мы снимали виллу на Средиземном море, и стены были усеяны ими. Во всяком случае, лаборант так удивился этим результатам, что решил – ему устроили розыгрыш.

Пендергаст открыл портфель.

– Протокол вскрытия трупа Джолли. Кажется, ничего нового нет. Тот же образ действий, тело жутко истерзано, та часть мозга, где находится гипоталамус, извлечена. Эксперты коронера считают, что для нанесения таких глубоких ран одним ударом требуется мощь, – он глянул в машинописный текст, – вдвое большая, чем у очень сильного человека. Оценка, разумеется, приблизительная.

Пендергаст перевернул несколько страниц.

– Они также провели тесты на обнаружение слюнных ферментов в мозгу старшего мальчика и Джолли.

– Ну и как?

– Оба теста показали наличие слюны.

– Черт побери. Значит, убийца *ест* мозг?

– Не только ест, лейтенант, но и слюнявит при этом. Он, она или оно явно не обладают хорошими манерами. У вас имеется протокол осмотра места преступления? Можно взглянуть?

Д'Агоста подал ему бумаги.

– Никаких сюрпризов – там нет. На картине была кровь Джолли. Обнаружены следы крови, ведущие мимо сохранной зоны по лестнице в нижний подвал. Только дождь прошлой ночью, само собой, смыл все следы.

Пендергаст пробежал глазами документ.

– А вот протокол осмотра двери в хранилище. Кто-то долго колотил по ней, очевидно, каким-то тупым орудием. Там еще обнаружены царапины трех зубцов, совпадающие с ранами на трупах. Приложенная сила и здесь была значительной.

Агент ФБР вернул бумаги лейтенанту.

– Похоже, нам придется уделить максимум внимания нижнему подвалу. Пока что, Винсент, наша основная надежда – эти ДНК. Если определим происхождение обломка когтя, у нас появится первая надежная нить. Потому-то я и просил об этой встрече.

Машина подъехала к небольшому кирпичному, увитому плющом зданию, обращенному фасадом к Ист-Ривер. Охранник провел д’Агосту и Пендергаста в боковую дверь.

В лаборатории Пендергаст, встав у стола посреди комнаты, поздоровался с учеными Бухгольцем и Тероу. Д’Агосту восхищало, как легко южанин ведет беседу.

– Нам с коллегой хотелось бы понять сам процесс анализа ДНК, – говорил Пендергаст. – Нам необходимо знать, как вы пришли к таким результатам, и можно ли провести дополнительные анализы. Уверен, что понимаете.

– Разумеется, – деловито ответил невысокий, совершенно облысевший Бухгольц. – Исследование проводил мой ассистент, доктор Тероу.

Тероу робко ступил вперед.

– Когда нам давали образец, – заговорил он, – то просили установить, не принадлежит ли он крупному хищному млекопитающему, прежде всего большой кошке. В подобных случаях мы сравниваем ДНК образца с ДНК пяти-шести видов, у которых есть вероятность совпадения. Но подбираем также животное, которое определенно отличается от образца, и его генетический материал является контрольной группой. Вам понятно?

– Пока что да, – ответил Пендергаст. – Если чего-нибудь не пойму, будьте ко мне снисходительны. В этих вопросах я младенец.

– Обычно в качестве контрольной группы используем человеческую ДНК, потому что у нас много ее хромосомных карт. Мы устраиваем на образце ЦРП – то есть цепную реакцию полимеразы. Таким образом получаются тысячи копий генов. И с этим материалом мы работаем.

Тероу указал на большую машину с прозрачными полосами плексигласа по бокам. За ними виднелись темные вертикальные ленты, образующие сложный рисунок.

– Это гель-электрофорез в пульсирующем поле. Мы помещаем образец сюда, и частицы его перемещаются вдоль этих боковин через гель в соответствии с их молекулярным весом. Они воздействуют на

положение этих темных лент. По их рисунку с помощью компьютера мы определяем, какие гены наличествуют. Он глубоко вздохнул.

– В общем, тест на гены больших кошек оказался негативным. *Совершенно* негативным. Ничего близкого не было. И к нашему удивлению, мы получили позитивный результат на гены контрольной группы, то есть Homo Sapiens. Кроме того, как вам известно, мы обнаружили цепи ДНК от нескольких разновидностей геккона – по крайней мере это выглядит так. – Вид у исследователя был несколько сконфуженный. – Однако большинство генов в образце остались неопознанными.

– И поэтому вы заподозрили примесь.

– Совершенно верно. Примесь или порчу. Большое количество повторяющихся пар в образце предполагает высокий уровень генетического повреждения.

– Генетического повреждения? – переспросил Пендергаст.

– Когда ДНК повреждена или дефектна, она часто реплицирует долгие повторяющиеся последовательности одних и тех же пар азотистых оснований. Повредить ДНК могут вирусы. А также радиация, некоторые химикалии, даже рак.

Пендергаст принялся расхаживать по лаборатории, разглядывая окружающее с почти детским любопытством.

– Меня очень интересуют гены гекконов. Что они, собственно, означают?

– Непонятно, – проговорил Тероу. – Гены эти редкие. Бывают очень распространенные гены, например, цитохром Б, который можно обнаружить и в барвинке, и у человека. Но о генах геккона нам ничего не известно.

– То есть вы полагаете, что эта ДНК взята не от животного, так? – спросил д’Агоста.

– Ни от одного известного науке крупного млекопитающего хищника, – ответил Бухгольц. – Мы испытывали все релевантные таксисы. Очень мало совпадений, чтобы утверждать, что ДНК от геккона. Поэтому методом исключения можно прийти к выводу, что она, возможно, человеческая. Но дефектная либо с примесями. Результаты противоречивы.

– Этот образец, – сказал д’Агоста, – найден в теле убитого мальчика.

– Вот оно что! – произнес Тероу. – В таком случае легко объяснить, откуда примесь человеческого генетического материала. Право, все было бы гораздо проще, знай мы об этом с самого начала.

Пендергаст нахмурился.

– Образец взят из корневого канала когтя, извлекал его, насколько я понимаю, эксперт-патологоанатом, прилагая все старания, чтобы не допустить никаких примесей.

– Тут хватило бы и одной клетки, – сказал Тероу. – Говорите, из когтя? – На минуту задумался. – Позвольте выдвинуть гипотезу. Коготь мог принадлежать ящерице, напитавшейся человеческой кровью ее жертвы. Любой ящерице – не обязательно геккону.

Он поглядел на Бухгольца.

– Мы опознали некоторые ДНК, как принадлежащие геккону, потому что некий человек в Батон-Руже несколько лет назад проводил исследования генетики гекконов и передал результаты в лабораторию. Иначе эти гены оказались бы неопознанными, как и большинство в этом образце.

Пендергаст обратился к Тероу:

– Я бы просил, с вашего позволения, о продолжении работ. Необходимо выяснить, что означают эти гены геккона.

Тероу нахмурился.

– Мистер Пендергаст, вероятность успешных анализов не столь уж велика, а работа может продлиться несколько недель. Мне кажется, эта загадка уже разгадана...

Бухгольц похлопал его по спине.

– Давайте избавим агента Пендергаста от догадок. В конце концов полиция за это платит, а процедура анализов очень дорогостоящая.

Пендергаст широко улыбнулся.

– Рад, что вы упомянули об этом, доктор Бухгольц. Счет отправьте руководителю особых операций ФБР. – Он записал адрес на своей визитной карточке. – И пожалуйста, не беспокойтесь. Какую бы сумму вы ни запросили, она будет выплачена.

Д’Агоста не смог сдержать усмешки. Он понял, что Пендергаст сводит счеты за дрянную машину. Покачал головой. Вот *черт!*

Четверг

В четверг в начале двенадцатого утра по залу древних народов носился как одержимый человек, утверждавший, что он живое воплощение фараона Тутанхамона. Безумец снес два стенда храма Азар-Нар, разбил витрину и вытащил из гробницы мумию. Чтобы схватить его, потребовалось трое полицейских, а несколько хранителей до пяти часов меняли бинты и собирали древний прах.

Не прошло и часа, как из зала больших обезьян выбежала посетительница, вопя что-то нечленораздельное о существе, притаившемся в темном углу туалета. Телевизионная группа, ожидавшая у южного входа, когда появится Райт, засняла на пленку, как женщина выходила в истерике.

Во время обеденного перерыва группа, именующая себя “Союз против расизма”, начала пикетировать музей, призывая к бойкоту выставки “Суеверия”.

В первом часу Энтони Макферлейн, всемирно известный филантроп и охотник на крупную дичь, предложил награду в полмиллиона долларов за поимку и доставку живым Музейного зверя. Музей немедленно стал отрицать всякую связь с Макферлейном.

Обо всем этом пресса сообщила оперативно. Однако о прочих событиях никто за стенами музея не узнал.

В полдень четверо служащих самовольно ушли с работы. Тридцать пять взяли отпуска не по графику, почти триста сказались больными. Вскоре после обеда младший препаратор в отделе палеонтологии позвоночных потеряла сознание. Ее доставили в медицинский пункт, где она, придя в себя, потребовала продленного отпуска и пособия по несчастному случаю, ссылаясь на стресс.

К трем часам охранники семь раз ходили искать источники подозрительных шумов в разных секциях музея. К пяти часам полицейских на командном пункте сотрудники четырежды оповещали о том, что видели нечто странное, однако полицейские ничего не обнаружили.

Впоследствии на коммутаторе музея будет зафиксировано точное количество телефонных звонков о чудовище в тот день: их было сто семь, в том числе бредни психов, угрозы взорвать музей и предложения помощи от всевозможной публики, начиная от крысоловов и кончая экстрасенсами.

Смитбек осторожно распахнул потемневшую дверь и заглянул внутрь. Ему пришло в голову, что это, пожалуй, одно из самых мрачных мест в музее: хранилище лаборатории физической антропологии или, как его именуют сотрудники “скелетная”. Музей располагает одним из крупнейших собраний скелетов в стране, вторым после Смитсоновского института. Только в этой комнате их двенадцать тысяч. В основном индейских и африканских, собранных в девятнадцатом веке, в лучшую пору физической антропологии. Ярусы больших выдвижных ящиков упорядочение поднимаются к потолку: в каждом находится по меньшей мере фрагмент человеческого скелета. На каждом ящике – пожелтевшая этикетка с номером, названием племени, иногда с краткой историей. Другие, более краткие этикетки, отдают холодком анонимности.

Смитбек однажды бродил среди этих ящиков, открывал их и читал выцветшие записи, сделанные изящным почерком. Некоторые из них он переписал в блокнот:

Экз. № 1880 – 1770

Объятый тучей. Сиу. Убит в бою при Медсин Бау Крик, 1880.

Экз. № 1899 – 1206

Мэгги Пропавший конь. Северный шайен.

Экз. № 1933 – 43469

Анасази. Каньон-дель-Муэрто. Экспедиция Торпа-Карлсона, 1990.

Экз. № 1912 – 695

Луо. Озеро Виктория. Подарок вождя. Генерал Генри Трокмортон, баронет.

Экз. № 1872 – 10

Алеут, происхождение неизвестно.

Поистине странный могильник.

За хранилищем находятся комнаты, в которых располагается лаборатория физической антропологии. Сотрудники ее в прежние дни большую часть времени занимались измерением костей, попытками определить расовые закономерности, установить место зарождения человечества и тому подобными изысканиями. Теперь там проводятся гораздо более сложные биохимические и эпидемиологические исследования.

Несколько лет назад – по настоянию Фрока – с этой лабораторией решили слить лаборатории изучения генетики и ДНК. За пыльным

складом костей расположен блистающий чистотой набор громадных центрифуг, шипящих автоклавов, электрофорезных аппаратов, светящихся мониторов, стеклянных ректификационных колонн и систем для титрования – лучших технических достижений в этой области. На нейтральной полосе между старым и новым Грег Кавакита и устроил себе кабинет. Смитбек поглядел в ту сторону сквозь высокие стеллажи складского помещения. Шел одиннадцатый час, и никого, кроме Кавакиты, там не было. Через пустые полки журналист видел, как Кавакита, стоящий в нескольких рядах от него, что-то резко вертит над головой в левой руке. Потом раздался свист лески и жужжание катушки спиннинга. Вот *те на,* подумал Смитбек.

– Поймал что-нибудь? – громко спросил он.

Послышался резкий вскрик и стук выпавшего из руки удилища.

– Черт тебя дери, Билл, – откликнулся Кавакита. – Вечно ты подкрадываешься! Пугать людей, знаешь ли, сейчас не стоит. У меня мог оказаться пистолет.

Он вышел из прохода, сматывая леску и притворно хмурясь.

Смитбек засмеялся.

– Говорил же тебе, не работай здесь, среди скелетов. Вот видишь, уже начинаешь пороть горячку.

– Практикуюсь, – улыбнулся Кавакита. – Смотри. Третья полка. Горб Буйвола.

Он взмахнул удилищем. Леска с жужжанием взлетела, блесна ударилась о ящик на третьем ярусе в конце прохода. Смитбек подошел к нему. Точно: здесь хранились кости человека, некогда носившего имя Горб Буйвола.

Журналист присвистнул.

Держа пробковый конец удилища в правой руке, Кавакита левой подтянул леску.

– Пятая полка, второй ряд. Джон Мбойя. Леска вновь просвистела в узком пространстве, и крохотная блесна ударилась о названную этикетку.

– Посторонись, Айзек Уолтон[13], – восхитился Смитбек.

Кавакита смотал леску и стал разбирать бамбуковое удилище.

– Совсем не то, что удить на реке, – заговорил он, – но отличная практика, особенно в этом ограниченном пространстве. Помогает

расслабиться во время перерывов. Конечно, если леска не цепляется за один из ящиков.

Поступив на работу в музей, Кавакита отказался от предложенного светлого кабинета на пятом этаже и потребовал гораздо меньший в лаборатории, говоря, что хочет быть поближе к материалу. С тех пор он опубликовал больше статей, чем иные хранители за все время работы. Труды на стыке наук под руководством Фрока быстро привели его к должности помощника хранителя в отделе эволюционной биологии. Поначалу он отдавал все силы изучению эволюции растений. И умело использовал для продвижения известность своего наставника. В последнее время Кавакита отложил занятия растениями ради экстраполятора. В жизни у него были две страсти: работа и рыбная ловля: в особенности, объяснял он тем, кто этим интересовался, ужение столь благородной и трудноуловимой рыбы, как атлантический лосось.

Кавакита сунул спиннинг в видавший виды футляр и бережно поставил в угол. Потом, жестом пригласив журналиста следовать за собой, пошел по длинному проходу к большому столу и трем массивным стульям. Смитбек обратил внимание, что стол завален бумагами, стопками потрепанных монографий и низкими лотками, где под пластиковыми крышками лежали в песке человеческие кости.

– Взгляни на это, – сказал Кавакита, придвигая что-то Смитбеку. То было гравированное изображение генеалогического древа. На ветвях его висели таблички с латинскими словами.

– Красиво, – признал Смитбек, усаживаясь.

– И только, – ответил Кавакита. – Это представление середины прошлого столетия об эволюции человека. Художественный шедевр, но с научной точки зрения – чушь. Я пишу статью для журнала “Хьюмен эволюшн куотерли” о ранних взглядах на эволюцию.

– И когда ее опубликуют? – с профессиональным любопытством осведомился Смитбек.

– В начале будущего года. Материалы в научных журналах проходят медленно.

– Какое отношение это имеет к твоей нынешней работе – АБЦ, или ДЦТ, или как ее там?

– ЭГН, – рассмеялся Кавакита. – Совершенно никакого. Просто идейка, пришедшая в голову во время сверхурочной работы. Все еще люблю время от времени марать бумагу.

Он бережно вложил гравюру в папку и взглянул на журналиста.

– Ну, как продвигается работа над шедевром? Мадам Рикмен по-прежнему житья тебе не дает?

Смитбек рассмеялся.

– Похоже, о моей борьбе с этим тираном уже известно всем. Об этом можно написать отдельную книгу. Собственно говоря, я пришел поговорить о Марго.

Кавакита сел напротив Смитбека.

– О Марго Грин? В чем дело?

Журналист принялся бесцельно листать одну из лежавших на столе монографий.

– Насколько я понял, ей в чем-то нужна твоя помощь.

Глаза Кавакиты сузились.

– Она звонила вчера вечером, спрашивала, можно ли пропустить некоторые данные через экстраполятор. Я ответил, что он еще не готов. – Кавакита пожал плечами. – В техническом отношении это так. За стопроцентную точность корреляции поручиться не смогу. И в эти дни, Билл, я ужасно занят. У меня нет времени быть нянькой кому-то в работе над программой с начала до конца.

– Марго не так уж безграмотна, чтобы водить ее за ручку, – ответил Смитбек. – Она занимается каким-то сложным генетическим исследованием. Ты, должно быть, часто видишь ее в этой лаборатории.

Отодвинув книги, он подался вперед.

– Не мешало бы помочь девушке. Время для нее сейчас нелегкое. Недели две назад умер ее отец.

– Правда? Вы об этом говорили в комнате отдыха?

Смитбек кивнул.

– Марго была немногословна, но в душе у нее идет борьба. Она подумывает уйти из музея.

– Это было бы ошибкой, – нахмурился Кавакита. Начал что-то говорить, потом внезапно умолк. Откинулся на спинку стула и устремил на журналиста долгий оценивающий взгляд. – Билл, с твоей стороны это весьма альтруистично. – Поджал губы и несколько раз медленно кивнул. – Билл Смитбек, милосердный самаритянин. Входишь в новый образ?

– Для тебя я Уильям Смитбек-младший.

– Билл Смитбек, скаут-орел, – продолжал Кавакита. Затем покачал головой. – Звучит неубедительно. Ты явился не для разговора о Марго, так ведь?

Смитбек замялся.

– Ну, это одна из причин.

– Я так и знал! – торжествующе произнес Кавакита. – Ну давай, выкладывай, зачем пришел.

– Ладно, – вздохнул журналист. – Мне нужны сведения об экспедиции Уиттлси.

– О *чем?*

– О той экспедиции в Южную Америку, которая вывезла статуэтку Мбвуна. Ну, знаешь, ценный экспонат на новой выставке.

Лицо Кавакиты озарилось догадкой.

– А, да. Должно быть, это та самая, о которой старик Смит говорил вчера в гербарии. Почему она тебя интересует?

– Знаешь, мы думаем, что между той экспедицией и этими убийствами существует какая-то связь.

– Что? – изумился Кавакита. – Неужели и ты поверил слухам о Музейном звере? И кто это “мы”?

– Разве я сказал, будто верю во что-то? – уклончиво ответил Смитбек. – Но в последнее время ходит много странных слухов. И Рикмен сама не своя из-за того, что статуэтка Мбвуна экспонируется. Кроме этого реликта, та сгинувшая экспедиция отправила в музей еще много чего – несколько ящиков. Мне хотелось бы разузнать о них побольше.

– А при чем тут, собственно, я? – осведомился Кавакита.

– Ни при чем. Но ты помощник хранителя. У тебя есть доступ к музейному компьютеру. Ты можешь запросить каталожную базу данных и получить информацию об этих ящиках.

– Сомневаюсь, что они зарегистрированы, – сказал Кавакита. – Но в любом случае это не имеет значения.

– Почему? – спросил журналист. Кавакита усмехнулся.

– Подожди минутку.

Он поднялся, пошел в лабораторию и вскоре вернулся с листком бумаги в руке.

– Должно быть, ты ясновидящий, – сказал Кавакита, подавая ему бумагу. – Смотри, что я обнаружил сегодня утром среди почты.

НЬЮ-ЙОРКСКИЙ МУЗЕЙ ЕСТЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

ДЛЯ ВНУТРЕННЕГО ПОЛЬЗОВАНИЯ

Хранителям и старшим служащим от Лавинии Рикмен Копии: Райту, Льюаллену, Катберту, Лафору.

Вследствие недавних прискорбных событий музей находится под пристальным вниманием средств массовой информации и общественности в целом. Поэтому я решила пересмотреть политику музея в сфере внешних связей.

Все деловые отношения с прессой должны вестись через отдел по связям с общественностью. Запрещается давать официальные и неофициальные комментарии относительно положения дел в музее журналистам и другим представителям средств массовой информации. Любые заявления или содействие лицам, собирающим материал для интервью, документальных фильмов, книг, статей и т.д., должны быть согласованы с данным отделом. Нарушение этих указаний повлечет за собой дисциплинарные меры со стороны дирекции.

Благодарю за сотрудничество в это трудное время.

– Черт возьми, – пробормотал Смитбек. – Смотри. “Лицам, собирающим материал для книг”.

– Билл, это она о тебе, – рассмеялся Кавакита. – Ну вот, видишь? Руки мои связаны. – Достав из заднего кармана носовой платок, он высморкался и объяснил: – У меня аллергия к костной пыли.

– Даже не верится, – сказал журналист, перечитывая инструкцию.

Кавакита обнял его за плечи.

– Билл, дружище, я знаю, эта история способствовала бы увеличению тиража. И с радостью помог бы тебе написать самую дискуссионную, возмутительную и непристойную книгу, какую только возможно. Но не могу. Буду откровенен. Я здесь работаю и, – он сильнее стиснул плечи журналиста, – надеюсь на повышение в должности. Позволить себе идти против течения не могу. Придется тебе искать другой путь. Идет?

Смитбек покорно кивнул.

– Идет.

– Вид у тебя растерянный, – снова засмеялся Кавакита. – Но я все же рад, что ты понял. – И мягко поднял журналиста на ноги. – Слушай. Может, съездим в воскресенье на рыбалку?

Смитбек наконец усмехнулся.

26

Д’Агоста находился в дальнем конце музея, когда его вызвали по рации. Обнаружено что-то подозрительное, восемнадцатая секция, компьютерный зал.

Он вздохнул, сунул рацию обратно в чехол и подумал о своих усталых ногах. Всем в этом чертовом здании мерещатся призраки.

В коридоре возле компьютерного зала толпилось, нервозно перешучиваясь, около десятка людей. У закрытой двери стояли двое полицейских в форме.

– Так, – сказал д’Агоста, доставая сигару. – Кто из вас что-то видел?

Из группы вышел молодой человек. В очках, в белом лабораторном халате, со скошенными плечами, с калькулятором и пейджером на поясе. *Черт* возьми, подумал д’Агоста, *где только берут таких?*

– Собственно, *я не видел* ничего, – заговорил он, – но в энергоблоке слышался громкий стук. Словно кто-то колотил по двери, пытался выйти…

Лейтенант повернулся к полицейским.

– Давайте заглянем туда.

Он попытался повернуть шарообразную дверную ручку, она не поддавалась. Кто-то протянул лейтенанту ключ:

– Мы ее заперли. Не хотели, чтобы оттуда что-то появилось…

Д’Агоста махнул рукой. Это выглядело смехотворным. Взрослые люди боятся привидений. Как они могут намечать большое праздничное открытие выставки на завтрашний вечер? Надо было закрыть этот чертов музей после первых убийств.

Большой круглый зал блистал чистотой. В центре его на большом постаменте купался в ярком свете неоновых ламп белый цилиндр высотой около пяти футов. Лейтенант решил, что это центральный компьютер музея. Цилиндр негромко гудел, его окружали мониторы, автоматизированные рабочие места, столы и шкафы с книгами. В дальней стене виднелись две закрытые двери.

– Посмотрите здесь, ребята, – сказал д’Агоста полицейским, держа во рту незажженную сигару. – Я поговорю с этим типом, запишу его показания.

И вышел обратно в коридор.

– Имя, фамилия? – спросил он молодого человека.

– Роджер Трамкэп. Я начальник смены.

– Так, – устало сказал лейтенант, записывая. – Вы сообщаете о шумах в зале обработки данных.

– Нет, сэр, зал обработки данных наверху. Это компьютерный зал. Мы следим за аппаратурой, обеспечиваем работу систем.

– Значит, компьютерный. – Лейтенант сделал еще одну запись. – Когда впервые услышали эти шумы?

– Было минут пять одиннадцатого. Мы как раз заканчивали положенное на день изготовление резервных копий.

– Ясно. Заканчивали работу в десять часов?

– Резервные копии нельзя делать в часы наибольшей нагрузки системы, сэр. У нас есть специальное разрешение приходить к шести утра.

– Счастливчики. И где же вы слышали шумы?

– Они доносились из энергоблока.

– Это...

– Дверь слева от МП-три. От компьютера, сэр.

– Я видел там две двери, – сказал д’Агоста. – Что находится за другой?

– А, это темная комната, сэр. Туда невозможно войти без ключа-карточки.

Лейтенант как-то странно взглянул на Трамкэпа.

– Там находятся комплекты дискет и тому подобное. Запоминающие устройства. Называется комната темной, потому что там все автоматизировано, туда имеют право входить только люди из бригады техобслуживания. – Он гордо кивнул. – Никаких операторов. По сравнению с нами зал обработки данных пребывает в каменном веке. У них до сих пор операторы вручную устанавливают ленты.

Д’Агоста снова вошел внутрь.

– Шумы раздавались за вон той левой дверью, давайте заглянем туда, – сказал он полицейским. И обернулся к Трамкэпу: – Никого сюда не пускайте.

Дверь в энергоблок распахнулась, обдав полицейских запахами горячей электропроводки и озона. Лейтенант, пошарив по стене, нашел выключатель и включил свет.

Первым делом, как того требуют правила, он осмотрелся. Трансформаторы. Забранные решетками вентиляционные отверстия. Кабели. Несколько больших кондиционеров. Масса горячего воздуха. И ничего больше.

– Осмотрите оборудование со всех сторон, – сказал д'Агоста.

Полицейские тщательно все осмотрели. Один из них обернулся и пожал плечами.

– Хорошо, – подытожил д'Агоста, выходя в компьютерный зал. – По-моему, там никого нет. Мистер Трамкэп?

– Да? – отозвался тот, втянув голову в плечи.

– Можете сказать своим людям, пусть возвращаются. Там все в порядке, но мы на ближайшие тридцать шесть часов установим в зале пост. – Лейтенант повернулся к полицейскому, выходившему из энергоблока. – Уотерс, останься здесь до конца смены. Для проформы. Потом я кого-нибудь пришлю. *Еще несколько раз кому-нибудь что-нибудь померещится, и у меня не останется людей.*

– Ладно, – ответил Уотерс.

– Правильно, – заговорил Трамкэп. – Видите ли, этот зал – сердце музея. Вернее, мозг. Мы обслуживаем телефоны, электросеть, принтеры, электронную почту, систему охраны…

– Да-да, – перебил д'Агоста. И подумал, не та ли это охрана, у которой нет схемы нижнего подвала.

Служащие стали возвращаться на рабочие места. Д'Агоста утер лоб. *Чертовски жарко.* И повернулся, собираясь уйти.

– Родж, – послышался за его спиной чей-то голос. – У нас проблема.

Лейтенант задержался.

– О Господи, – сказал Трамкэп, глядя на монитор. – Система производит сброс памяти. Что за черт…

– Родж, главный терминал работал в режиме резервирования, когда ты отошел? – спросил невысокий человек с большими зубами. – Если

резервные ленты кончились и никакой реакции не последовало, он мог перейти на сброс низкого уровня.

– Пожалуй, ты прав, – сказал Роджер. – Останови сброс и проверь, все ли ленты выработаны.

– Он не реагирует.

– Операционная система выключена? – спросил Трамкэп, наклоняясь к монитору, перед которым сидел большезубый. – Дай-ка взглянуть.

Послышался сигнал тревоги, негромкий, но пронзительный, назойливый. Д’Агоста увидел в потолочной панели над главным компьютером красный огонек и решил, что, пожалуй, ему лучше пока остаться.

– Это что? – спросил Трамкэп. *Ну и жарища,* подумал д’Агоста. Как они только *ее терпят?*

– Что означает этот сигнальный код?

– Не знаю. Посмотри.

– Где?

– В справочнике, балда! Он у тебя на столе. Вот, взял его.

Трамкэп принялся листать страницы.

– Двадцать два девяносто один, двадцать два девяносто один… вот, нашел. Это сигнал перегрева. О Господи, машина раскаляется! Немедленно вызови техников.

Д’Агоста пожал плечами. Стук, который они слышали, видимо, издавали выходящие из строя компрессоры кондиционера. *Нетрудно догадаться. Температура здесь, наверное, градусов девяносто.* Идя по коридору, он разминулся с двумя спешащими техниками.

Как и большинство современных суперкомпьютеров, музейный МП-3 был способен лучше выдерживать перегрев, чем “большие железки”, выпускавшиеся лет десять – двадцать назад. Его силиконовый мозг в отличие от вакуумных трубок и транзисторов прежних моделей мог дольше работать при температурах выше рекомендованных без поломки и потери данных. Однако интерфейс, напрямую связанный с системой безопасности музея, был установлен без учета спецификаций изготовителя. Когда температура в компьютерном зале достигла девяноста четырех градусов, допуски микросхемы ПЗУ оказались превышенными. Сбой произошел через девяносто секунд.

Уотерс, стоя в углу оглядывал зал. Техники ушли больше часа назад, в помещении стояла приятная прохлада. Все снова пришло в норму, слышалось только гудение компьютера и однообразное пощелкивание многочисленных клавиш. Он праздно глянул на экран терминала, возле которого никого не было, и увидел мерцавшую надпись.

НЕИСПРАВНОСТЬ ВНЕШНЕЙ МАТРИЦЫ ПЗУ АДРЕС: 33 B1 4A OE

Это походило на китайскую грамоту. Неужели нельзя сказать то же самое понятным языком? Уотерс ненавидел компьютеры, потому что ничего не получал от них, кроме пропуска “с” в своей фамилии на счетах. Он терпеть не мог самодовольных ослов-компьютерщиков. Если там что-то случилось, пусть у них болит голова.

27

Смитбек сложил блокноты у одной из своих излюбленных библиотечных кабин. Тяжело вздохнув, втиснулся в нее, поставил на стол портативный компьютер и включил небольшую лампочку над головой. Ему было рукой подать до обшитого дубовыми панелями читального зала с красными кожаными креслами и мраморным камином, который не разжигали лет сто. Но журналист предпочитал тесные обшарпанные кабины. Особенно укромные, где можно изучать добытые рукописи и документы – или слегка вздремнуть – с относительным комфортом и без помех.

Музейное собрание новых, старых и редких книг по всем аспектам естественной истории не имеет себе равных. За многие годы музей получал столько завещанных и преподнесенных в дар книжных коллекций, что их не успевали вносить в каталоги. Однако Смитбек знал библиотеку лучше, чем большинство библиотекарей. Он мог отыскать погребенный под другими документ в рекордно короткое время.

Поджав губы, журналист размышлял. Мориарти – несговорчивый бюрократ, добиться от Кавакиты ничего не удалось. Больше он не знает никого, кто мог бы помочь с доступом в базу данных.

Но эту проблему можно решить несколькими способами.

В микрофильмовом каталоге журналист стал просматривать указатель статей в “Нью-Йорк таймс”. Дошел до семьдесят пятого года. Там не оказалось ничего – и, как он вскоре выяснил, в журналах, имеющих отношение к естественной истории и антропологии, тоже.

Смитбек пролистал старые выпуски издаваемого в музее журнала в поисках хоть какой-нибудь информации о той экспедиции. Ничего. Из нескольких строчек биографии Уиттлси в справочнике “Кто есть кто в НЙМЕИ” он не узнал ничего нового.

Журналист выругался под нос. *Найти сведения об этом человеке труднее, чем сокровище Оук-Айленда.*

Смитбек неторопливо поставил тома обратно на полки и огляделся. Потом взял несколько листов из блокнота и небрежно подошел к столу дежурной, предварительно удостоверившись, что видит ее впервые.

– Надо вернуть эти листы в архив, – сказал он ей.

Дежурная недоверчиво посмотрела на него, хлопая глазами.

– Вы у нас новый читатель?

– Меня на прошлой неделе перевели сюда из научной библиотеки. Так сказать, в порядке ротации.

Он улыбнулся ей, надеясь, что улыбка получилась искренней.

Дежурная с сомнением нахмурилась, и тут на ее столе зазвонил телефон. Она заколебалась, потом сняла трубку, рассеянно протянув ему регистрационную тетрадь и ключ на длинном синем шнурке.

– Запишитесь, – проговорила она, прикрыв трубку ладонью.

Это была чистейшей воды авантюра. Библиотечные архивы находятся за серой дверью без надписи в отдаленном углу книгохранилища. Смитбек однажды был там, на законном основании. Ему было известно, что основная часть музейных архивов находится где-то в другом месте, что библиотечные подшивки весьма специфичны. Но что-то не давало ему покоя. Он закрыл дверь и поспешил вдоль стоящих на полках и в штабелях ящиков с этикетками.

Пройдя вдоль одной стены, журналист свернул к другой и вдруг остановился. Осторожно снял ящик с надписью “КВИТАНЦИИ АВИАГРУЗОВ”. Присев на корточки, быстро пролистал бумаги.

Дошел снова до семьдесят пятого года. Разочарованный, пролистал все подряд еще раз. Ничего интересного.

Когда он водружал ящик обратно на высокую полку, взгляду его предстала этикетка: “КОНОСАМЕНТы[14]. 1979 – 1990”. Находиться в архиве можно было от силы еще пять минут.

– Нашел, – наконец прошептал Смитбек, вынимая из ящика запачканный листок. Достал из кармана микрокассетный магнитофон и тихо наговорил на него ключевые слова: Белен; новоорлеанский порт; Бруклин. “Стрелла де Венесуэла” – Звезда Венесуэлы. Странно, подумал он. *Чересчур долгая стоянка в Новом Орлеане.*

– У вас очень довольный вид, – заметила дежурная, когда Смитбек положил ключ ей на стол.

– День удачный, – ответил журналист. И завершил запись в регистрационной тетради: “Себастьян Мелмот, вошел в 11.10, вышел в 11.25”.

В микрофильмовом каталоге Смитбек задумался. У той новоорлеанской газеты какое-то странное название, судя по всему, она основана еще до Гражданской войны. Ага, “Таймс-Пикиюн”.

Он быстро просмотрел каталог. Вот и она:

“Таймс-Пикиюн”, выходит с 1840 года.

Журналист вставил в машину кассету 1988 года. Приближаясь к октябрю, замедлил ход пленки, потом вообще остановил ее. Из просмотрового устройства на него глядел заголовок крупным шрифтом во всю полосу.

– О Господи, – прошептал Смитбек.

Теперь он совершенно точно знал, почему ящики, отправленные экспедицией Уиттлси, так долго находились в Новом Орлеане.

28

Извините, мисс *Грин,* но его дверь все еще заперта. Я передам ему ваше сообщение при первой возможности.

Фрок, уходя с головой в ту или иную проблему, часто запирался у себя в кабинете. Секретарша знала, что беспокоить его нельзя. Тем утром Марго дважды пыталась связаться с профессором, но безуспешно. Когда он нарушит свое уединение, сказать было трудно.

Как же быть его глазами и ушами, если она не может даже поговорить с ним?

Марго глянула на часики. Двадцать минут двенадцатого – утро уже почти кончилось. Повернулась к терминалу и попыталась войти в компьютер музея.

ПРИВЕТ МАРГО ГРИН

С ВОЗВРАЩЕНИЕМ В РАСПРЕДЕЛЕННУЮ СЕТЕВУЮ СИСТЕМУ МУЗЕЯ ВЫПУСК 15-5

ВСЕМ ПОЛЬЗОВАТЕЛЯМ – ВАЖНОЕ СООБЩЕНИЕ

СЕГОДНЯ УТРОМ СИСТЕМА ВЫШЛА ИЗ МАССИВА, ВОССТАНОВЛЕНИЕ БУДЕТ ПРОИЗВЕДЕНО К ПОЛУДНЮ. ОБО ВСЕХ

ИСЧЕЗНУВШИХ ИЛИ ИСПОРЧЕННЫХ ФАЙЛАХ СООБЩАЙТЕ АДМИНИСТРАТОРУ. РОДЖЕР ТРАМКЭП.

ВАС ЖДЕТ 1 СООБЩЕНИЕ

Марго включила меню электронной почты и прочла:

ОТ ДЖОРДЖА МОРИАРТИ. ВЫСТАВКА. ОТПРАВЛЕНО В 10.14.07.30/111 – 95. СПАСИБО ЗА ТЕКСТ – ВСЕ ЗАМЕЧАТЕЛЬНО, МЕНЯТЬ НИЧЕГО НЕ ТРЕБУЕТСЯ. ПОМЕСТИМ ЕГО, КОГДА БУДЕМ ДЕЛАТЬ ОКОНЧАТЕЛЬНУЮ ДОВОДКУ ПЕРЕД ОТКРЫТИЕМ ДЛЯ ШИРОКОЙ ПУБЛИКИ.

МОЖЕТ, ПООБЕДАЕМ СЕГОДНЯ ВМЕСТЕ? ДЖОРДЖ

ОТВЕТИТЬ, СТЕРЕТЬ, ЗАНЕСТИ В ФАЙЛ (О/С/Ф)?

Прежде чем она выбрала команду, нарушив тишину, зазвонил телефон.

– Алло? – произнесла она в трубку.

– Марго? Привет. Это Джордж, – послышался голос Мориарти.

– Привет, – ответила девушка. – Извини, только что прочла твое сообщение.

– Я так и думал, – весело сказал он. – Еще раз спасибо за помощь.

– Была рада помочь. Мориарти немного помолчал.

– Ну и... – начал он робко. – Как насчет обеда?

– Извини, – сказала Марго. – Я бы с удовольствием, но жду звонка от доктора Фрока. Это может произойти и через пять минут, и через неделю.

По молчанию она поняла, что Мориарти разочарован.

– Послушай, – заговорила Марго. – Может, заглянешь ко мне по пути в кафетерий? Если Фрок позвонит к тому времени, я буду свободна. Если нет... что ж, побудешь здесь пару минут, пока я жду, поможешь мне, например, решить кроссворд в “Таймс”.

– Конечно! – оживился Мориарти. – Я знаю всех австралийских млекопитающих. Марго поколебалась.

– А может, пока ты будешь здесь, сможем запросить инвентарную базу данных, разузнать о ящиках Уиттлси...

Молчание. Наконец Мориарти вздохнул.

– Хорошо, раз для тебя это так важно. Думаю, вреда от этого никому не будет. Загляну около двенадцати.

Полчаса спустя в дверь постучали.

– Войдите, – ответила Марго.

– Да здесь заперто, черт возьми. Это был не Мориарти. Она открыла дверь.

– Вот не ожидала увидеть здесь *тебя*.

– Как, по-твоему, судьба это или удача? – произнес Смитбек, быстро входя и закрывая дверь за собой. – Слушай, Цветок Лотоса, со вчерашнего вечера я был весь в делах.

– Я тоже, – сказала Марго. – С минуты на минуту здесь будет Мориарти, откроет нам доступ в инвентарную базу данных.

– Как тебе…

– Не важно, – самодовольно ответила Марго. Дверь открылась, заглянул Мориарти.

– Марго? – начал он. Потом увидел Смитбека.

– Не волнуйся, профессор, никакой опасности нет, – сказал журналист. – Сегодня я не в настроении язвить.

– Не обращай внимания, – сказала Марго. – У Билла есть малоприятная привычка появляться внезапно. Входи же.

– Да, и устраивайся поудобнее, – добавил Смитбек, многозначительно указывая на стул перед терминалом.

Мориарти неторопливо сел, взглянул на Смитбека, потом на Марго, затем снова на журналиста.

– Насколько я понимаю, вы хотите, чтобы я запросил инвентарные данные.

– Если ничего не имеешь против, – спокойно произнесла Марго. Присутствие Смитбека могло навести на мысль, что между ними есть сговор.

– Ладно. – Мориарти положил пальцы на клавиатуру. – Смитбек, отвернись. Пароль, сам понимаешь.

База данных музея содержит сведения о каждом из миллионов занесенных в каталог предметов музейной коллекции. Поначалу она была доступна всем служащим. Однако кто-то из руководства испугался того, что подробные описания артефактов и места их хранения могут

стать известны каждому. Теперь доступ к этой программе имели только старшие служащие – от помощника хранителя, как Мориарти, и выше.

Мориарти угрюмо нажимал клавиши.

– Я ведь могу схлопотать за это выговор, – проговорил он. – Доктор Катберт очень строг. Почему ты не обратилась с этой просьбой к Фроку?

– Я же сказала, что не могу увидеться с ним, – ответила Марго.

Мориарти нажал клавишу “ВВОД”.

– Вот, пожалуйста, – сказал он. – Смотрите быстрее. Больше запрашивать не буду.

Марго со Смитбеком уставились на экран, по которому медленно ползли зеленые буквы.

ИНВЕНТАРНЫЙ ФАЙЛОВЫЙ НОМЕР 1989 – 2006

ДАТА: 4 АПРЕЛЯ 1989

СОБИРАТЕЛИ: ДЖОН УИТТЛСИ, ЭДВАРД МАКСУЭЛЛ И ДР.

КАТАЛОГИЗАТОР: ХЬЮГО С.МОНТЕГЮ ИСТОЧНИК: АМАЗОНСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ УИТТЛСИ – МАКСУЭЛЛА МЕСТО ХРАНЕНИЯ: ЗДАНИЕ 2, ЯРУС 3, СЕКЦИЯ 6, ХРАНИЛИЩЕ 144 ПРИМЕЧАНИЕ: НИЖЕУКАЗАННЫЕ ВНЕСЕННЫЕ В КАТАЛОГ ПРЕДМЕТЫ ПОЛУЧЕНЫ 1 ФЕВРАЛЯ 1989 ГОДА В СЕМИ ЯЩИКАХ, ОТПРАВЛЕННЫХ ЭКСПЕДИЦИЕЙ УИТТЛСИ-МАКСУЭЛЛА С ВЕРХОВЬЕВ РЕКИ ШИНГУ. ШЕСТЬ ЯЩИКОВ УПАКОВАНЫ МАКСУЭЛЛОМ, ОДИН УИТТЛСИ. УИТТЛСИ И ТОМАС Р. КРОКЕР-МЛАДШИЙ НЕ ВЕРНУЛИСЬ ИЗ ЭКСПЕДИЦИИ И ПРЕДПОЛОЖИТЕЛЬНО МЕРТВЫ. МАКСУЭЛЛ И ОСТАЛЬНЫЕ ЧЛЕНЫ ЭКСПЕДИЦИИ ПОГИБЛИ В АВИАКАТАСТРОФЕ ПО ПУТИ В США. СОДЕРЖИМОЕ ЕДИНСТВЕННОГО ЯЩИКА УИТТЛСИ ЧАСТИЧНО ВНЕСЕНО В КАТАЛОГ:

ЭТО ПРИМЕЧАНИЕ ПОДВЕРГНЕТСЯ ИЗМЕНЕНИЮ, КОГДА СОДЕРЖИМОЕ ЭТОГО ЯЩИКА И ЯЩИКОВ МАКСУЭЛЛА БУДЕТ ВНЕСЕНО В КАТАЛОГ ПОЛНОСТЬЮ. ОПИСАНИЯ ВЗЯТЫ ИЗ ЖУРНАЛА, ГДЕ ЭТО БЫЛО ВОЗМОЖНО. ХСМ 4/89

– Видели? – спросил Смитбек. – Интересно, почему каталогизация так и не завершена.

– Ш-ш-ш, – прошипела Марго. – Я стараюсь все запомнить.

№ 1989 – 2006.1.

ТРУБКА ДЛЯ ВЫДУВАНИЯ СТРЕЛ И СТРЕЛЫ. НИКАКИХ ДАННЫХ СТАТУС: Я.

№ 1989 – 2006.2.

ЛИЧНЫЙ ЖУРНАЛ УИТТЛСИ, С 22 ИЮЛЯ 1987 ПО 17 СЕНТЯБРЯ 1987 СТАТУС: В.И.

№ 1989 – 2006.3.

2 ПУЧКА ТРАВЫ, ПЕРЕВЯЗАННЫХ ПЕРЬЯМИ ПОПУГАЯ, ИСПОЛЬЗОВАЛИСЬ КАК ШАМАНСКИЙ ФЕТИШ, ВЗЯТЫ ИЗ ПОКИНУТОЙ ХИЖИНЫ СТАТУС: Я.

№ 1989 – 2006.4.

ИЗЯЩНО ВЫРЕЗАННАЯ СТАТУЭТКА ЗВЕРЯ. ПРЕДПОЛОЖИТЕЛЬНО ИЗОБРАЖЕНИЕ “МБВУНА”. СМ. ЖУРНАЛ УИТТЛСИ, СТР. 56 – 59.

№ 1989 – 2006.5.

ДЕРЕВЯННЫЙ ПРЕСС ДЛЯ РАСТЕНИЙ, ПРОИСХОЖДЕНИЕ НЕИЗВЕСТНО, ВЗЯТ ВБЛИЗИ ОТ ПОКИНУТОЙ ХИЖИНЫ. СТАТУС: Я.

№ 1989 – 2006.6.

ДИСК С РЕЗНЫМИ РИСУНКАМИ.

СТАТУС: Я.

№ 1989 – 2006.7.

НАКОНЕЧНИКИ КОПИЙ РАЗНЫХ РАЗМЕРОВ И В РАЗНОМ СОСТОЯНИИ.

СТАТУС: Я.

ПРИМЕЧАНИЕ: ВСЕ ЯЩИКИ ВРЕМЕННО ПОМЕЩЕНЫ В СОХРАННУЮ ЗОНУ, ЯРУС 2Б, ПО УКАЗАНИЮ ИЕНА КАТБЕРТА 20/Ш – 95 Г.

Что означают эти коды? – спросил Смитбек.

– Указывают местонахождение артефакта в настоящее время, – ответил Мориарти. – “Я” означает, что он еще в ящике. “Н.В.” – на выставке. “В.И.” – временно изъят. Существуют и другие...

– Временно изъят? – переспросила Марго. – И это все, что помечается? Неудивительно, что журнал исчез.

– Не все, конечно, – сказал Мориарти. – Тот, кто берет предмет, должен за него расписаться. Эта база данных иерархична. Можно узнать больше подробностей, если перейти на другой уровень. Смотрите, покажу.

Он нажал несколько клавиш.

Выражение его лица изменилось.

– Странно.

На экране появилась надпись:

НЕВЕРНЫЕ ЗАПИСЬ ИЛИ ОТНОШЕНИЕ ПРОЦЕСС ОСТАНОВЛЕН

Мориарти нахмурился.

– В этой записи ничего нет о журнале Уиттлси. Он очистил экран и вновь стал нажимать клавиши.

– С другими записями все в порядке. Видите? Вот подробная запись о статуэтке. Марго вгляделась в экран.

ПОДРОБНАЯ РАСПЕЧАТКА

ПРЕДМЕТ 1989 – 2006.4.

– ################################

Изъят: КАТБЕРТОМ И. 40123 С санкции: КАТБЕРТА И. 40123 Дата изъятия: 17/111 – 95 Куда: ВЫСТАВКА “СУЕВЕРИЯ”, СТЕНД 415, ИНВ. №1004 Цель: ДЕМОНСТРАЦИЯ Дата возвращения:

– ###############################

Изъят: ДЕПАРДЬЕ Б. 72412 С санкции: КАТБЕРТА И. 40123 Дата изъятия: 10/1 – 90 Куда: АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ

ЛАБОРАТОРИЯ № 2 Цель: ПЕРВОНАЧАЛЬНОЕ

ИЗУЧЕНИЕ Дата возвращиния: 10/V – 90

– ################################

КОНЕЦ РАСПЕЧАТКИ

– Ну и что? Мы знаем, что журнал утерян, – сказала Марго.

– Даже если утерян, подробная распечатка должна остаться, – ответил Мориарти.

– На эту информацию есть знак ограничения доступа?

Мориарти покачал головой и нажал еще несколько клавиш.

– Вот оно что, – сказал он наконец, показывая на экран. – Подробная запись стерта.

– То есть сведения о местонахождении журнала уничтожены? – спросил Смитбек. – Разве это допустимо?

Мориарти пожал плечами.

– Для этого требуется идентификатор “Совершенно секретно”.

– Да и зачем кому-то могло такое понадобиться? – спросила Марго. – Может, причина в утренней неполадке с компьютером?

– Нет, – ответил Мориарти. – Я только что сделал запрос. Запись стерта раньше, по крайней мере до вчерашнего вечера. Точнее сказать не могу.

– Стерта, значит? – сказал Смитбек. – Безвозвратно исчезла. До чего четко, аккуратно. До чего кстати. Я начинаю усматривать здесь систему, и притом весьма гнусную.

Мориарти выключил терминал и откинулся на спинку стула.

– Твои теории о заговоре меня не интересуют.

– Может, это было случайностью? Или ошибкой? – спросила Марго.

– Сомнительно. База данных имеет встроенные средства контроля за целостностью. Я бы увидел сообщение об ошибке.

– В чем же тогда дело? – не отставал Смитбек.

– Понятия не имею, – пожал плечами Мориарти. – Но проблема эта в лучшем случае тривиальна.

– И это все, на что ты способен? – Смитбек презрительно фыркнул. – Тоже мне компьютерный гений!

Обиженный Мориарти поправил сползшие очки и поднялся.

– Меня все это совершенно не интересует. Иду в кафетерий. – Он направился к двери. – Марго, разобраться с кроссвордом помогу тебе в другой раз.

– Ну вот, – сказала Марго, когда дверь за ним закрылась. – Знаешь, Смитбек, ты в высшей степени тактичен. Джордж ведь пошел нам навстречу, подключил к базе данных.

– Да, и что мы узнали? Ерунду. В каталог внесено содержимое только одного из ящиков. Записи Уиттлси по-прежнему неизвестно где. – Журналист самодовольно взглянул на девушку. – А вот я сделал важное открытие.

– Напиши о нем в своей книге, – зевнула Марго. – Тогда я ее почитаю. Если смогу найти в библиотеке.

– И ты, Брут? – Смитбек усмехнулся и протянул ей сложенный лист бумаги. – Взгляни-ка.

На листе была фотокопия статьи из новоорлеанской газеты “Таймс” от 17 октября 1988 года.

ВОЗЛЕ НОВОГО ОРЛЕАНА К БЕРЕГУ ПРИБИЛО СУДНО-ПРИЗРАК

Энтони Анастазия, специально для “Таймс”

Байю-гроув, 16 октября. Возле этого приморского городка вчера выбросило на мель небольшое грузовое судно, направлявшееся в Новый Орлеан. Подробностей пока немного, однако первые сообщения указывают, что все члены команды были зверски убиты в море. Весть о выброшенном на мель судне поступила от береговой охраны в понедельник в 23.45.

Судно это, “Стрелла де Венесуэла”, сухогруз, водоизмещением 18000 тонн, плававшее под гаитянским флагом, совершало рейсы по Карибскому морю и основным торговым маршрутам между Южной Америкой и США. Повреждения незначительны, груз как будто бы нетронут.

В настоящее время неизвестно, как члены команды встретили смерть, и удалось ли кому-нибудь спастись. Анри Лепляж, летчик частного вертолета, осмотревший выброшенное судно, сообщил, что “трупы разбросаны по фордеку, словно на людей напало какое-то дикое животное. Я видел человека, свисавшего из иллюминатора мостика, затылок его пробит. Это похоже на бойню, я никогда не видел ничего подобного”.

Местные и федеральные власти совместно пытаются расследовать эти убийства, определенно самую жестокую бойню, известную за новейшую историю судоходства. “Мы рассматриваем несколько версий, но пока не пришли ни к какому заключению”, – сказал Ник Ли, представитель полиции. Хотя никаких официальных комментариев не было, федеральные источники сообщают, что в качестве возможных мотивов рассматриваются мятеж, убийство из мести конкурентами и пиратство.

– Господи, – прошептала Марго. – Описанные тут раны...

– ...напоминают те, что обнаружены здесь на трех трупах, – угрюмо кивнул Смитбек. Марго нахмурилась.

– Те убийства произошли почти семь лет назад. Должно быть, это совпадение.

– Вот как? – сказал Смитбек. – Я согласился бы с тобой – *если, бы на борту того судна не находились ящики Уиттлси!*

– Что?

– Это так. Я отыскал коносаменты. Ящики были отправлены из Бразилии в августе восемьдесят восьмого года – насколько я понимаю, почти через год после того, как экспедиция распалась. В Новом Орлеане, пока шло расследование, они лежали на таможне. И прибыли в музей почти через полтора года.

– Ритуальные убийства следовали за ящиками от самой Амазонки! – воскликнула Марго. – Но это означает...

– Это означает, – угрюмо сказал Смитбек, – что я больше не буду смеяться, слыша разговоры о проклятии, тяготевшим над той экспедицией. И что тебе следует держать дверь запертой.

Телефонный звонок заставил обоих вздрогнуть.

– Марго, дорогая, – послышался в трубке голос Фрока. – Что нового?

– Доктор Фрок! Мне хотелось бы зайти к вам на несколько минут. Как только вы сможете принять меня.

– Превосходно! – ответил ученый. – Дайте мне чуть-чуть времени отправить часть бумаг со стола в мусорную корзину. Ну, скажем, в час?

– Спасибо, – ответила Марго. И обернувшись, сказала: – Смитбек, мы должны... Однако журналиста уже след простыл. Без десяти час к ней снова постучали.

– Кто там? – спросила она через запертую дверь.

– Это я, Мориарти. Можно войти, Марго? Я только хотел извиниться, – сказал он, отказавшись от предложения сесть. – Дело в том, что Билл иногда становится невыносимым. И похоже, никогда не уймется.

– Джордж, извиняться должна я, – ответила Марго. – Я не знала, что Смитбек внезапно появится.

Она собралась было рассказать ему о газетной статье, потом передумала и принялась укладывать сумку.

– Вот еще что, – добавил Мориарти. – За обедом я сообразил, что, возможно, есть способ разузнать побольше о той стертой записи. Насчет журнала Уиттлси.

Марго бросила сумку и взглянула на севшего к терминалу Мориарти.

– Видела ты сообщение, когда входила в сеть? – спросил он.

– О неполадке с компьютером? Да. Сегодня утром меня дважды блокировали.

Мориарти кивнул.

– Сообщалось также, что файлы начнут восстанавливать с резервных лент в полдень. Для полного восстановления требуется около тридцати минут. Значит, все должно быть уже готово.

– Ну и что?

– Видишь ли, на резервной ленте содержатся двух-трехмесячные архивные записи. Если подробная запись о журнале Уиттлси стерта в течение двух последних месяцев и если резервная лента все еще на катушке в обработке данных, то я, наверное, смогу ее найти.

– Правда?

Мориарти кивнул.

– Ну так найди!

– Тут есть определенный элемент риска, – ответил Мориарти. – Если оператор системы заметит, что к ленте был доступ… то сможет проследить его до твоего компьютера.

– Рискну, – сказала Марго. – Послушай, Джордж, я знаю, ты считаешь все это бессмысленной затеей, и не могу осуждать тебя. Но у меня нет сомнений, что ящики Уиттлси имеют отношение к убийствам. Не знаю какое, но, возможно, журнал мог бы нам что-то поведать. Не знаю и с кем мы имеем дело – с маньяком, со зверем, с чудовищем. А неведение пугает меня. – Она мягко взяла руку Мориарти и сжала ее. – Но, может быть, здесь мы чего-то добьемся. Нужно попытаться.

Увидев, что Джордж краснеет, она убрала руку. Застенчиво улыбаясь, Мориарти повернулся к клавиатуре.

– Начали, – сказал он.

Пока Мориарти занимался делом. Марго расхаживала по комнате.

– Ну как? – спросила она наконец, подойдя к терминалу.

– Пока не знаю, – ответил Мориарти, глядя на экран и набирая команды. – Я добрался до этой ленты, но протокол, кажется, испорчен, контроль циклическим кодом не действует. Можно получить искаженные данные или вообще ничего не получить. Я, так сказать, вхожу с черного хода, надеясь избежать внимания. Такой поиск бывает очень медленным.

Потом щелканье клавишей прекратилось.

– Марго, – негромко произнес Мориарти. – Нашел.

На экране появились строчки.

“ПОДРОБНАЯ РАСПЕЧАТКА

ПРЕДМЕТ 1989 – 2006.2.

– ##################################

Изъят: РИКМЕН Л. 53210 С санкции: КАТБЕРТА И. 40123 Дата изъятия: 15/111 – 95 Куда: ЛИЧНОЕ НАБЛЮДЕНИЕ Цель:

Дата возвращения:

– ##################################

Изъят: ДЕПАРДЬЕ Б. 72412 С санкции: КАТБЕРТА И. 40123

Дальше шел набор бессмысленных символов.

– Черт! – воскликнул Мориарти. – Я опасался этого. Текст умышленно испорчен. Видишь? След обрывается.

– Да, но посмотри! – взволнованно сказала Марго.

Мориарти воззрился на экран.

– Журнал две недели назад взяла миссис Рикмен с разрешения доктора Катберта. Даты возвращения нет.

Марго возмущенно фыркнула.

– Катберт говорил, что журнал утерян.

– Тогда почему же эта запись уничтожена? И кто ее уничтожил? – заговорил Мориарти. Внезапно глаза его округлились. – О Господи, надо снять мою блокировку, пока нас никто не засек.

Его пальцы заплясали по клавишам.

– Джордж, – обратилась к нему Марго. – Понимаешь, что это означает? Они взяли журнал из ящика еще до того, как начались эти убийства. Примерно тогда же Катберт распорядился перенести ящики в сохранную зону. Теперь они утаивают улики от полиции. Почему?

Мориарти нахмурился.

– Ты заговорила, как Смитбек. Этому может быть тысяча причин.

– Назови хотя бы одну, – потребовала Марго.

– Самая вероятная – кто-то стер подробную запись прежде, чем Рикмен могла добавить сообщение об утерянном артефакте.

Марго покачала головой.

– Не может быть. Слишком много совпадений.

– Марго… – начал было Мориарти. Потом вздохнул. – Послушай, – терпеливо продолжал он, – время сейчас для всех нас тяжелое, особенно для тебя. Я знаю, тебе предстоит принять нелегкое решение, а тут такой кризис…

– Эти убийства совершены не каким-то обычным маньяком, – раздраженно перебила Марго. – Я *не* сошла с ума.

– Я и не говорю этого, – снова заговорил Мориарти. – Просто считаю, что ты должна предоставить заниматься этим делом полиции. Сосредоточиться на своих делах. Копание в этом не поможет тебе определиться со своим будущим. – Он сглотнул. – И не вернет твоего отца.

– Нет уж! – вспыхнула Марго. – *Ты* не… Но, взглянув на стенные часы, оборвала фразу на полуслове.

– Господи, я опаздываю на встречу с доктором Фроком.

Девушка схватила сумку и бросилась к двери. Но едва шагнув за дверь, обернулась.

– С *тобой я* еще поговорю.

Дверь громко хлопнула.

Господи, подумал Мориарти, сидя, подперев руками голову, перед погасшим экраном. *Если аспирантка, занимающаяся генетикой растений, всерьез полагает, что Мбвун может разгуливать по музею – если даже Марго Грин начинает за каждой дверью видеть заговоры, – то чего ждать от остальных служащих?*

29

Марго смотрела на Фрока: он пролил шерри на рубашку.

– Черт возьми! – Ученый провел пухлой рукой по образовавшемуся пятну. Потом очень осторожно поставил на стол стакан и поднял взгляд на Марго.

– Спасибо, что пришли, дорогая моя. Это поразительное открытие. Я бы сказал, что нам надо немедленно спуститься туда и еще раз взглянуть на статуэтку, но вскоре должен прийти этот надоедливый Пендергаст.

Дай, вам Бог здоровья, агент Пендергаст, подумала Марго. Меньше всего на свете ей хотелось спускаться на выставку.

Фрок вздохнул.

– Ничего, скоро все выяснится. Когда Пендергаст уйдет, мы узнаем правду. Статуэтка Мбвуна может оказаться дополнительным подтверждением моей теории. Если вы не ошиблись в том, что когти соответствуют ранам на телах жертв.

– Но как может такое существо разгуливать по музею? – спросила Марго.

– Вот-вот! – воскликнул ученый, и глаза его засверкали. – Это главный вопрос, не так ли? Позвольте ответить на него вопросом. Что, дорогая моя Марго, является *морщинистым?*

– Не знаю, – ответила она. – Морщинистым – то есть складчатым?

– Да. С размеренно чередующимися выпуклостями и углублениями. Я скажу вам, что является морщинистым. Яйца рептилий! И динозавров.

Марго неожиданно вспомнила, и ее словно пронзило током.

– Это слово...

– ...употребил Катберт, описывая исчезнувшие из ящика семенные коробочки, – договорил за нее Фрок. – Я спрашиваю: *действительно* ли это были семенные коробочки? У какого растения они могут быть морщинистыми и чешуйчатыми? Но яйцо...

Фрок распрямился в кресле-коляске.

– Следующий вопрос. *Куда они подевались?* Украдены? Или с ними произошло нечто иное?

Ученый внезапно умолк и ссутулился, покачивая головой.

– Но если что-то... если что-то вылупилось, выбралось из ящика, – заговорила Марго, – чем объяснить убийства на борту сухогруза, который вез эти ящики из Южной Америки?

– Марго, – ответил, посмеиваясь, Фрок, – перед нами загадка внутри загадки. Нам *необходимо* собрать побольше фактов, не теряя времени.

Послышался негромкий стук в дверь.

– Должно быть, это Пендергаст, – произнес Фрок, откидываясь на спинку кресла. Потом громче: – Войдите, пожалуйста!

Агент вошел с портфелем в руке, черный костюм его выглядел, как всегда, безупречно, белокурые волосы были зачесаны назад. На взгляд

Марго, он был таким же собранным и безмятежным, как раньше. Фрок указал на одно из викторианских кресел, и Пендергаст сел.

– Очень рад видеть вас снова, сэр, – начал Фрок. – С мисс Грин вы знакомы. Мы опять столкнулись с какой-то загадкой, поэтому, надеюсь, вы не будете возражать, если моя аспирантка останется.

Пендергаст кивнул.

– Разумеется. Я знаю, вы оба выполняете мою просьбу ничего не разглашать.

– Конечно, – ответил ученый.

– Доктор Фрок, я знаю, вы человек занятой, и поэтому буду краток, – заговорил Пендергаст. – Надеюсь, вы достигли результата в поисках артефакта, о котором мы говорили. Того, что мог служить оружием при этих убийствах.

Фрок передвинулся в кресле.

– По вашей просьбе я продолжал думать над этим делом. Запросил инвентарную базу данных об отдельных предметах и о тех, что можно разъединить. – Он покачал головой. – К сожалению, не обнаружил ничего, хотя бы отдаленно напоминающего слепок, который вы показали нам. В коллекциях никогда не было ничего похожего.

На лице Пендергаста ничего не отразилось. Потом агент улыбнулся.

– Официально мы никогда не признаем этого, но дело, скажем так, очень трудное. – Указал на свой портфель. – Меня замучили ложные обнаружения, лабораторные отчеты, беседы. Но, боюсь, мы топчемся на месте.

Фрок улыбнулся.

– Полагаю, мистер Пендергаст, мы заняты не столь уж различными делами. Я нахожусь в столь же затруднительном положении. А Его Преосвященство наверняка ведет себя так, будто ничего особенного не произошло.

Пендергаст кивнул.

– Райт очень хочет непременно открыть выставку завтра вечером, – продолжал ученый. – Почему? Потому что музей израсходовал миллионы и теперь не может свести концы с концами. Необходимо увеличить поток посетителей, чтобы не обанкротиться. Эта выставка представляется лучшим способом привлечения публики.

– Понятно, – сказал Пендергаст. Взял какую-то окаменелость со стоявшего рядом стола и принялся лениво вертеть в руке. – Аммонит?

– Совершенно верно, – ответил ученый.

– Доктор Фрок, – заговорил агент ФБР, – сейчас на меня давят со всех сторон. Поэтому приходится прилагать все силы, чтобы вести расследование по правилам. Я не должен ни с кем делиться полученными результатами, хотя обычные пути расследования, увы, ни к чему не приводят. – Осторожно положил на место окаменелость и сложил руки на груди. – Если я правильно понял, вы специалист по ДНК?

Ученый кивнул.

– Отчасти это так. Я посвятил некоторое время изучению того, как гены влияют на морфологию – на строение организма. И наблюдаю за работами аспирантов – например. Марго, чьи труды включают в себя исследования ДНК.

Пендергаст открыл портфель и достал толстую пачку компьютерных распечаток.

– Это заключение о ДНК из когтя, обнаруженного в теле одной из первых жертв. Разумеется, показывать вам его я не имею права. Нью-йоркскому отделению ФБР это не понравится.

– Понимаю, – ответил ученый. – Вы продолжаете считать, что этот коготь – самая надежная нить?

– Это наша единственно важная нить, доктор. Позвольте объяснить вам мои выводы. Я полагаю, что в музее скрывается сумасшедший. Он убивает свои жертвы ритуальным образом, отделяет заднюю часть черепа и извлекает из мозга гипоталамус.

– С какой целью? – спросил Фрок.

Пендергаст заколебался.

– Мы полагаем, для того, чтобы съесть.

Марго ахнула.

– Возможно, убийца прячется в нижнем подвале музея, – продолжал агент ФБР. – Есть много указаний на то, что он возвращается туда после совершения очередного убийства, но пока что нам не удалось установить конкретное место или обнаружить какие-то улики, указывающие на его пребывание. Во время поисков были убиты две собаки. Как вы, очевидно, знаете, это настоящий лабиринт туннелей, галерей, проходов на нескольких подземных уровнях, самому старому уже почти сто

пятьдесят лет. В музее меня снабдили картой лишь малой части всего пространства. Убийцу я называю “он”, потому что сила, используемая при убийствах, указывает на мужчину, притом далеко не слабого. Почти сверхъестественно сильного. Как вам известно, он пользуется неким оружием с тремя когтями, выпускает внутренности жертвам, очевидно, выбранным наобум. Никаких мотивов мы не обнаружили. Беседы с некоторыми сотрудниками музея ничего не дали. – Он поглядел на Фрока. – Понимаете, доктор, наша лучшая нить остается единственной – это оружие, коготь. Вот почему я так настойчиво пытаюсь выяснить его происхождение.

Фрок неторопливо кивнул.

– Вы упоминали ДНК?

Пендергаст потряс распечаткой.

– Лабораторные результаты, мягко говоря, неубедительны. – Помолчал. – Не вижу причин скрывать от вас, что тест обнаружил в когте ДНК разных видов геккона в дополнение к хромосомам человека. Отсюда предположение, что образец был дефектным.

– Геккона, говорите? – пробормотал Фрок с легким удивлением. – И он ест гипоталамус… поразительно. Скажите, откуда вы это знаете?

– Мы нашли следы слюны и отметины зубов.

– Человеческих?

– Никто не знает.

– А слюна?

– Не смогли определить.

Голова Фрока свесилась на грудь. Через несколько минут он поднял взгляд.

– Вы продолжаете называть коготь оружием. Следовательно, вы считаете, что убийца – человек?

Пендергаст закрыл портфель.

– Другой возможности просто не вижу. Вы полагаете, доктор Фрок, животное способно обезглавить тело с хирургической точностью, пробить отверстие в черепе и обнаружить внутренний орган величиной с грецкий орех, распознать который способен только тот, кто знаком с анатомией человека? Способность убийцы скрыться от наших поисков в подвале тоже весьма впечатляет.

Голова Фрока свесилась снова. Из секунд складывались минуты. Пендергаст неподвижно сидел, наблюдая за ученым.

Внезапно Фрок вскинул голову.

– Мистер Пендергаст, – сказал он так громко, что Марго подскочила. – Я выслушал вашу теорию. Хотите выслушать мою?

Агент ФБР кивнул.

– Разумеется.

– Прекрасно, – произнес Фрок. – Вы знакомы с Трансваальскими сланцами?

– Нет, – ответил Пендергаст.

– Их открыл в сорок пятом году Алистер ван Врувенхук, палеонтолог из Витватерсрандского университета в Южной Африке. Сланцы относятся к кембрийскому периоду, им около шестисот миллионов лет. И они полны следов причудливых биологических форм, подобных никто не находил ни до, ни после. Асимметричных, лишенных даже билатеральной симметрии, присущей в настоящее время всем животным на земле. Появление их совпадает по времени с массовым вымиранием в кембрийский период. Теперь, мистер Пендергаст, большинство ученых полагает, что Трансваальские сланцы представляют собой тупик эволюции: жизнь экспериментировала со всеми мыслимыми формами и наконец остановилась на билатерально симметричных, которые мы наблюдаем ныне.

– Но вы не разделяете этой точки зрения, – сказал Пендергаст. Фрок откашлялся.

– Совершенно верно. В этих сланцах преобладает определенный тип организма. С мощными плавниками, длинными присосками и огромными, сокрушительными ротовыми частями, способными прогрызть скалу. Плавники давали этому существу возможность плавать со скоростью двадцать миль в час. Несомненно, это был очень удачливый и очень свирепый хищник. Я полагаю, *слишком* удачливый: он уничтожил биологические виды, служившие ему добычей, а потом исчез и сам. Таким образом, он вызвал массовые вымирания в конце кембрийской эры. Он, а не естественный отбор уничтожил все другие биологические формы в Трансваальских сланцах!

Пендергаст захлопал глазами.

– И что же?

– Я прогнал на компьютере программу стимуляции эволюции в соответствии с новой математической теорией фрактальной

турбуленции. Результат? Каждые шестьдесят – семьдесят миллионов лет жизнь становится хорошо приспособленной к окружающей среде. Может быть, даже слишком хорошо. Происходит популяционный взрыв преуспевающих биологических форм. Затем вдруг откуда ни возьмись появляется новый вид. Почти всегда хищник, машина для убийства. Он набрасывается на процветающую популяцию, убивает, кормится, размножается. Сначала медленно, потом все быстрее и быстрее.

Фрок указал на плоскую глыбу серого песчаника.

– Мистер Пендергаст, позвольте кое-что показать вам.

Агент поднялся и подошел.

– Этот след оставило существо, жившее в верхнемеловой период, – продолжал ученый. – Точнее, на рубеже М-Т. Это единственный отпечаток подобного рода.

– М-Т? – переспросил Пендергаст.

– На рубеже мелового и третичного периодов. Это время массового вымирания динозавров.

Пендергаст кивнул, однако недоумение не сходило с его лица.

– Существует связь, которой пока никто не заметил, – продолжал Фрок. – Между статуэткой Мбвуна, следами когтей, которые оставил убийца, и этими ископаемыми отпечатками.

Пендергаст опустил взгляд.

– Статуэткой Мбвуна? Той, которую доктор Катберт достал из ящика и поместил на выставку?

Фрок кивнул.

– Хм-м. Каков возраст этих отпечатков?

– Примерно шестьдесят пять миллионов лет. Они оставлены в то время, когда обнаружены самые последние динозавры. То есть накануне их полного исчезновения.

Вновь наступило долгое молчание.

– Так. И эта связь… – заговорил наконец Пендергаст.

– Я сказал, что в антропологических коллекциях ничто не соответствует следам тех когтей. Но не говорил, что не существует подобных копий. Мы знаем, что на передних конечностях Мбвуна по три когтя, средний утолщен. Теперь поглядите на эти следы. – Фрок указал на глыбу

песчаника. – Вспомните о реконструкции когтя и следах когтей на трупах.

– Вы думаете, – спросил Пендергаст, – убийца может оказаться тем самым животным, которое оставило эти следы? Динозавром?

Марго показалось, что в голосе агента ФБР прозвучала ирония.

Фрок поглядел на него, качая головой.

– Нет, мистер Пендергаст, не динозавром. Не столь обычным существом, как динозавр. Мы ведем речь о подтверждении моей теории аберрационной эволюции. Вы знакомы с моей книгой. Это то самое существо, которое, как я полагаю, *уничтожило* динозавров.

Пендергаст не произнес ни слова. Фрок подался к агенту ФБР. – Я полагаю, – заговорил он, – что это существо, это чудовище и является причиной исчезновения динозавров. Не метеорит, не климатические изменения, а какой-то хищник – то самое создание, что оставило следы, сохранившиеся в этой окаменелости. Воплощение эффекта Каллисто. Оно было небольшим, но чрезвычайно сильным и быстрым. Возможно, охотилось стаями и обладало разумом. Но поскольку суперхищники живут очень недолго, их следов в окаменелостях не сохранилось. Уцелели они только в Трансваальских сланцах. И в этих отпечатках из Китая. Вы следите за моей мыслью?

– Да.

– В настоящее время у нас наблюдается демографический взрыв.

Агент ФБР молчал.

– Резко возрастает количество *людей*, мистер Пендергаст! – продолжал Фрок, повысив голос. – Пять тысяч лет назад население Земли составляло всего десять миллионов. А теперь шесть миллиардов! Мы самый успешный биологический вид! – Он поглядел на лежавшие на столе экземпляры “Фрактальной эволюции”. – Вчера вы спрашивали о моей следующей книге. Она явится развитием моей теории “эффекта Каллисто” применительно к *современной* жизни. Моя теория предсказывает, что вскоре произойдет какая-нибудь причудливая мутация; появится существо, которое станет охотиться на *человеческую* популяцию. Я не утверждаю, что убийца – то самое существо, которое уничтожило динозавров. Но подобное… Взгляните-ка еще раз на эти следы. Они напоминают следы Мбвуна! Если два существа похожи не потому, что связаны родством, а потому, что эволюционировали для одной и той же задачи, мы называем это конвергентной эволюцией. А это существо, которое эволюционировало для убийств. Сходство, мистер Пендергаст, очень большое.

Агент ФБР поставил портфель на колени.

– Боюсь, я перестал понимать вас, доктор Фрок.

– Неужели не ясно? Из *того ящика что-то выбралось.* И находится на свободе в музее. Это в высшей степени удачливый хищник. Подтверждение тому – статуэтка Мбвуна. Туземные племена знали об этом существе и создали вокруг него религиозный культ. Уиттлси непреднамеренно отправил его в цивилизованный мир.

– Вы сами видели эту статуэтку? – спросил Пендергаст. – Доктор Катберт, кажется, очень не хотел показывать ее мне.

– Нет, – признался ученый. – Но я знаю о ней из достоверного источника. И хочу при первой же возможности осмотреть ее сам.

– Доктор Фрок, – обратился к нему Пендергаст, – мы вчера говорили о содержимом ящиков. Доктор Катберт заверил, что ничего ценного в них не содержится, и у нас нет оснований не верить ему. – Агент бесстрастно поднялся. – Спасибо, что уделили мне время и помогли. Теория ваша весьма любопытна, искренне хотел бы иметь возможность подписаться под ней. – Пожал плечами. – Однако мое мнение пока что остается неизменным. Простите за прямоту, я надеюсь, вы сможете отделить свои предположения от конкретных фактов нашего расследования и помочь нам всем, что будет в ваших силах. – Пендергаст направился к двери. – А теперь, надеюсь, вы извините меня. Если что-нибудь придет на ум, свяжитесь, пожалуйста, со мной.

И вышел.

Фрок, покачивая головой, сидел в коляске.

– Как жаль, – пробормотал он. – Я питал большие надежды на его сотрудничество, но, кажется, он такой же, как все остальные.

Марго глянула на стол, возле которого сидел агент ФБР.

– Смотрите-ка, – сказала она. – Он оставил распечатку анализа ДНК.

Фрок хохотнул.

– Вот что, видимо, имел в виду Пендергаст, говоря “если что-нибудь придет на ум”. Ну что ж, Марго, не станем его выдавать, правда? Возможно, он все же не такой, как все остальные. И взял телефон.

– Это доктор Фрок, мне нужен доктор Катберт. – Пауза. – Алло, Иен? Да, чувствую себя прекрасно, спасибо. Нет, просто я хотел бы немедленно отправиться на выставку “Суеверия”. Что такое? Да, знаю, что опечатана, но... Нет, я окончательно смирился с идеей этой выставки, просто... понятно.

Марго увидела, как побагровело лицо Фрока.

– В таком – случае, Иен, – заговорил он снова, – я хотел бы еще раз осмотреть ящики, присланные экспедицией Уиттлси. Да, те, что в сохранной зоне. Знаю, Иен, что мы видели их вчера.

Наступило долгое молчание. До Марго из трубки доносился крикливый голос.

– Так вот, слушай. Иен, – сказал Фрок. – Я возглавляю этот отдел и вправе… Не говори так со мной. Иен. *Не смей.*

Фрок трясся от гнева. Таким Марго еще ни разу его не видела. Он понизил голос чуть ли не до шепота:

– Сэр, вам не место в этом учреждении. Я подам директору официальную жалобу.

Дрожащей рукой Фрок положил трубку на место. И повернулся к Марго, нашаривая в кармане платок.

– Извините меня, пожалуйста.

– Удивительно, – сказала она. – Я думала, что вы как глава… – и не сумела договорить.

– Полностью контролирую коллекции? – улыбнулся Фрок, приходя в себя. – Так и было. Однако эта новая выставка и эти убийства пробудили в людях неожиданные чувства. Официально Катберт выше меня по должности. Не знаю, почему он так себя ведет. Должно быть, причины тому весьма щекотливые, способные отдалить или сорвать открытие его драгоценной выставки. – Ненадолго задумался. – Может, Катберт знает об этом существе? Как-никак, это он велел перенести ящики. Возможно, обнаружил, что из яиц кто-то вылупился, сделал вывод и спрятал их. А теперь хочет лишить меня права удостовериться в этом!

Он подался вперед и потряс кулаками.

– Доктор Фрок, я сомневаюсь, что это вероятно, – сказала Марго. Желание рассказать своему научному руководителю о том, что Рикмен забрала журнал Уиттлси, у нее улетучилось.

Фрок расслабился.

– Вы, разумеется, правы. Однако я этого так не оставлю, будьте уверены. Но сейчас не до того. Вашим наблюдениям над Мбвуном я доверяю. И тем не менее мы обязаны проникнуть туда и осмотреть ящики.

– Каким образом? – спросила девушка. Фрок открыл ящик стола, порылся и достал бланк, который Марго сразу узнала. “10 – 14”. Заявка на доступ.

– Ошибка, – продолжал он, – заключалась в том, что я просил.

И принялся заполнять бланк.

– Разве заявка не должна быть подписана в центральной канцелярии? – спросила Марго.

– Должна, конечно, – ответил ученый. – Я отправлю ее туда обычным порядком. А неподписанную копию возьму в сохранную зону и прорвусь внутрь. Конечно, в доступе по этой заявке мне будет отказано. Только к тому времени, когда это произойдет, я осмотрю ящики. И найду ответы.

– Доктор Фрок, но вам нельзя этого делать! – заволновалась Марго.

– Почему? – Ученый криво улыбнулся. – Фрок, один из столпов музея, действует сомнительным способом? Дело у нас очень важное, так что подобными соображениями можно пренебречь.

– Я не это имела в виду, – сказала она. И опустила взгляд на инвалидную коляску. Фрок глянул вниз. Лицо его осунулось.

– Да-да, – неторопливо произнес он. – Понимаю.

И с удрученным видом собрался положить бумаги обратно в стол.

– Доктор Фрок, – сказала Марго. – Дайте это требование мне. Я пойду с ним в сохранную зону.

Рука ученого замерла.

– Я просил вас быть моими глазами и ушами, но не рисковать своим будущим. Хранитель – фигура довольно значительная, уволить меня не посмеют. А вас... – он глубоко вздохнул и приподнял брови, – вас могут в назидание другим исключить из аспирантуры. И я буду бессилен помешать этому.

Марго немного подумала.

– У меня есть друг, очень ловкий в подобных делах. Язык у него подвешен так, что, думаю, он найдет выход из любого положения.

Несколько секунд Фрок помедлил. Потом оторвал копию и протянул.

– Первый экземпляр я отправлю по инстанциям. Иначе нельзя. Возможно, охранник позвонит в канцелярию для проверки. Времени у вас будет мало. Как только заявка поступит туда, все насторожатся. К тому времени вам нужно будет уйти.

Вынув из ящика стола желтую бумажку и ключ, он показал их Марго.

– На карточке – комбинация цифр замка сохранной зоны. А это ключ от хранилища. Они есть у всего руководства. Надеюсь, Катберт не подумал сменить комбинацию. – Он подал Марго и то, и другое. – С ними вы пройдете в двери. Помехой будет охранник. – Ученый говорил быстро, не сводя взгляда с Марго. – Вы знаете, что искать в ящиках. Следы яиц, живых организмов, даже культовые предметы, связанные с этим существом. Все, что может подтвердить мою теорию. Первым делом осмотрите маленький ящик, который паковал Уиттлси. Статуэтка Мбвуна находилась в нем. Осмотрите и другие, если будет время, только, ради всего святого, рискуйте как можно меньше. Идите, и Бог вам в помощь.

Последнее, что видела Марго, выходя из кабинета, – Фрок, сидевший у окна спиной к ней, колотил кулаками по подлокотникам коляски.

– Проклятая железка! – приговаривал он. – Проклятая!

30

Через пять минут в своем кабинете Марго звонила по телефону. Смитбек оказался на редкость в веселом настроении. Когда она рассказала ему об открытии Джорджем Мориарти стертой инвентарной записи и – с несколько меньшими подробностями – о событиях в кабинете Фрока, журналист развеселился еще больше. Марго услышала его смех.

– Ну, прав я был насчет Рикмен? Утаивание улик! Теперь я заставлю ее смотреть на книгу по-моему, иначе...

– Смитбек, не *смей,* – предостерегающим тоном сказала Марго. – Это все делалось не для твоего личного удовлетворения. Мы не знаем, что там за история с журналом Уиттлси, и не можем заниматься этим сейчас. Необходимо осмотреть ящики, и у нас на это всего несколько минут.

– Ладно, ладно, – ответил журналист. – Встретимся на площадке у отдела энтомологии. Я выхожу.

– Вот не думал, что Фрок может оказаться таким радикалом, – говорил журналист, спускаясь по длинному пролету железной лестницы. – Мое уважение к старику значительно возросло.

Они пошли в обход, чтобы избежать полицейских постов, выставленных у всех лифтовых блоков.

– Ключ и комбинация цифр у тебя есть, так? – спросил он с нижней площадки. Марго заглянула в сумку и последовала за ним, не забыв осмотреться.

– В холле возле сохранной зоны есть освещенные ниши, знаешь? Иди первым. Я пойду за тобой через минуту. Заговори с охранником, постарайся увести его в нишу, где свет поярче, якобы для того, чтобы показать заявку. Заставь повернуться спиной на пару минут, тем временем я отопру замок и войду внутрь. Говори все время без умолку. Язык у тебя хорошо подвешен.

– Это и есть твой план? – усмехнулся Смитбек. – Ладно.

Он повернулся на каблуках, пошел по коридору и скрылся за углом. Марго сосчитала до шестидесяти. Затем двинулась следом, натягивая на ходу латексные перчатки.

Вскоре она услышала голос Смитбека, уже вздымающийся в праведном протесте:

– Эта бумага подписана самим руководителем отдела! По-вашему, что...

Марго выглянула из-за угла. Футах в пятидесяти коридор пересекался с другим, ведущим к ограждениям, установленным полицией. Дальше находилась дверь в сохранную зону, а рядом был охранник. Он стоял спиной к Марго, держа в руках заявку.

– Извините, сэр, – услышала она его голос, – но заявка не подписана в канцелярии...

– Вы не там ее рассматриваете! – заверещал журналист. – Зайдите сюда, здесь светлее.

Они пошли по коридору, удаляясь от Марго, в освещенную нишу. Едва оба скрылись из виду, она быстро зашагала к двери. Подойдя, вставила ключ в замок и осторожно толкнула створки. Смазанные петли не скрипнули. Марго заглянула внутрь, дабы убедиться, что там никого нет; темное помещение казалось пустым, и она осторожно прикрыла за собой дверь.

Сердце колотилось, кровь в ушах шумела. Затаив дыхание. Марго ощупью нашла выключатель. Хранилища тянулись перед ней рядами. На третьей двери справа она увидела приклеенный желтый листок с надписью “УЛИКИ”. Взялась одной рукой за диск замка, другой достала бумажку с номером. 55 – 77 – 23. Глубоко вздохнула и принялась набирать комбинацию, вспоминая шкаф в музыкальной школе, где хранила гобой. *Вправо, влево, вправо...*

Раздался громкий щелчок. Марго схватила рычаг и потянула вниз. Дверь открылась.

У дальней стены смутно виднелись ящики. Марго включила свет и взглянула на часы. Прошло три минуты.

Требовалось действовать очень быстро. На одном из больших ящиков Марго увидела шероховатые царапины, и по спине пробежали мурашки. Став на колени возле маленького ящика, девушка сняла с него крышку, запустила руки в упаковочный материал и стала раздвигать волокна.

Пальцы ее сомкнулись вокруг чего-то твердого. Вынув руку, она увидела, что это небольшой камень со странными изображениями. *Малоинтересно*. Затем обнаружила кремневые наконечники, стрелы с трубкой для выдувания: они были длинными, наточенными, с покрытыми чем-то черным остриями. *Только бы не уколоться,* подумала Марго. Брать ничего не стоило. Она полезла глубже. В следующем ряду находились завинченный пресс для растений, поврежденная шаманская погремушка с причудливыми рисунками и красивая манта из ткани и перьев.

Повинуясь порыву, Марго сунула в сумку пресс, опутанный упаковочными волокнами. За ним последовали каменный диск и погремушка.

В самом низу ящика Марго обнаружила несколько банок с маленькими рептилиями. Колоритными, но не представлявшими собой ничего исключительного.

Прошло шесть минут. Марго подняла голову, боясь услышать шаги возвращающегося охранника. Но было тихо.

Марго торопливо сунула остальные артефакты обратно в ящик и прикрыла упаковочным материалом. Взяла крышку и заметила на ее внутренней стороне карман, в котором что-то лежало. Из любопытства оттянула край, и оттуда на колени ей выскользнул хрустящий, попорченный водой конверт; она торопливо запихнула его в сумку.

Восемь минут. Пора уходить.

Подойдя к двери, прислушалась к доносящимся снаружи неразборчивым голосам. Слегка приоткрыла ее.

– Какой у вас номер значка? – громко и требовательно спрашивал Смитбек.

Ответа девушка не расслышала. Выскользнула наружу, прикрыла за собой дверь, быстро стянула перчатки и сунула в сумку. Выпрямилась, оглядела себя, потом пошла мимо ниши, где стояли Смитбек с охранником.

– Эй!

Она обернулась. Раскрасневшийся охранник смотрел на нее.

– А, вот и ты, Билл! – сказала Марго, надеясь, что охранник не видел, как она выходила. – Я опоздала? Ты уже был там?

– Этот человек меня не пропускает! – пожаловался Смитбек.

– Послушайте. – Охранник снова повернулся к журналисту. – Я уже говорил вам тысячу раз! Эту заявку нужно как следует оформить, а потом я разрешу вам войти. Понятно?

Их план сработал.

Марго оглянулась. К ним приближался рослый тощий человек – Иен Катберт.

Девушка схватила Смитбека за руку.

– Пошли. У нас же назначена встреча! Коллекции придется осмотреть в другой раз.

– Да-да. Конечно, – с жаром произнес Смитбек. И пригрозил охраннику: – Я этим еще займусь!

У дальнего конца холла Марго толкнула Смитбека в нишу и прошептала:

– Спрячься за шкафы.

Они услышали шаги Катберта. Потом звук шагов стих, и послышался его звучный голос.

– Пытался кто-нибудь получить доступ к хранилищам? – спросил заместитель директора.

– Да, сэр. Один человек хотел войти. Они только что были здесь.

– Кто? – спросил Катберт. – Люди, с которыми вы разговаривали?

– Да, сэр. У него была заявка, но не оформленная, как следует, поэтому я его не пустил.

– *Не* пустили?

– Да, сэр.

– Кто выписал заявку? Фрок?

– Да, сэр. Доктор Фрок.

– А фамилию того человека не выяснили?

– Зовут его, кажется, Билл. Как зовут женщину, не знаю, но...

– Билл? *Билл?* Замечательно. *Первым делом* вы должны были потребовать удостоверение.

– Прошу прощения, сэр. Он был таким настойчивым, что…

Но рассерженный Катберт уже удалялся широким шагом.

Смитбек кивнул Марго. Та осторожно поднялась и отряхнулась. Они выбрались в холл.

– Эй вы! – крикнул охранник. – Идите сюда, предъявите удостоверения! Стойте!

Марго со Смитбеком побежали со всех ног. Обогнули поворот, потом юркнули в лестничный колодец и стали подниматься по бетонным ступеням.

– Куда мы? – тяжело дыша, спросила Марго.

– Черт его знает.

На очередной площадке Смитбек осторожно выглянул в коридор. Поглядел в обе стороны, затем распахнул дверь с надписью “МАММАЛИОЛОГИЯ. ОБЕЗЬЯНЫ”.

Они остановились, чтобы отдышаться. Комната была прохладной, тихой. Когда глаза Марго привыкли к тусклому свету, она разглядела чучела горилл и шимпанзе, стоявшие рядами, будто солдаты, груды волосатых шкур на деревянных полках. Возле одной из стен высились стеллажи, уставленные черепами приматов.

Смитбек постоял у двери, напряженно прислушиваясь. Затем повернулся к Марго.

– Давай посмотрим, что ты нашла.

– Интересного там почти ничего не было, – сказала она, тяжело дыша. – Взяла несколько пустяковых артефактов, вот и все. Да, еще обнаружила вот что. – Порылась в сумке. – Лежал в крышке ящика.

Незапечатанный конверт был адресован просто: “НЙМЕИ. Х.С.МОНТЕГЮ”.

Пожелтевшая бумага была украшена странной сдвоенной стрелой. Марго осторожно поднесла лист к свету и начала читать, Смитбек заглядывал ей через плечо.

Верховье Шингу

17 сентября 1987 года

Монтегю! Я решил отослать Карлоса с ящиками обратно и отправиться на поиски Кроукера в одиночку. Карлос надежен, а я не могу допустить потери ящика, если со мной что-нибудь случится. Обрати внимание на

шаманскую трещотку и другие ритуальные предметы. Они производят впечатление уникальных. А статуэтка, которую мы обнаружили в заброшенной хижине, является подтверждением того, что я искал. Обрати внимание на чрезмерно большие когти, характерные черты рептилий, намеки на двуногость. Племя котога существует, и легенда о Мбвуне не просто вымысел.

Все мои полевые записи в этом журнале.

31

Миссис Лавиния Рикмен сидела в красном кожаном кресле в кабинете директора. Стояла мертвая тишина. Даже шум уличного движения не проникал сквозь узкие окна с толстыми стеклами на третьем этаже. Сам Райт восседал за массивным столом красного дерева. Из-за его спины с портрета кисти Рейнолдса свирепо глядел Ридли Э. Дэвис, основатель музея.

Доктор Иен Катберт сидел на диване, стоявшем у длинной стены. Он всем телом подался вперед, положив локти на колени, твидовый пиджак висел на нем, как на вешалке. Брови заместителя директора были насуплены. Сухой, раздражительный, в тот день он выглядел особенно суровым.

Наконец Райт нарушил молчание.

– Сегодня он звонил уже дважды, – резко бросил директор Катберту. – Избегать его вечно я не могу. Рано или поздно он поднимет скандал из-за того, что не получает доступа к этим ящикам. Вполне может притянуть сюда и историю с Мбвуном. Будет скандал.

Катберт кивнул.

– Лучше позже, чем раньше. Когда выставка откроется и ее будут посещать сорок тысяч человек в день, когда во всех газетах появятся благоприятные отклики, пусть поднимает шум из-за чего угодно.

Вновь наступило долгое молчание.

– Когда страсти улягутся, – наконец заговорил Катберт, – посещаемость у нас, Уинстон, непременно возрастет. Сейчас эти слухи о проклятии только досаждают нам, но когда дела наладятся, всем захочется пощекотать себе нервы. Толпы повалят в музей, чтобы увидеть все собственными глазами. Уверяю тебя, Уинстон, лучшей рекламной кампании мы сами не смогли бы организовать.

Райт нахмурился.

– Слухи о проклятии. А если они справедливы? Смотри, сколько несчастий потянулось за этой уродливой статуэткой с другого конца мира!..

Он невесело рассмеялся.

– Ты же не всерьез, – сказал Катберт.

– Я говорю совершенно серьезно, – вспыхнул Райт, – что больше не желаю слышать этих разговоров. У Фрока есть влиятельные друзья. Если он пожалуется… ну, ты знаешь, как разносятся слухи. Сочтут, что ты утаиваешь сведения. Рассчитываешь, что убийства привлекут людей на выставку. Как тебе понравится *такая* реклама?

– Ты прав, – ответил Катберт с холодной улыбкой. – Однако тебе прекрасно известно, что, если выставка не откроется вовремя, все пойдет прахом. Поэтому Фрока необходимо держать на коротком поводке. Знаешь, он взял манеру поручать грязную работу своим подручным. Один из них меньше часа назад пытался проникнуть в сохранную зону.

– Кто же это? – спросил Райт.

– Охранник не догадался потребовать у него удостоверение. Правда, узнал имя – Билл.

– Билл? – вскинула голову Рикмен.

– Да, – повернулся к ней Катберт. – Так ведь, кажется, зовут журналиста, который пишет книгу о моей выставке? Это молодой человек, верно? Как я слышал, задающий много вопросов. Ты за ним присматриваешь?

– Конечно, – ответила Рикмен с улыбкой. – У меня с ним были проблемы, но теперь он под контролем. Как я всегда говорю, чтобы контролировать журналиста, контролируй источники.

– Под контролем, вот как? – иронически повторил Райт. – Тогда почему же утром ты сочла необходимым предостеречь чуть ли не полсвета, что болтать с посторонними нельзя?

Миссис Рикмен торопливо вскинула наманикюренную руку.

– Он не представляет опасности.

– Уж постарайся, чтоб не представлял, черт возьми, – вспылил Катберт. – Ты в нашей тесной компании с самого начала, Лавиния. И явно не заинтересована в том, чтобы твой журналист раскопал кое-какие грязные подробности.

Из селектора раздался легкий треск, затем голос секретарши:

– К вам мистер Пендергаст.

– Пусть войдет, – сказал Райт. И кисло поглядел на остальных: – Вот оно.

Пендергаст с газетой под мышкой появился в дверном проеме. Замер на миг.

– Господи, какая очаровательная сцена, – учтиво произнес он. – Доктор Райт, спасибо, что снова приняли меня. Доктор Катберт, всегда рад вас видеть. А вы Лавиния Рикмен, мэм, не так ли?

– Да, – ответила та с чопорной улыбкой.

– Мистер Пендергаст, – проговорил Райт с сухой улыбкой, – присаживайтесь, пожалуйста, где вам удобнее.

– Спасибо, доктор, я предпочитаю стоять.

Агент ФБР подошел к массивному камину и прислонился спиной к облицовке, сложив руки на груди.

– Вы пришли нас проинформировать? Сообщить о произведенном аресте?

– Нет, – ответил Пендергаст. – К сожалению, никто не арестован. Откровенно говоря, доктор Райт, дело у нас продвигается очень медленно. Вопреки тому, что сообщает прессе миссис Рикмен.

Он показал заголовок в газете: “АРЕСТ МУЗЕЙНОГО ЗВЕРЯ БЛИЗОК”.

Наступило недолгое молчание. Пендергаст свернул газету и аккуратно положил на каминную полку.

– В чем же проблема? – спросил Райт. – Я не понимаю, почему расследование так затянулось.

– Вам наверняка известно, что проблем много, – ответил Пендергаст. – Но я, собственно, пришел не осведомлять вас о ходе дела. Достаточно напомнить, что в музее находится опасный маньяк-убийца. Полагать, что убийств больше не будет, у нас нет никаких оснований. Насколько нам известно, все убийства совершались ночью. Точнее, после пяти вечера. Как особый агент, руководитель расследования, с сожалением извещаю вас, что установленный срок пребывания служащих в музее останется в силе, покуда убийца не будет обнаружен. Без каких бы то ни было исключений.

– Открытие... – промямлила Рикмен.

– Открытие придется отложить. Может, на неделю, может, на месяц. К сожалению, ничего не могу обещать.

Райт поднялся, лицо его раскраснелось.

– Вы сказали, что открытие состоится в назначенное время, если больше не будет убийств. Таково было наше *соглашение.*

– Доктор, я не заключал с вами никаких соглашений, – мягко возразил Пендергаст. – Боюсь, что к поимке убийцы мы не ближе, чем в начале недели. – Указал в сторону газеты на камине. – Подобные заголовки делают людей безмятежными, неосторожными. Открытие выставки, надо полагать, привлечет многих. *Тысячи* человек в музее, после наступления темноты… – Агент ФБР покачал головой. – У меня нет выбора.

Райт в изумлении уставился на него.

– Вы хотите из-за собственной некомпетентности отложить открытие выставки и тем самым нанести музею невосполнимый ущерб? Я против!

Пендергаст спокойно выступил на середину комнаты.

– Простите, доктор Райт, если я недостаточно ясно выразился. Я не прошу вашего согласия, просто ставлю вас в известность о своем решении.

– *Так,* – ответил директор дрожащим от ярости голосом. – Вы не способны выполнить свою работу, однако намерены указывать мне, как делать мою. Представляете, как задержка открытия отразится на нашей выставке? Как воспримет это публика? Так вот, Пендергаст, я этого не допущу.

Агент ФБР в упор посмотрел на Райта.

– Все служащие, не имеющие специального допуска, обнаруженные в музее после пяти часов вечера, будут задержаны по обвинению во вторжении на место преступления. Это судебно наказуемый проступок. Повторное нарушение называется препятствованием осуществлению правосудия, что является тяжким уголовным преступлением, доктор Райт. Полагаю, я выразился достаточно ясно.

– В настоящее время совершенно ясно только то, что делать вам здесь больше нечего, – повысил голос директор.

Пендергаст кивнул.

– Всего доброго, джентльмены. Всего доброго, мэм.

Затем повернулся и бесшумно пошел к выходу. Выйдя в приемную. Пендергаст прикрыл за собой дверь. Затем повернулся к ней и процитировал:

Так я вернулся к счастью через зло —

Богаче стать оно мне помогло.[15]

Секретарша Райта перестала жевать резинку.

– Как-как? – спросила она.

– Нет, Шекспир, – ответил агент ФБР, направляясь к лифту.

В кабинете Райт дрожащими руками взялся за телефон.

– Что происходит, черт возьми? – взорвался Катберт. – Будь я проклят, если какой-то полицейский станет выставлять нас из нашего музея!

– Успокойся, Иен, – сказал Райт. Потом произнес в трубку: – Срочно соедините меня с Олбани[16].

Наступила полная тишина. Директор, с трудом сдерживая тяжелое дыхание, поглядел на Катберта и Рикмен.

– Пришло время обратиться за поддержкой, – сказал он. – Увидим, кому здесь принадлежит решающее слово: какому-то альбиносу из Дельты или директору крупнейшего в мире музея естественной истории.

32

Растительность здесь очень необычная, травы и папоротники выглядят чуть ли не примордиальными. Жаль, что нет времени для более пристального изучения. Самые упругие разновидности мы использовали для упаковки; можешь показать их Йоргенсону, если он заинтересуется.

Я твердо рассчитываю встретиться с тобой в клубе исследователей через месяц, отметить наш успех порцией сухого мартини и хорошего маканудо. А пока что со спокойным сердцем доверяю тебе этот материал и свою репутацию.

Твой коллега Уиттсли.

Смитбек поднял взгляд от письма.

– Не стоит здесь оставаться. Идем ко мне в кабинет.

Его каморка находилась в лабиринте комнатушек на нижнем этаже здания. После гулких сырых переходов возле сохранной зоны Марго в этих оживленных коридорах почувствовала себя увереннее. Они миновали большой зеленый стенд, уставленный старыми номерами музейного журнала. Большая доска объявлений возле кабинета Смитбека была покрыта гневными письмами подписчиков, что веселило сотрудников редакции.

Однажды, разыскивая номер журнала “Сайенс”, который никак не возвращали в библиотеку периодики, Марго заходила в захламленное логово Смитбека. Там ничего не изменилось: стол загромождали

фотокопии статей, недописанные письма, меню китайских ресторанов, груды книг и журналов, которых наверняка давно хватились в библиотеках музея.

– Присаживайся, – пригласил журналист, преспокойно сбросив со стула двухфутовую кипу бумаг. Закрыл дверь и пробрался за свой стол, в старое кресло-качалку. Под ногами его шуршали бумаги.

– Порядок, – негромко произнес Смитбек. – Слушай, ты уверена, что журнала там не было?

– Я уже говорила тебе, что успела осмотреть только тот ящик, который упаковал сам Уиттлси. Но в других его быть не должно.

Смитбек просмотрел письмо еще раз.

– Кто этот Монтегю, которому оно адресовано?

– Не знаю, – ответила Марго.

– А Йоргенсен?

– Впервые слышу.

Журналист взял с полки телефонный справочник музея.

– Монтегю здесь нет, – пробормотал он, листая страницы. – Ага! Вот Йоргенсен. Ботаник. Сказано, что он на пенсии! Почему у него до сих пор есть кабинет?

– Здесь это довольно обычное явление, – ответила Марго. – Обеспеченные люди не знают, чем занять время. Где он сидит?

– Сорок первая секция, четвертый этаж, – ответил журналист, закрыл справочник и положил на стол. – Возле гербария.

Он поднялся.

– Пошли.

– Постой, Смитбек. Уже почти четыре часа. Надо позвонить Фроку, сообщить…

– Попозже, – ответил он, направляясь к двери. – Идем, Цветок Лотоса. Мой журналистский нос впервые за день унюхал стоящий след.

Кабинет Йоргенсена представлял собой маленькую лабораторию без окон, с высоким потолком. Образцов растений, которые Марго ожидала увидеть у ботаника, там не было. Всю обстановку комнаты составляли вешалка, стул и большой верстак. В открытом ящике верстака лежали инструменты, которыми явно часто пользовались. Хозяин кабинета, склонясь над верстаком, возился с маленьким электромотором.

– Доктор Йоргенсен? – спросил журналист. Старик повернулся, посмотрел на Смитбека. Он был почти лыс, над светлыми глазами нависали кустистые брови. Сухощав, сутул, однако Марго подумала, что рост его как минимум шесть футов четыре дюйма.

– Да? – негромко откликнулся он. Смитбек, прежде чем Марго успела его удержать, протянул письмо Йоргенсену.

Старик начал читать, потом заметно вздрогнул. Не отрывая глаз от письма, отыскал рукой обшарпанный стул и осторожно присел.

– Где вы его взяли? – спросил он, дочитав. Марго со Смитбеком переглянулись.

– Оно подлинное, – ответил журналист. Йоргенсен пристально поглядел на обоих. Потом вернул письмо Смитбеку.

– Мне ничего об этом не известно.

Наступило молчание.

– Оно из ящика, который Джон Уиттлси прислал из амазонской экспедиции семь лет назад, – с надеждой сказал Смитбек.

Йоргенсен продолжал глядеть на них. Через несколько секунд вновь повернулся к мотору.

Некоторое время они смотрели, как старик возится с ним.

– Извините, что оторвали вас от работы, – сказала Марго. – Очевидно, мы выбрали неудачное время.

– От какой работы? – спросил тот, не оборачиваясь.

– Которой вы заняты, – ответила Марго. Йоргенсен внезапно издал какой-то лающий смех.

– Этой? – Он снова повернулся к молодым людям. – Это не работа. Просто сломанный пылесос. После смерти жены домом приходится заниматься самому. Эта чертова штуковина вчера перегорела. Пришлось принести ее сюда, потому что здесь у меня все инструменты. А работы сейчас мало.

– Относительно этого письма, сэр… – напомнила Марго.

Йоргенсен сел на скрипучий стул, откинулся назад и уставился в потолок.

– Я не знал о его существовании. Изображение сдвоенной стрелы служило как бы фамильным гербом Уиттлси. И почерк его. Оно пробудило у меня воспоминания.

– Какие? – жадно спросил Смитбек. Йоргенсен, раздраженно нахмурясь, смерил его взглядом.

– Вас это не касается, – отрезал он. – Или по крайней мере я не знаю, почему это может касаться вас.

Марго взглядом велела журналисту молчать.

– Доктор Йоргенсен, – заговорила она. – Я аспирантка, работаю над диссертацией под руководством доктора Фрока. Мой коллега – журналист. Доктор Фрок полагает, что экспедиция Уиттлси и присланные ящики имеют отношение к убийствам в музее.

– *Проклятие?* – спросил старик, театрально приподняв брови.

– Нет, – ответила Марго.

– Рад, что вы в него не верите. Никакого проклятия не существует. Если не называть проклятием смесь алчности, человеческой глупости и зависти ученых. Не требуется никакого Мбвуна, чтобы объяснить...

Йоргенсен не договорил.

– Почему вас это так интересует? – с подозрением спросил он.

– Что объяснить? – встрял Смитбек. Йоргенсен неприязненно посмотрел на него.

– Молодой человек, если вы еще раз откроете рот, я попрошу вас уйти.

Журналист прищурился, но промолчал. Марго подумала, стоит ли излагать в подробностях теории Фрока, говорить о следах когтей, о поврежденном ящике, и решила, что не стоит.

– Нам кажется, тут есть связь, на которую никто не обращает внимания. Ни полицейские, ни служащие музея. В этом письме упоминается ваша фамилия. Мы надеялись, вы сможете рассказать нам кое-что об экспедиции.

Йоргенсен протянул узловатую руку.

– Можно взглянуть на письмо еще раз?

Смитбек нехотя протянул конверт. Йоргенсен вновь пробежал листок глазами, словно впитывая в себя воспоминания.

– Было время, – пробормотал он, – когда я не захотел бы говорить об этом. Точнее сказать, побоялся бы. Кое-кто мог добиться моего увольнения. – Пожал плечами. – Но в моем возрасте пугаться особенно нечего. Разве что одиночества.

Не выпуская из рук письма, он неторопливо кивнул Марго.

– И я бы отправился в ту экспедицию, если в не Максуэлл.

– Максуэлл? Кто он? – опять не выдержал Смитбек.

Йоргенсен бросил на него взгляд.

– Я управлялся и с более крупными журналистами, чем вы, – резко сказал он. – Вам было велено молчать. Я разговариваю с дамой.

И снова повернулся к Марго.

– Максуэлл был одним из руководителей экспедиции. Как и Уиттлси. Позволить Максуэллу пробиться наверх, сделать их равноправными начальниками было ошибкой. У них с самого начала пошли разногласия. Полной власти не имел ни тот, ни другой. Победа Максуэлла явилась моим поражением – он решил, что в экспедиции нет места для ботаника, то есть для меня. А Уиттлси пришлось еще хуже. Присутствие Максуэлла мешало осуществлению его тайной цели.

– Какой? – спросила Марго.

– Отыскать племя котога. Существовали легенды о неизвестном племени, живущем на *тепуи,* большом плато над тропическим лесом. Хотя это место не было исследовано учеными, считалось, что племя вымерло, что там сохранились только реликты. Уиттлси в это не верил. Он хотел стать открывателем этого племени. Единственным препятствием было то, что местное правительство не позволяло ему обследовать *тепуи.* Чиновники заявили, что *тепуи* сохраняется для отечественной науки. Янки, убирайтесь домой.

Йоргенсен потряс головой и фыркнул.

– Так вот, на самом деле “сохранялось” плато для разграбления, хищнического опустошения земли. Разумеется, местное правительство было знакомо с теми же слухами и легендами, что и Уиттлси. Если там и *жили* индейцы, правительство меньше всего хотело, чтобы они мешали лесной и горной промышленности. В общем, экспедиции пришлось двигаться с севера. Это очень неудобный маршрут, зато далекий от запретной зоны. Подниматься на *тепуи* было запрещено.

– А котога все еще существовали? – спросила Марго.

Йоргенсен медленно покачал головой.

– Мы никогда этого не узнаем. Правительство что-то обнаружило на этом *тепуи.* Может быть, золото, платину, нетронутые россыпи. Спутники сейчас дают огромные возможности. В общем, весной *восемьдесят восьмого* тепуи сожгли с воздуха.

– Сожгли? – переспросила девушка.

– Начисто выжгли напалмом, – подтвердил Йоргенсен. – Способ варварский и очень расточительный. Огонь вышел из-под контроля, распространился, джунгли пылали несколько месяцев. Туда проложили дорогу по легкому маршруту, с юга. Завезли японское гидравлическое оборудование для строительства шахт и буквально смыли громадные части горы. Наверняка вымывали золото, платину или что там было цианистыми смесями, яд стекал в реки. Там ничего не осталось, абсолютно *ничего*. Вот почему музей не отправил второй экспедиции на поиски первой.

Йоргенсен откашлялся.

– Ужасно, – прошептала Марго. Старик поднял взгляд беспокойных голубых глаз.

– Да. Ужасно. Разумеется, на выставке "Суеверия" об этом вы не узнаете.

Смитбек поднял руку, другой вытащил миниатюрный диктофон.

– Нет, записывать нельзя. Это не для публикации. Не для цитирования. Ни для чего. На сей счет я получил утром служебную инструкцию, о которой, надо полагать, вам известно. Это для меня: я не мог говорить об этом много лет и расскажу сейчас, только сейчас. Так что молчите и слушайте.

Наступила тишина.

– О чем это я? – спросил Йоргенсен. – Ах да. В общем, разрешения подняться на *тепуи* Уиттлси не имел. А Максуэлл, бюрократ до мозга костей, решил заставить Уиттлси играть по правилам. Ну, когда вы в джунглях, в двухстах милях от всякой власти... Какие там правила!

Йоргенсен фыркнул.

– Вряд ли кто-нибудь точно знает, что там произошло. Я узнал эту историю от Монтегю, а он сложил ее из телеграмм Максуэлла. Не столь уж надежный источник.

– Монтегю? – перебил старика Смитбек.

– В общем, – продолжал Йоргенсен, пропустив вопрос мимо ушей, – Максуэлл наткнулся на какую-то невероятную ботанику. Девяносто девять процентов растений у основания *тепуи* было совершенно не известно науке. Члены экспедиции обнаружили странные примордиальные папоротники и однодольные растения, казавшиеся наследием мезозойской эры. И хотя Максуэлл был антропологом, он просто лишился рассудка из-за этих реликтов. Члены экспедиции наполняли образцами ящик за ящиком. Тогда-то Максуэлл и нашел те самые коробочки.

– Это была очень важная находка?

– Они принадлежали живому ископаемому. Научная сенсация, сравнимая с открытием целаканта в тридцатых годах: образец целого филюма, который считали исчезнувшим в каменноугольный период. Целого *филюма*.

– Эти коробочки были похожи на яйца? – спросила Марго.

– Не знаю. Но Монтегю видел их и сказал, что они очень твердые. Чтобы они проросли, их нужно глубоко закапывать в сильно кислотную почву тропического леса. Думаю, коробочки все еще в тех ящиках.

– Доктор Фрок полагает, что это были яйцо.

– Фроку следовало бы ограничиваться рамками палеонтологии. Ученый он замечательный, но со странностями. Словом, Максуэлл и Уиттлси поссорились. Как и следовало ожидать. Максуэлл был далек от ботаники, но, видя раритет, понимал, что это такое. Ему хотелось вернуться в музей со своими семенными коробочками. Он узнал, что Уиттлси намерен подняться на *тепуи* поискать племя котога, и встревожился. Испугался, что ящики конфискуют в порту и своих драгоценных коробочек он обратно не получит. Произошел разрыв. Уиттлси ушел глубже в джунгли, чтобы подняться на *тепуи,* и больше его никто не видел.

Когда Максуэлл с остальными членами экспедиции достиг побережья, то принялся слать в музей телеграмму за телеграммой, он обвинял Уиттлси, излагал свою версию происшедшего. Впоследствии он и его спутники погибли в авиакатастрофе. К счастью, ящики было решено отправить отдельно. Музею потребовался год, чтобы заплатить за их перевозку в Нью-Йорк.

Йоргенсен возмущенно закатил глаза.

– Вы упомянули человека по фамилии Монтегю, – негромко напомнила Марго.

– Монтегю, – произнес Йоргенсен, глядя мимо нее. – Это был молодой доктор наук, антрополог. Протеже Уиттлси. Само собой, после телеграмм Максуэлла его невзлюбили. Всем нам, кто был дружен с Уиттлси, потом уже, в сущности, не доверяли.

– И что сталось с Монтегю?

Йоргенсен замялся.

– Не знаю, – ответил он наконец. – Он просто исчез. Бесследно.

– А ящики? – продолжала расспрашивать Марго.

– Монтегю очень хотел их осмотреть, особенно тот, что упаковал Уиттлси. Но, как я уже сказал, ему не доверяли и отстранили от этой работы. Собственно говоря, никакой работы и не велось. Экспедиция оказалась такой неудачной, что начальство старалось напрочь забыть обо всем случившемся. Когда ящики наконец прибыли, их никто не вскрывал. Большая часть документации сгорела при авиакатастрофе. Предположительно существовал журнал Уиттлси, но я его так и не видел. В общем, Монтегю жаловался, умолял, и ему в конце концов поручили первоначальный осмотр. А потом он исчез.

– То есть как? – спросил Смитбек. Йоргенсен посмотрел на журналиста, словно решая, отвечать или нет.

– Просто вышел из музея и не вернулся. Насколько я понял, все вещи его остались в квартире. Родные организовали поиски, оказавшиеся безрезультатными. Правда, человеком он был довольно странным. Большинство его знакомых решили, что он уехал в Непал или Таиланд, чтобы обрести себя.

– Но слухи ходили, – тихо сказал Смитбек. Это было утверждением, а не вопросом.

Йоргенсен рассмеялся.

– Конечно, ходили! Как же без этого? Будто он растратил деньги, будто удрал с женой гангстера, будто его убили и утопили труп в Гудзоне. Но в музее он был до того мелкой сошкой, что через месяц почти все о нем забыли.

– А не было слуха, что он стал добычей Музейного зверя? – спросил Смитбек. Улыбка Йоргенсена увяла.

– Нет. Но его исчезновение оживило всевозможные слухи о проклятии. Стали болтать, что все, имевшие дело с этими ящиками, гибнут. Кое-кто из охранников и работников кафетерия – сами знаете эту публику – уверял, что Уиттлси разграбил храм, что в ящике находится какой-то реликт, над которым тяготеет жуткое проклятие. И что оно последовало за реликтом в музей.

– Вам не хотелось заняться изучением растений, которые прислал Максуэлл? – поинтересовался Смитбек. – Вы же ботаник, так ведь?

– Молодой человек, вы понятия не имеете о науке. Ботаников *вообще* не бывает. Палеоботаника покрытосеменных растений не интересует меня. Моя специализация – совместная эволюция растений и вирусов. Бывшая *специализация,* – добавил он с легкой иронией.

– Но Уиттлси хотел, чтобы вы взглянули на те растения, которые он использовал в качестве упаковочного материала, – настаивал Смитбек.

– Не представляю зачем, – ответил Йоргенсен. – Я только что об этом узнал. Я ведь раньше не видел этого письма. – С видимой неохотой старик вернул письмо Марго. – Я бы счел его подделкой, если бы не почерк и не сдвоенная стрела.

Наступило молчание.

– А что думали вы об исчезновении Монтегю? – наконец спросила Марго.

Йоргенсен потер переносицу и уставился в пол.

– Оно испугало меня.

– Почему?

Он надолго замолчал. Наконец признался:

– Сам не знаю… Однажды Монтегю оказался в денежном затруднении, был вынужден попросить у меня взаймы. Он был очень щепетилен и, хотя это стоило ему немалых усилий, вовремя вернул мне долг. Исчезнуть внезапно было как будто не в его характере. Когда я видел Монтегю в последний раз, он собирался заняться инвентаризацией содержимого ящиков. Очень волновался. – Йоргенсен поднял взгляд на Марго. – Я не суеверен. Я ученый. Как уже говорил, не верю в проклятия и все такое прочее…

– Но? – подбодрил его Смитбек. Старик бросил взгляд на журналиста.

– Ладно, – проворчал он. Откинулся на спинку стула и уставился в потолок. – Я сказал, что Джон Уиттлси был моим другом. Перед отъездом он собрал всю информацию о племени котога, какую только смог найти. Большинство слухов и легенд исходило от племен, живущих в низменных местах, яномамо и прочих. Помню, накануне отъезда он пересказывал одну историю. Котога, по словам одного из яномамо, заключили сделку с существом по имени Зилашки. Оно походило на наших чертей, но было гораздо более жутким: все беды и смерти происходили от этого существа, обитавшего на вершине *тепуи*. Так гласила легенда. В общем, по условиям соглашения, котога получали в услужение сына Зилашки, если убьют и съедят собственных детей, а кроме того, дадут клятву всегда поклоняться ему и только ему. Когда взрослые котога выполнили свой ужасный обет, Зилашки прислал к ним своего сына. Но этот зверь бегал на задних лапах среди племени, убивал и поедал людей. Когда котога стали жаловаться, Зилашки только рассмеялся и сказал: *Чего вы ожидали? Я злой!* В конце концов с помощью колдовства, волшебных трав или еще чего-то племя взяло власть над зверем. Убить его было невозможно, понимаете ли. Таким образом, сына Зилашки котога стали использовать для исполнения собственных злых повелений. Однако этот зверь всегда был очень

опасным, в том числе и для хозяев. Легенда гласит, что котога стали искать способ избавиться от него…

Йоргенсен поглядел на разобранный мотор пылесоса.

– Вот такую историю рассказал мне Уиттлси. Когда я узнал об авиакатастрофе, о смерти Уиттлси, об исчезновении Монтегю… то невольно подумал, что котога в конце концов сумели избавиться от сына Зилашки.

Взяв одну из деталей мотора, старый ботаник повертел ее в руках с задумчивым выражением на лице.

– Уиттлси говорил, что сына Зилашки звали Мбвун. Тот, Кто Ходит На Четвереньках.

Он бросил деталь, упавшую с легким звяканьем, и усмехнулся.

33

Близилось закрытие музея. Посетители потянулись к выходам. Сувенирный ларек в южном вестибюле торговал вовсю.

В отделанных мрамором коридорах, ведущих к южному выходу, раздавались громкие голоса и топот ног. В Райском зале, неподалеку от западного выхода, шум был слабее. А дальше, где размещались лаборатории, старые лекционные залы, хранилища и уставленные книгами кабинеты, посетителей не было слышно совсем. Длинные коридоры были темными, тихими.

В обсерваторию Баттерфилда не долетало ни единого звука. Сотрудники ушли домой рано. В кабинете Джорджа Мориарти, как и на всех шести ярусах обсерватории, было совершенно тихо.

Мориарти стоял у стола, плотно прижав стиснутый кулак ко рту.

– Черт, – негромко пробормотал он. Взбрыкнув с досады ногой. Мориарти ударился пяткой о стоявший позади картотечный шкаф, с которого тут же свалилась куча бумаг.

– Черт! – воскликнул он, на сей раз от боли, рухнул в кресло и стал растирать лодыжку.

Боль постепенно прошла, а вместе с ней и Уныние.

– Джордж, вечно ты ухитряешься все испортить, разве не так? – пробормотал он.

Мориарти признался себе, что ухажер из него никудышный. Все, что он делал, стараясь привлечь внимание Марго, заслужить ее

благосклонность, приводило к противоположным результатам. А то, что он сказал об ее отце, было совершенно бестактно.

Мориарти включил компьютер. Он пошлет ей сообщение электронной почтой, может, несколько сгладит неприятное впечатление. Ненадолго задумался, составляя текст, потом стал набирать:

ПРИВЕТ, МАРГО! ОЧЕНЬ ХОЧУ УЗНАТЬ

Резко нажав клавишу, стер сообщение. Чего доброго, так испортишь все еще больше.

Посидел немного, уныло уставившись в пустой экран. Ему был известен лишь один способ облегчить душевную боль: поиски сокровищ.

Многие из лучших артефактов на выставке "Суеверия" появились там в результате его поисков. Мориарти питал глубокую любовь к громадным музейным коллекциям и был знаком с темными, тайными углами хранилищ лучше многих старых сотрудников. У застенчивого Джорджа друзей было мало, и молодой человек часто проводил время, роясь в хранилищах и находя давно забытые реликты. Это давало ему чувство собственной значительности, нужности. Добиться признания своих достоинств другими Мориарти был не способен...

Он снова повернулся к клавиатуре, вошел в инвентарную базу данных и стал небрежно, но целенаправленно просматривать файлы. Мориарти хорошо ориентировался в ней, знал все кратчайшие и обходные пути, как опытный капитан речного судна рельеф дна реки, по которой ходит.

Через несколько минут движения его пальцев замедлились. Он дошел до той области базы, которую еще не исследовал: собрания шумерских артефактов, обнаруженных в начале двадцатых годов и до сих пор толком не изученных. Старательно отыскивал сперва коллекции, потом подколлекции и наконец отдельные артефакты. Вот это, кажется, интересно: серия глиняных табличек, ранние образцы шумерской письменности. Собиратель полагал, что подписи связаны с религиозными ритуалами. Мориарти прочел аннотации, с удовлетворением кивая. На выставке, пожалуй, они окажутся нелишними. На одной из маленьких галерей еще есть место для нескольких артефактов.

Мориарти взглянул на свои любимые наручные часы, которые имели форму солнечных: почти пять. Но он знал, где лежат таблички. Ему они кажутся перспективными, завтра утром он покажет их Катберту, получит его одобрение. Придать стенду законченный вид можно будет между торжествами в пятницу вечером и открытием для широкой публики. Он быстро черкнул несколько записей, потом отключил компьютер.

Щелчок прозвучал в тихом кабинете пистолетным выстрелом. Мориарти посидел, держа палец на выключателе, затем встал, заправил рубашку в брюки и, слегка прихрамывая из-за ушибленной пятки, вышел из кабинета.

34

Спустившись на временный командный пункт, д'Агоста постучал Пендергасту в окно. И замер, вглядевшись.

По кабинету расхаживал какой-то громила, потный, загорелый, в безобразном костюме. Держался он по-хозяйски, брал бумаги со стола, клал их не на место, позвякивал в кармане мелочью.

– Слушайте, приятель, – сказал д'Агоста, войдя в комнату, – это помещение ФБР. Если вы ждете мистера Пендергаста, то, может, побудете в коридоре?

Здоровяк обернулся. Глазки его были маленькими, узкими, злобными.

– Впредь, э, лейтенант, – сказал он, так уставившись на значок, свисавший с пояса д'Агосты, словно пытался разобрать номер, – разговаривай почтительно с людьми из ФБР. Здесь командую я. Особый агент Коффи.

– Так вот, особый агент Коффи, здесь, насколько мне известно, командует мистер Пендергаст, а вы устраиваете на его столе беспорядок.

Коффи чуть заметно улыбнулся, полез в карман пиджака и вынул конверт.

Д'Агоста прочел письмо. Из Вашингтона сообщали, что руководство операцией поручается нью-йоркскому отделению ФБР и конкретно особому агенту Спенсеру Коффи. К директиве было приложено два меморандума. В одном губернатор официально требовал замены и принимал на себя всю ответственность за передачу полномочий. Второй, на бланке сената США, д'Агоста, не потрудясь прочесть, сложил снова. И вернул конверт.

– Значит, пролезли-таки с черного хода.

– Когда появится Пендергаст, лейтенант? – осведомился Коффи, пряча конверт в карман.

– Откуда мне знать, – сказал д'Агоста. – Не я рылся в бумагах на его столе.

Не успел Коффи раскрыть рта, как от двери послышался голос Пендергаста:

– О, агент Коффи! Очень рад вас видеть.

Тот снова полез за конвертом.

– Нет необходимости, – сказал Пендергаст. – Я знаю, почему вы здесь. – Сел за стол. – Лейтенант, пожалуйста, устраивайтесь поудобнее.

В кабинете было всего два стула, и д’Агоста с усмешкой сел на второй. Наблюдать Пендергаста в действии доставляло ему удовольствие.

– Судя по всему, в музее скрывается психопат, мистер Коффи, – продолжал Пендергаст. – Поэтому лейтенант д’Агоста и я пришли к выводу, что торжественного открытия выставки завтра вечером допускать нельзя. Убийца действует в темное время суток. Нападений не совершал уже давно. Мы не можем принимать на себя ответственность за новые убийства по той причине, что музей не закрывается, так сказать, из финансовых соображений.

– Вы уже ни за что не отвечаете, – заявил Коффи. – Я распорядился, чтобы открытие состоялось в намеченное время. Придадим своих агентов в подкрепление полиции. Охрана получится надежнее, чем в дерьмовом Пентагоне. И вот что еще я скажу тебе, Пендергаст: как только компашка разойдется, большие шишки разъедутся по домам, мы накроем этого ублюдка. Тебя считают человеком действия, но знаешь, не могу понять почему. Четыре дня пустил псу под хвост! Хватит зря терять время.

Пендергаст улыбнулся.

– Да, я ожидал этого. Раз вы приняли такое решение, значит, так и будет. Однако предупреждаю, что отправлю рапорт директору ФБР, где изложу свою позицию.

– Делай что хочешь, – ответил Коффи, – но только во внеслужебное время. Кстати, мои люди оборудуют дальше по коридору для меня кабинет. Когда музей закроется, жду от тебя подробного отчета.

– Рапорт о проделанной работе уже готов, – мягко сказал Пендергаст. – Нужно вам еще что-нибудь, мистер Коффи?

– Да, – ответил тот. – Жду от тебя полного сотрудничества.

И вышел, оставив дверь открытой. Д’Агоста посмотрел ему вслед.

– Похоже, вы его дико разозлили. – Повернулся к Пендергасту. – Вы не уступите этому придурку, так ведь?

Пендергаст улыбнулся.

– Винсент, боюсь, это неизбежно. Я даже удивлен, что этого не случилось раньше. Ведь я уже не в первый раз встал Райту поперек горла. С какой стати мне противиться? По крайней мере никто не сможет обвинить нас в недостатке стремления к сотрудничеству.

– Я думал, у вас есть связи, – сказал д’Агоста, стараясь не выдать голосом разочарования.

Пендергаст развел руками.

– И довольно обширные. Но ведь я не на своей территории. Поскольку эти убийства схожи с теми, что я расследовал несколько лет назад в Новом Орлеане, у меня была веская причина находиться здесь – покуда не возникло разногласий с руководством музея, за которыми последовало обращение к местным властям. А я ведь знал, что доктор Райт и губернатор вместе учились... Если же губернатор официально требует вмешательства местного отделения ФБР, исход возможен только один.

– Ну а дело как же? – спросил д’Агоста. – Коффи воспользуется результатами вашей работы и все заслуги припишет себе.

– Вряд ли будет что приписывать, – заметил Пендергаст. – Предстоящее открытие выставки беспокоит меня. Очень. Коффи я знаю давно, можно не сомневаться, что он наделает глупостей. Но обратите внимание, Винсент, что Коффи меня не *прогнал*. Этого он сделать не вправе.

– Не верю, что вы рады избавлению от ответственности. – Д’Агоста гнул свое. – У *меня,* возможно, главное в жизни – забота о собственной шкуре, однако вас я считал другим.

– Винсент, вы меня удивляете, – заговорил Пендергаст. – Я вовсе не уклоняюсь от ответственности. Однако такое положение вещей дает мне определенную степень свободы. Да, последнее слово остается за Коффи, но его способность руководить *моими* действиями ограничена. Поначалу я мог появиться здесь, только приняв на себя руководство расследованием. И был вынужден действовать с оглядкой. Теперь есть возможность следовать своей интуиции. – Он откинулся на спинку стула и устремил на д’Агосту взгляд светлых глаз. – Я по-прежнему буду рад вашей помощи. Возможно, потребуются полицейские, чтобы быстро выполнить несколько заданий.

Лицо д’Агосты несколько секунд было задумчивым.

– Об этом Коффи я мог сказать вам кое-что с самого начала.

– Что же?

– Дерьмо он от желтого котенка.

– Ах, Винсент, – сказал Пендергаст, – у вас такой колоритный язык.

35

Пятница

В ее кабинете, угрюмо отметил про себя Смитбек, ничего не изменилось: все вплоть до последней мелочи находилось на прежних местах. Журналист плюхнулся в кресло с ощущением того, что это уже было.

Рикмен вернулась из приемной с тонкой папкой. На лице ее застыла несколько натянутая улыбка.

– Сегодня вечером открытие! – напомнила она. – Придете?

– Да, конечно, – ответил Смитбек. Рикмен подала ему папку.

– Прочтите это, Билл, – чуть напряженно сказала она.

НЬЮ-ЙОРКСКИЙ МУЗЕЙ ЕСТЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

ВНУТРЕННИЙ МЕМОРАНДУМ

Уильяму Смитбеку-младшему от Лавинии Рикмен Относительно неозаглавленной работы о выставке “Суеверия”

Вступает в силу немедленно, и впредь до дальнейшего уведомления ваша работа в музее будет определяться следующими условиями:

1. Все интервью для текущей работы должны проводиться в моем присутствии.

2. Записывать интервью на пленку или на бумагу вам запрещается. В целях согласованности и экономии времени я принимаю на себя обязанность записывать все беседы и отдавать вам отредактированные тексты для включения в текущую работу.

3. Обсуждение музейных дел с сотрудниками или находящимися в музее лицами запрещается без моего письменного на то разрешения. В подтверждение того, что вы поняли эти условия и согласны с ними, распишитесь внизу.

Смитбек перечитал текст дважды, затем поднял взгляд.

– Ну? – спросила Рикмен, склонив набок голову. – Что скажете?

– Давайте кое-что уточним, – заговорил журналист. – Мне запрещается разговаривать с кем-нибудь, скажем, за обедом, без вашего разрешения?

– О музейных делах. Совершенно верно, – подтвердила Рикмен, поправляя на шее пестрый шарф.

– Почему? Разве документ, который вы разослали вчера, не связывает меня по рукам и ногам?

– Билл, сами знаете почему. Вы зарекомендовали себя как ненадежный человек.

– Чем же? – сдавленно спросил Смитбек.

– Насколько мне известно, вы носились по всему музею, разговаривали с людьми, не имеющими отношения к теме вашей работы, задавали вопросы, не касающиеся новой выставки. Если вы думаете, что можете собирать сведения о… э… о недавних событиях, то я должна напомнить вам о семнадцатом пункте вашего контракта, который запрещает использовать сведения, не санкционированные мною. Ничто, повторяю, ничто, имеющее отношение к этой трагической ситуации, санкционировано не будет.

Смитбек выпрямился.

– Трагическая ситуация! – взорвался он. – Почему не сказать прямо: убийства!

– Пожалуйста, не повышайте голос у меня в кабинете, – отрезала Рикмен.

– Вы наняли меня писать книгу, а не пресс-коммюнике на триста страниц. В музее за неделю до открытия самой большой выставки произошло несколько убийств. Хотите сказать, этого не должно быть в книге?

– Я и только я решаю, чему быть в книге, а чему нет. Понятно?

Смитбек покачал головой. Рикмен встала.

– Это становится утомительным. Немедленно подписывайте документ, или с вами будет покончено.

– Покончено? Меня застрелят или сожгут?

– Я не потерплю такого легкомыслия у себя в кабинете. Либо вы примете эти условия, либо я немедленно приму ваш отказ от работы.

– Отлично, – сказал Смитбек. – В таком случае я предложу рукопись коммерческому издателю. Вам эта книга нужна не меньше, чем мне. И мы оба знаем, что я могу получить солидный аванс за утаиваемые сведения об убийствах в музее. Поверьте, эти факты мне известны. Целиком и полностью.

Лицо Рикмен покрылось мертвенной бледностью, однако она продолжала улыбаться.

– Это явится нарушением вашего контракта, – веско произнесла она. – Музей пользуется услугами уолл-стритской юридической фирмы “Дэниелс, Соллер и Макгейб”. Вы наверняка о ней слышали. Если вы совершите такой поступок, вас немедленно привлекут к суду за нарушение контракта, как и литагента, и издателя, у которого хватит глупости заключить с вами договор. Мы приложим все силы, чтобы выиграть дело, и я не удивлюсь, если после суда вы никогда уже не сможете работать журналистом.

– Это грубое нарушение моих гражданских прав, предоставленных первой поправкой к Конституции[17], – хрипло выдавил Смитбек.

– Ничего подобного. Мы просто будем добиваться судебной защиты по факту нарушения контракта. С вашей стороны это отнюдь не явится героическим деянием, и о нем не напишет даже “Таймс”. Билл, если вы всерьез подумываете о таком поступке, я бы на вашем месте сперва проконсультировалась с хорошим адвокатом, показала ему контракт, заключенный с вами музеем. В нем комар носа не подточит. Или я готова немедленно принять ваш отказ.

Она достала из стола второй лист бумаги и оставила ящик открытым.

Громко загудел селектор.

– Миссис Рикмен? Звонит доктор Райт.

Рикмен сняла телефонную трубку.

– Да, Уинстон. Что? Снова “Пост”? Да, я поговорю с ними. Ты послал за Ипполито? Хорошо.

Положив трубку, Рикмен подошла к двери.

– Удостоверьтесь, что Ипполито пошел к директору, – сказала она секретарше. – А что касается вас, Билл, то на обмен любезностями времени у меня больше нет. Если не подпишете соглашения, то собирайте вещи и проваливайте.

Притихший Смитбек внезапно улыбнулся.

– Миссис Рикмен, я понял вас.

Она подалась вперед с самодовольной улыбкой.

– И...

– Согласен с этими условиями, – закончил он. Торжествуя, Рикмен вернулась к столу.

– Билл, я очень рада, что не пришлось прибегать к крайним мерам.

Она убрала второй лист бумаги обратно в ящик и задвинула его.

– Полагаю, вы достаточно умны, чтобы понять – у вас нет выбора.

Встретив ее взгляд, Смитбек потянулся к папке.

– Не возражаете, если перед тем, как подписывать, я просмотрю документ еще раз?

Рикмен заколебалась.

– Пожалуйста. Только ничего нового в нем вы не вычитаете. Возможности превратных толкований в тексте нет, искать их бессмысленно. – Окинув кабинет взглядом, миссис Рикмен взяла записную книжку и направилась к двери. – Билл, предупреждаю вас. Не забудьте подписать. Выходя, отдайте подписанный документ секретарше, копию вам пришлют.

Смитбек с отвращением скривился, глядя, как ее зад раскачивается под плиссированной юбкой. Бросил взгляд на дверь в приемную. Потом быстро выдвинул ящик стола, который только что закрыла Рикмен, вытащил оттуда небольшой предмет и сунул в карман пиджака. Закрыв ящик, он снова огляделся и направился к выходу.

Потом, возвратясь к столу, схватил меморандум и нацарапал под текстом неразборчивую подпись. Выходя, отдал его секретарше.

– Сберегите, когда-нибудь эта подпись станет драгоценной, – бросил он через плечо и с силой захлопнул дверь.

Когда Смитбек вошел, Марго только что положила телефонную трубку. Кабинет снова находился в ее полном распоряжении: работавшая там женщина-консерватор, очевидно, поспешила взять отпуск.

– Я звонила Фроку, – сказала Марго. – Он очень разочарован, что в ящике больше ничего не оказалось и что я не смогла отыскать оставшихся семенных коробочек. Думаю, он надеялся на какие-то следы этого существа. Хотела рассказать ему о письме и Йоргенсене, но он предупредил, что не может разговаривать. Похоже, у него был Катберт.

– Наверное, расспрашивал о заявке, которую выписал Фрок, – предположил Смитбек. – Разыгрывал из себя Торквемаду.

Указал на дверь.

– Почему не заперта?

Марго удивилась.

– Ой. Наверное, опять забыла.

– Что, если я запру на всякий случай?

Он повозился с дверью, потом, усмехаясь, полез во внутренний карман и медленно вынул маленькую потертую книжку, на ее обложке были отпечатаны сдвоенные наконечники стрел. И поднял, словно приз.

Любопытство на лице Марго сменилось изумлением.

– Господи! Журнал?

Смитбек гордо кивнул.

– Откуда он у тебя? *Где* ты взял его?

– В кабинете Рикмен, – ответил Смитбек. – Пришлось ради этого пойти на ужасную жертву. Я подписал бумагу, впредь запрещающую мне общаться с тобой.

– Шутишь?

– В каждой шутке есть доля правды. Словом, во время этой пытки Рикмен открыла ящик стола, и я увидел там маленькую потрепанную книжицу, похожую на дневник. Потом вспомнил, как ты говорила, что журнал Уиттлси скорее всего взяла она. – Журналист самодовольно кивнул. – Я так и думал! И уходя из кабинета, стащил его.

Он раскрыл дневник.

– Теперь помолчи, Цветок Лотоса. Мамочка прочтет тебе перед сном сказку.

И начал читать, сперва медленно, потом быстрее, привыкнув к неразборчивому почерку и частым сокращениям. В начале большинство записей были очень краткими; в сжатых фразах содержались скудные подробности о погоде и местонахождении экспедиции.

31 авг. Дождь лил всю ночь. На завтрак консервированный бекон. Что-то случилось с вертолетом, пришлось потерять день. Максуэлл несносен. Карлос опять спорит с Оста Гильбао – тот требует платы за...

– Это скучно, – сказал Смитбек, прерывая чтение. – Кому интересно, что они ели на завтрак?

– Читай дальше, – убедительно попросила Марго.

– Да здесь не так уж много, – сказал Смитбек, листая страницы. – Видимо, Уиттлси был скуп на слова. Господи, надеюсь, я погубил свою карьеру этой подписью не напрасно.

В журнале описывалось продвижение экспедиции все глубже и глубже в тропический лес. Начальную часть путешествия исследователи

проехали на джипе. Потом экспедицию переправили вертолетом на двести миль дальше, к верховьям Шингу. Оттуда нанятые проводники везли ее на лодках вверх по медленной реке к *тепуи* Серро-Гордо. Смитбек продолжал читать:

6 сент. Оставили выдолбленные челноки возле брошенных землянок. Теперь придется идти пешком. Сегодня во второй половине дня впервые завидели Серра-Гордо – тропический лес уходит вершинами в облака. Услышали крики птиц тутитл, поймали несколько особей. Проводники о чем-то шепчутся.

12 сент. Съели на завтрак последнюю говяжью тушенку. Не так сыро, как вчера. Продолжаем двигаться к тепуи – тучи разошлись в полдень – высота плато примерно восемь тысяч футов, тропический лес не особенно густой, видели пять редко встречающихся коз, обнаружили трубку для выдувания стрел, и стрелы, в прекрасном состоянии, москиты не дают покоя, обедали вяленым мясом пекари, довольно вкусно, напоминает копченую свинину. Максуэлл заполняет ящики никчемным хламом.

– Зачем Рикмен прятала его? – простонал Смитбек. – Здесь нет ничего компрометирующего. В чем причина?

15 сент. Ветер юго-западный. На завтрак овсяная каша. Трижды пришлось платить за переноску груза через речные заросли, вода по грудь, те еще вымогатели. Максуэлл наткнулся на какой-то образчик флоры и очень вдохновился. Местная растительность в самом деле уникальна – странный симбиоз, морфология кажется очень древней. Но впереди нас ждут более важные открытия, я уверен.

16 сент. Сегодня утром долго оставались в лагере, переупаковывались. Максуэлл настаивает на возвращении с его “находкой”. Настырный тип. Беда в том, что почти все остальные тоже решили вернуться. Они ушли обратно после обеда, оставив нам всего двух проводников. Крокер, Карлос и я идем дальше. Почти немедленно остановились, чтобы переупаковать груз в ящике. Разбились банки с образцами. Пока я переупаковывал, Крокер, сойдя с тропы, наткнулся на разрушенную хижину...

– Вот теперь начинается что-то интересное, – сказал Смитбек.

...принес кое-что для осмотра, открыл ящик, достал сумку с инструментами, не успели мы обследовать хижину, как из кустов появилась старуха туземка, она шатается, трудно сказать, пьяная или больная, указывает на ящик и громко вопит. Беззубая, груди свисают до пояса, почти лысая, на спине большая болячка, похожая на фурункул. Карлос не хочет переводить, но я настаиваю.

Карлос: Она говорит, дьявол, дьявол.

Я: Спроси, что за дьявол?

Карлос переводит. Женщина приходит в истерику, вопит, хватается за грудь.

Я: Карлос, спроси ее о котога.

Карлос: Она говорит – вы пришли забрать дьявола.

Я: Что она говорит о котога?

Карлос: Говорит, котога пошли на гору.

Я: На гору? Куда?

Старуха продолжает кошачий концерт. Указывает на открытый ящик.

Карлос: Она говорит – вы забираете дьявола.

Я: Какого дьявола?

Карлос: Мбвуна. Говорит – вы уносите дьявола Мбвуна в ящике.

Я: Расспроси ее о Мбвуне. Что он собой представляет?

Карлос обращается к женщине, та немного успокаивается и заводит длинную речь.

Карлос: Она говорит, что Мбвун – сын дьявола. Глупый чародей котога попросил у дьявола Зилашки его сына, чтобы тот помог им победить врагов. Дьявол заставил их убить и съесть собственных детей, затем прислал Мбвуна в подарок. Мбвун помог котога одолеть врагов, потом стал убивать их самих, всех подряд. Котога бежали на тепуи. Мбвун последовал за ними. Мбвун никогда не умрет. Котога нужно было избавиться от Мбвуна. Теперь его забирает белый человек. Берегитесь, проклятие Мбвуна уничтожит вас! Вы несете смерть своему народу!

Я поражен и очень рад – этот рассказ совпадает с циклом мифов, дошедших до нас из вторых уст. Велю Карлосу добиться побольше подробностей о Мбвуне. Женщина, очень сильная для своего возраста, исчезает, скрывается среди кустов. Карлос следует за ней и возвращается ни с чем, вид у него испуганный, я не выражаю недовольства. Обследуем хижину. Когда возвращаемся на тропу, проводников там уже нет.

– Старуха знала, что они заберут статуэтку! – воскликнул Смитбек. – Очевидно, это и есть проклятие, о котором она говорила.

И стал читать дальше.

17 сент. Крокера нет со вчерашнего вечера. Я опасаюсь самого худшего. Карлос очень встревожен. Отправлю его вслед за Максуэллом, он, видимо, на полпути к реке. Нельзя допустить потери этого реликта, я считаю его бесценным. Сам буду продолжать поиски котога. В лесу есть тропа, которую, должно быть, проложило это племя. Как могла бы цивилизация вторгнуться в этот ландшафт, не представляю. Возможно, котога все же уцелели.

На этом записи в журнале обрывались. Смитбек выругался и закрыл его.

– Невероятно! Все это мы уже знали. И я продал душу Рикмен... ради этого!

36

Пендергаст, сидя за своим столом на пункте оперативного реагирования, возился с древней китайской головоломкой из бронзы и шелкового шнурка с узелками. Казалось, он полностью поглощен этим занятием. Из маленького кассетного магнитофона за его спиной лились звуки струнного квартета. Когда вошел д’Агоста, агент ФБР не поднял головы.

– Струнный квартет Бетховена фа-мажор, опус сто тридцать пятый, – сказал он. – Но вам наверняка это известно, лейтенант. Сейчас звучит четвертая часть аллегро, названная “Der schwer gefabte Entschlub” – “Трудное решение”. Название, которое вполне можно дать этому делу, не так ли? Поразительно, как искусство отражает жизнь.

– Одиннадцать часов, – произнес д’Агоста.

– А, да-да, – ответил Пендергаст поднимаясь. – Начальник охраны должен устроить нам экскурсию. Идемте?

Дверь дежурной части отдела охраны открыл сам Ипполито. Д’Агосте эта комната с массой приборов, кнопок, рычагов показалась похожей на диспетчерскую атомной электростанции. Возле одной из стен размещалось причудливое, ярко освещенное решетчатое устройство. Двое охранников наблюдали за экранами мониторов. В центре комнаты лейтенант узнал реле ретранслятора, подававшего сигнал на рации, которые носили полицейские и охранники музея.

– Это, – заявил Ипполито, обводя руками комнату и улыбаясь, – одна из самых сложных охранных систем в мире. Разработана специально для нас. И поверьте, обошлась недешево.

Пендергаст огляделся.

– Впечатляет.

– Произведение искусства, – сказал начальник охраны.

– Вне всякого сомнения, – ответил агент ФБР. – Но сейчас, мистер Ипполито, меня волнует безопасность пяти тысяч гостей, ожидаемых здесь сегодня вечером. Объясните, как действует эта система.

– Создавалась она в первую очередь для предотвращения краж, – заговорил Ипполито. – На многих ценных экспонатах установлены в незаметных местах крохотные датчики. Каждый датчик посылает легкий радиосигнал серии приемников, расположенных по всему музею. Стоит передвинуть предмет хотя бы на дюйм, сработает сигнализация, указывающая его местонахождение.

– А что потом? – спросил д’Агоста. Ипполито усмехнулся и нажал на одном из пультов несколько кнопок. На большом экране высветились поэтажные планы здания.

– Внутри, – продолжал Ипполито, – музей разделен на пять секций. Каждая включает в себя несколько выставочных залов и хранилищ. Границы между секциями проложены по вертикали, однако из-за особенностей архитектуры здания периметры второй и третьей секций несколько более сложные. Когда я передвигаю на этой панели тот или иной выключатель, с потолка опускаются стальные двери и перекрывают проходы между секциями. Все окна в музее зарешечены. Когда мы перекрываем определенную секцию, вор оказывается в западне. Он может передвигаться по секции, но лишен возможности из нее выйти. Двери расположены так, что выходы остаются снаружи. – Ипполито подошел к поэтажным планам. – Допустим, злоумышленнику удалось похитить какой-то предмет и скрыться из комнаты до появления охранников. Это ему не поможет. В течение нескольких секунд датчик пошлет сигнал компьютеру, а тот даст команду перекрыть всю секцию. Процесс автоматизирован.

– А что, если перед бегством вор снимет датчик? – поинтересовался д’Агоста.

– Это предусмотрено, – ответил Ипполито. – Сигнализация сработает, и двери моментально опустятся. Убежать вор никак не успеет.

Пендергаст кивнул.

– А как открываются двери, когда пути к бегству у вора отрезаны?

– Любой комплекс дверей можно открыть отсюда из дежурной части. Кроме того, на каждой из них установлена кнопочная панель. Если набрать нужный код, дверь поднимется.

– Замечательно, – негромко произнес Пендергаст. – Однако вся система приспособлена для того, чтобы не дать кому-то выбраться. А мы имеем дело с убийцей, которому нужно оставаться *внутри*. Как система поможет обеспечить безопасность вечерних гостей?

Ипполито пожал плечами.

– Ничего сложного. Создадим непроницаемый периметр вокруг зала и выставки. Все празднества проводятся во второй секции. – Показал на схеме. – Прием состоится в Райском зале, вот здесь. В конце его расположен вход на выставку. Все стальные двери, ведущие в эту секцию, будут заблокированы. Открытыми останутся всего четыре обычные двери – восточная дверь Большой Ротонды, которая ведет в Райский зал, и три запасных выхода, возле которых будет выставлена усиленная охрана.

– А какие, собственно, помещения входят во вторую секцию? – спросил Пендергаст.

Ипполито нажал на пульте несколько кнопок. На панели засветилась зеленым центральная часть музея.

– Вторая секция, – пояснил начальник охраны. – Расположена от подвала до потолка верхнего этажа, как и все остальные. Входят в нее Райский зал, компьютерный и вот эта комната, дежурная часть отдела охраны. А также сохранная зона, центральный архив и разные ценные кладовые. Выйти из музея можно будет лишь через четыре оставленные открытыми стальные двери. За час до начала торжеств мы перекроем все доступы в секцию, а возле оставленных проходов выставим охрану. Поверьте, секция будет не менее защищенной, чем банковский сейф.

– А остальные секции?

– Мы собирались перекрыть все пять, но передумали.

– Правильно, – сказал Пендергаст, – переводя взгляд к другой панели. – Если возникнет критическая ситуация, надо, чтобы вызванные на помощь службы могли действовать без помех. – Указал на светящуюся панель. – А как насчет нижнего подвала? Подвальная часть секции вполне может соединяться с ним. А по нему можно пройти куда угодно.

– Туда никто не посмеет сунуться, – фыркнул начальник охраны. – Это лабиринт.

– Речь ведь идет не о каком-то воришке! Мы говорим об убийце, который сумел улизнуть от вас, меня и д’Агосты. Убийце, который, судя по всему, обитает в этом подвале.

– Райский зал соединяет с другими этажами всего одна лестница, – принялся терпеливо объяснять Ипполито, – ее, как и запасные выходы, будут охранять мои люди. Поверьте, мы об этом позаботились. Весь сектор будет в безопасности.

Пендергаст некоторое время разглядывал светящуюся карту.

– Откуда вы знаете, что эта схема точна? – спросил он.

На лице Ипполито отразилось легкое волнение.

– Точна, разумеется.

– Я спросил, откуда вы *знаете?*

– Охранная система разрабатывалась в соответствии с архитектурными чертежами перестройки двенадцатого года.

– С тех пор ничего не менялось? Не пробивали новые дверные проемы, не заделывали старые?

– Все перемены были учтены.

– Среди тех архитектурных планов были чертежи нижнего подвала?

– Нет, перестройка его не коснулась. Но, как я уже сказал, выходы оттуда будут либо закрыты, либо взяты под охрану.

Наступило долгое молчание. Пендергаст продолжал разглядывать панели. В конце концов агент ФБР со вздохом повернулся к начальнику охраны.

– Не нравится это мне, мистер Ипполито. Позади них кто-то откашлялся.

– Что ему не понравилось на сей раз?

Оборачиваться д’Агосте не было нужды. Скрипучий голос с лонг-айлендским акцентом мог принадлежать только особому агенту Коффи.

– Я просто рассматриваю меры безопасности с мистером Пендергастом, – ответил начальник охраны.

– Так вот, Ипполито, тебе придется рассмотреть их еще раз со мной. – Коффи обратил свои узкие глаза на Пендергаста и раздраженно сказал: – Впредь не забывайте приглашать меня на свои тайные сборища.

– Мистер Пендергаст… – начал было Ипполито.

– Мистер Пендергаст приехал с далекого Юга, чтобы быть на подхвате, если потребуется. Главный теперь здесь я. Ясно?

– Да, сэр, – ответил Ипполито. И стал все излагать снова, тем временем Коффи сидел в кресле оператора, вертя на пальце наушники. Д’Агоста бродил по комнате, разглядывая контрольные панели. Пендергаст внимательно слушал Ипполито, будто впервые. Когда начальник охраны умолк, Коффи откинулся на спинку кресла.

– Ипполито, у тебя четыре дыры в секторе. – Для пущего эффекта новоявленный начальник выдержал паузу. – Три из них заткнуть. Пусть будет только один вход и один выход.

– Мистер Коффи, противопожарные правила требуют...

Коффи махнул рукой.

– О противопожарных правилах предоставь заботиться мне. А сам позаботься о дырах в своей системе охраны. Чем больше дыр, тем больше нужно ждать неприятностей.

– Боюсь, это совершенно ошибочный подход, – сказал Пендергаст. – Если вы закроете эти три выхода, гости окажутся взаперти. Случись что, у них будет один-единственный путь наружу.

Коффи досадливо развел руками.

– Пендергаст, так в том-то и суть. Либо одно, либо другое. Либо надежное ограждение, либо нет. Да и все равно, по словам Ипполито, стальные двери открываются экстренным способом. Чего тебе еще надо?

– Совершенно верно, – сказал Ипполито. – В чрезвычайных обстоятельствах двери можно открыть с помощью кнопочных панелей, нужно только знать код.

– Можно поинтересоваться, чем контролируются панели? – спросил Пендергаст.

– Центральным компьютером. Компьютерный зал рядом.

– А если компьютер выйдет из строя?

– У нас есть резервные системы. Контролируются они вон теми пультами на задней стене. На каждом своя аварийная сигнализация.

– Вот и еще одна проблема, – негромко сказал Пендергаст.

Коффи шумно вздохнул и, обращаясь к потолку, произнес:

– Опять ему что-то не нравится.

– Только вот на этой контрольной панели я насчитал восемьдесят одну сигнальную лампочку, – продолжал Пендергаст, не обращая внимания на Коффи. – В чрезвычайной ситуации большинство их начнет мигать. И никакой бригаде операторов тут не справиться.

– Надоел ты мне, Пендергаст, – отчеканил Коффи. – Тут мы с Ипполито разберемся сами, идет? Осталось меньше восьми часов до открытия.

– Система апробирована? – спросил Пендергаст.

– Мы испытываем ее еженедельно.

– Подвергалась ли она проверке в реальных условиях? Например, при попытке кражи?

– Нет, и надеюсь, такого случая не будет.

– К сожалению, – сказал Пендергаст, – мне эта система кажется непригодной. Я большой сторонник прогресса, мистер Ипполито, однако в данном случае настойчиво рекомендую какой-нибудь старый подход. Право же, на время празднеств я бы отказался от этой системы. Просто-напросто отключил бы ее. Она слишком сложна, и в чрезвычайной ситуации я бы ей не доверился. Тут нужен испытанный подход, что-нибудь знакомое нам всем. Патрули, вооруженные охранники у дверей. Уверен, лейтенант д'Агоста обеспечит столько людей, сколько потребуется.

– Только прикажите, – отозвался д'Агоста.

– Я говорю "нет". – Коффи рассмеялся. – Черт возьми, он хочет отключить систему, именно когда она больше всего нужна.

– Я обязан высказать категорические возражения против этого плана, – сказал Пендергаст.

– Ну так изложи их на бумаге, – заявил Коффи, – и отправь судном в Новый Орлеан. На мой взгляд, Ипполито держит все под контролем.

– Благодарю, – сказал Ипполито, заметно надувшись.

– Ситуация необычная и опасная, – как ни в чем не бывало продолжал Пендергаст. – Сейчас нельзя полагаться на сложную, неопробованную систему.

– Пендергаст, – продолжал хамить Коффи, – У меня уже уши вянут. Может, уберешься к себе в кабинет, примешься за бутерброд с рыбой, который жена положила тебе в жестяную коробку?

Д'Агоста поразился тому, как изменилось лицо Пендергаста. Коффи инстинктивно попятился. Но Пендергаст лишь повернулся на каблуках и вышел. Д'Агоста шагнул вслед за ним.

– А ты куда? – спросил Коффи. – Побудь здесь, пока мы обговорим детали.

– Я согласен с Пендергастом, – сказал лейтенант. – Для компьютерных игр сейчас не время. Речь идет о человеческих жизнях.

– Послушай, д'Агоста. Командуем здесь мы, ФБР. Нас не интересует мнение уличного регулировщика из Куинси.

Д’Агоста поглядел в красное, потное лицо Коффи.

– Ты позор для стражей закона.

Коффи захлопал глазами.

– Спасибо, я отмечу факт беспричинного оскорбления в рапорте своему близкому другу, начальнику полиции Хорлокеру. Он наверняка примет надлежащие меры.

– Раз так, добавь туда еще: ты мешок дерьма.

Коффи, запрокинув голову, рассмеялся.

– Люблю людей, которые сами роют себе могилу, избавляя тебя от трудов. Мне уже приходило в голову – дело слишком серьезное, чтобы связь взаимодействия с полицией осуществлял какой-то лейтенант. Через двадцать четыре часа тебя отстранят от этого дела, д’Агоста. Не знал? Я и не собирался говорить тебе до конца празднества – не хотел портить настроение, но, кажется, время пришло. Так что проведи последний день работы над этим делом с пользой. В четыре приходи на инструктаж. Смотри не опаздывай.

Д’Агоста промолчал. Он почему-то даже не удивился.

37

От громкого чиха в ботанической лаборатории зазвенели мензурки и зашуршали сухие образцы растений.

– Извиняюсь, – сказал Кавакита, шмыгая носом. – Аллергия.

– Вот тебе бумажный платок.

Марго полезла в сумку. Кавакита описывал ей свою генетическую экстраполяционную программу. *Программа блестящая,* подумала она. *Но готова держать пари, основную теоретическую работу проделал Фрок.*

– В общем, – заговорил Кавакита, – ты начинаешь с последовательного ряда генов от двух растений или животных. Вводишь данные в компьютер. Получаешь экстраполяцию – гипотезу компьютера о том, какое эволюционное звено находится между этими видами. Программа автоматически сравнивает последовательности нуклеотидов, потом устанавливает, что может представлять собой экстраполируемая форма. В качестве примера сделаю тестовый прогон с ДНК человека и шимпанзе. Получить мы должны описание какой-то промежуточной формы.

– Недостающее звено, – сказала Марго. – Неужели программа еще и рисует изображение животного?

– Нет, – рассмеялся Кавакита. – Если бы я смог этого добиться, то получил бы Нобелевскую премию. Зато она дает список морфологических и поведенческих особенностей, которыми предполагаемое животное или растение могло бы обладать. Не определенных, но вероятных. Список, разумеется, не полный. Когда закончим опыт, увидишь.

Кавакита отпечатал серию инструкций, и по экрану компьютера поплыли данные: быстрый волнообразный поток единиц и нулей.

– Можно отключить монитор, – сказал Кавакита. – Но мне нравится смотреть, как поступают данные от секвенатора генов. Красиво, будто смотришь на реку, в которой водится форель.

Минут через пять поступление данных прекратилось, цифры исчезли с голубого экрана. Затем на нем появилось лицо Моу из “Трех простофиль”, оно говорило через динамик компьютера: “Думаю, думаю, но ничего не получается!”

– Это означает, что программа работает, – сказал Кавакита, посмеиваясь собственной шутке. – Работа может продолжаться до часа, продолжительность процесса зависит от того, насколько далеко друг от друга отстоят виды.

На экране вспыхнула надпись:

ПРИБЛИЗИТЕЛЬНЫЙ СРОК ЗАВЕРШЕНИЯ:

3.03.40.

– Шимпанзе и человек очень близки – у них девяносто восемь процентов одинаковых генов, – поэтому результат должен появиться быстро.

Над головой Моу внезапно вспыхнула лампочка.

– Готово, – объявил Кавакита. – Поглядим на результаты.

Он нажал клавишу. На экране появился текст:

ПЕРВЫЙ ОБРАЗЕЦ:

Вид: *Pan troglodytes* Род: *Pan*

Семейство: *Pondigae* Отряд: *Primata* Класс: *Mammalia* Тип: *Chordata* Царство: *Animalia*

ВТОРОЙ ОБРАЗЕЦ:

Вид: *Homo sapiens* Род: *Homo*

Семейство: *Hominidae* Отряд: *Primata* Класс: *Mammalia* Тип: *Chordata* Царство: *Animatia* ПОЛНОЕ СОВПАДЕНИЕ ГЕНОВ: 98, 4%

– Хоть верь, хоть не верь, – сказал Кавакита, – идентификация этих двух видов произведена исключительно по генам. Я не сообщал компьютеру, что представляют собой организмы. Это хороший способ убедить скептиков, что экстраполятор не просто хитроумное приспособление. В общем, сейчас мы получим описание, как ты выразилась, недостающего звена.

Морфологические характеристики промежуточного вида:

Объем мозга: 750 куб. см.

Двуногий, прямостоящий

Большой палец руки противопоставляется остальным

Большой палец ноги не противопоставляется

Половой диморфизм ниже среднего Вес взрослой мужской особи: 55 кг Вес взрослой женской особи: 45 кг Срок беременности: восемь месяцев Агрессивность: от низкой до умеренной Эстральный цикл у женской особи: подавленный

Перечисление продолжалось, становясь все более и более невразумительным. После “остеологии” Марго почти ничего не могла понять.

Атавистический париетальный вырост

Сильно редуцированный подвздошный выступ

10 – 12 торакальных позвонков

Способный частично вращаться большой вертлуг

Выступающая кромка глазницы

Атавистический лобный вырост с выступающими скуловыми выростами

Это должно выглядеть угрюмо, подумала Марго.

Дневной

Пристрастно или серийно моногамен

Живет кооперативными сообществами

– Брось ты. Как может твоя программа определить что-то наподобие этого? – спросила Марго, указывая на “моногамен”.

– По гормонам, – ответил Кавакита. – Существует ген, кодирующий гормон, который наблюдается только у моногамных млекопитающих. У людей этот гормон имеет отношение к парной связи. Его нет у шимпанзе, отличающихся беспорядочными совокуплениями. К тому же в данном случае эстральный цикл у женских особей подавлен – это тоже наблюдается только у сравнительно моногамных видов. Программа использует целый арсенал средств – алгоритмы искусственного интеллекта, неформальную логику, – чтобы интерпретировать воздействие всего набора генов на поведение и внешний облик предполагаемого организма.

– Алгоритмы искусственного интеллекта? Ничего не понимаю, – призналась Марго.

– Ну и ладно. Не обязательно знать все тонкости. Сводится все к тому, чтобы заставить машину мыслить более личностно. Компьютер выдает научно обоснованные догадки, пользуется интуицией. Например, слово “кооперативный” экстраполировано по результату наличия или отсутствия примерно восьмидесяти различных генов.

– И это все? – шутливо спросила Марго.

– Нет, – ответил Кавакита. – С помощью этой программы можно определить размеры, внешний вид и поведение *одного* организма, введя ДНК одного существа, а не двух, и блокировав логику экстраполяции. Если финансирование не прекратится, я собираюсь добавить к этой программе два модуля. С помощью первого можно будет экстраполировать один вид в прошлое, второго – в будущее. Другими словами, мы сможем больше узнать об исчезнувших существах и приблизительно представить себе существа будущего. – Усмехнулся. – Неплохо, а?

– Потрясающе, – ответила Марго. Ей казалось, что ее научная работа по сравнению с этой выглядит совершенно незначительной. – Как ты до этого додумался?

Кавакита заколебался, глядя на нее с легким подозрением.

– Когда я только начал работать с Фроком, он пожаловался на пробелы в списке ископаемых. Сказал, что хотел бы их заполнить, узнать, что представляли собой промежуточные виды. Тогда я написал эту программу. Большинство таблиц дал мне он. Мы пытались испытывать ее на различных видах. На генах шимпанзе и человека, а также на бактериях, о которых имеется много генетических данных. Затем произошло невероятное. Фрок, старый дьявол, ожидал этого. Я – нет. Мы сравнили домашнюю собаку с гиеной и получили не плавные промежуточные виды, а причудливые биологические формы, совершенно отличающиеся как от гиены, так и от собаки. То же самое

произошло и с некоторыми другими парами видов. Знаешь, что сказал на это Фрок?

Марго покачала головой.

– Просто улыбнулся и произнес: “Вы теперь видите подлинную ценность этой программы”. – Кавакита пожал плечами. – Понимаешь, моя программа подтвердила его теорию “эффекта Каллисто”, показав, что мельчайшие изменения в ДНК иногда могут вызвать чрезвычайные изменения в организме. Я слегка обиделся, но таковы уж методы Фрока.

– Понятно, почему он так хотел, чтобы я воспользовалась этой программой, – сказала Марго. – Это революция в изучении эволюции.

– Да, только на это всем наплевать, – с горечью ответил Кавакита. – Сейчас все, связанное с Фроком, напоминает поцелуй смерти. Очень обидно вложить во что-то душу, а потом не удостаиваться внимания научного мира. Знаешь, Марго, между нами говоря, я подумываю уйти от Фрока и присоединиться к группе Катберта. Полагаю, что смогу забрать большую часть своих исследований. Советую и тебе подумать о таком варианте.

– Благодарю, я останусь с Фроком. – Марго была оскорблена за учителя. – Если бы не он, я даже не стала бы заниматься генетикой. Я многим ему обязана.

– Как знаешь, – сказал Кавакита. – Но, с другой стороны, ты подумываешь об уходе из музея, верно? Во всяком случае, так говорил Билл Смитбек. А я все вложил в это учреждение. Моя философия гласит: обязанности у тебя есть только перед собой. Посмотри на музейную публику: на Райта, Катберта, на всех. Думают они о ком-то, кроме себя? Мы с тобой ученые. *Знаем о* выживании наиболее приспособленных, о “природе с красными когтями и зубами”. Принцип выживания применим и к ученым.

Марго поглядела в сверкающие глаза Кавакиты. Отчасти он был прав. Но вместе с тем Марго считала, что люди, познав жестокие законы природы, возможно, смогут возвыситься над ними.

Она предпочла переменить тему разговора.

– Значит, экстраполятор одинаково работает с ДНК и животных, и растений?

– Совершенно одинаково, – ответил Кавакита, снова перейдя на деловой тон. – Прогоняешь на секвенаторе ДНК два вида растений, затем вводишь данные в экстраполятор. Он сообщит тебе, в какой степени они родственны, а затем опишет промежуточные формы. Не удивляйся, если программа станет задавать вопросы или делать замечания. Я добавил

много маленьких усовершенствований, пока работал над искусственным интеллектом.

– Кажется, поняла, – проговорила Марго. – Спасибо. Ты сделал замечательную работу.

Кавакита подмигнул.

– Теперь, малышка, ты передо мной в долгу.

– Само собой, – ответила Марго. *Малышка. В долгу перед ним.* Она недолюбливала людей, мыслящих подобным образом. А Кавакита сказал это не в шутку.

Он потянулся и снова чихнул.

– Я ушел. Пора перекусить, потом надо съездить домой, переодеться в смокинг к вечернему торжеству. Сам не знаю, зачем приезжал сегодня – все остальные дома, готовятся к вечеру. Видишь, в лаборатории ни души.

– Смокинг, вот как? – сказала Марго. – Я захватила с собой платье. Нарядное, но не вечернее.

Кавакита подался к ней.

– Одевайся, чтобы достичь успеха, Марго. Если начальство увидит человека в рубашке с коротким рукавом, то будь он даже гением, оно не сможет представить его себе директором музея.

– А ты хочешь быть директором?

– Конечно, – с удивлением ответил Кавакита. – А ты нет?

– Ну а просто хорошо работать в науке?

– Хорошо работать в науке может почти каждый. Но я хочу играть когда-нибудь более значительную роль. Директор способен сделать для науки гораздо больше, чем исследователь, торчащий в тусклой лаборатории вроде этой. – Он потрепал Марго по спине. – Не скучай. И не ломай ничего.

Кавакита ушел, и в лаборатории наступила тишина.

Несколько секунд Марго сидела неподвижно. Потом раскрыла папку с образцами лекарственных растений кирибуту. Однако невольно подумала, что есть более важные дела. Когда она дозвонилась наконец до Фрока и сообщила, как мало обнаружила в ящике, он притих. Казалось, боевой дух внезапно покинул ученого. Голос его был таким подавленным, что она не стала рассказывать ему о журнале и отсутствии там новых сведений.

Марго взглянула на часики: начало второго. Программирование ДНК каждого из растений требовало много времени. Но, как справедливо напоминал ей Фрок, это первая попытка заняться систематическим изучением первобытной классификации растений. С помощью составленной Кавакитой программы она могла доказать, что кирибуту с их уникальным знанием растений классифицировали их биологически. Программа позволит ей представить промежуточные формы растений, гипотетические виды, реальные аналоги которых все еще, возможно, существуют в тропических лесах, где жило племя. По крайней мере таков был замысел.

Для программирования Марго требовалось отделить частицу каждого образца. После долгих переговоров с помощью электронной почты она в конце концов получила разрешение брать от образцов по одной десятой грамма. Этого было едва достаточно.

Она поглядела на хрупкие образцы с едва ощутимым терпким травяным запахом. Некоторые травы являлись сильными галлюциногенами, кирибуту использовали их для священных церемоний: другие были лекарственными и, возможно, представляли собой ценность для современной науки.

Марго взяла пинцетом первое растение, срезала кончик листа лазерным ножом. Истолкла его в ступке со слабым ферментом, который растворит целлюлозу и разрушит ядра клеток, высвободив таким образом ДНК. Работала она быстро, но тщательно, добавляла нужные ферменты, центрифугировала и титровала, затем вновь проделывала эту процедуру с другими растениями.

Последнее центрифугирование заняло десять минут, и пока центрифуга вибрировала в сером металлическом корпусе, Марго сидела, откинувшись на спинку кресла, мысли ее блуждали. Она думала о том, как чувствует себя Смитбек в роли музейного парии. Со страхом гадала, обнаружила ли миссис Рикмен, что журнал исчез. Обдумывала то, что сказал Йоргенсен и что написал Уиттлси о своих последних днях на земле. Представляла себе старуху, указывающую иссохшим пальцем на статуэтку в ящике, предупреждающую Уиттлси о проклятии. Воображала окружающую обстановку: разрушенная, увитая вьющимися растениями хижина, мухи, жужжащие в солнечных лучах. Откуда появилась та женщина? Почему убежала? Потом ей представился Уиттлси – как он глубоко вздохнул и вступил в темную, таинственную хижину…

Постой-постой, подумала она. В журнале сказано, что они встретились со старухой до того, как туда войти. А в письме, которое лежало в крышке ящика, ясно говорится, что Уиттлси обнаружил статуэтку *внутри* хижины. В хижину он не входил, пока старуха не убежала.

Старуха *не* глядела на статуэтку, когда кричала, что в ящике Мбвун! Она явно *смотрела на что-то другое и называла это Мбвуном.* Но этого никто не понял, потому что никто не прочел письма Уиттлси. Люди, которые читали журнал, сочли, что статуэтка и есть Мбвун.

Они ошиблись.

Мбвун, настоящий Мбвун, вовсе не был статуэткой. Как говорила та женщина? *Теперь его забирает белый человек. Берегитесь, проклятие Мбвуна уничтожит вас! Вы несете смерть своему народу!*

Именно так и случилось. В музей пришла смерть. Но о чем из лежавшего в ящике говорила старуха?

Торопливо достав из сумки записную книжку. Марго быстро отыскала список того, что обнаружила в нем накануне:

Пресс с растениями в нем

Стрелы и трубка для их выдувания

Диск с рисунками (найденный в хижине)

Пять-шесть банок с сохранившимися лягушками и саламандрами

Птичьи шкурки

Кремневые наконечники для стрел и копий

Шаманская погремушка

Манта

Что *же?* Марго порылась в сумке. Пресс, диск и погремушка оказались на месте. Она выложила их на стол.

Поврежденная шаманская погремушка была любопытной, но не больше. На выставке “Суеверия” ей попадались более экзотические образцы.

Назначение диска было непонятно. На нем изображалась какая-то церемония, люди с корзинами на спинах стояли, склоняясь, в мелком озерце. У некоторых в руках были какие-то растения. Очень странно. Однако на объект поклонения диск определенно не походил.

Список не помог. Ничто в ящике не напоминало хотя бы отдаленно дьявола или нечто способное привести старуху в такой ужас.

Марго осторожно развинтила маленький ржавый пресс для растений, там лежали свернутые листы промокательной бумаги. Вынула первый лист.

Внутри оказались стебель какого-то растения и несколько маленьких цветков. Марго раньше таких не видела, однако на первый взгляд они показались ей не особенно интересными. В следующем лежали цветы и листья. Марго подумала, что эту коллекцию собирал не ботаник. Уиттлси был антропологом и, видимо, взял эти образцы потому, что они броские, необычные. Но чего ради вообще было их собирать? Марго просмотрела все листы и в последнем обнаружила записку, которую искала.

Подбор растений, обнаруженных в заросшем, заброшенном саду возле хижины (индейцев котога?) 16 сентября 1987 г. Очевидно, культивируемые виды, некоторые, возможно, вторглись после того, как хижина была покинута.

Прилагался небольшой чертеж участка с указаниями местоположения некоторых растений. *Антропология,* подумала Марго, *не ботаника.* Но с уважением восприняла интерес Уиттлси к тому, что предпочитали культивировать котога.

Марго продолжала осмотр. Взгляд ее привлекло растение с длинным волокнистым стеблем и единственным круглым листом на верхушке. Марго поняла, что оно водное, похожее на кувшинку.

Потом осознала, что на обнаруженном в хижине диске изображены точно такие растения. Поглядела на диск повнимательнее: люди, исполняя некий обряд, собирали на болоте именно их. Лица людей были искаженными, печальными. Очень странно. Но Марго была довольна уже тем, что установила эту связь: можно будет написать неплохую статейку для “Джорнел оф этноботэни”.

Отложив диск, Марго снова собрала пресс и туго завернула. Послышались громкие гудки: центрифугирование окончилось, материал был готов.

Она открыла центрифугу и окунула стеклянную палочку в тонкий слой материала на дне пробирки. Осторожно добавила его в приготовленный гель, потом вставила лоток с гелем в электрофорезную машину. Палец Марго потянулся к выключателю. *Еще полчаса ожидания,* подумала она.

И держа палец на выключателе, замерла. Мысли ее поминутно возвращались к той старухе и тайне Мбвуна. Могла старуха иметь в виду семенные коробочки – те, что походили на яйца? Нет, их еще раньше забрал Максуэлл. Одну из лягушек или саламандр в банках? Птичью шкурку? Сомнительное местопребывание для самого дьявола. И не садовые растения, они были спрятаны в прессе.

Что же тогда? Может, сумасшедшая старуха раскричалась ни с того ни с сего?

Марго включила машину и со вздохом откинулась на стуле. Потом положила пресс и диск обратно в сумку, смахнув с пресса несколько упаковочных волокон, которые были в ящике. Еще несколько их валялось в сумке. Кстати, давно пора навести там порядок.

Упаковочные волокна.

Из любопытства Марго взяла пинцетом одно из них, положила на предметное стекло и поместила под стереомикроскоп. Волокно было длинным, неправильной формы, словно мочковатая жила растения с жестким стеблем. Возможно, женщины-котога мяли их для использования в хозяйстве. В микроскоп она увидела тускло поблескивающие отдельные клетки, их ядра были более светлыми, чем окружающая эктоплазма.

Марго вновь обратилась мыслями к журналу Уиттлси. Он ведь упоминал, что банки с образцами разбились и ему пришлось переупаковать ящик. Значит, они выбросили старый упаковочный материал, пропитанный формальдегидом, и воспользовались тем, что оказался возле хижины. Возможно, волокнами, которые котога приготовили для изготовления грубых тканей или веревок.

Могли ли волокна оказаться тем, чего так испугалась старуха? Это казалось немыслимым. И все же Марго разобрало профессиональное любопытство. Действительно ли котога культивировали это растение?

Девушка взяла несколько волокон, бросила в ступку, добавила несколько капель фермента, истолкла. Если выделить ДНК, то можно будет использовать программу Кавакиты, чтобы определить хотя бы род или семейство этого растения.

Вскоре центрифугированная ДНК из волокон была готова для ввода в электрофорезную машину. Марго проделала обычную процедуру, потом включила ток. Вскоре темные ленты начали формироваться в электрифицированном геле.

Через полчаса красный огонек электрофорезной машины перестал мигать. Марго вынула лоток с гелем, стала записывать положение точек и лент переместившихся нуклеотидов и вводить результаты в компьютер.

Закончив, она дала команду программе искать совпадения с известными организмами, переключила выходной сигнал на принтер и стала ждать. Наконец печатающее устройство заработало.

На первой странице компьютер отпечатал:

Вид: Неизвестен. 10% случайных генетических совпадений с известными видами Род: Неизвестен Семейство: Неизвестно Отряд: Неизвестен Класс: Неизвестен Тип: Неизвестен Царство: Неизвестно

Черт побери, Марго! Что за данные ты ввела? Я даже не знаю, растение это или животное. Представляешь, сколько времени потребуется центральному процессору для выяснения?

Марго невольно улыбнулась. Вот что, значит, представляет собой сложный эксперимент Кавакиты по общению искусственного интеллекта с окружающим миром. А результат смехотворный. Неизвестно *царство?* Треклятая программа не может даже разобрать, животное это или растение! Марго решила, что поняла, почему Кавакита не хотел показывать ей программу, почему потребовалось вмешательство доктора Фрока. Если входишь в неизвестную программе сферу, программа становится неэффективной.

Марго просмотрела распечатку. Компьютер идентифицировал очень мало генов. Там были сочетания, общие для почти всех форм жизни: несколько протеинов респираторного цикла, цитохром, другие универсальные гены. А также несколько связанных с целлюлозой, хлорофиллом и сахарами. Марго знала, что это специфические гены растений.

В ответ на реплику компьютера она отпечатала:

Почему ты даже не знаешь, растение это или животное? Я вижу здесь много генов растений.

Пауза.

Ты не заметила здесь и гены животных? Пропусти данные через генетическую лабораторию.

Дельный *совет,* подумала Марго. Набрала на модеме номер генетической лаборатории, и вскоре на экране появилась знакомая синяя эмблема. Она ввела данные ДНК из волокон и пропустила через ботанический суббанк. Тот же результат: почти ничего. Несколько совпадений с обычными сахарами и хлорофиллами.

Повинуясь побуждению, она пропустила данные через всю базу.

Долгая пауза, и затем поток сведений залил экран. Марго быстро нажала несколько клавиш, давая терминалу команду запомнить результат. Там было множество совпадений с разнообразными генами, о которых она даже не слышала.

Отключившись от генной лаборатории, она ввела полученные данные в программу Кавакиты и дала команду определить, какие протеины соответствуют этим генам.

По экрану пополз длинный список.

Гликотетраглициновый колладеноид Тиреотропный гормон Сакно, 2,6 аденозин (грамположительный)

1. 2, 3, окситоцин 4-моноккситоцин супрес-синовый гормон

2. 4 диглицерид диетилоглобулин ринг-аланин

Гамма-глобулин А, х-у, левопозитивный Гипоталамный кортикотропиновый гормон, левонегативный

1-1-1 сульфаген (2, 3 мурине) связующий кератиноид

Гексагональная амбилоидная реовирусная, протеиновая оболочка Обратная транскриптаза фермента

Список был очень длинным. *Кажется, здесь большей частью гормоны,* подумала Марго. Но *что за гормоны?*

Она нашла пылившийся на полке том “Биохимической энциклопедии” и отыскала “Гликотет-раглициновый колладеноид”:

Протеин, общий для большинства видов позвоночных. Прикрепляет мышечную ткань к хрящам.

Перевернув несколько страниц, отыскала “Ти-реотропный гормон Сакно”:

Гормон гипоталамуса, присутствует у млекопитающих. Воздействует на гипофиз.

У Марго зародилось жуткое подозрение. Она посмотрела, что представляет собой следующий “1. 2, 3, окситоцин, 4-моноккситоцин супрессиновый гормон”:

Гормон, выделяемый человеческим гипоталамусом. Функция его не совсем ясна. Недавние исследования показали, что, возможно, он регулирует уровень тестостерона в крови при сильных стрессах (Бушар. 1992: Деннисон, 1991).

Марго в испуге отпрянула, книга с глухим стуком упала на пол. Поднимая телефонную трубку, девушка взглянула на часики. Половина четвертого.

Когда водитель “бьюика” отъехал, Пендергаст поднялся в музей по ступеням бокового входа. Предъявляя охраннику удостоверение, он держал под мышкой два длинных картонных рулона в футлярах.

На пункте оперативного реагирования, закрыв за собой дверь в кабинет, Пендергаст извлек из футляров несколько пожелтевших синек.

Целый час агент сидел почти неподвижно и, подперев голову руками, изучал чертежи. Время от времени делал пометки в записной книжке, заглядывал в лежавшие на углу стола машинописные страницы.

Внезапно Пендергаст поднялся. Последний раз взглянул на синьки и, поджав губы, медленно провел указательным пальцем от одной точки до другой. Потом собрал большинство листов, аккуратно вложил в картонные футляры и убрал в чулан. Оставшиеся тщательно свернул и сунул в лежавшую на столе матерчатую сумку. Выдвинув ящик стола, вынул оттуда самовзводный кольт сорок пятого калибра “анаконда”, узкий, длинный, зловещий. Пистолет был водворен в кобуру под мышкой: конечно, не табельное оружие агентов ФБР, но тем не менее оно придавало уверенности. Отправил в карман горсть патронов. Достал из ящика массивный желтый предмет и положил в сумку. Затем, поправив черный костюм и галстук, Пендергаст сунул записную книжку во внутренний карман пиджака, взял сумку и вышел из кабинета.

На убийства у Нью-Йорка память короткая, и в просторных залах музея снова бурлили потоки посетителей. Дети толпились у витрин, прижимались носами к витринам, тыкали пальцами и хохотали. Родители с картами и фотоаппаратами толклись поблизости. Сопровождавшие посетителей гиды бубнили заученные раз и навсегда тексты; у дверей стояли настороженные охранники.

Пендергаст неторопливо вошел в Райский зал. По стенам огромного помещения красовались пальмы в кадках, небольшая группа рабочих заканчивала последние приготовления. На подиуме два техника устанавливали микрофон: на белых скатертях доброй сотни столов стояли имитации туземных фетишей. Создаваемый шум поднимался вдоль коринфских колонн к широкому куполу.

Пендергаст взглянул на свои часы: ровно четыре, все агенты должны находиться на инструктаже у Коффи. И быстро пошел через зал к запертому входу на выставку. Обменялся несколькими словами с полицейским в мундире, и тот отпер ему дверь.

Через несколько минут Пендергаст вышел с выставки. Немного постоял, размышляя. Затем снова прошел через зал и свернул в коридор.

Направился он в самые тихие закоулки музея, далекие от общественных мест. Теперь он находился среди складов и лабораторий, куда туристов

не пускают. Высокие потолки и ухоженные галереи сменились серыми шлакоблочными коридорами, вдоль которых тянулись двери каморок. Наверху шипели трубы парового отопления. Пендергаст остановился у верха металлической лестницы, заглянул в записную книжку и зарядил пистолет. Потом начал осторожно спускаться в узкие лабиринты темных недр музея.

39

Створки двери в лабораторию со стуком распахнулись, потом стали медленно закрываться. Марго подняла взгляд и увидела Фрока, со скрипом въезжающего спиной к ней в инвалидной коляске. Подскочила и повезла шефа к терминалу компьютера. Обратила внимание на то, что ученый уже в смокинге. Видимо, *приехал в нем на работу,* подумала она. Из нагрудного кармана торчал, как всегда, платок от Гуччи.

– Понять не могу, почему эти лаборатории разместили в таких труднодоступных местах, – проворчал Фрок. – Марго, так что это за великая тайна? И почему мне потребовалось спускаться сюда, чтобы узнать ее? Вскоре начнется вечернее фиглярство, и мое присутствие на помосте необходимо. Честь, разумеется, невелика – все дело в моем впечатляющем состоянии. Иен Катберт дал это совершенно ясно понять сегодня утром у меня в кабинете.

В голосе ученого вновь звучали смирение и горечь.

Марго быстро объяснила, как провела анализ упаковочных волокон из ящика. Показала диск с рисунками, изображающими сбор травы. Описала находку и содержание письма и журнала Уиттлси, разговор с Йоргенсеном. Сказала, что истеричная старуха, о которой писал в журнале Уиттлси, не могла иметь в виду статуэтку, когда предостерегала ученого относительно Мбвуна.

Фрок выслушал, неторопливо вертя в руках каменный диск.

– Интересная история, – сказал он. – Но стоит ли из-за нее волноваться? Не исключено, что ваш образец просто-напросто оказался загрязненным. И как знать, может, та старуха была сумасшедшей, либо воспоминания Уиттлси слегка перепутаны.

– Я сперва так и подумала. Но взгляните на это, – сказала Марго, подавая Фроку распечатку. Ученый быстро пробежал ее глазами.

– Любопытно. Однако не думаю, что…

Он умолк, пухлые пальцы задвигались по колонкам протеинов.

– Марго, – проговорил Фрок, подняв взгляд, – я поспешил с выводом. Это *действительно* загрязнение своего рода, но причиной его является не человек.

– То есть? – спросила Марго.

– Видите этот шестиугольный реовирусный протеин? Он из оболочки вируса, который заражает и животных, и растения. Смотрите, как его здесь много. И здесь у вас ревертаза, фермент, который почти всегда находится в сообществе вирусов.

– Я что-то не понимаю.

Фрок раздраженно повернулся к ней.

– Растение сильно заражено вирусом. Ваш программный аппарат смешивал и кодировал ДНК и того, и другого. Подобные вирусы, частицы ДНК или РНК в протеиновой оболочке, есть во многих растениях. Заражая растение, они занимают некоторые его клетки, потом вводят свой генетический материал в гены растения. Гены начинают производить вместо того, что им положено, новые вирусы. Вирус дубового галла создает коричневые наросты на дубовых листьях, но в остальном он безвреден. Наплывы на кленах и соснах тоже вызваны вирусами. Они так же обычны у растений, как и у животных.

– Я понимаю, доктор Фрок, но...

– *Чего-то* здесь я не пойму, – произнес ученый, откладывая распечатку. – Вирус обычно провоцирует появление других вирусов. С какой стати этому порождать человеческие и животные протеины? Взгляните на них. Большей частью это гормоны. Зачем человеческие гормоны растению?

– Именно об этом я и хотела вам сказать, – заговорила Марго. – Некоторые гормоны я отыскала в справочнике. Кажется, большей частью они из человеческого гипоталамуса.

Голова Фрока дернулась, будто от удара.

– Из гипоталамуса?

Глаза его внезапно оживились.

– Совершенно верно.

– А находящееся в музее существо *ест* гипоталамусы своих жертв! Значит, нуждается в этих гормонах – возможно, даже *пристрастилось к* ним, будто к наркотику, – взволнованно заговорил Фрок. – Подумайте: существуют только два их источника – растения, которые насыщены гормонами благодаря уникальному вирусу, и человеческий гипоталамус.

Когда это существо не может найти волокон, оно ищет человеческий мозг!

– Господи, какой ужас, – прошептала Марго.

– Это поразительно! Этим совершенно точно объясняется причина тех ужасных убийств. Теперь мы можем сложить части головоломки. У нас в музее обитает некое существо, оно убивает людей, вскрывает черепа и поедает область гипоталамуса, в которой эти гормоны наиболее сконцентрированы.

Фрок не сводил взгляда с Марго, руки его слегка дрожали.

– Катберт сказал нам, что отыскал ящики ради статуэтки Мбвуна, один ящик был взломан, и возле него валялись волокна. Теперь я вспоминаю, что в одном из больших ящиков волокон почти не было. Значит, это существо в течение какого-то времени *поедало* их. Максуэлл, очевидно, использовал эти же самые волокна для упаковки своих ящиков. Существу, наверное, не требуется их много – концентрация гормонов в этих растениях, должно быть, очень велика, – но необходимо есть регулярно.

Фрок откинулся на спинку коляски.

– Десять дней назад ящики перенесли в сохранную зону, а три дня спустя были убиты два мальчика. На следующий день убит охранник. В чем тут дело? Все просто: этот зверь не может добраться до волокон, поэтому убивает людей и ест гипоталамус, утоляя тем самым свою жгучую потребность. Но гипоталамус выделяет ничтожное количество этих гормонов и служит плохим заменителем волокну. Основываясь на концентрации, указанной в распечатке, рискну предположить, что в пятидесяти мозгах содержится такое же количество гормонов, как в половине унции этого растения.

– Доктор Фрок, – сказала Марго, – я думаю, котога культивировали это растение. Уиттлси положил несколько его образцов в пресс, а рисунок на диске изображает уборку какого-то растения. Я уверена, что волокна представляют собой размятые стебли кувшинок из пресса Уиттлси – того самого, что изображен на диске. И теперь мы знаем: та женщина имела в виду волокна, когда кричала “Мбвун”. *Мбвун,* сын дьявола. Это название растения!

Марго торопливо достала странную культуру из пресса. Стебли темно-коричневые, высохшие, с сетью черных прожилок. Лист был толстым, кожистым, почерневшие прожилки его были твердыми, как засохшие корни. Марго осторожно понюхала его. Растение пахло мускусом.

Фрок глядел на него со страхом и восхищением.

– Блестящая гипотеза, Марго, – похвалил он. – Котога, видимо, создали целый ритуал вокруг выращивания и уборки этого растения – наверняка с целью умиротворять зверя, которого изображает статуэтка. Но как он попал сюда? И зачем?

– Я кажется, догадываюсь, – ответила Марго, мысль ее работала лихорадочно. – Вчера друг, который помог мне добраться до ящиков, сказал, что прочел о подобной серии убийств в Новом Орлеане несколько лет назад. Произошли они на сухогрузе, шедшем из Белена. Мой друг отыскал коносаменты и установил, что эти ящики находились на борту того судна.

– То есть существо последовало за ящиками, – сказал Фрок.

– И потому-то Пендергаст, агент ФБР, приехал из Луизианы, – ответила Марго. Фрок повернулся, глаза его горели.

– Господи! Мы заманили какое-то чудовище в музей посреди Нью-Йорка. Это эффект Каллисто с возмездием. Свирепый хищник принялся теперь уничтожать нас. Дай Бог, чтобы он оказался единственным.

– А что может представлять собой это существо? – спросила Марго.

– Не знаю, – ответил ученый. – Оно жило на *тепуи,* питалось этими растениями. Какой-то причудливый вид, возможно, сохранившийся со времен динозавров. Или, может, это результат неожиданного витка эволюции. *Тепуи* представляло собой очень хрупкую экосистему, это был биологический остров необычайных видов, окруженный тропическим лесом. В таких местах животные и растения способны создавать странные зависимости друг от друга. Общий фонд ДНК – подумать только! А затем...

Фрок сделал паузу.

– *Затем!* – повторил он, стукнув рукой по подлокотнику коляски. – Затем на этом тепуи обнаруживают золото или платину! Ведь так вам говорил Йоргенсен? Вскоре после того, как экспедиция распалась, *тепуи* выжгли, проложили туда дорогу, завезли тяжелое горное оборудование. Уничтожили всю экосистему и племя котога. Отравили реки и болота ртутью и цианидами.

Марго энергично закивала.

– Пламя вышло из-под контроля, пожар бушевал несколько недель. И растение, которое поддерживало это существо, исчезло.

– Поэтому оно отправилось в путь за ящиками и пищей, в которой так отчаянно нуждалось.

Ученый погрузился в молчание, голова его свесилась на грудь.

– Доктор Фрок, – негромко произнесла наконец Марго. – Но как это существо могло узнать, что ящики отправили в Белен?

Фрок поглядел на нее и замигал.

– Не знаю, – наконец признался он. – Странно, правда?

Вдруг ученый схватился за поручни коляски и взволнованно приподнялся.

– Марго, мы можем узнать, что это существо представляет собой! У нас есть для этого средство. Экстранслятор! Есть ДНК этого существа. Введем ее в программу и получим описание.

Марго захлопала глазами.

– Вы имеете в виду коготь?

– Именно! – Фрок подъехал к терминалу, и пальцы его забегали по клавишам. – Я распорядился ввести в компьютер распечатку, которую оставил нам Пендергаст. И прямо сейчас загружу ее данные в программу Грегори. Будьте добры, помогите.

Марго заняла место Фрока у клавиатуры. На экране вспыхнула надпись:

ПРИБЛИЗИТЕЛЬНЫЙ СРОК ЗАВЕРШЕНИЯ:

55.30

Марго, похоже, предстоит большая работа. Почему бы тебе не заказать пиццу? Лучшее заведение в городе “У Антонио”. Рекомендую зеленый чили и пепперони. Позвонить туда?

Было уже четверть шестого.

40

Д’Агоста с усмешкой смотрел, как двое рабочих крепкого сложения раскатывают красную ковровую дорожку между рядами пальм в Большой ротонде, затем через бронзовые двери и вниз по ступеням парадного входа.

Промокнет, подумал он. Смеркаться только начинало, и лейтенант видел, что на севере и западе собираются грозовые тучи, будто горы возвышаясь над гнущимися под ветром деревьями на Риверсайд-драйв. От далекого раската грома содрогнулись артефакты в рекламной витрине Ротонды, и несколько первых капель ударилось о матовые стекла бронзовых дверей. Надвигалась жуткая гроза – спутниковая фотография, показанная по телевизору в утренних новостях, не

оставляла в этом сомнений. Экстравагантная ковровая дорожка промокнет до нитки. И множество экстравагантных гостей не избежит этой участи.

Для широкой публики музей закрылся в пять часов. Разряженные гости должны были появиться не раньше семи. Пресса уже прибыла: стояли телевизионные фургоны со спутниковой связью, громко переговаривались фотографы, повсюду виднелось оборудование.

Д’Агоста принялся отдавать распоряжения по рации. У него было больше двух десятков людей, расставленных в ключевых местах Райского зала, в других залах и снаружи музея. Хорошо, что он успел неплохо изучить это здание. Двое полицейских уже заблудились, пришлось объяснять им, как выбраться.

Настроение у лейтенанта было неважное. На инструктаже в четыре часа он попросил разрешения прочесать напоследок выставку. Коффи не позволил. И запретил полицейским в мундирах и в штатском, которым предстояло находиться в гуще празднества, брать тяжелое оружие. Сказал, что это может напугать гостей. Д’Агоста глянул на четыре металлодетектора, просвечивающих тех, кто проходит, рентгеновскими лучами. *Слава Богу, хоть они есть.*

Лейтенант повернулся и стал искать взглядом Пендергаста. На инструктаж южанин не пришел. И вообще после утренней встречи с начальником охраны д’Агоста его больше не видел.

Из рации донесся треск.

– Алло, лейтенант? Говорит Хенли. Я тут перед чучелами слонов, но никак не могу найти Морской зал. Вы как будто говорили…

Д’Агоста велел ему помолчать и стал наблюдать, как осветители опробуют самый, очевидно, большой набор “юпитеров” после съемок фильма “Унесенные ветром”.

– Алло, Хенли? Видишь большую дверь с бивнями? Отлично, пройди в нее и два раза поверни направо. Когда будешь на месте, сообщи. Твой напарник – Уилсон.

– Уилсон? Сэр, вы же знаете, я не люблю работать в паре с женщинами…

– Хенли! Это еще не все.

– А что еще?

– Она будет с ружьем двенадцатого калибра.

– Постойте, лейтенант, вы…

Д'Агоста выключил рацию.

Позади него раздался громкий скрежет, и в северной стороне Ротонды с потолка начала опускаться толстая стальная дверь. Принялись блокировать периметр. В полутьме возле двери маячили два агента ФБР, просторные пиджаки их не скрывали короткоствольных дробовиков. Д'Агоста презрительно фыркнул.

Когда стальная плита опустилась, по залу раскатился оглушительный грохот. Не успели замереть его отзвуки, как с таким же грохотом опустилась южная дверь. Поднятой должна была остаться только восточная. *Черт* возьми, подумал д'Агоста, не *хотелось бы увидеть здесь* пожар.

В дальней стороне зала послышался знакомый лающий голос. Лейтенант обернулся и увидел Коффи, тычущего пальцем во все стороны суетящимся вокруг людям.

Коффи заметил его.

– Эй, д'Агоста! – крикнул он и поманил лейтенанта к себе.

Тот и ухом не повел. Тогда Коффи с важным видом подошел к нему, лицо агента блестело от пота. На толстом ремне болтались снаряжение и оружие, о которых д'Агоста только слышал.

– Оглох, д'Агоста? Вызови пару своих людей, пусть встанут у этой двери. Никого не впускать и не выпускать.

Черт побери, подумал д'Агоста. В Большой *ротонде бездельничают* по крайней мере пятеро *фэбээровцев*.

– Коффи, мои люди уже расставлены по местам. Задействуй одного из вон тех своих Рэмбо. Послушай, ты рассредоточиваешь большую их часть по внешней границе периметра. Полицейским нужно стоять внутри для охраны гостей, кроме того, им придется заняться регулировкой движения снаружи. Остальная часть музея будет почти пустой. Мне это не нравится.

Коффи подтянул ремень и злобно сверкнул на него глазами.

– Знаешь, мне плевать, что тебе нравится, а что нет. Делай, как сказано. И держи один канал связи для меня свободным.

С этими словами он широким шагом удалился.

Д'Агоста в очередной раз выругался. Глянул на свои часы. Ровно шесть.

41

Надпись на экране компьютера исчезла, затем возникла новая:

ЗАВЕРШЕНО: ДАННЫЕ ОТПЕЧАТАТЬ, ВЫВЕСТИ ДЛЯ ПРОСМОТРА ИЛИ ТО И ДРУГОЕ?

Марго выбрала последнее. Когда по экрану поплыли строки, Фрок подъехал вплотную к столу и подался вперед так близко к монитору, что его отрывистое дыхание затуманивало стекло.

Вид: Неизвестен Род: Неизвестен. Семейство: 12% совпадений с Pongidae; 16% с Hominidae

Отряд: Возможно, primata; 66% общих маркерных генов отсутствует; большое допустимое отклонение

Класс: 25% совпадений с Mammalia; 5% с Reptilia

Тип: Chordata Царство: Animalia Морфологические признаки:

Чрезвычайно сильный Объем мозга: 900 – 1250 куб. см.

Четвероногий, чрезвычайный задне-передний диморфизм

Потенциально высокий половой диморфизм

Вес взрослой мужской особи: 240 – 260 кг

Вес взрослой женской особи: 160 кг

Агрессивность: чрезвычайная

Период беременности: от семи до девяти месяцев

Эструальный цикл у женской особи: увеличенный

Локомоторная скорость: 60 – 70 км/ч

Эпидермальный покров: спереди шкура, сзади костная чешуя

Ночной

Фрок, водя по экрану пальцем, просматривал перечень.

– Рептилия! – произнес он. – Вот опять появляются гены геккона! Кажется, у этого существа комбинируются гены рептилий и приматов. И сзади у него чешуя. Тоже, видимо, от геккона.

Чем дальше, тем непонятнее становились эти признаки для Марго.

Сильное увеличение и слияние пястных костей задней конечности. Возможно атавистическое слияние на передней конечности третьего и четвертого пальцев

Слияние проксимальных и средних фаланг передней конечности

Возможно 90% (?) отрицательное вращение седалищной кости

Чрезвычайное утолщение и призматическое поперечное сечение бедра.

Носовая полость расширена

Три (?) сильно закрученные ушные раковины Расширена сеть обонятельных нервов и обонятельная область мозжечка Возможно, слизистые снаружи ноздри Ослаблены зрительный хиазм и нерв

Фрок медленно отъехал от монитора.

– Марго, – сказал он, – здесь описывается высочайшего класса машина для убийств. Но вы видите, сколько здесь "возможно"? Описание в лучшем случае гипотетическое.

– И все-таки, – ответила та, – у него очень много общего со статуэткой Мбвуна.

– Несомненно. Марго, хочу особо обратить ваше внимание на объем мозга.

– От девятисот до тысячи двухсот пятидесяти кубических сантиметров, – сказала Марго. – Это много, правда ведь?

– Много? Невероятно! Верхняя граница достигает человеческих показателей. Зверь, что бы он собой ни представлял, похоже, обладает силой медведя гризли, скоростью борзой и разумом человека. Я сказал, похоже: очень многое из этого является гипотезой программы. Но взгляните на совокупность свойств.

Ученый ткнул пальцем в перечень.

– Ночной – активен по ночам. Слизистые снаружи ноздри – то есть нос у него "влажный", присущий животным с острым чутьем. Закрученные ушные раковины – тоже признак животного с сильно развитым обонянием. Ослабленный зрительный хиазм. Перед нами существо со сверхъестественным обонянием и слабым зрением, которое охотится по ночам.

Фрок свел брови и ненадолго задумался.

– Марго, это пугает меня.

– Если мы правы, меня пугает даже мысль о таком существе, – ответила та. И содрогнулась, вспомнив, что работала с волокнами.

– Я говорю об обонянии. Если верить экстраполяции, существо это живет чутьем, охотится чутьем, *воспринимает мир* чутьем. Я не раз слышал, что собака находит весь ландшафт запаха таким же сложным и красивым, как любой пейзаж, который мы видим глазами. Но обоняние

более примитивно, чем зрение, и в результате такие животные обладают инстинктивной реакцией на запах. Вот что меня пугает.

– Боюсь, я не поняла.

– Через несколько минут в музей съедутся тысячи человек. Соберутся в замкнутом пространстве. Это существо учует их концентрированный запах. Что вполне способно вызвать у него раздражение или даже ярость.

В лаборатории воцарилось молчание.

– Доктор Фрок, – заговорила Марго, – вы сказали, что от переноса ящиков в сохранную зону до первого убийства прошло два дня. Затем до второго убийства один день. А ведь после него прошло уже три.

– Продолжайте, – сказал Фрок.

– Мне кажется, это существо уже дошло до края. То воздействие, которое оказывает на него гипоталамус, должно пройти, – в конце концов, мозговые гормоны слабая замена растению. Если вы правы, существо это чувствует себя как наркоман, не получающий очередной дозы. Деятельность полицейских заставила его притаиться. Но вопрос в том, долго ли оно может терпеть?

– Боже, – произнес Фрок, – уже семь часов. Марго, мы должны предупредить всех, *должны не* допустить открытия.

Он поехал к двери, жестом пригласив Марго следовать за собой.

Часть третья

Тот, кто ходит на четвереньках

42

С приближением семи часов к западному входу музея начали съезжаться лимузины и такси. Из них осторожно вылезали элегантные пассажиры, дамы в мехах и господа, все как один в смокингах. Раскрыв зонты, гости устремлялись по красной ковровой дорожке к навесу над входом – проливной дождь уже затопил тротуары и превратил канавы в бурные реки.

Большая ротонда, обычно тихая в этот вечерний час, оглашалась говором множества людей и топотом ног в дорогой обуви по мраморным плитам. В Райском зале из кадок, украшенных гирляндами фиолетовых лампочек, высился бамбук. К нему были прикреплены букеты орхидей, они свисали, напоминая цветущие лианы в тропическом саду.

Где-то в глубине зала невидимый оркестр оживленно играл “Нью-Йорк, Нью-Йорк”. Полчища официантов в белых галстуках умело лавировали в толпе, держа большие серебряные подносы, уставленные бокалами с шампанским и всевозможными закусками. Поток гостей вливался в ряды сотрудников музея, уже отдающих должное бесплатному угощению. В лучах прожекторов с голубыми светофильтрами сверкали длинные вечерние платья с блестками, бриллиантовые ожерелья, золотые запонки и тиары.

Открытие выставки “Суеверия” почти внезапно стало наиболее привлекательным событием для светского общества Нью-Йорка. Привычные балы и благотворительные обеды затмила возможность увидеть собственными глазами то, о чем столько говорили. Организаторами были разосланы тысячи приглашений, и пять тысяч человек ответили, что приняли их.

Смитбек в смокинге (который сидел на нем отвратительно) и рубашке с оборками вглядывался в зал, выискивая знакомые лица. В дальнем конце зала был воздвигнут громадный помост. Вдоль одной из стен проложен искусно украшенный вход на выставку. Дверь пока что была заперта, и возле нее стояла охрана. Площадка для танцев посередине быстро заполнялась парами. Едва войдя в зал, Смитбек услышал со всех сторон разговоры, ведущиеся повышенными голосами.

– ...эта новая психоисторичка. Грант? Так вот, вчера она призналась-таки, над чем работала все это время. Представьте: она пытается доказать, что странствия Генриха Четвертого после второго крестового на самом деле представляли собой реакцию бегства, вызванную сильным стрессом. Я с трудом удержалась, чтобы не сказать ей...

– ...выдвинул смехотворную идею, будто стабианские бани на самом деле были просто-напросто конюшнями. А ведь сам ни разу не бывал в Помпее. Виллу Тайн от пиццерии не отличит. Но имеет наглость именовать себя папирологом...

– ...моя новая ассистентка? Знаете, такая, с огромным носом? Так вот, вчера она стояла возле автоклава и уронила туда пробирку, наполненную...

Смитбек глубоко вдохнул и начал протискиваться к столику с закусками. *Будет чем полакомиться,* подумал он.

Д’Агоста увидел, как перед входными дверями Большой ротонды в очередной раз рассыпался фейерверк фотовспышек. Появилась еще одна важная персона – женоподобный красавчик с двумя чахлого вида девицами, виснущими на его руках.

Лейтенант стоял там, откуда мог наблюдать за металлодетекторами, за толпами гостей, вливающимися в Райский зал через единственную дверь. Пол Ротонды скользил от дождевой воды, на стойку гардероба один за другим ложились зонтики. В дальнем углу разместился передовой пост ФБР: Коффи собирался наблюдать оттуда за происходящим. Д'Агосту разбирал смех. Пост старались оборудовать так, чтобы он не бросался в глаза, однако тянущиеся от него, словно щупальца спрута, электрические и телефонные провода, волоконнооптические и покрытые резиной кабели не заметить было так же трудно, как тяжкое похмелье.

Раздался раскат грома. Вершины окаймляющих набережную деревьев с еще нераспустившимися почками неистово раскачивались на ветру.

Рация д'Агосты зашипела.

– Лейтенант, у нас опять скандал возле металлодетектора.

До него донесся пронзительный женский голос: "Вы должны знать *меня*".

– Отведите ее в сторону. Надо, чтобы толпа непрерывно двигалась. Тех, кто не желает проходить через металлодетектор, выводите из очереди. Они всех задерживают.

Когда д'Агоста укладывал рацию в футляр, к нему подошел Коффи, за ним по пятам следовал начальник охраны музея.

– О чем докладывают? – грубо спросил Коффи.

– Все на местах, – ответил д'Агоста, вынув сигару и разглядывая ее изжеванный кончик. – Четверо полицейских в штатском ходят среди гостей. Четверо в форме патрулируют периметр вместе с твоими людьми. Пятеро регулируют движение снаружи, пятеро наблюдают за входом и металлодетекторами. Полицейские в форме есть и внутри. Когда ленточку разрежут, двое из них последуют за мной на выставку. Один человек в компьютерном зале, один в дежурной части отдела охраны...

Коффи прищурился:

– Полицейские в форме пойдут на выставку с гостями? Планом это не было предусмотрено.

– Это не официальная процедура. Просто я хочу быть с ними впереди толпы. Ты же запретил нам предварительно осмотреть выставку, помнишь?

Коффи вздохнул:

– Ладно, только пусть это не выглядит конвоем. Не лезьте людям на глаза, не заслоняйте витрин. Идет?

Д’Агоста кивнул.

Коффи повернулся к Ипполито:

– А у тебя что?

– Мои люди тоже на местах, сэр. Именно там, где вы хотели.

– Хорошо. Во время торжественной части я буду находиться в Ротонде. Потом буду совершать обходы. Кстати, Ипполито, пойдешь с д’Агостой впереди толпы. Держись поближе к директору и мэру. Порядок ты знаешь. А ты, лейтенант, не высовывайся, не порть себе последний день. Ясно?

Уотерс стоял в прохладном, залитом неоновым светом компьютерном зале, плечо его ныло от тяжелого дробовика. Такого скучного задания у него еще не было. Глянул на хмыря – он сразу мысленно окрестил его так, – выстукивающего что-то на компьютере. Все долбит, долбит, и так уже несколько часов. И потягивает кока-колу. Уотерс потряс головой. Пожалуй, утром первым делом надо попроситься у д’Агосты в другое место. Здесь с ума можно сойти.

Хмырь поскреб в затылке и потянулся.

– Долго время тянется, – пожаловался он Уотерсу.

– Угу, – буркнул тот.

– Я почти закончил. Сказать вам, на что способна эта программа, – не поверите.

– Может быть, – равнодушно ответил Уотерс. Взглянул на часы. Еще три часа до конца смены.

– Смотрите.

Хмырь нажал кнопку. Уотерс подошел чуть поближе к экрану. Вгляделся в него. Сплошная писанина, бессмыслица, которая, видно, и называется программой.

На экране появилось изображение жука. Сначала жук был неподвижен. Потом расправил зеленые ножки и стал расхаживать по надписям. Затем появился еще один. Жуки заметили друг друга и сблизились. Стали заниматься любовью.

Уотерс поглядел на хмыря.

– Это еще что такое?

– Смотрите, смотрите, – сказал хмырь. Вскоре родились четыре жука и стали заниматься любовью. По прошествии недолгого времени экран заполнился жуками. Потом они принялись есть буквы. Минуты через две на экране не осталось ни единого слова, по нему разгуливали только жуки. Потом они начали поедать друг друга. И экран быстро опустел.

– Забавно, правда? – спросил хмырь.

– Да, – ответил Уотерс. И спросил, помолчав: – А что эта программа делает?

– Это просто... – Хмырь как будто немного смутился. – Просто забавная игрушка, и все. *Ничего* не делает.

– И долго вы писали ее?

– Две недели, – с гордостью ответил хмырь, втягивая воздух сквозь зубы. – Не в рабочее время, разумеется.

Он снова повернулся к компьютеру, забарабанил по клавишам. Уотерс привалился к стене неподалеку от двери. Сверху доносилась музыка танцевального оркестра, стук ударника, перебор струн контрабаса, завывание саксофонов. Уотерсу казалось, что слышится даже шарканье множества ног. А он торчит здесь, в этой психиатрической палате, все его общество – стучащий по клавишам хмырь. Единственное развлечение – это когда хмырь встает за очередной банкой кока-колы.

И вдруг из энергоблока донесся какой-то шум.

– Слышите? – спросил Уотерс.

– Нет, – ответил хмырь. Вновь наступила тишина. Потом явно послышался стук.

– Черт возьми, что это?

– Не знаю, – ответил хмырь. Оторвался от клавиатуры и откашлялся. – Может, вам туда заглянуть?

Уотерс провел рукой по гладкому прикладу ружья и взглянул на дверь энергоблока. *Может, там никого нет. Прошлый раз, при д'Агосте, ничего не было.* Надо просто войти туда и проверить. Само собой, можно вызвать дублера из дежурной части. Это чуть дальше по коридору. Там должен находиться его приятель Гарсиа... так ведь?

На лбу Уотерса выступила испарина. Он машинально утер ее. Однако к двери в энергоблок не сделал ни шагу.

Большой ротонде было столпотворение: люди стряхивали воду с мокрых зонтов, болтали, сбившись большими и маленькими группами, гул их голосов сливался с шумом, доносящимся из зала. Марго подвезла Фрока к протянутому рядом с металлодетекторами бархатному шнуру, возле него стоял настороженный полицейский. Райский зал был залит желтым светом громадной люстры, висевшей под потолком.

Оба показали полицейскому музейные удостоверения, тот беспрекословно снял шнур и пропустил их, заглянув при этом в сумку Марго. Когда она проходила, он посмотрел на нее как-то странно. Марго опустила взгляд и поняла, в чем дело: она все еще была в джинсах и свитере.

– Побыстрее, – сказал Фрок. – Прямо к помосту.

Подиум находился в дальнем конце зала, возле входа на выставку. Резные двери были соединены цепочкой, над ними аркой из грубо начертанных, похожих на кости букв было выведено название “СУЕВЕРИЯ”. У дверей с обеих сторон стояли деревянные стелы, напоминающие громадные тотемные столбы или колонны языческого храма. Марго видела на помосте Райта, Катберта и мэра, они разговаривали, перешучивались, пока техник возился с микрофонами. Позади них в толпе администраторов и помощников стоял Ипполито, он что-то говорил по рации и при этом отчаянно жестикулировал. Шум стоял оглушительный.

– Извините нас! – ревел во все горло Фрок. Люди нехотя расступались.

– Смотрите, сколько народу, – прокричал ученый, обернувшись к Марго. – Феромональный уровень в зале, должно быть, астрономический. Для зверя искушение будет неодолимым! Мы должны прекратить это немедленно. – И указал в сторону. – Смотрите – вон Грег!

Фрок стал подзывать жестами Кавакиту, стоявшего с бокалом в руке возле танцплощадки.

Помощник хранителя пробрался к ним через толпу.

– Вот и вы, доктор Фрок. Вас искали. Церемония вот-вот начнется.

Ученый подался вперед и схватил Кавакиту за руку.

– Грегори! – прокричал он. – Вы должны помочь нам! Нужно немедленно отменить открытие и очистить музей!

– Что? – удивился Кавакита. – Это какая-то шутка?

И недоуменно посмотрел на Марго, потом снова на Фрока.

– Грег, – сказала Марго, перекрывая шум. – Мы установили, кто совершал убийства. Не человек. Какое-то существо, зверь. Определить это нам помог твой экстраполятор. Это существо ест упаковочные волокна из ящиков Уиттлси. Когда зверь не может найти этих волокон, ему для замены нужны гормоны человеческого гипоталамуса. Мы полагаем, что у него…

– Постой-постой, Марго! Что ты несешь?

– Черт возьми, Грегори! – загремел Фрок. – У нас нет времени объяснять. Мы должны очистить музей *немедленно*.

Кавакита отступил на шаг.

– Но, доктор, при всем своем почтении…

Фрок стиснул его руку еще сильнее и неторопливо заговорил:

– Грегори, поймите же. В музее находится ужасное существо. У него есть потребность убивать, и оно будет убивать. Очень скоро. Мы должны выпроводить всех отсюда.

Кавакита отступил еще на шаг, глядя в сторону подиума.

– Простите, – произнес он сквозь шум. – Не знаю, в чем тут дело, но если вы используете мою программу для какого-то розыгрыша… – Вырвал руку из пальцев Фрока. – Доктор Фрок, полагаю, вам следует подняться на помост. Вас ждут.

– Грег… – начала было Марго, но Кавакита уже отошел.

– К подиуму! – сказал Фрок. – Это может сделать Райт. Директор может дать приказ очистить музей.

Раскатилась барабанная дробь, зазвучали фанфары.

– Уинстон! – прокричал Фрок, въехав на свободное место перед помостом. – Уинстон, послушай! Мы должны удалить отсюда людей!

Фанфары стихли, и последние слова Фрока разнеслись на весь зал.

– В музее находится смертельно опасный зверь! – прокричал Фрок в наступившей тишине.

В зале поднялся ропот. Те, кто стоял к Фроку ближе всех, попятились, переглядываясь и негромко переговариваясь.

Райт злобно уставился на Фрока. Катберт поспешил к хранителю.

– Фрок, – прошипел он. – Ты что устраиваешь, черт побери? – И спрыгнув с помоста, подошел. – Что с тобой? Сошел с ума? – спросил он коллегу злобным шепотом.

Фрок протянул к нему руку.

– Иен, в музее прячется ужасный зверь. Хотя отношения между нами и заставляют желать лучшего, поверь мне, *пожалуйста*. Скажи Райту, что мы должны эвакуировать отсюда всех этих людей. Срочно.

Катберт пристально поглядел на Фрока.

– Не знаю, о чем ты думаешь, – заговорил шотландец, – какую игру затеваешь. Может, это последняя отчаянная попытка сорвать выставку, превратить меня в посмешище? Но вот что я скажу: если ты закричишь еще раз, я прикажу мистеру Ипполито силой вывезти тебя отсюда и приму меры, чтобы ты здесь больше не появлялся.

– Иен, прошу тебя…

Катберт отвернулся и поспешил обратно на подиум.

Марго положила руку Фроку на плечо.

– Не трудитесь, – сказала она. – Нам они не поверят. Жаль, нет Джорджа Мориарти, он бы помог. Это его выставка, он должен быть где-то здесь. Но я его не видела.

– Что нам делать? – спросил Фрок, дрожа от разочарования. Разговоры вокруг них возобновились, публика сочла все происшедшее какой-то странной шуткой.

– Думаю, необходимо найти Пендергаста, – предложила Марго. – Только он сможет что-то предпринять.

– Он тоже нам не поверит, – подавленно отозвался Фрок.

– Может, сразу и не поверит, – сказала Марго, разворачивая коляску. – Но выслушает до конца. Надо спешить.

Позади них Катберт снова подал сигнал музыкантам. Затем вышел вперед и поднял руки.

– *Леди и, джентльмены!* – воскликнул он. – Я *имею честь представить вам директора* Нью-йоркского *музея естественной истории Уинстона Райта!*

Марго оглянулась, когда Райт вышел на авансцену, улыбаясь и приветствуя блестящую толпу.

– *Добро пожаловать!* – воскликнул директор музея. – *Добро* пожаловать, *друзья мои, ньюйоркцы, граждане мира! Добро пожаловать на открытие величайшего зрелища, какое только устраивалось в музеях!*

Усиленный динамиками голос раскатывался по залу. Громкий взрыв аплодисментов понесся к сводчатому потолку.

– Позвоним в дежурную часть, – сказала Марго. – Там должны знать, где Пендергаст. Телефоны есть в Ротонде.

Она повезла Фрока к входу. Сзади доносился громкий голос Райта: *“Это демонстрация наших глубиннейших верований, наших глубиннейших страхов, самых светлых и самых темных сторон человеческой натуры...”*

44

Д’Агоста стоял позади помоста, глядя в спину Райта, обращавшегося к слушающей толпе. Немного послушав, он достал рацию.

– Бейли? – негромко произнес лейтенант. – Когда разрежут ленточку, идите впереди толпы. Позади Райта и мэра, но впереди всех прочих. Ясно? Постарайтесь смешаться с публикой, но не позволяйте оттеснять себя в сторону.

– Понял вас.

– Когда *человеческий разум, развился настолько, чтобы осмысливать законы вселенной, прежде всего он задался вопросом: что есть жизнь? Затем: что есть смерть? О жизни мы теперь знаем многое. Однако, несмотря на весь технологический прогресс, мы* почти ничего не *узнали о смерти, о том, что находится за...*

Толпа восторженно слушала.

– Мы *опечатали выставку, с тем чтобы вы, наши почетные гости, были первыми ее зрителями. Вы увидите множество редких, радующих глаз артефактов, большая часть их демонстрируется впервые. Увидите воплощения красоты и безобразия, великого добра и предельного зла, символы усилий человека постичь последнюю тайну...*

Д’Агоста подумал: интересно, что за дело было у того старого хранителя в инвалидной коляске? фамилия его Фрок. Он что-то кричал, но Катберт, главный на этом сборище, прогнал его. Музейная политика – еще почище, чем в полицейском управлении.

– *...самую пылкую надежду, что эта выставка откроет новую эру в нашем музее, эру, когда технологические новшества и совершенствование научных методов оживят у людей интерес к современным...*

Д’Агоста окинул взглядом зал, высматривая своих людей. Как будто бы все на местах. Кивком велел охраннику у дверей снять с них цепочку.

Когда речь Райта окончилась, снова раздался гром аплодисментов. Теперь говорил Катберт:

– Я *хочу поблагодарить многих людей…* Д'Агоста глянул на часы, недоумевая, где же Пендергаст. Будь он в зале, лейтенант бы его обнаружил. Пендергаста разглядишь в любой толпе.

Катберт высоко поднял огромные ножницы, затем вручил их мэру. Мэр взял их за одну кольцеобразную ручку, другую предложил директору музея, и оба спустились по ступеням платформы к громадной ленте перед входом на выставку.

– Чего мы ждем? – шутливо спросил мэр и засмеялся. Под сверкание фотовспышек они разрезали ленту пополам, и двое охранников медленно распахнули двери. Оркестр заиграл "Нетерпение".

– Пора, – торопливо объявил д'Агоста по рации. – По местам.

Пока аплодисменты и приветственные возгласы продолжали греметь, д'Агоста быстро пошел вдоль стены и юркнул в дверь на пустую выставку. Быстро огляделся, сообщил по рации: "Чисто". Следом вошел начальник охраны музея, злобно глядя на лейтенанта. Мэр и директор встали рука об руку в дверях, позируя для фотографов. Потом, улыбаясь, вошли.

По мере того как д'Агоста углублялся в лабиринт выставки впереди группы, аплодисменты и возгласы становились тише. Внутри было прохладно, пахло свежими древесными стружками, пылью, ощущался легкий неприятный запашок гниения.

Райт и Катберт сопровождали мэра. Позади них д'Агоста видел двух полицейских, а за ними целое море людей, они втискивались, вытягивали шеи, жестикулировали, переговаривались. Лейтенанту толпа напоминала приливную волну. *Всего один выход. Черт.*

– Уолден, – заговорил он по рации, – скажи музейным охранникам, чтобы замедлили поток. Тут уже давка.

– Понял, лейтенант.

– Это, – пояснял Райт мэру, все еще держа его под руку, – очень редкое изображение жертвоприношения из Центральной Америки. На первом плане Бог-Солнце, его охраняют ягуары. Жрецы совершают заклание жертвы на этом столе, вырезают бьющееся сердце и показывают солнцу. Кровь стекает по этим каналам и скапливается здесь, на дне.

– Впечатляюще, – сказал мэр. – Я бы не прочь совершить этот обряд в Олбани.

Райт и Катберт засмеялись, звук этот эхом отразился от витрин.

Коффи стоял на передовом посту, расставив ноги и уперев руки в бедра, лицо его ничего не выражало. Большинство гостей уже прибыли, а те, что не появились, очевидно, не рискнули выходить из дома в такую погоду. Дождь уже лил как из ведра. Через восточную дверь Ротонды Коффи было прекрасно видно празднество в Райском зале. Бархатно-черный свод помещения – от пола его отделяло шестьдесят футов – покрывали сверкающие звезды. На стенах мягко светились вращающиеся галактики и туманности. Райт произносил речь на возвышении, близилось время разрезания ленты.

– Как там дела? – спросил Коффи одного из агентов.

– Все спокойно, – сообщил тот, не сводя глаз с сигнальной панели. – Ни нарушений, ни сигналов. Периметр тих, как могила.

– Что и требовалось, – заключил Коффи. Потом посмотрел в зал. Двое охранников как раз распахивали громадные двери на выставку. Торжество разрезания ленты он пропустил. Толпа двигалась вперед, казалось, туда устремились сразу все пять тысяч гостей.

– Как думаешь, что затеял Пендергаст? – поинтересовался Коффи у другого агента. Он был доволен, что Пендергаста пока нет, однако нервничал при мысли, что южанин бродит по музею, где ему вздумается.

– Я не видел его, – ответил агент. – Справиться в дежурной части?

– Не надо, – сказал Коффи. – Без него хорошо. Тихо-спокойно.

Рация д’Агосты зашипела.

– Говорит Уолден. Послушайте, нам нужна помощь. Охранники не могут сдерживать поток. Слишком много народу.

– Где Спенсер? Он должен быть там поблизости. Пусть перекроет вход, выпускает людей, но не впускает, пока вы с музейными охранниками не выстроите упорядоченную очередь. Толпу необходимо контролировать.

– Слушаюсь, сэр.

Выставка быстро заполнялась людьми. Прошло всего двадцать минут, Райт и мэр были уже далеко, у запертого заднего выхода. Сперва они двигались во главе толпы, держась центральных проходов. Но потом остановились у одной из витрин, Райт стал что-то объяснять мэру, и публика хлынула мимо них в самые отдаленные углы выставки.

– Будьте возле передних, – велел д’Агоста Бейли и Макниту.

Затем сам поспешил вперед и быстро осмотрел две боковые ниши. *Жутковатая выставка,* подумал он. Сущее обиталище призраков со

всеми прелестями. С тусклым освещением, например. Однако не настолько тусклым, чтобы нельзя было разглядеть мелкие отвратительные детали. Вроде выпученных глаз и усеянной остриями груди у конголезской статуэтки. Или стоящей в витрине рядом мумии с потеками сочащейся крови. *Тут уж,* подумал д'Агоста, *слегка хватили через край.*

Толпа продолжала растекаться, и лейтенант нырнул в следующий ряд ниш. Все чисто.

– Уолден, как справляешься? – спросил он по рации.

– Не могу найти Спенсера, лейтенант. Поблизости его нет, а отойти нельзя из-за толпы.

– Черт. Ладно, отправлю Дрогена и Фрейзера тебе на помощь.

Д'Агоста вызвал одного из двух полицейских в штатском:

– Дроген, слышишь?

Небольшая пауза.

– Да, лейтенант.

– Бегом вместе с Фрейзером к выходу, на помощь Уолдену.

– Понял.

Д'Агоста огляделся по сторонам. Еще мумии, но без крови.

И замер. Мумии не кровоточат.

Лейтенант медленно повернулся и стал протискиваться мимо восторженных ротозеев. Это просто нездоровая выдумка какого-то хранителя. Экспонат.

Однако надо убедиться.

Вокруг той витрины, как и прочих, толпились люди. Д'Агоста протиснулся сквозь них и прочитал на этикетке: "Захоронение анасази из Пещеры мумий. Каньон-дель-Муэрто. Аризона".

Засохшие потеки на голове и груди мумии выглядели так, словно кровь лилась сверху. Лейтенант, стараясь не привлекать к себе внимания, подошел к витрине вплотную и посмотрел вверх.

Крышка витрины над головой мумии была сдвинута, сквозь отверстие виднелись трубы. За край крышки высовывалась рука с часами и манжетой голубой рубашки. Со среднего пальца свисала крохотная капелька запекшейся крови.

Д’Агоста попятился в угол, огляделся и торопливо заговорил по рации.

– Д’Агоста вызывает дежурную часть.

– Гарсиа слушает, лейтенант.

– Гарсиа, здесь труп. Нужно всех выпроводить. Если его увидят и поднимется паника, дело будет швах.

– Господи, – произнес Гарсиа.

– Свяжись с охранниками и Уолденом. На выставку больше не пускать никого. Понял? И очистить Райский зал на тот случай, если начнется паническое бегство. Удалите всех, но тревоги не поднимайте. Теперь соедини меня с Коффи.

– Понял.

Д’Агоста поискал взглядом Ипполито. Рация его затрещала.

– Говорит Коффи. Д’Агоста, что там, черт побери?

– Труп. Лежит сверху на витрине. Видел его пока что только я, но ситуация может измениться в любую минуту. Надо выдворить отсюда всех, пока еще есть время.

Сквозь шум толпы лейтенант услышал:

– Кровь так похожа на *настоящую*.

– Там, наверху, рука, – послышался другой голос.

Две женщины, глядя вверх, попятились от витрины.

– Это труп! – громко произнесла одна.

– Не настоящий, – ответила другая. – Наверняка макет, специально для открытия.

Д’Агоста подошел к витрине и поднял руки.

– Прошу внимания!

Наступило краткое, жуткое, выжидающее безмолвие.

– Труп! – завопил кто-то еще. Толпа шелохнулась и замерла. Потом раздался еще один вопль:

– Убитый!

Толпа попятилась в обе стороны прохода, несколько человек оступились и упали. Крупная женщина в вечернем платье повалилась спиной на

д’Агосту и прижала его к витрине. Толпа давила на лейтенанта все сильнее, он едва дышал. Потом витрина начала крениться.

– Постойте! – с усилием выдавил он. Из темноты наверху что-то большое соскользнуло с витрины и шлепнулось на скученную массу людей, сбив с ног еще нескольких. Из своего неудобного положения д’Агоста разглядел лишь, что это окровавленный человеческий труп. Как будто обезглавленный.

Ужас обуял всех. Тесное пространство огласилось криками и воплями, люди бросились бежать, хватаясь друг за друга и спотыкаясь. Д’Агоста ощутил, что витрина падает. Внезапно мумия повалилась на пол, д’Агоста на нее. Он ухватился за край витрины и почувствовал, как стекло разрезало ему ладонь. Попытался встать, однако бурлящая толпа снова опрокинула его на витрину.

Лейтенант услышал шипение рации, обнаружил, что она все еще у него в правой руке, и поднес к лицу.

– Говорит Коффи. Д’Агоста, что там творится, черт возьми?

– Паника. Коффи. Немедленно очищай зал, иначе... *Черт!* – выкрикнул он, когда бурлящая толпа выбила у него из руки рацию.

45

Марго понуро смотрела на Фрока, изо всех сил кричавшего в *трубку* внутреннего телефона, размещенного в гранитной стене Большой ротонды. Из Райского зала гремела через динамики речь Райта, и девушка не могла расслышать, что говорит Фрок. Наконец он положил трубку и развернулся к Марго лицом.

– Черт знает что, Пендергаст, очевидно, где-то в подвале. По крайней мере был там. Час назад выходил на связь. Связываться с ним без разрешения они отказываются.

– В подвале? Где именно? – спросила Марго.

– Говорят, в двадцать девятой зоне. Почему он там или был там, говорить не хотят. Наверное, сами не знают. Двадцать девятая зона велика. – Фрок глянул Марго в лицо. – Едем?

– Куда?

– В подвал, разумеется, – пожал плечами ученый.

– Стоит ли? – засомневалась Марго. – Может, получим необходимое разрешение, чтобы его вызвать?

Фрок раздраженно передвинулся в кресле.

– Мы даже не знаем, кто может дать такое разрешение. – Он пристально поглядел на Марго, чувствуя ее нерешительность. – Думаю, моя дорогая, вам не стоит беспокоиться, что это существо нападет на *нас*. Если я прав, его привлечет скопление людей на выставке. Мы обязаны сделать все возможное, дабы предотвратить катастрофу: мы так решили, когда сделали это открытие.

Марго все-таки колебалась. Фроку легко делать такие заявления. Он не был один в темноте на выставке. Не слышал осторожных шагов. Не мчался слепо в непроглядную тьму...

Она глубоко вздохнула.

– Вы, разумеется, правы. Поехали. Поскольку двадцать девятая зона находится в пределах второй секции. Марго и Фроку дважды пришлось предъявлять удостоверения по пути к нужному лифту. Очевидно, на тот вечер запрещение сотрудникам свободно передвигаться по музею отменили, охранники и полицейские были озабочены задержанием подозреваемого или лиц, не имеющих законных оснований находиться там.

– Пендергаст! – прокричал ученый, когда Марго вывезла коляску из лифта в темный коридор подвала. – Это доктор Фрок! Слышите меня?

Ответило ему только эхо.

Марго кое-что было известно об истории двадцать девятой зоны. Когда электростанция музея находилась рядом, там располагались паровые трубы, туннели снабжения и комнатки, которыми пользовались рабочие. Когда музей в двадцатых годах подключился к более современной электростанции, старые коммуникации перенесли. Заброшенные клетушки использовались теперь под склады.

Марго везла Фрока по низким коридорам. Фрок то и дело стучал в какую-нибудь дверь или звал Пендергаста. Ответом на все его вопли была тишина.

– Ничего у нас не получится, – признал Фрок, когда Марго остановилась перевести дух. Седые волосы его растрепались, смокинг измялся.

Марго тревожно огляделась. Она представляла, где они находятся: неподалеку, в дальнем конце запутанных переходов, стояла старая электростанция: теперь в темном подземном пантеоне хранилась музейная коллекция китовых костей. Несмотря на предсказания Фрока о поведении зверя, крики ученого пробуждали в ней страх.

– Это может занять несколько часов, – сказал Фрок. – Возможно, Пендергаста здесь уже нет. Возможно, и не было. – Глубоко вздохнул. – Он был единственной нашей надеждой.

– Может, шум и суматоха испугали это существо, и теперь оно где-то прячется. – Марго изо всех сил старалась быть оптимисткой.

Фрок опустил голову на руки.

– Вряд ли. Зверь должен руководствоваться запахом. Пусть он разумен, пусть хитер, но когда его обуяет кровожадность, он, как и маньяк-убийца, ничего не может с собой поделать.

Фрок распрямился, глаза его снова вспыхнули решительностью.

– Пендергаст! – крикнул он. – Где *вы?*

Уотерс, напрягшись всем телом, прислушивался. Сердце колотилось, дышать, казалось, было нечем.

Он уже не раз бывал в опасных переделках, в него стреляли, ранили ножом, даже как-то плеснули кислотой. Но при этом он всегда оставался спокойным, почти бесстрастным. *А тут какой-то легкий стук, и я запаниковал.* Охранник расстегнул воротник рубашки. *Воздух в этой треклятой комнате спертый.* Заставил себя дышать медленно и глубоко. Вызову-ка Гарсию. *Проверим вместе. И ничего не обнаружим.*

Уотерс заметил, что ритм шарканья ног над головой изменился. Вместо мягкого шелеста слышался непрерывный топот. Он прислушался, и ему показалось, что сверху едва слышно доносятся вопли. Его охватил ужас.

В энергоблоке снова послышался стук.

Господи, что-то стряслось.

Уотерс выхватил рацию.

– Гарсиа? Слушаешь? Прошу дублера для проверки подозрительных шумов в энергоблоке.

И сглотнул. Ответа Гарсии не последовало. Убирая рацию в футляр. Уотерс увидел, что хмырь поднялся и направляется к двери энергоблока.

– Что вы делаете?

– Хочу посмотреть, что там за шум, – беспечно отозвался хмырь, открывая дверь. – Наверное, опять кондиционер барахлит.

И просунув руку внутрь, стал нащупывать выключатель.

– Постойте, – сказал Уотерс. – Не...

В рации его послышался треск разрядов. “Здесь паническое бегство! – Снова треск. – ...все подразделения, приготовьтесь производить срочную эвакуацию! – Опять треск. – Не в силах сдерживать толпу, нужно подкрепление, срочно, срочно...”.

Господи. Уотерс схватил рацию и стал нажимать кнопки. Все каналы были заняты. Наверху происходило что-то ужасное. Плохо дело.

Уотерс поднял взгляд. Хмыря не видно, дверь в энергоблок открыта, внутри темно. *Почему до сих пор не включен свет?* Не отрывая глаз от двери, осторожно снял с плеча ружье, загнал патрон в патронник и пошел вперед. Неслышно подойдя к косяку, заглянул внутрь. Хоть глаз коли.

– Эй, – позвал он. – Вы там?

И входя в темное помещение, почувствовал, как во рту у него пересохло.

Слева послышался сильный стук. Уотерс машинально опустился на одно колено и три раза выстрелил, каждый выстрел сопровождался вспышкой и оглушительным грохотом.

Посыпался дождь искр, взметнулся оранжевый язык пламени, ненадолго осветив комнату. Хмырь стоял на коленях, подняв взгляд на Уотерса.

– Не стреляйте! – попросил он дрожащим голосом. – Пожалуйста, не стреляйте больше!

Уотерс поднялся, ноги его дрожали, в ушах звенело.

– Я слышал какой-то шум! – выкрикнул он. – Почему ты не отвечал, идиот?

– Шум издавал кондиционер, – сообщил хмырь, по лицу его текли слезы. – Насос забарахлил, как и в прошлый раз.

Уотерс попятился и нащупал на стене выключатель. Пороховой дым висел в комнате голубым туманом. Из трех рваных отверстий в большом ящике на дальней стене тянулись дымки.

Уотерс понурил голову и привалился к стене спиной.

Внезапно раздался громкий хлопок, простреленный ящик опоясала электрическая дуга, затем послышался треск, вновь посыпались искры. Стало невозможно дышать. Свет в компьютерном зале замерцал, потускнел, потом опять загорелся. Уотерс услышал, как загудел один тревожный сигнал, потом другой.

– Что происходит? – выкрикнул он. Свет снова потускнел.

– Вы прострелили центральный распределительный щит! – ответил хмырь, подскочил и пробежал мимо Уотерса в компьютерный зал.

– Ах, черт, – прошептал Уотерс. Свет погас.

– Д’Агоста, – снова прокричал Коффи в рацию, – слушаю тебя! – Подождал немного. – *Черт!*

И переключился на частоту дежурной части.

– Гарсиа, что происходит, черт побери?

– Не знаю, сэр, – нервозно откликнулся Гарсиа. – Кажется, лейтенант д’Агоста сказал, что обнаружил труп в… – Пауза. – Сэр, я получаю сообщения о панике на выставке. Охранники…

Коффи переключился на другой канал, стал слушать.

– У нас тут столпотворение! – послышался крик из рации.

Коффи снова вызвал дежурную часть.

– Гарсиа, объяви: всем подразделениям приготовиться к проведению срочной эвакуации.

Потом повернулся и поглядел через восточную дверь Ротонды в Райский зал. Толпа заметно волновалась, гомон почти утих. Сквозь музыку оркестра теперь явственно доносились сдавленные вопли и глухой топот бегущих людей. Движение к входу на выставку замедлилось. Потом толпа отхлынула, бурля, словно океанский прибой. Раздались гневные, недоуменные вскрики, Коффи показалось, что он слышит плач. Толпа вновь замерла.

Коффи расстегнул куртку и повернулся к своим подчиненным.

– Неотложные меры контроля над толпой. Действуйте.

Люди внезапно заметались, крики слились в неистовый вопль. Оркестр сбился с ритма, потом затих. В следующее мгновение все понеслись к выходу в Большую ротонду.

– Действуй, черт бы тебя побрал! – Коффи подтолкнул в спину одного из своих людей и снова заорал в рацию: – Д’Агоста, слышишь?

Валившая из зала толпа захлестнула агентов. Коффи едва вырвался из клубящейся массы тел и отошел в сторону, тяжело дыша и ругаясь.

– Прямо-таки приливная волна! – крикнул один из его подчиненных. – Нам с ней никак не справиться!

Свет внезапно потускнел. Рация Коффи затрещала снова.

– Говорит Гарсиа. Сэр, все красные лампочки зажглись, панель освещена, будто рождественская елка. Сигналы тревоги поступают со всего периметра.

Коффи снова выступил вперед и твердо встал, стараясь, чтобы его не сбила несущаяся толпа. Других агентов не было видно. Свет замерцал снова, затем со стороны зала послышалось негромкое громыхание. Он поднял взгляд и увидел, что из прорези в потолке показался толстый нижний край стальной двери.

– Гарсиа! – закричал Коффи в рацию. – Восточная дверь пошла вниз! Останови ее! Подними обратно, ради Бога!

– Сэр, приборы показывают, что она наверху. Но тут происходит непонятно что. Все системы…

– Наплевать, что показывают приборы. Она опускается!

Мчащаяся толпа развернула и отбросила его. Вой сотен людей стал непрерывным, он походил на причитание по усопшему, от него поднимались волосы на затылке. Коффи никогда, ни разу в жизни не видел ничего подобного: дым, мерцание аварийной сигнализации, люди, несущиеся с остекленевшими от ужаса глазами по телам других. Металлодетекторы валялись на полу, гости в смокингах и вечерних платьях выбегали под проливной дождь, отталкивая друг друга, спотыкаясь, падая на ковровую дорожку и мокрый тротуар. На ступенях за дверями музея засверкали фотовспышки, сперва две-три, потом еще и еще.

– Гарсиа, – заорал Коффи в рацию, – расшевели фараонов снаружи! Пусть наведут порядок и прогонят прессу ко всем чертям. И заставь поднять эту дверь, сейчас же!

– Ее пытаются поднять, сэр, но все системы выходят из строя. Напряжение падает. Сигналы тревоги включились по всему музею…

Пробегающий человек едва не сбил Коффи с ног, и тут послышался крик Гарсии:

– Сэр! Система вышла из строя полностью!

– Гарсиа, где резервная система, черт побери? – Агент ринулся сквозь толпу и оказался прижатым к стене. Бесполезно, через этот поток не пробиться. Дверь опустилась уже наполовину. – Дай мне техника! Нужен код аварийного открывания дверей!

Свет замигал в третий раз и потух. Ротонда погрузилась во мрак. Сквозь вопли объятой страхом толпы продолжало слышаться громыхание опускающейся двери.

Пендергаст провел ладонью по неровной каменной стене тупика, легонько постукал по нескольким местам костяшками пальцев.

Штукатурка трескалась и осыпалась. Лампочка под потолком была разбита.

Открыв сумку, он вынул желтый предмет – шахтерскую каску, – аккуратно надел и включил лампочку на ней. Запрокинув голову, направил сильный луч света на стену перед собой. Потом достал свернутые синьки и посветил на них. Отошел, считая шаги. Затем, достав из кармана складной нож, воткнул острие в штукатурку и осторожно повернул лезвие. Оторвался кусок штукатурки размером с обеденную тарелку, под ним оказались следы старого дверного проема.

Пендергаст сделал пометки в записной книжке, вышел из тупика и двинулся по коридору, шепотом ведя счет шагам. Остановился у крошащегося кирпичного выступа. Резко отвалил его. Пласт с грохотом упал, подняв клубы белой пыли. Лампочка на каске высветила внизу стены старую деревянную панель.

Для начала агент нажал на нее. Панель держалась крепко. От сильного удара ногой она со скрипом распахнулась. Узкий служебный тоннель уходил вниз, к потолку нижнего подвала. По нему чернильной лентой текла струйка воды.

Пендергаст вернул панель на место, сделал пометку на синьке и пошел дальше.

– Пендергаст! – еле слышно донесся крик. – Это доктор Фрок. Слышите меня?

Агент ФБР остановился, удивленно сведя брови на переносице. Открыл рот, чтобы ответить. И замер. В воздухе витал какой-то странный запах. Бросив сумку открытой на полу, он быстро зашел в какой-то склад, запер за собой дверь и выключил лампочку на каске.

Посередине двери было окошко с грязным потрескавшимся армированным стеклом. Порывшись в кармане. Пендергаст достал бумажный носовой платок; плюнул на него, протер стекло и стал смотреть наружу.

В нижней части поля его зрения появилось что-то темное, большое. До Пендергаста донеслось сопение, напоминавшее храп лошади. Запах усиливался. В тусклом свете Пендергаст разглядел мускулистый загривок, покрытый жесткой черной шерстью.

Дыша через нос, Пендергаст медленно полез во внутренний карман пиджака и достал “анаконду”. Провел пальцем по барабану, нащупывая заряженные гнезда. Потом обеими руками навел пистолет на дверь и стал пятиться. Отойдя от окошка, потерял зверя из виду. Но знал, что он все еще там.

Легкий удар о дверь, потом негромкое царапанье. Пендергаст крепче сжал рукоятку пистолета, когда ему показалось, что шарообразная ручка двери стала поворачиваться. Непрочная дверь, хотя и запертая, не могла долго служить преградой зверю. Еще один глухой удар, затем тишина.

Пендергаст быстро выглянул в окошко. Зверя не было видно. Одной рукой агент поднял пистолет стволом вверх, другой коснулся двери. Прислушиваясь, сосчитал до пяти. Потом быстро отпер дверь, распахнул ее, выбежал в коридор и свернул за угол. В дальнем конце коридора у другой двери виднелся темный силуэт. Даже в тусклом свете Пендергаст видел мощные движения четвероногого. В высшей степени рассудительный агент ФБР не удержался от изумленного смешка, увидев, как это существо трогает лапой дверную ручку. Свет в коридоре потускнел, но тут же вновь разгорелся. Пендергаст медленно опустился на одно колено и прицелился. Свет снова потускнел. Пендергаст увидел, как существо село на задние лапы, приподнялось, поворачиваясь к нему. Пендергаст прицелился ему в голову, задержал дыхание и плавно нажал на спуск.

Раздался грохот, сверкнула вспышка. На какую-то долю секунды Пендергаст увидел белую полоску, промелькнувшую по черепу зверя. Затем существо скрылось за углом, и коридор опустел.

Пендергаст отлично понял, что случилось. Такую же белую полоску он видел однажды, охотясь на медведя: пуля срикошетила от головы, содрав полоску меха и шкуры, обнажив кость. Точно попавшая в цель пуля сорок пятого калибра с хромовым наконечником отскочила от черепа этого существа, будто шарик из жеваной бумаги! Пендергаст подался вперед, опустил руку с пистолетом, – и тут свет окончательно погас.

47

Стоя у столика с закусками, Смитбек прекрасно видел жестикулирующего перед микрофоном Райта. Журналист даже не пытался слушать речь директора, он с мрачной уверенностью сознавал, что Рикмен потом вручит ему машинописную копию текста. Директор наконец договорил, и нетерпеливая толпа полчаса тянулась на выставку. Но Смитбек стоял на месте. Он в очередной раз оценивающе оглядел стол, решая, за что приняться – крупную креветку или блинчики с икрой. Взял тарелку с пятью блинчиками и заработал челюстями. Икра, обратил он внимание, была серой, несоленой – настоящая осетровая, а не сиговая, которую подавали на пресс-конференциях.

Он отведал и креветку, потом еще одну, затем три крекера с молоками копченой трески, каперсами и лимоном, несколько ломтиков нежного ростбифа... Оглядел и другие столы с деликатесами. Подобного изобилия журналист еще не видел и не хотел ничего упускать.

Внезапно оркестр сбился с ритма, и почти тут же кто-то врезал ему локтем по ребрам.

– Эй! – завелся было Смитбек, но, подняв взгляд, обнаружил, что окружен массой толкающихся, шумно дышащих, вопящих людей. Журналиста отбросило к банкетному столу: он попытался удержаться на ногах, но поскользнулся, упал и закатился под стол. Скорчась там, он наблюдал, как мимо неслись топочущие ноги. Раздавались вопли и ужасающие звуки сталкивающихся тел. До него донеслось несколько обрывков выкрикнутых фраз: "...труп!", "...убийство!" Неужели убийца вновь принялся за свое среди тысяч людей? Невероятно.

Женская туфля из черного фетра, с очень высоким острым каблуком, подпрыгнув, залетела под стол, прямо к его носу. Смитбек с отвращением ее отодвинул, заметил, что все еще держит в руке креветку, и отправил ее в рот. Поразительно, до чего быстро паника охватывает толпу.

Стол содрогнулся, сдвинулся, и рядом со Смитбеком упало огромное блюдо. Крекеры и камамбер полетели во все стороны. Он собрал их со своей рубашки и принялся есть. В нескольких дюймах от его лица десятки ног топтали паштет. С грохотом упало еще одно блюдо, разметав по полу икру.

Свет потускнел. Смитбек торопливо сунул в рот треугольный кусочек сыра и внезапно осознал, что предается обжорству, тогда как самое захватывающее событие, которому он был очевидцем, преподносится ему на серебряной тарелочке. Принялся искать в карманах микрокассетный магнитофон. Свет потускнел, потом снова разгорелся.

Журналист заговорил быстро, как только мог, держа микрофон у самого рта, он надеялся, что голос пробьется через оглушительный шум. Невероятная удача! К черту Рикмен! Получить этот материал захотят все. Он питал надежду, что если на открытие пришли другие журналисты, то теперь и они несутся к выходу со всех ног.

Свет снова замигал.

Сто тысяч в виде аванса, ни цента меньше. Он был здесь, освещал эту историю с самого начала! Такими сведениями не может располагать больше никто.

Свет замигал в третий раз и погас.

– Черт возьми! – выругался Смитбек. – Включите свет кто-нибудь!

Марго завезла Фрока в другой коридор и ждала, пока он снова звал Пендергаста. Ему уныло отвечало эхо.

– Это становится бессмысленным, – с раздражением сказал ученый. – В этой зоне несколько больших складов. Может, он в одном из них и не слышит нас. Давайте заглянем кое в какие. Ничего больше не остается. – И хмыкнув, полез в карман пиджака. – Не выезжаю без него из дому, – сказал он, поднимая универсальный ключ, подходящий ко всем замкам, которыми располагали хранители.

Марго отперла первую дверь и заглянула в темноту.

– Мистер Пендергаст? – позвала она. Разглядела металлические полки с огромными костями. На деревянной подставке возле двери стоял громадный череп динозавра, черные зубы тускло поблескивали.

– Следующий! – сказал Фрок.

Свет потускнел.

Из следующего склада тоже никто не отозвался.

– Сделаем еще одну попытку, – сказал Фрок. – Вон там, на той стороне коридора.

Марго остановилась напротив указанной двери с надписью “ПЛЕЙСТОЦЕН – 12B” и заметила в дальнем конце коридора дверь на лестницу. Когда она отперла замок, свет замигал снова.

– Это… – начала было она.

Внезапно по узкому коридору раскатился отрывистый хлопок. Марго подняла взгляд, пытаясь определить, откуда раздался звук. Как будто из поперечного коридора, в котором они еще не были.

Свет погас.

– Если подождем немного, – произнес наконец Фрок, – включится резервная система.

Миновала минута, другая.

Потом Марго ощутила странный запах, козлиный, мерзкий, почти зловонный. Всхлипнув от отчаяния, она вспомнила: именно так воняло на темной выставке.

– Вы… – зашептала она.

– Да, – еле слышно отозвался Фрок. – Войдите внутрь и запритесь.

Марго, часто дыша, нащупала косяк. Запах становился все сильнее, и она позвала негромко:

– Доктор Фрок? Можете ехать на звук моего голоса?

– Поздно, – донесся его шепот. – Забудьте, пожалуйста, обо мне и зайдите внутрь.

– Нет, – ответила Марго. – Поезжайте ко мне медленно.

Раздалось постукивание коляски. Земляной, гнилостный запах болота, смешанный с ароматом свежих сырых бифштексов, заполнил весь коридор. Марго расслышала влажное сопение.

– Я здесь, – прошептала она Фроку. – Быстрее, пожалуйста.

Темнота казалась давящей, удушливой. Марго прижалась к стене, пересиливая желание убежать.

В непроглядном мраке постукивали колеса, коляска легонько ударилась о ее ногу. Марго ухватилась за подлокотники и ввезла Фрока внутрь. Повернулась, захлопнула дверь, заперла ее, потом опустилась на корточки. Тело ее содрогалось от беззвучных всхлипываний. В комнате стояла мертвая тишина.

Раздалось царапанье по двери, сперва легкое, потом более громкое, настойчивое. Марго отшатнулась и ударилась плечом о коляску. Фрок в темноте мягко взял ее за руку.

48

Д’Агоста приподнялся среди осколков стекла, сел, нащупал рацию и поглядел в удаляющиеся спины последних гостей, их вопли и крики постепенно затихали.

– Лейтенант?

Полицейский Бейли вылезал из-под другой разбитой витрины. В зале царил хаос: экспонаты были разбиты и разбросаны по полу, всюду валялись битое стекло, обувь, сумочки, части одежды. Там оставались только д’Агоста, Бейли и труп. Д’Агоста глянул на обезглавленное тело, отметив зияющие раны на груди, покоробленную от засохшей крови одежду, распоротый живот. Видимо, смерть наступила уже давно. Лейтенант отвернулся, но тут же торопливо взглянул на труп еще раз. Мертвец был одет в форму полицейского.

– Бейли! – крикнул д’Агоста. – Это один из наших. Кто?

Бейли подошел, лицо его белело в тусклом свете.

– Трудно сказать. Но, кажется, у Фреда Борегара было такое кольцо из академии.

– Точно.

Д’Агоста негромко присвистнул. Нагнулся и разглядел номер на значке.

Бейли кивнул.

– Это Борегар, лейтенант.

– Черт! – произнес д’Агоста, распрямляясь. – Разве у него не двухсуточный выходной?

– Совершенно верно. С вечера среды.

– Значит, он здесь с тех пор… – начал было д’Агоста. Потом злобно скривился. – Чертов Коффи, не позволил нам прочесать выставку! Ну, я ему устрою.

Бейли помог лейтенанту встать.

– Вы поранились.

– Потом перевяжу, – отрывисто сказал д’Агоста. – Где Макнитт?

– Не знаю. Он попал в толпу, и больше я его не видел.

Из дальнего угла показался Ипполито, он с кем-то говорил по рации. Уважение д’Агосты к начальнику охраны возросло. *Умом он не блещет, но в мужестве ему не откажешь.*

Свет потускнел.

– В Райском зале паника, – сказал Ипполито, держа рацию возле уха. – Говорят, опускается стальная дверь.

– Идиоты! Это же единственный выход! – Лейтенант заговорил в свою рацию: – Уолден? Что происходит?

– Здесь сущее столпотворение, сэр. Макнитт только что вышел с выставки, его там здорово помяли. Мы стоим у входа, пытаемся успокоить толпу, но ничего не получается. Многих людей затоптали, лейтенант.

Свет потускнел во второй раз.

– Уолден, стальная дверь над выходом в Ротонду опускается?

– Секунду. – Какое-то время из рации слышалось только гудение. – Да, черт побери! Дошла до середины и продолжает опускаться! Люди лезут в проем, будто овцы, десяток-другой эта махина раздавит…

Внезапно на выставке стало темно. Что-то тяжелое упало на пол, грохот на миг заглушил крики.

Д’Агоста вынул фонарик.

– Ипполито, ты можешь поднять эту дверь с помощью кнопочной панели, так?

– Так. Сейчас включится резервная система…

– Некогда ждать, идем туда, черт возьми. Только, ради Бога, будь осторожен.

Они направились к входу на выставку. Ипполито вел их по осколкам стекла, обломкам дерева. Повсюду валялись разбитые, некогда бесценные артефакты. Когда все трое приблизились к Райскому залу, вопли стали слышнее.

Остановившись позади Ипполито, д’Агоста не видел в огромном темном зале ровно ничего. Погасли даже декоративные свечи. Ипполито, стоя в дверях, светил вокруг фонариком. *Чего он застрял?* – с раздражением подумал д’Агоста. Внезапно Ипполито отпрянул. Его рвало. Фонарик выпал из руки начальника охраны и укатился в темноту.

– Что за черт? – выкрикнул лейтенант, выбегая вперед вместе с Бейли. И умолк.

В огромном зале царил хаос. Светя в темноту фонариком, лейтенант вспомнил съемки землетрясения, которые как-то видал в вечерних новостях. Помост был разбит. На пустой оркестровой площадке валялись стулья и растоптанные инструменты. Пол покрывала смесь еды, одежды, отпечатанных программ, поваленных стволов бамбука и орхидей, растоптанных тысячами ног.

Д’Агоста направил луч фонарика на вход. Рядом с ним валялись громадные обломки деревянных стел. Из-под них торчали обмякшие руки и ноги.

Подбежал Бейли.

– Раздавлено не меньше восьми человек, лейтенант. Вряд ли среди них есть живые.

– Наших там нет? – спросил д’Агоста.

– Боюсь, что есть. Похоже, Макнитт, Уолден и один в штатском. Двое в форме охранников и, кажется, трое гостей.

– Все погибли?

– Думаю, да. Мне не под силу сдвинуть эти обломки.

– Черт возьми.

Д’Агоста отвернулся, потирая лоб. По залу разнесся грохот.

– Упала стальная дверь, – сказал Ипполито, утирая рот. Опустился на колени неподалеку от Бейли. – Нет! Мартине… Господи, не могу поверить.

Он поглядел на д’Агосту.

– Мартине охранял заднюю лестницу. Должно быть, пришел помочь сдерживать толпу. Один из лучших моих людей…

Д’Агоста пробирался по залу, обходя перевернутые столы и разломанные стулья. Из раны на его руке до сих пор обильно текла кровь. На полу лежало еще несколько людей, живых или мертвых, д’Агоста не мог разобрать. Услышав в дальнем конце зала вопль, посветил туда фонариком. Стальная дверь полностью опустилась, к ней притиснулась толпа, люди били по металлу кулаками и кричали. Когда луч фонарика упал на них, некоторые обернулись.

Д’Агоста подбежал к этой группе, не обращая внимания на треск рации.

– Всем успокоиться и отойти! Я лейтенант д’Агоста из нью-йоркской полиции.

Толпа немного притихла, и д’Агоста позвал Ипполито. Оглядев группу, лейтенант узнал Райта, директора: Иена Катберта, распорядителя этого фарса: женщину по фамилии Рикмен, вроде бы какую-то важную персону – тут было человек сорок, те, кто первым вошел на выставку. Кто входит первым, тот выходит последним.

– Слушайте! – выкрикнул лейтенант. – Начальник охраны поднимет дверь. Прошу всех отойти.

Толпа расступилась, и д’Агоста невольно вскрикнул. Из-под тяжелой металлической двери торчало несколько рук и ног. Пол был залит кровью. Одна нога слабо шевелилась, из-за двери доносились стоны.

– Господи, – прошептал он. – Ипполито, открывай скорее.

– Посветите сюда.

Ипполито указал на маленькую панель возле двери, потом нагнулся и нажал несколько кнопок. Все ждали. На лице Ипполито отразилось замешательство.

– Не могу понять…

Он снова набрал тот же номер, на сей раз помедленнее.

– Тока в сети нет, – сказал д’Агоста.

– Это не должно иметь значения, – ответил Ипполито, лихорадочно набирая номер в третий раз. – Существует аварийная резервная система.

Толпа зароптала.

– Мы в западне! – выкрикнул какой-то мужчина.

Д’Агоста навел луч фонарика на толпу.

– Немедленно все успокойтесь. Обнаруженный на выставке труп пролежал там два дня. Понимаете? *Два дня*. Убийцы там давно уже нет.

– Откуда вы знаете? – выкрикнул тот же человек.

– Замолчите и слушайте, – сказал д’Агоста. – Мы выведем вас отсюда. Если не сможем открыть дверь, ее откроют с той стороны. Это может занять некоторое время. А пока что прошу всех отойти от двери, собраться с духом, найти уцелевшие стулья и сесть. Идет? Здесь вы ничего не сможете поделать.

Райт шагнул в луч фонарика.

– Послушайте, лейтенант, – сказал он. – Нам необходимо выйти отсюда. Ипполито, ради всего святого, откройте дверь!

– Минутку! – резко произнес д’Агоста. – Доктор Райт, вернитесь, пожалуйста, к группе. – Оглядел искаженные ужасом лица с расширенными глазами. – Есть среди вас врачи?

Никто не ответил.

– Медсестры? Люди, умеющие оказывать первую помощь?

– Я немного умею, – вызвался один человек.

– Замечательно. Мистер, э...

– Артур Паунд.

– Мистер Паунд, возьмите в помощники несколько добровольцев. Там лежат растоптанные люди. Мне нужно знать их количество и состояние. У входа на выставку стоит мой человек, Бейли, он поможет вам. У него есть фонарик. Нужны еще несколько человек, чтобы собрать свечи.

Из темноты вышел долговязый юноша в измятом смокинге. Дожевал что-то и проглотил.

– Я помогу, – сказал он.

– Фамилия?

– Смитбек.

– Отлично, Смитбек. Спички есть?

– Конечно.

Вперед выступил мэр. Лицо его было в крови, под глазом вздулся багровый синяк.

– Давайте я помогу, – сказал он. Д’Агоста уставился на него в изумлении.

– Мэр Харпер! Может, вы займетесь людьми? Успокоите их?

– Конечно, лейтенант.

Рация д’Агосты затрещала снова, он схватил ее.

– Д’Агоста, говорит Коффи. Д’Агоста, слышишь? Что там делается, черт возьми? Обрисуй ситуацию.

Лейтенант торопливо заговорил:

– Слушай внимательно. Повторять не буду. У нас как минимум восемь трупов, возможно, больше, и неизвестное количество раненых. О людях, попавших под дверь, ты явно знаешь сам. Ипполито не может ее открыть. Нас тут человек тридцать – сорок. В том числе Райт и мэр.

– Мэр! Черт дери. Слушай, д’Агоста, система полностью вышла из строя. Кнопочная панель не срабатывает и с этой стороны. Я вызову бригаду с автогеном, чтобы вырезать вас. Это может занять немало времени, двери эти как в банковских сейфах. Как там мэр?

– Цел-невредим. Где Пендергаст?

– Понятия не имею.

– Кто еще оказался в западне внутри периметра?

– Не знаю пока, – ответил Коффи. – Принимаем сообщения. Должны быть люди в компьютерном зале и в дежурной части. Гарсиа и еще кое-кто. Возможно, кто-то есть и на других этажах. У нас тут несколько полицейских в штатском и охранников. Их вынесла толпа, кое-кого здорово помяли. Что произошло на выставке, д’Агоста?

– Обнаружили труп одного из моих людей, уложенный на витрину. Разодранный, как и прочие. – Он сделал паузу, потом злобно и отчетливо произнес: – Позволил бы мне прочесать выставку, ничего бы этого не случилось.

Рация затрещала снова и умолкла.

– Паунд! – позвал д’Агоста. – Сколько там пострадавших?

– Мы нашли одного живого, но он едва дышит, – ответил Паунд, поднимая взгляд от неподвижного тела. – Остальные мертвы.

Растоптаны. Может, кто-то из них скончался от сердечного приступа, сказать трудно.

– Сделайте, что возможно, для живого, – сказал д’Агоста.

Рация его зажужжала.

– Лейтенант д’Агоста? – произнес скрипучий голос. – Это Гарсиа, из дежурной части. У нас тут…

Слова его заглушил треск разрядов.

– Гарсиа? Гарсиа! В чем там дело? – прокричал д’Агоста в рацию.

– Простите, сэр, батареи в портативном передатчике слабые. У нас на связи Пендергаст. Переключаю его на ваш диапазон.

– Винсент, – послышался знакомый протяжный голос.

– Пендергаст! Где вы?

– В подвале, двадцать девятая зона. Насколько я понял, напряжение во всем музее отключилось, и вы не можете выйти из второй секции. К сожалению, должен добавить скверные новости и от себя. Можете отойти туда, где нас никто не будет слышать?

Д’Агоста отошел от группы.

– В чем дело? – негромко спросил он.

– Винсент, слушайте внимательно. Здесь, внизу, какое-то существо. Не знаю, что оно собой представляет, но крупное и на человека не похоже.

– Пендергаст, сейчас не время для шуток.

– Винсент, я совершенно серьезно. Скверная новость не эта. Скверно то, что оно может направиться к вам.

– Что это хоть за зверь?

– Когда он приблизится, поймете. Запах его не спутаешь ни с чем другим. Какое у вас есть оружие?

– Дайте сообразить. Три двенадцатикалиберных ружья, парочка табельных револьверов, два газовых пистолета. Может, найдется еще кое-что.

– О газовых пистолетах забудьте. Теперь слушайте, время не терпит. Выводите всех оттуда. Существо это прошло мимо меня, перед тем как погас свет. Я видел его в окошко на двери одного склада, оно очень крупное. Ходит на четырех лапах. Я выстрелил в него дважды, потом оно

скрылось в лестничном колодце в конце коридора. У меня с собой набор синек, я с ними сверился. Знаете, куда выходит этот колодец?

– Нет, – ответил д’Агоста.

– Выходы с этой лестницы есть только на каждом втором этаже. По ней можно спуститься и в нижний подвал, но вряд ли это существо туда направится. Выход с нее есть на четвертый этаж. И еще один позади Райского зала. В служебную дверь за помостом.

– Пендергаст, я ничего не могу понять. Что нам, черт возьми, делать?

– Я бы собрал людей – тех, что с ружьями, – и выставил у той двери. Если это существо войдет в нее, пусть стреляют. Как знать, может оно уже *вошло*. Винсент, я стрелял в него с близкого расстояния, и пуля сорок пятого калибра с твердым наконечником срикошетила от головы.

Если в это говорил кто-то другой, д’Агоста заподозрил бы шутку. Или сумасшествие.

– Так, – сказал он. – Давно это было?

– Я видел его за несколько минут до того, как погас свет. Выстрелил и последовал за ним по коридору. Потом выстрелил еще раз, но в неверном свете промахнулся. Пошел на разведку. Коридор оканчивается тупиком, но зверя там нет. Единственный выход – лестница, ведущая к вам. Может, это существо прячется в лестничном колодце, может, к вашему счастью, отправилось на другой этаж. Я знаю только, что назад оно не вернулось.

Д’Агоста сглотнул.

– Если можете без риска спуститься в подвал, спускайтесь. Здесь встретимся. Выход отсюда, судя по синькам, есть. Поговорим еще, когда будете в более безопасном месте. Понятно?

– Да, – ответил д’Агоста.

– Винсент? Это еще не все.

– Что еще?

– Существо способно открывать и закрывать двери.

Д’Агоста сунул рацию в футляр, облизнул губы и поглядел на людей. Большинство безучастно сидело на полу, но некоторые зажигали свечи, охапку которых принес долговязый парень.

Д’Агоста негромко обратился ко всем:

– Подойдите сюда и сядьте у стены. Свечи задуйте.

– В чем дело? – выкрикнул кто-то. Лейтенант узнал голос Райта.

– Тихо. Делайте, что говорю. *Ты,* как тебя. Смитбек, бросай свечи, иди сюда.

Когда д'Агоста обводил зал лучом фонарика, рация его зажужжала. Дальние углы были до того темными, что луч туда не проникал. В центре зала у неподвижного тела было зажжено несколько свечей. Паунд и кто-то еще склонялись над ним.

– Паунд! – позвал лейтенант. – Вы оба! Погасите свечи и подойдите сюда!

– Но он еще жив...

– Быстрее! – И обернулся к сгрудившимся позади него людям: – Не двигайтесь, не издавайте ни звука. Ипполито и Бейли, берите ружья и следуйте за мной.

– Слышали? Для чего им ружья? – воскликнул Райт.

Услышав из рации голос Коффи, д'Агоста резко выключил ее. Осторожно ступая, светя перед собой фонариками, группа прошла в центр зала. Д'Агоста поводил по стене лучом своего и обнаружил темные очертания двери на лестницу. Она была закрыта. Лейтенанту почудился какой-то незнакомый гнилостный запах. Но в зале давно стояла вонь. Когда свет погас, должно быть, половина треклятых гостей наложила в штаны.

Он первым подошел к двери на лестницу, потом остановился. Прошептал:

– По словам Пендергаста, там какое-то существо, зверь, и возможно, он находится на лестнице.

– По словам Пендергаста, – саркастически произнес вполголоса начальник охраны.

– Кончай, Ипполито. Теперь слушайте внимательно. Оставаться здесь в темноте нельзя. Выйдем осторожно на лестницу. Идет? Дослать патроны в патронник. Бейли, откроешь дверь и будешь водить зажженным фонариком, *быстро*. Ипполито, я проверяю нижний марш, ты верхний. Если увидишь человека, требуй удостоверение. Не предъявит – стреляй. Увидишь что-то другое – стреляй тут же. Пойдем по моему сигналу.

Д'Агоста выключил фонарик, сунул в карман и крепче сжал ружье. Затем кивком велел Бейли направить свет на дверь. Закрыл глаза, пробормотал краткую молитву. И подал сигнал.

Ипполито встал сбоку от двери, Бейли распахнул ее. Д’Агоста и начальник охраны бросились в проем, Бейли следом за ними, быстро описывая лучом фонарика полукруг.

В лестничном колодце стоял жуткий смрад. Д’Агоста сделал несколько шагов вниз, в темноту, уловил движение *над* собой и услышал невообразимый горловой рык, от которого у него ослабели колени, затем глухой шлепок, словно мокрым полотенцем о пол. Что-то с силой обрызгало стену, влажные комочки обдали ему лицо. Он повернулся и выстрелил во что-то большое, темное. Луч света неистово вращался.

– Черт! – услышал он вопль полицейского.

– Бейли! Не пускай его в зал!

Лейтенант принялся стрелять в темноту, вверх, вниз, пока не кончились патроны. Едкий запах порохового дыма мешался с тошнотворной вонью, а Райский зал опять оглашался воплями.

Д’Агоста, оступаясь, выбрался на лестничную площадку, споткнулся обо что-то, едва не упав, и вошел в зал.

– Бейли, где оно? – крикнул он, заряжая ружье. Вспышки на какое-то время его ослепили.

– Не знаю! – прокричал в ответ Бейли. – Я ничего не вижу!

– Оно пошло вниз или в зал? *Два патрона, в магазине. Три…*

– Не знаю! Не знаю!

Д’Агоста вынул фонарик и посветил на Бейли. Полицейский был забрызган крупными сгустками крови. Клочья мяса прилипли к его волосам, свисали с бровей. Он протирал глаза. В воздухе стоял отвратительный запах.

– Я цел, – успокоил Бейли д’Агосту. – Вроде бы. Все это месиво попало мне в лицо. Ничего не вижу.

Д’Агоста, прижав ружье к бедру, быстро обвел зал лучом фонарика. Группа, сбившаяся в кучу возле стены, хлопала от ужаса глазами. Направил луч в лестничный колодец и увидел Ипполито, вернее, его труп, частично сползший на лестничную площадку. Из разорванного живота хлестала темная кровь.

Эта тварь поджидала их, поднявшись на несколько ступеней. *Где же она теперь, черт ее дери?* Д’Агоста лихорадочно обвел лучом зал несколько раз. Существо исчезло – в огромном зале все было неподвижно.

Нет. В центре что-то *двигалось*. Свет на этом расстоянии был слабым, однако лейтенант разглядел большой темный силуэт над покалеченным человеком. Существо делало к нему странные, резкие наклоны. Д'Агоста услышал стон лежавшего – затем раздался легкий хруст, и наступила тишина. Лейтенант сунул фонарик под мышку, вскинул ружье и нажал на спуск.

Вспышка, грохот. Отчаянные крики людей. Еще два выстрела, и магазин вновь опустел.

Лейтенант полез за патронами, их не оказалось. Он бросил ружье и выхватил табельный револьвер.

– Бейли! – крикнул он. – Быстро туда, собери всех вместе и приготовься отходить.

Повел лучом по полу зала, однако существо исчезло. Потом осторожно пошел к убитому. За десять футов увидел то, чего не хотел видеть: расколотый череп и размазанный по полу мозг. Кровавый след вел на выставку. Существо бросилось туда, спасаясь от ружейных пуль. Долго оно там не задержится.

Д'Агоста резко повернулся, бегом обогнул обломки стел и распахнул до отказа одну из массивных дверей. Крякнув, захлопнул ее и бросился ко второй. На выставке слышалась быстрая тяжелая поступь. Лейтенант захлопнул вторую дверь и услышал, как защелкнулся язычок замка. И почти сразу двери содрогнулись от тяжелого удара.

– Бейли! – крикнул он. – Веди всех вниз!

Удары о двери стали сильнее, и д'Агоста невольно попятился. На дереве появились трещины.

Наведя на дверь ствол револьвера, лейтенант услышал за спиной вопли. Люди обнаружили труп Ипполито. Бейли, споря с Райтом, повысил голос. Створки в очередной раз сильно содрогнулись, начали подаваться.

Д'Агоста подбежал к группе.

– Быстро вниз! Не оглядываться!

– Нет! – заорал Райт, преграждавший вход на лестницу. – Поглядите на Ипполито! Вниз я не пойду!

– Там есть выход! – крикнул д'Агоста.

– Нет! Но через выставку и...

– На выставке кто-то есть! – крикнул д'Агоста. – Пошли!

Бейли силой отвел Райта в сторону и стал выталкивать людей в дверь, те кричали, спотыкаясь о тело Ипполито. По *крайней мере мэр сохраняет присутствие духа,* подумал д’Агоста. *Может, на своей последней пресс-конференции видел что-то похлеще этого*.

– Вниз я не пойду! – кричал Райт. – Катберт, Лавиния, слушайте. Подвал – это смертоносная западня. Я знаю. Пойдемте наверх, спрячемся на четвертом этаже, выйдем, когда этого существа не будет.

Люди неуверенно спускались по лестнице. Д’Агоста снова услышал треск дерева. Замер на минуту. Внизу уже было тридцать с лишним человек, лишь трое в нерешительности стояли на площадке.

– Ваша единственная возможность спастись – идти с нами, – сказал он.

– Мы пойдем с доктором Райтом, – ответила начальник отдела по связям с общественностью. В свете фонарика ее осунувшееся лицо казалось призрачным.

Д’Агоста молча повернулся и последовал за группой вниз. На бегу услышал громкий, отчаянный голос Райта, зовущего их наверх.

49

Коффи стоял в высоком арочном проеме западного входа в музей, глядя, как дождь хлещет на застекленные, отделанные бронзой двери. Он кричал в рацию, но д’Агоста не отвечал. А что за чушь нес там Пендергаст о каком-то чудовище? Парень с самого начала был со сдвигом, это ясно, а когда свет погас, совсем рехнулся. Как обычно, все напортачили, а кашу опять расхлебывать Коффи. Ко входу подъехали две большие полицейские спецмашины, люди в защитных жилетах и касках выбегали и быстро возводили заграждения поперек Риверсайд-драйв. Слышались завывания карет “скорой помощи”, пытающихся проехать сквозь стальной заслон радиофицированных автомобилей, пожарных машин и телевизионных фургонов. Вокруг были толпы людей, они стояли под дождем, лежали под широким навесом, разговаривали, плакали. Журналисты старались прошмыгнуть мимо кордонов, совали людям в лицо микрофоны и камеры, их отталкивали полицейские.

Коффи бросился под проливным дождем к серебристому фургону связи. Распахнул заднюю дверь и вскочил внутрь.

Внутри были прохлада и полумрак. Несколько агентов сидели перед мониторами, на лица их падал зеленый отсвет. Коффи схватил наушники и уселся.

– Перегруппировка! – крикнул он по командному каналу. – Всем агентам ФБР собраться в фургоне связи!

Затем переключил диапазон.

– Дежурная часть, доложите обстановку. Послышался усталый, сдавленный голос Гарсии:

– Напряжения по-прежнему нет, сэр. Резервная система не включается, никто не знает почему. У нас есть только карманные фонарики и батарейки в портативном передатчике.

– Ну так что? Включите резервную систему вручную.

– Она управляется компьютером, сэр. Ручного включения нет.

– А что со стальными дверями?

– Сэр, когда напряжение стало падать, вся охранная система вышла из строя. Говорят, дело в компьютере. Все стальные двери опустились.

– Как это все?

– Всех пяти секций. Не только второй. Музей закупорен наглухо.

– Гарсиа, кто лучше всех разбирается в этой охранной системе?

– Аллен, наверное.

– Давай его.

Короткая пауза.

– Говорит Том Аллен.

– Аллен, что там с кнопочными панелями? Почему они не срабатывают?

– Та же самая проблема с компьютером. Эту охранную систему устанавливала одна японская фирма. Мы пытаемся связаться с ее представителем по телефону, но ничего не получается, телефон отключился, когда вышел из строя компьютер. Все разговоры ведем через передатчик Гарсии. Не работают даже внутренние телефоны. Когда распределительный щит прострелили, все вырубилось.

– Кто прострелил? Я не знал…

– Один фараон – как там его? Уотерс? – дежурил в компьютерном зале, ему что-то померещилось, и он всадил несколько пуль в центральный распределительный щит.

– Слушай, Аллен, я хочу отправить команду для эвакуации тех, кто в Райском зале. Там мэр, черт возьми. Как туда можно проникнуть? Вырезать восточную дверь автогеном?

– Для дверей специально подобрана сталь, плохо поддающаяся резке. На это уйдет целая вечность.

– А как нижний подвал? Я слышал, он похож на катакомбы.

– Возможно, оттуда, где вы находитесь, входы туда есть, но электронные схемы отключены. К тому же они неполные. Уйдет много времени.

– В таком случае стены. Можно их пробить?

– Внизу они очень толстые, почти везде толщина три фута, а старая кирпичная кладка основательно укреплена арматурой. Окна во второй секции есть только на третьем и четвертом этажах, они наглухо зарешечены стальными прутьями, Да и все равно большинство их слишком маленькие, человеку не пролезть.

– Дело дрянь. А крыша?

– Все секции перекрыты, и будет очень трудно...

– Черт возьми, Аллен, я спрашиваю о *лучшем* способе проникнуть внутрь.

Пауза.

– Лучший способ через крышу, – послышался голос Аллена. – Стальные двери на верхних этажах не такие уж толстые. Третья секция как раз над Райским залом. Это пятый этаж. Крыша над третьей секцией непроницаема – экранирована из-за радиографических лабораторий. Но можно проникнуть через крышу четвертой секции. В каком-нибудь узком коридоре можно будет взорвать стальную дверь в третью секцию одним зарядом. Из третьей можно попасть в Райский зал через люк для ухода за люстрой. Правда, до пола там футов шестьдесят.

– Я еще вызову тебя. Конец связи.

Затем Коффи нажал кнопку на рации и закричал:

– Ипполито! Ипполито, слышишь? – Что там, черт возьми, происходит в зале? Он переключился на частоту д’Агосты. – Д’Агоста! Это Коффи. Слышишь меня?

Он лихорадочно пробежал пальцами по переключателям диапазонов.

– Уотерс!

– Уотерс слушает, сэр.

– Что у тебя произошло?

– В энергоблоке был громкий шум, сэр, я выстрелил, как того требуют инструкции, и...

– Инструкции? Осел, ни одна инструкция не требует стрелять на шум!

– Извините, сэр. Шум был громким, я слышал вопли и беготню на выставке, поэтому решил…

– За это, Уотерс, я с тебя шкуру сдеру. Подумай об этом.

– Слушаюсь, сэр.

Снаружи послышалось чиханье мотора, потом с ревом заработал большой передвижной генератор. Задняя дверь фургона открылась, в нее вскочило несколько агентов, с их одежды капало.

– Остальные сейчас будут, сэр, – сказал один из них.

– Отлично. Скажешь им, что через пять минут у нас совещание.

Коффи вышел под дождь. Аварийные бригады поднимали громоздкое оборудование и желтые баллоны с ацетиленом по ступеням музея.

Коффи вбежал в замусоренную Ротонду. У стальной двери, закрывающей восточный вход в Райский зал, толпились медики. Слышалось завывание ампутационной пилы.

– Что у вас? – обратился Коффи к старшему группы.

Глаза врача над забрызганной кровью маской смотрели устало.

– Я пока не знаю полной картины повреждений, но тут у нас несколько критических случаев. Мы проводим ампутации в полевых условиях. Думаю, кое-кто может быть избавлен от этого, если дверь поднимут в течение получаса.

Коффи покачал головой.

– Непохоже, что получится. Придется вырезать ее.

Один из спасателей заговорил:

– У нас есть теплонепроницаемые покрывала, можем прикрыть этих людей, пока будем работать.

Коффи отошел назад и поднял рацию.

– Д’Агоста! Ипполито! Отвечайте!

Тишина. Затем послышался треск разрядов.

– Говорит д’Агоста, – раздался сдавленный голос. – Послушай, Коффи…

– Где ты был? Я велел тебе…

– Помолчи и слушай, Коффи. Ты производил слишком много шума. Я был вынужден прервать связь. Мы спускаемся в нижний подвал. Где-то во второй секции находится зверь. Я не шучу, Коффи, это сущее *чудовище*. Оно убило Ипполито и оказалось в зале. Нам пришлось уйти.

– Что-что? *Ты* трусишь, д'Агоста. Наберись мужества. Мы отправляем туда людей через крышу.

– Да? Так вот, им надо иметь наготове что-нибудь крупнокалиберное, если они планируют встретиться с этой тварью.

– Д'Агоста, предоставь мне принимать решения. Что там с Ипполито?

– Он мертв, распорот живот, как и у других трупов.

– И это его так чудовище. Понятно. Д'Агоста, с тобой есть еще полицейские?

– Да, здесь Бейли.

– Я отстраняю тебя от руководства. Назначаю его.

– Ну и пошел ты. Вот, поговори с ним.

– Сержант, – рявкнул Коффи, – главный теперь ты. Доложи обстановку.

– Мистер Коффи, он прав. Нам пришлось уйти из Райского зала. Мы спустились по задней лестнице. Нас больше тридцати человек, в том числе и мэр. Здесь в самом деле какое-то чудовище.

– Не тарахти, Бейли. Ты видел его?

– Не знаю, что я видел, сэр, но д'Агоста его видел, и Господи, что оно сделало с Ипполито…

– Слушай меня, Бейли. Успокоишься ты и примешь командование?

– Нет, сэр. Для меня главный здесь он.

– Я только что назначил *тебя* главным! Коффи возмущенно фыркнул и поднял гневный взгляд.

– Сукин сын, прервал связь со мной.

Под дождем, среди какофонии воплей, рыданий и ругани неподвижно стоял Грег Кавакита. Он не обращал внимания на ливень, от которого его черные волосы прилипли ко лбу, на проезжающие спецмашины, пронзительные сирены, перепуганных, толкающих его на бегу гостей. Снова и снова молодой ученый мысленно повторял то, что кричали ему Марго с Фроком. Открывал и закрывал рот, подавался к ступеням, словно хотел снова войти в музей. Наконец, медленно повернулся, запахнул поплотнее промокший смокинг и задумчиво побрел в темноту.

50

Марго вздрогнула, когда по коридору гулко раскатился второй выстрел.

– Что происходит? – воскликнула она и почувствовала, как Фрок крепче стиснул ее руку.

Они услышали снаружи топот бегущих ног. Потом под дверью промелькнул желтый свет фонарика.

– Запах слабеет, – прошептала девушка. – Как вы думаете, оно ушло?

– Марго, – спокойно проговорил Фрок, – вы спасли мне жизнь. Рискнули собственной жизнью ради спасения моей.

Раздался негромкий стук в дверь.

– Кто там? – твердым голосом спросил ученый.

– Пендергаст.

Марго бросилась открывать. Снаружи стоял агент ФБР с большим револьвером в одной руке и смятыми синьками в другой. Его свежий, хорошо сшитый костюм контрастировал с запыленным лицом. Мужчина прикрыл за собой дверь.

– Рад видеть вас целыми и невредимыми, – сказал Пендергаст, направив луч фонарика на Марго, потом на Фрока.

– Мы рады вам не меньше! – воскликнул Фрок. – Мы спустились сюда искать вас. Это вы стреляли?

– Да, – ответил агент ФБР. – А звали меня, очевидно, вы?

– Значит, вы слышали меня! – произнес ученый. – И потому стали искать нас здесь. Пендергаст покачал головой.

– Нет.

Отдав фонарик Марго, он принялся разворачивать измятые синьки. Марго увидела, что они покрыты записями, сделанными наспех, от руки.

– Нью-йоркское историческое общество очень расстроится при виде того, как вольно я обошелся с его собственностью, – сухо заметил агент ФБР.

– Пендергаст, – прошептал Фрок, – мы с Марго точно установили, что представляет собой убийца. Вы должны выслушать. Это не человек и не какое-то из известных животных. Позвольте, пожалуйста, объяснить.

Пендергаст поднял взгляд.

– Меня не нужно ни в чем убеждать, доктор Фрок.

Ученый захлопал глазами.

– Не нужно? Вы поможете нам? Я имел в виду – поможете предотвратить открытие выставки, заставить всех покинуть музей?

– Уже поздно, – сказал Пендергаст. – Я разговаривал по рации с лейтенантом д'Агостой и другими полицейскими. Свет погас не только в подвале, но и во всем музее. Охранная система вышла из строя, стальные двери опустились.

– То есть… – заговорила Марго.

– То есть музей разделен на пять изолированных секций. Мы находимся во второй. Вместе с людьми в Райском зале. И зверем.

– Что произошло? – спросил ученый.

– Паника возникла еще до того, как напряжения в сети не стало, и двери пошли вниз. На выставке обнаружили труп. Полицейского. Большинству гостей удалось выбежать, но человек тридцать – сорок оказались запертыми в Райском зале. – Агент ФБР печально улыбнулся. – Я был на выставке несколько часов назад. Хотел взглянуть на статуэтку Мбвуна, о которой вы говорили. Если бы я вошел в заднюю дверь, то, может, обнаружил бы тело сам и предотвратил бы происшедшее. Однако я получил возможность осмотреть статуэтку, доктор Фрок. Это превосходное изображение. Поверьте тому, кто знает.

Фрок разинув рот уставился на него.

– Вы видели это животное? – с трудом прошептал ученый.

– Видел. В него-то и стрелял. Я находился неподалеку отсюда, за углом, когда услышал, что вы меня зовете. Потом ощутил мерзкий запах. Спрятался в одну из комнат и наблюдал, как оно проходило мимо. Потом вышел и выстрелил в него, но пуля срикошетила от черепа этого существа. Вскоре погас свет. Я последовал за этим существом, видел, как оно хваталось лапой за дверь и принюхивалось. – Пендергаст переломил револьвер и заменил в барабане два стреляных патрона. – Вот как я узнал, что вы здесь.

– Боже, – произнесла Марго. Пендергаст сунул револьвер в кобуру.

– Выстрелил в него еще раз, но целиться было трудно, я промахнулся. Пошел сюда поискать его, но существо исчезло. Должно быть, ушло в лестничный колодец в конце коридора. Другого выхода из того тупика нет.

– Мистер Пендергаст, – взволнованно произнес Фрок. – Расскажите, пожалуйста, *как оно выглядело*.

– Я видел его только мельком, – неторопливо ответил агент ФБР. – Оно приземистое, кажется очень сильным. Ходит на четырех лапах, но может встать и на дыбы. Частично покрыто шерстью. – Поджав губы, кивнул. – Было темно. Но, по-моему, тот, кто изготовил эту статуэтку, знал свое дело.

В свете фонарика Пендергаста Марго разглядела на лице Фрока странную смесь страха, оживления и торжества.

Потом сверху до них донеслась приглушенная серия хлопков. Наступила недолгая тишина, затем поблизости раздались выстрелы уже громче, резче.

Пендергаст поднял взгляд и напряженно прислушался.

– Д'Агоста! – сказал он. Достал револьвер, бросил кальки и выбежал в коридор.

Марго бросилась к двери, светя фонариком ему вслед. В тонком луче увидела агента ФБР, он дергал дверь на лестницу. Пендергаст опустился на колени, осмотрел замок, потом, встав, нанес по двери ногой несколько сильных ударов.

– Заклинило, – наконец сказал Пендергаст. – Выстрелы, судя по звуку, раздавались внутри лестничного колодца. Видимо, пули перекосили дверную раму и повредили замок. – Он сунул револьвер в кобуру и достал рацию. – Лейтенант д'Агоста! Винсент, слышите меня?

Подождав немного, он покачал головой и сунул рацию в карман пиджака.

– Значит, мы застряли? – спросил Марго. Пендергаст снова покачал головой:

– Не думаю. Вторую половину дня я провел в этих складах и туннелях, пытаясь определить, как мог зверь утаиться от наших поисков. Синьки, которые пришлось захватить с собой, изготовлены еще в прошлом веке. Они запутаны и противоречивы, но, кажется, указывают выход из музея через нижний подвал. Раз все стальные двери опущены, никакого иного пути для нас нет. А из этой секции в нижний подвал есть несколько ходов.

– Значит, мы можем встретиться с людьми, которые все еще наверху, и потом спасаться вместе! – воодушевилась Марго.

Пендергаст помрачнел.

– Но это означает, что и зверь может найти обратную дорогу. Лично я думаю, что хоть стальные двери и преграждают нам путь, передвижениям зверя они не особенно помешают. Видимо, он прожил здесь достаточно долго, чтобы проложить собственные тайные маршруты, и способен передвигаться по музею – по крайней мере нижней его части – как ему вздумается.

Марго кивнула.

– Мы думаем, он живет в музее несколько лет. И кажется, знаем, как и почему добрался сюда.

Пендергаст несколько долгих секунд испытующе глядел на Марго.

– Надо, чтобы вы с доктором Фроком рассказали мне все, что знаете об этом существе, и как можно скорее.

Когда они повернулись, чтобы снова войти в склад. Марго услышала далекий стук, похожий на замедленный гром. Замерла и напряженно прислушалась. Гром, казалось, обладал голосом, он плакал или кричал, разобрать было трудно.

– Что это? – прошептала она.

– Это, – негромко отозвался Пендергаст, – шум в лестничном колодце, который издают люди, бегущие ради спасения собственной жизни.

51

В слабом свете, сочащемся сквозь зарешеченное окно лаборатории, Райт едва видел старый картотечный ящик. Очень хорошо, подумал он, что лаборатория находится во второй секции. И в который раз обрадовался, что сохранил за собой эту старую лабораторию, когда стал директором. Она обеспечит им временное убежище, небольшое спасительное пространство. Вторая секция наглухо отрезана от остальной части музея, и они надежно изолированы. Когда отключилось напряжение, все охранные приспособления сработали. По крайней мере так говорил этот бестолковый полицейский д’Агоста.

– Кое-кто дорого за это заплатит, – пробормотал под нос Райт. Потом все трое притихли. Оказавшись в убежище, они стали осознавать масштаб катастрофы.

Райт осторожно подошел к картотеке, стал вынимать ящик за ящиком, шарить в них и, наконец, нашел, что искал.

– “Раджер триста пятьдесят семь – магнум”, – сказал он, взвешивая пистолет на ладони. – Замечательное оружие. Большая убойная сила.

– Сомневаюсь, что из него можно убить существо, прикончившее Ипполито, – ответил Катберт. Стоя возле лабораторной двери, он являл собой неподвижный силуэт в черной рамке.

– Не беспокойся, Иен. Такая пуля способна продырявить слона. Я купил эту штуку после того, как старика Шортера ограбил какой-то бродяга. Да это существо и не придет сюда. А если даже появится, дверь дубовая, толщиной два дюйма.

– А эта? – спросил Катберт, указывая в заднюю часть лаборатории.

– Она ведет в зал динозавров мелового периода. Тоже сделана из прочного дуба. – Райт сунул пистолет за пояс. – Эти идиоты полезли в подвал, как бараны. Зря меня не послушали.

Он снова порылся в картотечном ящичке и достал оттуда фонарик.

– Отличная вещь. Много лет им не пользовался.

Директор включил его, вспыхнул слабый луч света, колеблющийся, потому что державшая фонарик рука слегка дрожала.

– Батарейки, по-моему, почти сели, – пробормотал Катберт.

Райт выключил свет.

– Будем пользоваться им только в крайнем случае.

– Пожалуйста, – заговорила вдруг Рикмен, – включи его снова. Всего на минутку. – Она сидела на стуле посреди комнаты, ломая руки. – Уинстон, что будем делать? Нужно выработать план.

– Самое главное, – заявил Райт, – мне надо выпить, это план А. Нервы на пределе.

Он пошел в дальний конец лаборатории, направил свет фонарика на старый шкаф и, пошарив в нем, вытащил бутылку. Раздалось позвякивание стекла.

– Иен? – спросил директор.

– Мне не надо, – ответил Катберт.

– Лавиния?

– Нет-нет. Не могу.

Райт вернулся и сел за стол. Наполнил стакан и тремя глотками осушил его. Затем наполнил снова. Комнату заполнил аромат шотландского виски.

– Полегче, Уинстон, – сказал Катберт.

– Нельзя оставаться здесь, в темноте, – нервозно заговорила Рикмен. – На этаже должен быть выход.

– Говорю же, перекрыто все, – отрезал Райт.

– А зал динозавров? – не унималась она, указывая на заднюю дверь.

– Лавиния, – возразил Райт, – в этом зале только один вход для публики, он закрыт стальной дверью. Мы заперты отовсюду. И не стоит волноваться, – существо, убившее Ипполито и остальных, сюда не сунется. Оно будет преследовать легкую добычу, группу, блуждающую по подвалу.

Послышалось бульканье, затем стук поставленного стакана.

– Мы пробудем здесь полчаса, переждем. Затем спустимся обратно. Если к тому времени не включат свет и не поднимут двери, то я знаю еще один выход. *Через* выставку.

– Похоже, ты знаешь все потайные места, – сказал Катберт.

– Эта лаборатория была моей. Я до сих пор люблю приходить сюда время от времени, подальше от административных забот, поближе к моим динозаврам.

– Понятно, – ответил Катберт не без колкости.

– Площадь выставки занимает бывшую нишу трилобитов. Много лет назад я проводил в ней немало часов. Словом, там за стендом с трилобитами есть проход в центральный коридор. Дверь заколотили много лет назад, чтобы разместить еще один стенд. Не сомневаюсь, что, когда устраивали выставку, поверх нее просто-напросто прибили фанеру и закрасили. Дверь можно выбить ногой. Если там окажется замок, выстрелить в него.

– Похоже, это вполне осуществимо, – оживилась Рикмен.

– Что-то не помню я такой двери на выставке, – с сомнением сказал Катберт. – Охрана наверняка знала бы о ней.

– Говорю, это было давно, – резко ответил Райт. – Дверь заколотили и забыли.

Наступило долгое молчание. Райт налил себе еще виски.

– Уинстон, – сказал Катберт, – угомонись. Директор сделал большой глоток, потом свесил голову. Плечи его ссутулились.

– Иен, – пробормотал он наконец. – Как такое могло случиться? Наша песенка спета.

Катберт промолчал.

– Давайте не хоронить пациента преждевременно, – сказала Рикмен отчаянно-бодрым голосом. – Хорошая связь с общественностью может загладить даже самое худшее.

– Лавиния, – заговорил Катберт, – это не тот случай. Двумя этажами ниже нас лежит полдюжины трупов, если не больше. Чертов *мэр* в западне. Через несколько часов о нас заговорят в последних новостях на всю страну.

– Наша песенка спета, – повторил Райт.

Из горла директора вырвался легкий сдавленный всхлип, и он уронил голову на стол.

– Черт возьми, – пробормотал Катберт, взял со стола бутылку и убрал в шкаф.

– Все кончено, разве нет? – простонал директор, не поднимая головы.

– Да, Уинстон, кончено, – сказал Катберт. – Честно говоря, я буду рад просто выйти отсюда живым.

– Иен, пожалуйста, не будем об этом. *Пожалуйста,* – взмолилась Рикмен. Встала, подошла к двери, которую прикрыл за ними Райт, и медленно распахнула ее.

– Не заперта! – воскликнула она.

– Господи, – подскочил Катберт. Райт, не поднимая головы, полез в карман и протянул ключ.

– Подходит к обеим дверям, – глухо произнес он.

Рикмен дрожащей рукой вставила ключ в замок.

– Чем мы провинились? – печально спросил Райт.

– Совершенно ясно чем, – ответил Катберт. – Пять лет назад у нас была возможность разобраться с этим делом.

– Ты о чем? – спросила Рикмен, возвращаясь к ним.

– Прекрасно знаешь, о чем. Об исчезновении Монтегю. Нужно было заняться этой проблемой, а мы делали вид, будто ничего не случилось. В подвале возле ящиков Уиттлси была лужа крови. Монтегю исчез. Теперь-то мы точно знаем, что с ним случилось. Однако нужно было докопаться до истины *тогда*. Помнишь, Уинстон? Мы сидели у тебя в кабинете, когда Ипполито явился с этим сообщением. Ты приказал

отмыть пол и забыть об этом. Мы умыли руки и надеялись, что убийца Монтегю исчезнет.

– Не было доказательств, что кто-то убит! – простонал Райт, подняв голову. – И не было доказательств, что это – кровь Монтегю! Она могла остаться от бродячей собаки или кого-то еще. Откуда мы могли знать?

– Мы могли выяснить, если бы ты приказал Ипполито сообщить в полицию о громадной луже крови. И ты, Лавиния, – насколько я помню, ты согласилась, что кровь надо просто смыть.

– Иен, не стоит затевать бессмысленный скандал. *Ты* прекрасно знаешь, что та кровь могла быть чьей угодно, – сказала Рикмен. – И ты сам настоял на том, чтобы ящики перенесли. Ты беспокоился, что выставка вызовет вопросы об экспедиции Уиттлси, ты взял журнал и попросил меня хранить его до закрытия выставки. Материалы в нем противоречат твоим теориям, так ведь?

Катберт презрительно фыркнул.

– Ничего ты не понимаешь. Джон Уиттлси был моим другом. По крайней мере поначалу. Мы рассорились из-за статьи, которую он опубликовал, да так и не помирились. Но теперь говорить об этом поздно. И я не хотел, чтобы записи его были опубликованы, чтобы его теории стали предметом насмешек.

Он повернулся и уставился на заведующую отделом по связям с общественностью.

– То, что я сделал, Лавиния, было попыткой защитить коллегу, у которого зашел ум за разум. Я не покрывал убийства. А как быть с тем, что сотрудники музея замечали нечто странное? Уинстон, ты получал по нескольку сообщений в год о том, что люди видели или слышали в вечерние часы что-то необычное. И ничего не предпринимал, так ведь?

– Откуда я мог знать? – забрызгал слюной директор. – Кто бы в это поверил? То были нелепые сообщения, смехотворные...

– Пожалуйста, перемените тему! – воскликнула Рикмен. – Я не могу ждать здесь, в темноте. Может, через окна? Может, внизу натянут для нас сеть?

– Нет, – ответил Райт, глубоко вздохнув и протирая глаза. – Решетки из закаленной стали, толщиной в несколько дюймов. – Он обвел взглядом темную комнату. – Где моя бутылка?

– Хватит тебе, – сказал Катберт.

– К черту тебя с твоим англиканским морализаторством.

Райт, шатаясь, поднялся на ноги и нетвердой походкой направился к шкафу.

В лестничном колодце д’Агоста обратил взгляд на тусклый силуэт Бейли.

– Спасибо, – сказал он.

– Командуете вы, лейтенант.

Внизу, сопя и всхлипывая, их ждали сгрудившиеся на ступеньках гости. Д’Агоста повернулся к ним.

– Так. Двигаться нам нужно быстро. На следующей лестничной клетке есть дверь, ведущая в подвал. Мы пройдем в нее и встретимся кое с кем, кто знает, как отсюда выйти. Всем понятно?

– Понятно, – послышался голос мэра.

– Отлично, – кивнул д’Агоста. – Ладно, идем. Я пойду первым и буду светить фонариком. Бейли, ты замыкающий. Если что увидишь, дай мне знать.

Группа медленно спустилась. На лестничной клетке д’Агоста дождался сигнала Бейли “опасности нет”. Потом ухватился за дверную ручку.

Дверь не подалась.

Д’Агоста дернул ее еще раз, посильнее. Безуспешно.

– Что за...

И посветил на ручку фонариком.

– Черт, – пробормотал он. Потом повысил голос: – Оставайтесь на местах. Не шумите. Я поговорю с полицейским, который идет сзади.

И пошел в конец вереницы испуганно замолкших людей.

– Слушай, Бейли, – вполголоса заговорил лейтенант, – в подвал нам не пройти. Несколько наших пуль попало в дверь, рама перекорежилась. Без лома двери не открыть.

Даже в темноте он увидел, как расширились глаза Бейли.

– Что же делать? – спросил сержант. – Подниматься обратно наверх?

– Дай подумать, – сказал д’Агоста. – Сколько у тебя патронов? У меня в револьвере шесть.

– Не знаю. Пятнадцать-шестнадцать, наверное.

– Черт, – ругнулся лейтенант. – Вряд ли… Внезапно он умолк, выключил фонарик и прислушался. Легкое движение воздуха в колодце донесло сильный козлиный запах.

Бейли опустился на колено и навел ружье вверх. Д'Агоста быстро вернулся к ждущей внизу группе.

– А ну, все, – прошипел он, – вниз, на следующую клетку. Живо!

Послышался негромкий ропот.

– Вниз нельзя! – выкрикнул кто-то. – Под землей окажемся в западне!

Ответ лейтенанта заглушил выстрел Бейли.

– Музейный зверь! – раздался чей-то вопль, все, спотыкаясь и падая, устремились вниз по лестнице.

– Бейли! – крикнул д'Агоста, у которого от грохота выстрела звенело в ушах. – Бейли, следуй за мной!

Пятясь по лестнице, сжимая в одной руке револьвер, другой касаясь стены, д'Агоста заметил, что, когда он спустился ниже подвального уровня, каменные ступени стали влажными. Наверху виднелся только силуэт Бейли, сержант спускался, тяжело дыша и негромко ругаясь. По прошествии, казалось, целой вечности нога д'Агосты коснулась лестничной клетки. Люди стояли вокруг, затаив дыхание; потом его легонько коснулся Бейли.

– Что там было, черт возьми? – шепотом спросил лейтенант.

– Не знаю, – ответил тот. – Появился этот жуткий смрад, потом я кое-что увидел. Пару красных глаз. И выстрелил.

Д'Агоста посветил вверх. Видны были только тени да грубо обтесанный желтый камень. Запах все еще ощущался.

Лейтенант навел фонарик на группу и быстро сосчитал головы. Тридцать восемь человек, включая его и Бейли.

– Порядок, – прошептал он стоящим. – Мы в нижнем подвале. Я пойду первым, следуйте за мной по сигналу.

Д'Агоста повернулся и посветил на дверь. *Черт,* подумал он, *этой штуке место в лондонском Тауэре.* Почерневшая металлическая дверь была укреплена поперечными железными полосами. Когда лейтенант распахнул ее, в лестничный колодец устремился холодный, сырой, затхлый воздух. Д'Агоста пошел вперед. Услышав журчание воды, попятился и направил луч света вниз.

– Слушайте все, – сказал он. – Здесь течет вода, глубина примерно три дюйма. Идите вперед по одному, быстро и осторожно. По мою сторону двери две ступеньки. Бейли, пойдешь замыкающим. И, ради Бога, закрой за собой дверь.

Пендергаст сосчитал оставшиеся патроны, сунул их в карман, потом взглянул на Фрока.

– Вы провели отличное расследование, – сказал он. – Простите, профессор, что я усомнился в вас.

Фрок великодушно развел руками.

– Откуда вам было знать? К тому же самое важное звено обнаружила Марго. Если бы она не подвергла анализу упаковочные волокна, мы бы ничего не выяснили.

Пендергаст кивнул девушке, сидевшей на большом деревянном ящике.

– Блестящая работа. Мы охотно возьмем вас в криминалистическую лабораторию в Батон-Руже.

– Если только я отпущу ее, – сказал Фрок. – И если только мы выйдем отсюда живыми. И то, и другое в лучшем случае сомнительно.

– Притом если только я захочу уйти из музея, – сказала Марго и сама себе удивилась. Пендергаст повернулся к ней.

– Вы понимаете это существо лучше, чем я. И все же считаете, что предложенный вами план сработает?

Издав глубокий вздох, Марго кивнула.

– Если экстраполятор не ошибся, это существо ищет добычу больше нюхом, чем зрением. И если оно нуждается в этой траве так сильно, как мы думаем… – Она пожала плечами. – Это единственный способ.

Пендергаст немного помолчал.

– Если это спасет тех людей, что внизу, надо сделать попытку. И вынул рацию.

– Д’Агоста? – произнес он, включив нужный диапазон. – *Д’Агоста,* это Пендергаст. Слышите?

В рации послышался треск. Потом: “Д’Агоста слушает”.

– Винсент, как у вас дела?

– Мы столкнулись с этой вашей тварью, – последовал ответ. – Она ворвалась в зал, убила Ипполито и одного из покалеченных гостей. Мы

спустились по лестнице, но дверь в подвал заклинило. Пришлось спуститься в нижний подвал.

– Понятно, – сказал Пендергаст. – Сколько у вас оружия?

– Мы успели взять только двенадцатикалиберное ружье и табельный револьвер.

– Где находитесь в настоящее время?

– В нижнем подвале, ярдах в пятидесяти от двери лестничного колодца.

– Винсент, слушайте внимательно. Я говорил с профессором Фроком. У этого существа очень высокие умственные способности. Возможно, оно столь же разумное, как мы с вами.

– Говорите только за себя.

– Если опять увидите его, не цельтесь в голову. Пуля срикошетит. Стреляйте в тело.

Краткое молчание, потом вновь послышался голос д’Агосты.

– Послушайте, Пендергаст, сообщите это Коффи. Он посылает внутрь музея людей и, думаю, понятия не имеет о том, что их ждет.

– Постараюсь ему объяснить. Но сперва давайте обсудим, как вам выйти оттуда. Возможно, зверь идет по вашему следу.

– Ничего себе.

– Я могу вам указывать дорогу из музея через нижний подвал. Это будет непросто. Синьки очень старые и, возможно, не вполне достоверные. Там может оказаться вода.

– Мы стоим в воде, глубина полфута. Слушайте, Пендергаст, а это не опасно? Снаружи ведь ливень.

– Либо вода, либо зверь. Вас сорок человек, вы самый очевидный объект нападения. Вам нужно двигаться, притом быстро – другого выхода нет.

– Можете присоединиться к нам?

– Мы решили остаться здесь и приманить его, увести от вас. Объяснять сейчас некогда. Если наш план сработает, присоединимся потом. Спасибо за синьки, я обнаружил несколько входов в нижний подвал из второй секции.

– Господи, Пендергаст, будьте осторожны.

– Буду. Теперь слушайте внимательно. Вы в длинном проходе?

– Да.

– Очень хорошо. Там, где коридор разветвляется, идите вправо. Ярдов через сто будет еще одна развилка. Когда до нее дойдете, свяжитесь со мной. Ясно?

– Да.

– Желаю удачи. Конец связи.

Пендергаст быстро переключил диапазон.

– Коффи, это Пендергаст. Слышите?

– Черт возьми, Пендергаст, я пытаюсь связаться с тобой вот уж...

– Сейчас не время для этого. Вы посылаете спасательную команду внутрь?

– Да. Люди уже готовы выступать.

– Тогда позаботьтесь, чтобы у них было крупнокалиберное автоматическое оружие, каски и пуленепробиваемые жилеты. Внутри очень сильное, свирепое существо. Коффи, я его видел. Оно находится во второй секции.

– Черт побери, и ты, и д'Агоста! Пендергаст, если пытаешься...

Пендергаст торопливо заговорил:

– Предупреждаю последний раз. Вы имеете дело с чудовищем. И рискуете, недооценивая его. Конец связи.

– Нет, постой! Приказываю...

Пендергаст выключил рацию.

52

Люди с трудом брели по воде, тусклые фонарики освещали низкий потолок туннеля. Поток воздуха продолжал мягко дуть им в лица. Д'Агосту это тревожило. Зверь мог появиться позади них внезапно, они не почувствуют его смрада. Он остановился подождать Бейли.

– Лейтенант, – спросил мэр, переводя дыхание, – вы уверены, что отсюда есть выход наружу?

– Я могу идти, только следуя указаниям Пендергаста, сэр. Синьки у него. Но я совершенно уверен, что назад нам возвращаться нельзя.

Д'Агоста и группа снова двинулись вперед. Со сводчатого потолка, выложенного кирпичом в елочку, падали темные маслянистые капли.

Стены были покрыты коркой извести. Все, кроме одной тихо плачущей женщины, не издавали ни звука.

– Простите, лейтенант, – послышался голос. Это произнес долговязый парень. Смитбек.

– Да?

– Не скажете ли мне кое-что?

– Спрашивай.

– Каково это – держать в руках жизни сорока человек, в том числе и мэра Нью-Йорка?

– Что? – Д'Агоста на миг остановился и сверкнул глазами через плечо. – Только *журналиста* нам здесь не хватало!

– Видите ли, я... – начал было Смитбек.

– Позвонишь по телефону, договоришься о встрече со мной в управлении.

Д'Агоста направил луч света вперед и разглядел развилку. Свернул направо, как сказал Пендергаст. У коридора был легкий уклон вниз, и вода начинала течь быстрее, теребя его штанины и уносясь в темноту. Когда группа свернула за угол вслед за ним, лейтенант с облегчением заметил, что ветерок уже не дует им в лицо.

Мимо проплыла раздувшаяся дохлая крыса, ударяясь о ноги людей, словно огромный бильярдный шар. Кто-то заворчал и попытался отпихнуть ее, но не раздалось ни звука жалобы.

– Бейли! – позвал д'Агоста, оглянувшись.

– Да?

– Видишь что-нибудь?

– Если увижу, вы первый об этом узнаете.

– Понятно. Пора бы узнать, как там дела с ремонтом электросети.

Лейтенант достал рацию.

– Коффи?

– Слушаю. Пендергаст только что прервал разговор со мной. Вы где?

– В нижнем подвале. У Пендергаста есть синька. Он ведет меня по рации. Когда включат свет?

– Д’Агоста, не будь идиотом. Из-за него вы все погибнете. Непохоже, чтобы свет скоро включили. Возвращайтесь в Райский зал и ждите там. Мы с минуты на минуту пошлем отряд спецназа через отверстие в крыше.

– В таком случае тебе нужно знать, что Райт? Катберт и зав. отделом по связям с общественностью где-то наверху, видимо, на четвертом этаже. Второй выход с этой лестницы там.

– Что-что? Ты не взял их с собой?

– Они отказались идти. Райт пошел наверх, остальные за ним.

– Похоже, ума у них побольше, чем у тебя. С мэром ничего не случилось? Дай я поговорю с ним.

Лейтенант передал мэру рацию.

– С вами все в порядке, сэр? – обеспокоенно спросил Коффи.

– Мы в надежных руках лейтенанта.

– Я твердо считаю, сэр, что вам нужно вернуться в Райский зал и ждать помощи. Мы посылаем спецназ вам на выручку.

– Я полностью уверен в лейтенанте д’Агоста. И вам не стоит в нем сомневаться.

– Конечно, сэр. Будьте уверены, я вас вызволю.

– Коффи?

– Сэр?

– Здесь помимо меня три дюжины людей. Не забывайте этого.

– Но я только хотел сказать вам, сэр, мы особенно…

– Коффи! Похоже, вы меня не поняли. Каждая жизнь здесь стоит всех усилий, какие вы сможете приложить.

– Да, сэр.

Мэр вернул д’Агосте рацию.

– Если я не ошибаюсь, этот Коффи сущий болван, – пробормотал он.

Д’Агоста сунул рацию в футляр и двинулся дальше. Потом остановился и посветил фонариком на предмет, маячивший в темноте перед ним. Это оказалась закрытая стальная дверь. Маслянистая вода протекала через толстую решетку в ее нижней части. Лейтенант приблизился. Она походила на дверь у подножия лестницы: была толстой, усеянной

ржавыми заклепками. Сбоку в массивных петлях висел позеленевший от старости медный замок. Д’Агоста дернул его, но он не поддался.

Лейтенант снова извлек рацию.

– Пендергаст?

– Слушаю.

– Мы прошли первую развилку, но наткнулись на стальную дверь, она заперта.

– Запертая дверь? Между первой и второй развилками?

– Да.

– На первой развилке вы свернули направо?

– Да.

– Минутку. – Послышался шелест.

– Винсент, возвращайтесь к развилке и идите по левому туннелю. Быстрее.

Д’Агоста повернулся.

– Бейли! Возвращаемся к развилке. Пошли, все. Быстро!

Группа устало развернулась с ропотом и пошла обратно по черной воде.

– Стойте! – донесся спереди голос Бейли. – Господи, лейтенант, чувствуете запах?

– Нет, – ответил д’Агоста, но тут же ругнулся: *“Черт!”*, его окутало зловоние. – Бейли, остановимся! Я иду к тебе. Стреляй в эту тварь!

Катберт сидел на столе, рассеянно постукивая ластиком на конце карандаша по обшарпанной поверхности. Райт неподвижно сидел за столом, обхватив голову руками. Рикмен стояла на цыпочках у маленького окна. Она вставила фонарик между прутьями решетки и то включала, то выключала его наманикюренным пальцем.

Вспышка молнии высветила ее тонкий силуэт, потом раскаты грома заполнили комнату.

– Льет как из ведра, – сказала она. – Я ничего не вижу.

– И тебя никто не видит, – устало произнес Катберт. – Только сажаешь батарейки. Нам они могут еще понадобиться.

С шумным вздохом Рикмен выключила фонарик, и лаборатория снова погрузилась во тьму.

– Интересно, что оно сделало с телом Монтегю? – сказал Райт заплетающимся языком. – Съело?

В темноте раздался смех.

Катберт продолжал постукивать карандашом.

– Съело! Может быть, с рисом и карри. Плов из Монтегю!

Райт загоготал.

Катберт поднялся и выхватил у него из-за пояса пистолет. Заглянул в барабан, потом сунул оружие себе за пояс.

– Отдай сейчас же! – потребовал Райт. Катберт промолчал.

– Ты задира, Иен. И всегда был мелочным, завистливым задирой. В понедельник утром я первым делом уволю тебя. Собственно говоря, ты уже уволен. – Райт, пошатываясь, встал. – Слышишь, уволен!

Катберт, встав у ведущей в коридор двери, прислушался.

– Что там? – встревоженно спросила Рикмен. Катберт резко вскинул руку. Тишина. Наконец Катберт отвернулся от двери.

– Померещился какой-то шум, – сказал он. Взглянул на Рикмен. – Лавиния? Подойди на минутку.

– В чем дело? – еле слышно спросила она. Катберт отвел ее в сторону.

– Дай мне фонарик. А теперь слушай. Я не хочу пугать тебя. Но если что...

– Ты *о* чем? – перебила она срывающимся голосом.

– Существо, которое убивало людей, еще в музее. Я не уверен, что мы здесь в безопасности.

– А дверь? Уинстон сказал, она толщиной два дюйма...

– Знаю. Может быть, все обойдется. Но те двери на выставку были еще толще, и я хочу принять некоторые меры предосторожности. Помоги мне придвинуть к двери этот стол.

Он повернулся к директору.

Райт поднял рассеянный взгляд.

– Уволен! К семнадцати часам в понедельник очисти свой рабочий стол.

Катберт поднял Райта на ноги и усадил в ближайшее кресло. Потом с помощью Рикмен придвинул стол к дубовой двери.

– Он по крайней мере задержит то существо, – сказал заместитель директора, отряхивая смокинг. – И я, наверное, сумею всадить в него несколько пуль. А ты в крайнем случае спрячься в зале динозавров. Стальная дверь опущена, и другого входа туда нет. Во всяком случае, между тобой и тем существом окажутся две двери. – Катберт снова беспокойно оглянулся. – А я тем временем попробую выбить стекло в этом окне. Тогда, может, кто-то услышит наш крик.

Райт засмеялся.

– Тебе не выбить его, не выбить, не выбить! Стекло противоударное.

Катберт походил по лаборатории и нашел короткий стальной прут с загнутым концом. Ударил им между решетками, но прут отскочил от стекла и вылетел из его руки.

– Черт возьми, – пробормотал Катберт, растирая ладони. – Можно бы выбить стекло пулями, – задумчиво произнес он. – У тебя еще есть в запасе патроны?

– Я больше с тобой не разговариваю, – ответил Райт.

Катберт открыл картотечный ящик и стал шарить в нем.

– Ничего, – объявил он наконец. – Нельзя тратить патроны на стекло. Их всего пять.

– Ничего, ничего, ничего. Разве не так говорил король Лир?

Катберт тяжело вздохнул и сел. В лаборатории снова воцарилась тишина, слышны были только ветер, шум дождя и далекие раскаты грома.

Пендергаст убрал рацию и повернулся к Марго.

– Д’Агоста в беде. Надо спешить.

– Оставьте меня здесь, – спокойно сказал Фрок. – Я буду вам только обузой.

– Благородный жест, – ответил ему Пендергаст. – Однако нам нужен ваш мозг.

Он осторожно высунулся в коридор и посветил фонариком в обе стороны. Потом жестом показал, что опасности нет. Они побежали по коридору. Марго толкала перед собой коляску так быстро, как только могла.

По пути Фрок то и дело шепотом указывал направление. Пендергаст останавливался на каждом перекрестке, держа наготове револьвер.

Иногда прислушивался и принюхивался. Через несколько минут он принял перекладину коляски у Марго, – она не стала возражать. Потом они обогнули угол и оказались перед дверью сохранной зоны.

Марго в сотый раз мысленно взмолилась, чтобы ее план удался; чтобы она не обрекла всех – в том числе и группу в нижнем подвале – на ужасную смерть.

– Третий поворот направо! – сказал Фрок, когда они вошли в сохранную зону. – Марго, помните комбинацию?

Она набрала номер, потянула рычаг. Дверь распахнулась. Пендергаст вошел и встал на колени возле маленького ящика.

– Погодите, – сказала Марго. Пендергаст недоуменно приподнял брови.

– Не надо, чтобы запах волокон приставал к вам, – сказала она. – Заверните их в свой пиджак. Агент ФБР заколебался.

– Возьмите мой платок, – сказал ученый, протягивая изделие фирмы Гуччи. – Берите волокна, обернув им руку.

Пендергаст осмотрел его.

– Что ж, – произнес он печально, – раз профессор жертвует стодолларовым платком, думаю, что могу пожертвовать свой пиджак.

После этого достал из карманов рацию и записную книжку, сунул их за пояс и снял его.

– С каких это пор агенты ФБР носят сшитые на заказ костюмы от Армани? – шутливо осведомилась Марго.

– С каких это пор аспирантки-биологички разбираются в мужских костюмах? – откликнулся Пендергаст, расстилая пиджак на полу. Потом осторожно достал несколько горстей волокон и уложил на него. Наконец сунул платок в один из рукавов, свернул пиджак и связал рукава узлом.

– Нам потребуется веревка, чтобы его волочить, – сказала Марго.

– Дальний ящик обвязан веревкой, – указал пальцем Фрок.

Пендергаст завязал пиджак и потащил узел по полу.

– Вроде бы хорошо получилось, – сказал он. – Жаль только, что полы здесь давно не подметали. – И повернулся к Марго. – Запах останется достаточно сильный, чтобы зверь последовал за нами?

Фрок оживленно закивал:

– По данным экстраполятора, чутье у этого существа очень острое. И ведь оно проследило путь ящиков до этого хранилища.

– А вы уверены, что оно не пресытилось… э… уже съеденным сегодня?

– Мистер Пендергаст, человеческие гормоны – слабая замена волокну. Мы считаем, что оно *живет* ради этого растения. – Фрок снова закивал. – Если существо учует такое изобилие волокон, то пойдет по их следу.

– Тогда в путь, – заключил Пендергаст. И осторожно поднял узел. – Другой вход в нижний подвал находится в нескольких сотнях ярдов отсюда. Если вы правы, мы теперь подвергаемся серьезной опасности. Существо будет охотиться за нами.

Толкая коляску, Марго последовала за агентом ФБР в коридор. Он захлопнул дверь, и все трое быстро направились по коридору в безмолвие старого подвала.

53

Д’Агоста шел по воде, низко пригибаясь, ствол его револьвера смотрел в непроглядную тьму. Фонарик он выключил, чтобы не выдавать своего местонахождения. Доходящая до бедер вода быстро текла ему навстречу, исходившие от нее запахи водорослей и извести мешались с вонью чудовища.

– Бейли, ты там? – прошептал он в темноту.

– Да, – послышался в ответ голос сержанта. – Жду возле первой развилки.

– У тебя патронов больше, чем у меня. Если мы отгоним эту зверюгу, постой на страже, я пойду назад, попробую отстрелить замок.

– Понял.

Д’Агоста неловко двинулся к сержанту, от холодной воды его ноги онемели. Неожиданно впереди в темноте послышался легкий всплеск, потом другой, гораздо ближе. Бейли дважды выстрелил, несколько женщин в группе позади захныкали.

– Черт! – услышал лейтенант крик Бейли, затем послышался негромкий хруст. Вода перед лейтенантом забулькала.

– Бейли! – крикнул он, но ничего не услышал, кроме журчания воды. Вынул фонарик и посветил в туннель. Ничего.

– Бейли!

Люди позади него плакали, кто-то истерично рыдал.

– Замолчите! – взмолился д’Агоста. – Я ничего не слышу.

Вопли стихли. Лейтенант посветил вперед, на потолок, на стены, но ничего не обнаружил. Бейли исчез, и запах снова стал слабее. Может, Бейли попал в зверюгу. Может, она просто отступила на время от грохота. Д’Агоста посветил вниз и увидел, что вода, текущая вокруг его ног, покраснела. Мимо проплыл синий лоскут от полицейского мундира.

– Мне нужна подмога! – прошипел д’Агоста через плечо.

Рядом с ним откуда ни возьмись появился Смитбек.

– Свети фонариком, – велел ему лейтенант. И стал ощупывать руками каменный пол. Вода как будто слегка поднялась: когда он нагибался, она касалась его груди. Мимо его носа проплыл клок тела Бейли, и ему пришлось на миг отвернуться.

Ружье он так и не смог найти.

– Смитбек, – сказал д’Агоста, – я вернусь и отстрелю замок. Идти обратно нельзя, нас поджидает эта тварь. Поищи ружье в воде. Если что увидишь или унюхаешь, кричи.

– Вы оставляете меня здесь одного? – с легким беспокойством спросил журналист.

– У тебя фонарик. Это займет всего минуту. Поищешь?

– Ладно.

Д’Агоста сжал пальцами плечо Смитбека и пошел обратно. Он не ожидал от журналиста такой смелости.

Когда лейтенант проходил сквозь группу, чья-то рука стала теребить его за одежду.

Лейтенант мягко стряхнул руку. Услышал, как мэр успокаивал женщину. Пожалуй, в следующий раз стоило бы проголосовать за этого старого обормота.

– Все назад, – приказал д’Агоста и подошел к двери. Он знал, что нужно встать от нее подальше на случай рикошета. Но замок был массивным, а целиться мешала темнота.

Лейтенант приблизился к двери на несколько футов, поднес дуло пистолета к замку и выстрелил. Когда дым рассеялся, увидел отверстие в центре замка. Замок не открывался.

– Черт, – пробормотал он, уперся стволом в скобу и выстрелил снова. На сей раз замок слетел. Лейтенант навалился на дверь всей тяжестью.

– Помогите мне! – позвал он.

Тут же несколько человек стали жать на нее плечом. Ржавые петли с громки скрипом подались, и в открытый проем хлынула вода.

– Смитбек! Нашел что-нибудь?

– Нашел его фонарик! – донесся голос журналиста.

– Молодец! Возвращайся.

Войдя в дверь, д’Агоста обнаружил железные петли для замка и с другой стороны. Отступил назад и пропустил в проем группу, считая людей. Тридцать семь. Бейли погиб. Замыкал шествие Смитбек.

– Так, а теперь прикроем эту штуку! – крикнул д’Агоста. Преодолевая сопротивление воды, дверь со скрежетом закрылась.

– Смитбек! Посвети. Может, найдем способ запереть дверь.

И поглядел на нее. Если вставить в петли какой-нибудь металлический стержень, дверь вряд ли удастся открыть. Повернулся к группе.

– Мне нужно что-то металлическое, хоть *что-нибудь!* – крикнул он. – Есть у кого-нибудь кусочек металла, которым можно запереть дверь?

Мэр быстро обошел людей, потом направился к д’Агосте, держа в руках небольшую коллекцию металлических предметов. Когда Смитбек осветил их, лейтенант увидел шпильки, ожерелья, расчески.

– Ничего не годится, – пробормотал он. По ту сторону двери послышались плеск и низкое ворчанье. Сквозь прорези внизу двери донеслась вонь. Легкий толчок, взвизг петель, и дверь приоткрылась.

– Черт! Эй, помогите ее закрыть!

Мужчины снова стали жать плечами на дверь и заставили ее закрыться. Послышался треск, затем громкий удар, зверь стал пересиливать людей, дверь со скрипом начала отворяться. По команде д’Агосты на помощь пришли все.

– Нажимайте!

Снова рев: затем сильный удар заставил людей отшатнуться. Дверь стонала под людским напором, но продолжала открываться – на шесть дюймов, на фут. Глядя, как она отходит от косяка, д’Агоста увидел три длинных просунувшихся когтя. Существо ощупало край двери, потом просунуло лапу. Когти то сгибались, то разгибались.

– Иисус, Мария, Иосиф, – произнес мэр обреченно. Кто-то монотонно затянул молитву. Д’Агоста поднес ствол револьвера к чудовищной лапе и выстрелил. Раздалось ужасное рычание, и существо исчезло во вспененной воде.

– Фонарик! – воскликнул журналист. – Он подойдет в самый раз! Воткните его в петли!

– Тогда у нас останется только один, – тяжело дыша, ответил д'Агоста.

– Есть лучшее предложение?

– Нет, – вполголоса произнес лейтенант. Потом громко скомандовал: – А ну, все. *Нажали!*

Последним усилием они закрыли дверь, и Смитбек просунул фонарик в петли. Прошел он легко, расширенный конец прилег к петле. Когда д'Агоста перевел дыхание, внезапно послышался новый удар, дверь содрогнулась, но не поддалась.

– Бегите, люди! – крикнул д'Агоста. – Спасайтесь!

Все зашлепали по воде, скользя и оступаясь. Д'Агосту толкнули сзади, и он упал лицом вниз. Поднялся и продолжал путь, стараясь не обращать внимания на стук и рев чудовища, – он сомневался, что сможет слышать это и остаться в здравом уме. Заставлял себя вместо этого думать о фонарике. Это хороший массивный полицейский фонарик. Он выдержит. Лейтенант искренне надеялся, что выдержит. Группа остановилась у второй развилки, дрожа и плача. *Пора связаться с Пендергастом и, выбираться к черту из этого лабиринта,* подумал лейтенант. Взялся за футляр рации и с ужасом осознал, что ее там нет.

Коффи стоял на своем посту, угрюмо глядя на монитор. Он не мог установить связь ни с д'Агостой, ни с Пендергастом. У Гарсиа и Уотерса все было без изменений. Убит ли еще кто-нибудь? При мысли о том, что мэр мертв, и газетных заголовках, которые непременно появятся, агент ощущал в животе какую-то пустоту.

Ацетиленовая горелка, мерцавшая у серебристой стальной двери в восточном конце Ротонды, отбрасывала на высокий потолок призрачные тени. Воздух был заполнен едким дымом расплавленной стали. В Ротонде стало удивительно тихо. Операции в полевых условиях у стальной двери все еще продолжались, но прочие гости разъехались по домам или были доставлены в близлежащие больницы. Журналистов наконец оттеснили за полицейские барьеры. Машины "скорой помощи" стояли в ближайших переулках.

Подошел командир отряда спецназа, застегивая патронташ поверх черного комбинезона.

– Мы готовы.

Коффи кивнул.

– Покажите оперативный план. Командир отодвинул телефонные аппараты и разложил лист бумаги.

– Оператор будет направлять нас по радио. Он получил детальные диаграммы с этого поста. Фаза первая: мы пробиваем отверстие в крыше, вот здесь, и спускаемся на пятый этаж. По данным охранной системы, эта дверь будет взорвана одним зарядом. Это открывает доступ в соседнюю секцию. Потом мы спускаемся к этому складу на четвертом этаже. Он находится прямо над Райским залом. В полу есть люк для обслуживания люстры. Мы спускаем наших людей и поднимаем раненых в шезлонгах. Фаза вторая: спасение тех, кто в подвале, мэра и находящейся с ним большой группы. Фаза третья: поиски тех, кто может оказаться в других местах внутри периметра. Насколько я понимаю, люди есть в компьютерном зале и в дежурной части. Директор музея, Иен Катберт и неизвестная женщина могли подняться наверх. А ваших агентов нет внутри периметра, сэр? Человек из новоорлеанского отделения...

– Сам позабочусь о нем, – резко ответил Коффи. – Кто разрабатывал эти планы?

– Мы, при содействии дежурной части. Это Аллен знает вторую секцию вдоль и поперек. Да и по спецификации этой охранной системы...

– Значит, вы. А кто здесь командует?

– Сэр, как вам известно, в чрезвычайных обстоятельствах командир группы спецназа...

– Проникните внутрь и уничтожьте эту тварь. Понятно?

– Сэр, наша первая задача вызволить пленников. И только потом можно будет...

– Считаете меня дураком, командир? Если мы убьем эту тварь, все остальные наши проблемы будут решены. Так ведь? Это не типичная ситуация, командир, она требует творческого мышления.

– Это ситуация с заложниками. Если освободить заложников убийцы, то он лишается возможности...

– Командир, вы что, спали во время совещания? Возможно, мы имеем дело с животным, а не с человеком!

– Но раненые...

– Пусть часть ваших людей выносит этих чертовых раненых. А вы с остальными найдите эту тварь и убейте. Тогда мы преспокойно освободим всех, кто застрял в музее. Это прямой приказ.

– Понимаю, сэр. Однако я бы рекомендовал…

– Не рекомендуйте ерунды, командир. Следуйте своему плану, но работу сделайте как надо. Уничтожьте эту тварь.

Командир поглядел на Коффи как-то странно.

– Вы уверены, что это животное?

Коффи заколебался.

– Да, – ответил он наконец. – Я о нем почти ничего не знаю, но оно уже убило не одного человека.

Командир несколько секунд спокойно глядел на Коффи.

– Да, – произнес он. – Что бы оно там ни было, у нас достаточно огневой мощи, чтобы превратить стаю львов в прозрачный красный туман.

– Огневая мощь вам потребуется. Найдите эту тварь. И уничтожьте.

Пендергаст и Марго заглянули в узкий служебный туннель, ведущий в нижний подвал. Фонарик агента ФБР отбросил светлый крут на черную маслянистую воду внизу.

– Уровень воды повышается, – сказал Пендергаст. И повернулся к Марго: – Думаете, зверь может подняться по этому ходу?

– Почти уверена, – ответила Марго. – Он очень ловкий.

Пендергаст отошел назад и еще раз попытался вызвать д'Агосту по рации.

– Что-то случилось, – сказал он. – Лейтенант не выходил на связь уже пятнадцать минут. С тех пор как они наткнулись на запертую дверь. – Еще раз глянул в туннель, наклонно уходящий в нижний подвал. – Как вы планируете оставить запах, если здесь вода?

– По вашим расчетам, они давно прошли под этим местом, так? – спросила Марго. Агент ФБР кивнул.

– Во время последнего сеанса радиосвязи д'Агоста сказал, что группа между первой и второй развилками. Если они не повернули назад, то находятся уже далеко от этого места.

– Мне кажется, – проговорила Марго, – если бросить в воду несколько волокон, течение принесет их к этому существу.

– Лишь бы у него хватило разума догадаться, что волокна приплыли сверху. В противном случае оно может отправиться за ними вниз по течению.

– Полагаю, существо достаточно разумное, – сказал Фрок. – Не думайте о нем, как о *животном*. Возможно, разумом оно почти не уступает человеку.

Обмотав руку платком, Пендергаст осторожно достал из узла несколько волокон и разбросал у входа в туннель. Еще горсть пустил в воду.

– Поменьше, – предупредил Фрок. Пендергаст поглядел на Марго.

– Добавим еще немного, чтобы создать хороший след, идущий вверх по течению, затем протащим узел обратно к сохранной зоне и подождем. Ваш капкан будет наживлен.

И разбросав еще несколько волокон, крепко завязал узел.

– При такой скорости течения, – сказал он, – они доплывут до существа всего за пару минут. Быстро ли оно может появиться?

– Если данные экстраполятора точны, – ответил Фрок, – это существо способно передвигаться с большой скоростью. Миль тридцать в час, а то и больше, особенно если есть нужда. Потребность же его в этих волокнах, похоже, непреодолима. Оно не сможет передвигаться со всей своей быстротой по этим коридорам – остаточный след будет нелегко отыскивать, – но сомневаюсь, что вода его сильно замедлит. И сохранная зона рядом.

– Понятно, – ответил Пендергаст. – Внушает тревогу. “А кто *сражаться хочет, их воля: пусть воюют!”*[18]

– А, – кивнул Фрок. – Алкей.

Пендергаст покачал головой.

– Анакреонт, доктор. Тронулись?

54

Смитбек светил фонариком, но луч почти не пронизывал кромешную темноту. Д’Агоста, шедший чуть впереди, держал револьвер. Туннель все тянулся, черный поток, по которому они двигались, исчезал в темноте под низким сводом. Либо уклон все не кончался, либо вода прибывала. Она уже доходила до бедер.

Журналист глянул в лицо д’Агосте, угрюмое, мрачное, грубые черты его были измазаны кровью Бейли.

– Не могу идти дальше, – простонал кто-то позади. И Смитбек вновь услышал знакомый голос мэра – голос политика – неизменно ободряющий, утешающий, говорящий всем то, что им хотелось услышать. Он как будто бы и на сей раз возымел действие. Смитбек

украдкой оглянулся на своих упавших духом спутников. На худощавых, увешанных драгоценностями дам в вечерних платьях; бизнесменов средних лет в смокингах; светских молодых людей из банков, занимающихся размещением ценных бумаг, и юридических фирм в центре города. Теперь он знал их всех, даже мысленно дал им прозвища. И вот они, сведенные к наименьшему общему знаменателю, бредут по темному, грязному туннелю, спасаясь от свирепого чудовища.

Смитбек был встревожен, но не терял рассудительности. Он было ощутил миг полнейшего ужаса, осознав, что слухи о Музейном звере оказались истиной. Но теперь, усталый, промокший, он больше боялся умереть, не успев написать свою книгу, чем самой смерти. И задавался вопросом, смелый ли он, жадный или просто глупый. В любом случае он осознавал, что весь этот ужас принесет ему целое состояние.

Никто не сможет так написать об этом, как он, никто больше не сможет рассказывать от первого лица. Притом он был героем. Он, Уильям Смитбек-младший, стоял на страже с фонариком, когда д’Агоста пошел отстреливать замок. Он, Смитбек, додумался запереть фонариком дверь. Он был правой рукой лейтенанта д’Агосты.

– Посвети влево, – нарушил д’Агоста ход мыслей журналиста, и тот немедленно повиновался. Но там ничего не было.

– Показалось, будто в темноте что-то движется, – пробормотал лейтенант.

Господи, подумал Смитбек, дожить бы до того, чтобы насладиться своим успехом.

– Поток становится глубже, или мне кажется? – спросил он.

– И глубже, и *быстрее,* – ответил д’Агоста. – Пендергаст не сказал, в какую сторону двигаться отсюда.

– Не сказал?

Смитбек почувствовал, что внутренности его как будто тоже обратились в воду и потекли…

– Надо было у второй развилки связаться с ним по рации, – сказал лейтенант. – А я потерял ее где-то, не доходя до двери.

О ноги Смитбека плеснула большая волна. Раздались крик и всплеск.

– Ничего, – крикнул мэр, когда Смитбек посветил назад фонариком. – Один человек упал. Течение усиливается.

– Нельзя говорить им, что мы заблудились, – вполголоса сказал журналист лейтенанту.

Марго распахнула дверь в сохранную зону, быстро заглянула внутрь и кивнула Пендергасту. Агент ФБР вошел, волоча за собой узел.

– Закройте его в хранилище вместе с ящиками Уиттлси, – сказал Фрок. – Надо задержать здесь зверя подольше, чтобы успеть запереть за ним дверь.

Пока Марго отпирала хранилище, Пендергаст выводил узлом на полу причудливые узоры. Они положили узел внутрь, закрыли и заперли дверь.

– Быстрее, – сказала Марго. – На ту сторону коридора.

Оставив дверь в сохранную зону открытой, они пересекли коридор и оказались у склада слоновьих костей. Окошко в двери было давно разбито, отверстие закрывал кусок старого картона. Марго отперла дверь ключом Фрока, и Пендергаст ввез ученого внутрь. Настроив фонарик агента ФБР на малую яркость, Марго положила его на выступ над дверью, направив тонкий луч в сторону сохранной зоны. Наконец, проделав в картоне дырочку и глянув последний раз в глубь коридора, вошла внутрь.

Склад был большим, душным. Большинство скелетов было разобрано, и большие темные кости лежали на полках, словно громадные дрова. Один скелет, темная костяная клетка, стоял в дальнем углу, в тусклом свете поблескивали два изогнутых бивня.

Пендергаст закрыл дверь и выключил лампочку на шахтерской каске.

Марго глянула сквозь проделанную в картоне дырочку. Коридор и открытая дверь сохранной зоны были хорошо видны.

– Посмотрите, – сказала она Пендергасту и отошла от двери.

Пендергаст взглянул.

– Превосходно. Лишь бы не сели батарейки фонарика. – Отошел от двери и с любопытством спросил: – Как вы вспомнили об этой комнате?

Марго негромко рассмеялась.

– В среду, когда мы с вами сюда спускались, я обратила внимание на табличку “PACHYOERMAE” и удивилась, как можно протащить череп слона в такую маленькую дверь. – Подалась вперед. – Буду наблюдать в дырочку. Будьте готовы выскочить и запереть это существо в сохранной зоне.

В темноте позади них Фрок откашлялся.

– Мистер Пендергаст?

– Да?

– Простите, что задаю такой вопрос, но насколько вы опытны в обращении с оружием?

– Собственно говоря, – ответил агент ФБР, – до смерти жены я каждую зиму несколько недель охотился на крупную дичь в Восточной Африке. Жена моя была страстной охотницей.

– А, – произнес Фрок. Марго уловила облегчение в его голосе. – Убить это существо будет трудно, но, думаю, все-таки возможно. Я, конечно, не охотник. Однако действуя совместно, мы, пожалуй, сможем прикончить его.

Пендергаст кивнул.

– К сожалению, этот пистолет не внушает мне уверенности. Оружие мощное, но ему далеко до винтовки. Если скажете, где у этого животного могут быть наиболее уязвимые места, то очень поможете мне.

– По данным экстраполятора, – неторопливо заговорил Фрок, – можно предположить, что у этого существа толстые кости. Вы не смогли убить его выстрелом в голову. И выстрел в сердце через плечо или грудь почти наверняка не принесет успеха – помешают массивные кости и мощная мускулатура. Сбоку можно выстрелить под лопатку. Но опять-таки ребра его, видимо, похожи на стальную клетку. И я сомневаюсь, что какие-нибудь жизненно важные органы этого зверя легко уязвимы. Выстрел в брюхо может в конце концов привести к смерти, но до этого зверь свершит свою месть.

– Слабое утешение, – сказал Пендергаст. Фрок беспокойно заворочался в темноте.

– Таким образом, положение у нас не из легких.

Наступило недолгое молчание.

– Возможно, способ все-таки существует, – сказал наконец агент ФБР.

– Какой же? – с нетерпением спросил Фрок.

– Несколько лет назад мы с женой охотились на антилоп гуиб в Танзании. Охотиться предпочитали одни, без оруженосцев, и единственным оружием у нас были винтовки калибра тридцать-тридцать. Мы находились в легком укрытии возле реки, и на нас бросился черный буйвол. Видимо, его несколько дней назад ранил какой-то браконьер. Эти буйволы никогда не забывают телесных повреждений, а один человек с ружьем очень похож на другого.

Сидя в тусклом свете в ожидании появления кошмарного существа, слушая охотничью историю Пендергаста, излагаемую в характерной для него неторопливой манере. Марго ощутила, как ее охватывает чувство нереальности происходящего.

– Обычно при охоте на буйволов, – рассказывал Пендергаст, – целятся под основание рогов или в сердце. Калибр тридцать-тридцать для этого маловат. Моя жена стреляла более метко, чем я, и прибегла к единственной в данном положении тактике: встала на колено и стала стрелять так, чтобы свалить его.

– Свалить?

– В этом случае стараются не убить животное, а остановить его движение вперед. Целятся в передние ноги, бабки, колени, чтобы раздробить максимальное количество костей, пока оно не потеряет способности двигаться.

– Понимаю, – сказал Фрок.

– В такой тактике есть только одна проблема.

– Какая же?

– Нужно быть превосходным стрелком. Точность попадания – это все. Нужно оставаться совершенно спокойным, не дышать, нажимать на спуск в промежутке между ударами сердца – и это при виде мчащегося на тебя животного. У каждого из нас было время для четырех выстрелов. Я совершил ошибку, прицелившись в грудь, и израсходовал два патрона, а потом осознал, что пули просто застревают в мышцах. Тогда я стал целиться в ноги. Одна пуля прошла мимо, другая попала в цель, но не раздробила кости. – Он покачал головой. – Боюсь, хвастаться тут нечем.

– И чем же это кончилось? – спросил Фрок.

– Жена попала в цель трижды. Повредила обе передние плюсны и перебила переднюю ногу выше колена. Буйвол покатился и замер в нескольких ярдах от нас. Он был еще жив, но не мог двигаться. И я “оплатил страховку”, как выражаются профессиональные охотники.

– Жаль, что вашей жены нет здесь, – сказал Фрок.

Пендергаст умолк.

– Мне тоже, – произнес он наконец. В комнате воцарилась тишина.

– Отлично, – нарушил молчание Фрок. – Я понял, в чем проблема. Этот зверь обладает некоторыми необычными свойствами, о которых вам следует знать, если собираетесь... э... свалить его. Во-первых, задняя часть тела скорее всего покрыта костяными пластинками или

чешуйками. Сомневаюсь, что из вашего пистолета их можно пробить. Думаю, этот панцирь покрывает лапы до самых плюсен.

– Понятно.

– Придется целиться в первую или вторую фалангу.

– В самые нижние кости, – сказал Пендергаст.

– Да. Они будут соответствовать бабкам лошади. Как раз под нижним суставом. Собственно, и сустав может быть уязвим.

– Сложно, – откликнулся Пендергаст. – Практически невозможно попасть, если существо будет обращено ко мне грудью.

Наступило краткое молчание. Марго продолжала наблюдать в дырочку, но не видела ничего.

– Полагаю, передние конечности этого существа более уязвимы, – продолжал Фрок. – Экстраполятор описывает их как менее сильные.

– Попасть в эти места нелегко, – кивнул Пендергаст. – Сколько ран нужно нанести этому существу, чтобы лишить его подвижности?

– Трудно сказать. Перебить обе передние лапы и по крайней мере одну заднюю. Но и тут оно сможет ползти. – Фрок закашлялся. – Вы сможете это сделать?

– Чтобы иметь такую возможность, мне нужно расстояние по меньшей мере сто пятьдесят футов, если это существо будет нападать. В идеале надо было бы сделать первый выстрел, когда оно ничего не ожидает. Это бы замедлило его движение.

Фрок ненадолго задумался.

– В музее есть несколько прямых коридоров длиной триста – четыреста футов. К сожалению, большинство их сейчас разделено этими чертовыми стальными дверями. Однако думаю, что во второй секции есть по крайней мере один неразделенный коридор. На первом этаже, в восемнадцатой зоне, за углом компьютерного зала.

Пендергаст кивнул.

– Запомню. На тот случай, если этот план провалится.

– Я что-то слышу! – прошептала Марго. Они замолчали. Пендергаст подошел поближе к двери.

– В конце коридора только что мелькнула какая-то тень, – прошептала девушка. Вновь наступило долгое молчание.

– Оно здесь, – еле слышно произнесла Марго. – Я вижу его. – Потом еще тише: – О Господи!

Пендергаст проговорил ей на ухо:

– Отойдите от двери.

Марго попятилась, едва смея дышать. Прошептала:

– Что оно делает?

– Остановилось перед дверью в сохранную зону, – тихо ответил Пендергаст. – Зашло туда на миг, потом очень быстро вышло. Озирается, нюхает воздух.

– Как оно выглядит? – нетерпеливо спросил Фрок.

Чуть помедлив, Пендергаст заговорил:

– На сей раз я вижу его лучше. Крупное, массивное. Подождите, существо поворачивается сюда... Господи, кошмарное зрелище, это... Плоская морда, маленькие красные глаза. Верхняя часть тела покрыта редкой шерстью. Похоже на статуэтку точь-в-точь. Подождите... постойте... оно направляется к нам.

Марго внезапно осознала, что пятится к задней стене. Сквозь дверь до них донеслось сопение. Потом проник смрад. В кромешной темноте она бесшумно опустилась на пол, отверстие в картоне мерцало словно звезда. Фонарик Пендергаста светил слабо. *Звездный, свет*... В голове у Марго возникла одна мысль.

Потом на отверстие в картоне упала тень, и все погрузилось во тьму.

От легкого удара по двери старое дерево заскрипело. Защелкала дверная ручка. Стояла тишина, слышалось только, как снаружи двигается что-то грузное, и потрескивание, когда существо всем телом наваливалось на дверь.

Марго внезапно поняла, что нужно делать.

– Пендергаст, – выпалила она, – включите шахтерскую лампочку! Направьте луч на зверя!

– Зачем?

– Он ведь ночной, помните? И возможно, не переносит света.

– Верно! – воскликнул Фрок.

– Оставайтесь на месте! – приказал Пендергаст. Марго услышала легкий щелчок, и яркий свет шахтерской лампочки на миг ее ослепил. Когда

зрение вернулось, она увидела, что Пендергаст стоит на одном колене, целясь в яркий кружок света посередине двери.

Треск усилился, и Марго увидела, как в верхней части появилась щель, полетели щепки. Дверь прогнулась под напором массивного корпуса зверя.

Пендергаст застыл, глядя вдоль наведенного ствола.

Снова жуткий треск, сломанная дверь распахнулась и неистово закачалась на петлях. Марго так вжалась в стену, что захрустел позвоночник. Услышала, как в изумлении и страхе вскрикнул Фрок. Залитое ярким светом в дверном проеме чудовище готовилось к прыжку: потом с внезапным горловым рыком оно потрясло головой и попятилось.

– Не двигайтесь, – приказал Пендергаст. Отодвинул ногой разломанную дверь и осторожно вышел в коридор. Марго услышала выстрел, затем другой. Наступила тишина. Спустя, казалось, целую вечность, Пендергаст возвратился и поманил обоих наружу. По коридору за угол тянулись мелкие красные точки.

– Кровь! – с кряхтением нагнувшись, сказал Фрок. – Значит, вы его ранили! Агент ФБР пожал плечами.

– Возможно. Но эти капельки ведут от входа в нижний подвал. Понимаете? Значит, лейтенант д’Агоста или кто-то из его людей зацепили зверя, но не покалечили. Он умчался с поразительной скоростью.

Марго поглядела на Фрока.

– Почему он не пошел на приманку?

– Это существо обладает исключительным разумом, – произнес ученый.

– Хотите сказать, оно догадалось о нашей западне? – спросил Пендергаст с ноткой удивления в голосе.

– Позвольте задать вам вопрос. Вы попались бы в такую западню?

Агент ФБР помолчал.

– Вряд ли, – ответил он в конце концов.

– Вот видите, – сказал Фрок. – Мы недооцениваем это существо. *Необходимо* перестать видеть в нем всего лишь животное. Его разум не уступает человеческому. Я правильно понял, что труп, обнаруженный на выставке, был спрятан? Существо понимало, что за ним охотятся. И, видимо, научилось прятать добычу. К тому же… – Ученый

заколебался. – Думаю, теперь им движет не только голод. Возможно, зверь уже насытился тем, что съел. Но он еще и ранен. Если ваша аналогия с черным буйволом верна, это существо не только голодное, но и обозленное до крайности.

– Значит, вы думаете, оно отправилось на охоту, – негромко сказал Пендергаст.

Фрок замер. Потом едва заметно кивнул.

– На кого же оно теперь охотится? – спросила Марго.

Мужчины не ответили.

55

Катберт снова проверил дверь. Она была заперта и тверда, как скала. Включил фонарик и посветил в сторону Райта, тот сидел в кресле, угрюмо опустив голову. Катберт выключил свет. В комнате стоял запах виски. Слышно было, как дождь барабанит по зарешеченному окну.

– Что будем делать с Райтом? – негромко спросил он.

– Не беспокойся, – жестко ответила Рикмен. – Скажем журналистам, что он заболел, и отправим его в больницу, назначим на завтра пресс-конференцию...

– Я говорю не о том, что мы предпримем, когда *выйдем* отсюда. А о том, что с ним делать *сейчас*. Если зверь появится здесь.

– Пожалуйста, Иен, кончай эти разговоры. Мне страшно. Я не могу себе этого представить. Насколько можно судить, животное прожило в подвале несколько лет. С какой стати ему подниматься сюда сейчас?

– Не знаю, – ответил Катберт. – Именно это меня и беспокоит.

Он в очередной раз заглянул в барабан. Пять патронов. Подошел к Райту, потряс его за плечо.

– Уинстон?

– Ты еще здесь? – спросил директор, подняв мутный взгляд.

– Уинстон, иди с Лавинией в зал динозавров. Ступай.

Райт сбросил с плеча его руку.

– Мне и тут хорошо. Пожалуй, я промочу горло.

– Ну и черт с тобой, – сказал Катберт. И сел в кресло.

От двери донеслось отрывистое пощелкивание, словно кто-то повернул и отпустил ручку.

Катберт подскочил с пистолетом в руке. Подошел вплотную к двери и прислушался.

– Я что-то слышал, – негромко сказал он. – Лавиния, отправляйся в зал динозавров.

– Боюсь, – прошептала та. – Пожалуйста, не заставляй меня идти туда одну.

– Делай, что сказано.

Рикмен подошла к дальней двери и открыла ее. Заколебалась.

– Быстро.

– Иен... – взмолилась Рикмен. За ее спиной виднелись маячившие в темноте огромные скелеты. Большие черные ребра и зияющие ряды зубов внезапно осветила яркая молния.

– Черт тебя побери, женщина, иди туда.

Катберт снова повернулся к двери, прислушался. О нее терлось что-то мягкое. Он подался вперед, прижался ухом к гладкой древесине. Может, это *ветер?*

Внезапный удар в дверь с огромной силой отбросил его в комнату. В зале динозавров завопила Рикмен.

Райт, пошатываясь, встал.

– Что это было?

У Катберта в голове звенело. Он поднял с пола пистолет, с трудом встал и бросился в дальний угол.

– Иди в зал динозавров! – крикнул он Райту. Райт грузно привалился к креслу.

– Чем это так отвратительно пахнет?

Очередной неистовый удар по двери, треск дерева прозвучал, как выстрел. Катберт в ответ машинально нажал на спуск, и пистолет выстрелил. С потолка посыпалась пыль. Он тут же опустил оружие, руки затряслись. *Глупо, истратил патрон.* Черт возьми, увы, он плохо разбирается в пистолетах. Попытался прицелиться, но руки дрожали уже неудержимо. Успокойся, подумал он. Сделай *несколько глубоких вдохов. Целься в какое-нибудь жизненно важное место. Четыре патрона.*

В кабинете постепенно снова воцарилась тишина. Райт стоял у кресла, словно примерз.

– Уинстон, идиот! – прошипел Катберт. – Ступай в зал!

– Раз ты так хочешь, – ответил Райт и зашаркал к двери. Казалось, в конце концов он испугался так, что еле мог двигаться.

Потом Катберт опять услышал тот негромкий звук, и древесина застонала. Существо надавило на дверь. Вновь послышалось жуткое *кра-ак,* и дверь проломилась, кусок дерева, вертясь, влетел в комнату. Стол рухнул. В дыру просунулись три когтя и ухватились за обломанный край двери. С треском утащили остаток ее в коридор, и Катберт увидел в проеме темный силуэт.

Райт, шатаясь, ввалился в зал динозавров и чуть не сбил с ног Рикмен, которая появилась в двери, давясь слезами.

– Стреляй, Иен, пожалуйста, по*жалуйста,* убей его! – завопила она.

Катберт выжидал, прицелившись. Задержал дыхание. *Четыре патрона.*

Командир спецназовцев двигался по крыше. Силуэт его на фоне темно-синего неба выглядел кошачьим. Оператор с улицы направлял его. Коффи стоял в брезентовой накидке рядом с оператором. Оба держали в руках прорезиненные непромокаемые рации.

– Контрольный пост первому, еще пять футов на восток, – произнес оператор в рацию, глядя на крышу в закрепленный телескоп. – Вы почти на месте.

И поглядел на музейные синьки, лежащие на столе под плексигласовым листом. Маршрут спецназа был отмечен красным.

Темный силуэт осторожно пробирался по наклонной крыше, вокруг мерцали огни северного Вест-сайда; внизу тек Гудзон, мигали огни машин “скорой помощи”, высотные жилые дома стояли вдоль Риверсайд-драйв рядами светящихся кристаллов.

– Готово, – сказал оператор. – Первый, вы на месте.

Коффи видел, как командир опустился на колени и ловко, бесшумно стал устанавливать заряды взрывчатки. Группа ожидала ярдах в ста позади, медики находились непосредственно за ней. На улице завыла сирена.

– Установлены, – сообщил командир. Встал и осторожно пошел обратно, разматывая провод.

– Будете готовы – взрывайте, – скомандовал Коффи.

Все на крыше легли. Сверкнула вспышка, через секунду до Коффи донесся резкий хлопок. Командир чуть подождал и пошел к месту взрыва.

– Первый контрольному посту, отверстие есть.

– Действуйте, – разрешил Коффи.

Спецназовцы спустились в отверстие, медики за ними.

– Мы внутри, – послышался голос командира. – В коридоре пятого этажа, действуем, как рекомендовано.

Коффи с нетерпением ждал. Взглянул на часы: десять пятнадцать. Прошло полтора часа, самых долгих в его жизни. Перед глазами, не давая покоя, вставало видение мертвого, распотрошенного мэра.

– Мы у стальной двери третьей секции, пятый этаж, зона четырнадцатая. Готовы устанавливать заряды.

– Действуйте, – сказал Коффи.

От д'Агосты и его группы не было вестей уже больше получаса. Господи, случись что с мэром, никто не станет разбираться, чья это, собственно, вина. Все свалят на Коффи. Такой уж в этом городе порядок. Он так долго добивался нынешней должности, был так осторожен, а теперь эти гады губят его карьеру. Все вина Пендергаста. Если б этот сукин сын не принялся мутить воду на чужой территории…

– Заряды установлены.

– Будете готовы – взрывайте, – снова произнес Коффи. Дров наломал не он, а Пендергаст. Сам он только вчера принял руководство. Может, его все-таки не станут винить? Особенно если Пендергаста рядом не будет. Этот сукин сын с его языком от всего отвертится.

Долгая тишина. Взрыва не было слышно, Коффи торчал под дождем в мокрой накидке.

– Первый контрольному посту, у нас порядок, – сообщил командир.

– Действуйте. Проникните внутрь и убейте эту тварь.

– Как уже говорилось, сэр, в первую очередь мы обязаны эвакуировать раненых, – твердо ответил командир.

– Знаю! Только побыстрее, ради Бога!

Коффи со злостью нажал кнопку, отключая передатчик.

Командир вышел из лестничного колодца, осторожно огляделся и жестом велел группе следовать за собой. Одна за другой стали

появляться темные фигуры, противогазы спасателей были сдвинуты высоко на лоб, комбинезоны сливались с темнотой, штыки на винтовках М-16 были примкнуты. Замыкавший цепочку коренастый спецназовец нес сорокамиллиметровый шестизарядный гранатомет.

– Дошли до четвертого этажа, – доложил командир контрольному посту. – Устанавливаем инфракрасный маяк. Зал гиббоновых обезьян прямо перед нами.

Оператор заговорил:

– Углубитесь в зал на семьдесят футов, потом сверните на запад, через двадцать футов будет дверь.

Командир достал из-за пояса черный ящичек и нажал кнопку. Из ящичка вырвался тонкий красный лазерный луч. Командир водил лучом, пока не определил нужное расстояние. Затем пошел вперед и повторил процедуру, светя лазером в сторону западной стены.

– Первый контрольному посту. Вижу дверь.

– Хорошо. Действуйте.

Командир направился к двери, поманив бойцов за собой.

– Дверь заперта. Устанавливаю заряды. Быстро прикрепив два маленьких бруска пластиковой взрывчатки возле ручки двери, они отступили, разматывая провод.

– Заряды установлены.

Негромкое *бах* – и дверь распахнулась.

– Люк должен находиться прямо перед вами, в центре склада, – сказал оператор.

Отодвинув несколько предметов, командир и его люди обнажили крышку люка. Командир открыл запоры, ухватился за железное кольцо и потянул вверх. Снизу в отверстие устремился застоявшийся воздух. Командир нагнулся над люком. Внизу, в Райском зале, было тихо.

– Люк открыт, – сообщил он по рации. – Кажется, опасности нет.

– Отлично, – послышался голос Коффи. – Выставьте в зале охрану. Спускайте медиков и эвакуируйте раненых, быстро.

– Вас понял. Заговорил оператор:

– Уберите панель посередине северной стены. Под ней обнаружите восьмидюймовую балку. Крепите за нее веревки.

– Ясно.

– Осторожнее. Высота шестьдесят футов.

Спецназовцы быстро сняли панель, закрепили вокруг балки две цепи, блок и тали. Крюками к одной из цепей была прикреплена веревочная лестница и спущена вниз. Командир снова нагнулся над люком и посветил в темный зал мощным фонариком.

– Говорит первый. Внизу несколько тел.

– Есть какие-нибудь признаки этой твари? – спросил Коффи.

– Нет. Трупов десять – двенадцать, возможно, больше. Лестница спущена.

– Чего ждете?

Командир повернулся к медикам.

– Когда все будет готово, подадим сигнал. Первым делом опускайте складные носилки. Будем поднимать трупы по одному.

И начал спуск, раскачиваясь в громадном пустом пространстве. Члены группы последовали за ним. Двое приготовились, если потребуется, открыть огонь на поражение, двое других установили штативы с гроздьями галогеновых ламп, подсоединили их к спущенным на веревках переносным генераторам. Вскоре центр зала был залит светом.

– Охранять все входы и выходы! – крикнул командир. – Медики, спускайтесь!

– Докладывайте! – донесся из рации голос Коффи.

– Зал под охраной, – ответил командир. – Никаких признаков никакого животного. Медики спускаются.

– Хорошо. Вам нужно будет найти эту тварь, уничтожить ее и установить, где находится группа мэра. Мы полагаем, они спустились по служебной лестнице.

– Понял вас, – сказал командир. Когда жужжание рации командира смолкло, он услышал приглушенный выстрел, этот звук нельзя было спутать ни с каким другим.

– Первый контрольному посту, мы только что слышали пистолетный выстрел. Звук шел как будто сверху.

– Так отправляйтесь туда, черт возьми! – заорал Коффи. – Берите людей и отправляйтесь! Командир повернулся к своим людям.

– Так. Второй и третий, несите охрану здесь. Возьмите гранатомет. Остальные за мной.

56

Липкая вода плескалась уже возле талии Смитбека. Сохранять равновесие было неимоверно тяжко. Ноги давно онемели, он дрожал.

– Вода поднимается чертовски быстро, – заметил д’Агоста.

– Думаю, опасаться этой твари уже не нужно, – с надеждой произнес Смитбек.

– Пожалуй. Знаешь, – неторопливо заговорил лейтенант, – ты хорошо придумал запереть дверь фонариком. Насколько я понимаю, всем нам спас жизнь.

– Спасибо, – отозвался Смитбек. Дагоста нравился ему все больше и больше.

– Оставь, – сказал сквозь шум воды лейтенант. И обернувшись к мэру, спросил: – Ни с кем ничего не случилось?

Вид у мэра был усталый.

– Положение опасное. Люди крайне утомлены, кое-кто в шоке. – Он пытливо поглядел на лейтенанта и журналиста. – Теперь в какую сторону?

Д’Агоста заколебался.

– Ничего определенного сказать не могу, – ответил он наконец. – Для начала мы со Смитбеком проверим правое ответвление.

Мэр оглянулся на группу, затем подошел поближе к д’Агосте.

– Послушайте, – негромко заговорил он просительным тоном. – Я знаю, что вы заблудились. Вызнаете, что заблудились. Но если остальные узнают об этом, вряд ли мы заставим их идти дальше. Здесь очень холодно, вода прибывает. Может, пойдем туда все вместе? Другого выхода все равно нет. Даже если захотим вернуться обратно, половина этих людей не сможет идти против течения.

Д’Агоста поглядел на мэра.

– Ладно, – согласился он наконец. Затем повернулся к группе и повысил голос: – Слушайте внимательно. Мы пойдем в правый туннель. Все возьмитесь за руки, образуйте цепочку. Держитесь крепко. Прижимайтесь к стене – течение посередине потока становится очень сильным. Если кто поскользнется, кричите, но рук не разжимайте ни в коем случае. Все поняли? Пошли.

Темное существо неторопливо входило в дверной проем, мягко ступая по обломкам. Катберт ощутил покалывание в ногах. Хотел выстрелить, но руки отказывались повиноваться.

– Уйди, пожалуйста, – сказал он так спокойно, что сам удивился.

Существо внезапно остановилось и поглядело на него в упор. Катберт видел в тусклом свете только громадный мощный силуэт и маленькие красные глаза. Взгляд их, как ни странно, казался осмысленным.

– Не трогай меня, – взмолился Катберт. Существо не шевельнулось.

– У меня пистолет, – прошептал Катберт. И тщательно прицелился. – Если уйдешь, не выстрелю, – негромко сказал он.

Существо медленно отодвинулось, держа голову повернутой к нему. Потом внезапным быстрым движением скрылось.

Катберт в ужасе попятился, его фонарик покатился по полу. Он резко повернулся. Все было тихо. Смрад заполнял комнату. Внезапно Катберт осознал, что входит в зал динозавров и захлопывает за собой дверь.

– Ключ! – крикнул он. – Лавиния, ради Бога! Лихорадочно оглядел темный зал. Перед ним в центре поднимался на дыбы громадный тиранозавр. Напротив тиранозавра стоял, нагнув голову, трицератопс, его громадные черные рога блестели в тусклом свете.

Катберт услышал всхлипы, потом почувствовал, как ему в руку вложили ключ. Быстро запер дверь в кабинет директора.

– Идем, – сказал он, уводя Рикмен от двери мимо когтистой лапы тиранозавра. Они уходили все глубже в темноту. Внезапно Катберт оттащил свою спутницу в сторону и усадил на корточки. Вгляделся во мрак, все чувства его были напряжены. В зале динозавров мелового периода стояла мертвая тишина. Не слышалось даже шума дождя. Свет туда проникал только через ряд высоко расположенных окон.

Их окружали скелеты маленьких струтиомимусов, расположенных оборонительным полукругом перед чудовищным скелетом плотоядного дриптозавра, череп его был опущен, челюсти раскрыты, громадные когти вытянуты. Катберта всегда привлекали громадные размеры этого зала и драматизм экспозиции, но теперь они внушали ему страх. Теперь он знал, что это такое, когда на тебя охотятся.

Вход в зал за их спинами закрывала толстая стальная дверь.

– Где Уинстон? – прошептал Катберт, пристально глядя сквозь скелет дриптозавра.

– Не знаю, – простонала Рикмен, стискивая его руку. – Ты убил это существо?

– Промахнулся, – прошептал он. – Пусти, пожалуйста. Не мешай целиться.

Рикмен разжала пальцы, потом задом заползла в промежуток между скелетами струтиомимусов и со сдавленным всхлипом свернулась в клубок.

– Тише! – прошипел Катберт.

В зале снова воцарилась полная тишина. Катберт огляделся, пристально рассматривая тени. Он надеялся, что Райт нашел укрытие в одном из многочисленных темных углов.

– Иен? – послышался приглушенный голос. – Лавиния?

Катберт обернулся и, к своему ужасу, увидел, что Райт стоит, привалясь к хвосту стегозавра. Директор пошатнулся, но вновь обрел равновесие.

– Уинстон! – прошипел Катберт. – Спрячься! Однако Райт нетвердым шагом направился к ним.

– Это ты, Иен? – с недоумением спросил он. Остановившись, привалился на миг к углу витрины. Объявил: – Меня тошнит.

Неожиданно по огромному залу раскатился грохот. Затем еще. Катберт увидел, как дверь директорского кабинета в одно мгновение превратилась в рваную дыру. Появился темный силуэт. Рикмен завопила и закрыла руками голову. Сквозь кости скелета Катберт увидел, как существо быстро движется по свободному пространству. *Прямо ко мне,* подумал он, но оно внезапно свернуло к темной фигуре Райта. Две тени слились. Влажный хруст, вопль – и наступила тишина. Катберт поднял пистолет и стал целиться сквозь ребра ящера.

Силуэт поднялся, держа что-то в пасти, слегка потряс головой, затем издал всасывающий звук. Катберт закрыл глаза и нажал на спусковой крючок.

Пистолет дернулся, раздались выстрел и громкий стук. Катберт увидел, что дриптозавр лишился части одного из ребер. Позади него, ловя ртом воздух, стонала Рикмен.

Темный силуэт существа исчез.

Прошло несколько секунд, Катберт чувствовал, что начинает сходить с ума. Потом в окне сверкнула вспышка молнии, осветив зал, и он явственно увидел, как зверь двигается вдоль ближайшей стены прямо к нему, не сводя красных глаз с его лица.

Он повернул ствол пистолета и принялся безудержно нажимать на спуск. Трижды белые вспышки выхватывали из темноты стенды с темными черепами, зубами, когтями – настоящее чудовище внезапно затерялось в дебрях свирепых вымерших существ. Затем боек пистолета щелкнул впустую.

Словно в полузабытом сне до Катберта донесся звук человеческих голосов из бывшей лаборатории Райта. И внезапно, не обращая внимания, он со всех ног понесся через выломанную дверь, через кабинет в темный коридор. Катберт слышал собственные вопли, потом в лицо ему ударил луч фонарика, кто-то схватил его и прижал к стене.

– Успокойся, ты цел! Смотри, на нем кровь!

– Отбери у него пистолет, – послышался другой голос.

– Это он нам нужен?

– Нет, сказали – животное. Но лучше не рисковать.

– Кончай вырываться!

Из горла Катберта вырвался новый вопль.

– Оно там! – закричал он. – Оно убьет вас всех! Оно знает, это видно по глазам!

– Что знает?

Оставь его, он бредит.

Катберт внезапно обмяк. Подошел командир.

– Есть там еще кто-нибудь? – спросил он, тряся за плечо Катберта.

– Да, – ответил наконец Катберт. – Райт. Рикмен.

Командир вскинул голову.

– Уинстон Райт? Директор музея? В таком случае вы доктор Катберт. Где Райт?

– Оно ело его, – ответил Катберт, – ело мозг. Ело, ело... Это в зале динозавров, проход здесь, через лабораторию.

– Отведите в Райский зал, пусть медики его эвакуируют, – приказал командир двум членам группы. – Вы трое, со мной. Быстро. – Поднял рацию. – Первый контрольному посту. Мы нашли Катберта и отправляем наружу.

– Они в лаборатории, вот здесь, – сказал оператор, указывая место на плане. После того как группа проникла в музей, он и Коффи ушли из-под дождя в фургон связи.

– В лаборатории чисто, – послышался из рации монотонный голос командира. – Направляемся в зал динозавров. Вторая дверь тоже разбита.

– Прикончите эту тварь! – закричал Коффи. – Только не убейте доктора Райта. И держите один диапазон включенным. Я хочу все слышать!

Коффи напряженно ждал, из приемника доносилось только легкое шипение и потрескивание атмосферных помех. Раздались позвякивание оружия и несколько шепотков.

– Чувствуете запах?

Коффи подался к приемнику. Они почти на месте. Ухватился за край стола.

– Да, – ответил чей-то голос. Раздалось пощелкивание.

– Погасите свет и стойте в тени. Седьмой, возьми под прицел левую часть этого скелета. Третий, иди прямо. Четвертый, встань спиной к стене, держи под прицелом дальний сектор.

Долгая тишина. Коффи слышал только прерывистое дыхание и легкие шаги.

Внезапно раздался громкий шепот:

– Четвертый, смотри, здесь труп!

У Коффи свело желудок.

– Без головы, – услышал он. – Веселенькое дело.

– Вот еще один, – донесся шепот. – Видишь? Там, среди скелетов динозавров.

Снова позвякивание и щелканье оружия, снова тяжелое дыхание.

– Седьмой, прикрывай нас. Другого выхода здесь нет.

– Возможно, оно еще здесь, – прошептал кто-то.

– Четвертый, дальше не ходи.

Костяшки пальцев Коффи побелели. Почему они, черт возьми, с ним не разделаются? Бабы. Снова металлическое пощелкивание.

– *Что-то движется! Вон там!*

Крик был таким громким, что Коффи подскочил, потом автоматные очереди сменились атмосферными помехами – частота оказалась перегруженной.

– Черт, черт, черт, – принялся твердить Коффи. Потом на миг до него донесся вопль, и снова пошло потрескивание: размеренная дробь пулемета, тишина. Какое-то позвякивание – что это? Падают на мраморный пол разбитые кости динозавров?

У Коффи камень свалился с души. Что бы то ни была за тварь, с ней покончено. При такой огневой мощи ничто не могло бы остаться в живых. Агент ФБР с облегчением опустился в кресло.

– *Четвертый! Хоскинс! Ах ты ж!* – послышался крик командира. Внезапно его заглушило стаккато очереди, потом снова что-то загудело. Атмосферные помехи? Или вопли?

Коффи подскочил и повернулся к стоявшему позади агенту. Открыл рот, собираясь заговорить, но не смог произнести ни слова. И прочел в глазах агента собственный ужас.

– Первый! – закричал он в микрофон. – Первый! Слышите меня?

Ничего, кроме атмосферных помех.

– Отвечайте, командир! Слышите меня? Кто-нибудь!

Он в бешенстве включил диапазон группы в Райском зале.

– Сэр, мы убираем последние трупы, – раздался голос спасателя. – Доктора Катберта эвакуировали на крышу. Сверху только что доносилась стрельба. Придется еще кого-то эвакуировать?..

– Убирайтесь оттуда! – заорал Коффи. – Ко всем чертям! Втяните за собой лестницу!

– Сэр, но как же остальная часть группы? Мы не можем оставить этих людей...

– Они убиты! Понятно? Это приказ!

Он бросил рацию и откинулся на спинку кресла, уставившись в окно. К зданию музея медленно подъезжал катафалк.

Кто-то похлопал его по плечу.

– Сэр, агент Пендергаст хочет поговорить с вами.

Коффи медленно покачал головой.

– Нет. Не хочу говорить с этим ублюдком, понял?

– Сэр, он…

– Слышать больше о нем не хочу.

В заднюю дверь вошел еще один агент в промокшем костюме.

– Сэр, поступают трупы.

– Какие?

– Из Райского зала. Семнадцать трупов, выживших нет.

– А Катберт? Тот, кого вывели из лаборатории? Он уже здесь?

– Его только что спустили на улицу.

– Я хочу поговорить с ним.

Коффи вышел из фургона и побежал мимо машин “скорой помощи”, в голове билась единственная мысль: как могла группа спецназа так оплошать?

Появились двое медиков с носилками.

– Вы Катберт? – спросил Коффи неподвижно лежавшего на них человека.

Человек рассеянно поглядел вокруг. Мимо Коффи протиснулся врач, разрезал рубашку Катберта, потом осмотрел его лицо, глаза.

– У вас тут кровь, – сказал он. – Вы ранены?

– Не знаю, – ответил Катберт.

– Дыхание тридцать, пульс сто двадцать, – сказал медик.

– Как себя чувствуете? – спросил врач. – Это ваша кровь?

– Не знаю.

Врач быстро взглянул на ноги Катберта, ощупал их, нижнюю часть живота, осмотрел шею. И повернулся к санитару.

– Везите его на обследование.

– Катберт! – крикнул Коффи, труся рысцой рядом с носилками. – Вы видели его?

– Его? – повторил Катберт.

– Это треклятое чудовище!

– Оно знает, – сказал Катберт.

– Что знает?

– Оно знает, что происходит, оно точно знает, что творится.

– Как это понять, черт возьми?

– Оно ненавидит нас, – продолжал Катберт. Когда санитары распахнули дверь одной из машин “скорой помощи”, Коффи закричал:

– Как оно выглядит?

– У него была печаль в глазах, – ответил Катберт. – Бесконечная печаль.

– Спятил, – произнес Коффи, ни к кому не обращаясь.

– Убить его вы не сможете, – договорил Катберт со спокойной уверенностью. Дверь захлопнулась.

– Черта с два не смогу! – закричал Коффи вслед удаляющейся машине. – Фиг тебе, Катберт! *Черта с два не смогу!*

57

Пендергаст опустил рацию и взглянул на Марго.

– Чудовище только что убило большую часть группы спецназа. Кажется, и доктора Райта. Коффи отозвал остальных и не хочет со мной разговаривать. Похоже, решил, что во всем виноват я.

– Он *должен* выслушать! – выкрикнул Фрок. – Мы теперь знаем, что делать. Им нужно только прийти сюда с прожекторами!

– Я понимаю, что происходит, – сказал Пендергаст. – Коффи наворотил дел, а теперь ищет козлов отпущения. Надеяться на его помощь нельзя.

– Господи, – сказала Марго. – Доктор Райт... – Прижала руку ко рту. – Если бы мой план сработал, если бы я тщательно все продумала, может, все эти люди были бы живы.

– А может, лейтенант д’Агоста, мэр и все, кто с ними внизу, были бы мертвы, – возразил Пендергаст. Выглянул в коридор. – Полагаю, теперь мой долг вывести вас отсюда. Может, нам воспользоваться маршрутом, который я предлагал д’Агосте?

Потом он глянул на Фрока.

– Нет. Пожалуй, ничего не получится.

– Идите! – воскликнул Фрок. – Не задерживайтесь тут из-за меня!

Пендергаст чуть улыбнулся.

– Доктор, причина не в вас. Ненастная погода. Вы знаете, как затопляет нижний подвал во время дождя. Я слышал, кто-то говорил по полицейской рации, что за последний час дождь достиг муссонной силы. Бросая волокна в нижний подвал, я заметил, что поток был как минимум глубиной два фута и вода быстро текла на восток. Значит, туда есть сток из реки. Теперь мы не сможем спуститься, даже если захотим. – Пендергаст приподнял брови. – Если д'Агоста с людьми еще не выбрался оттуда – дело плохо.

Агент повернулся к Марго.

– Пожалуй, лучше всего было бы вам обоим остаться в сохранной зоне. Мы знаем, что это существо не в силах прорваться сквозь укрепленную дверь. Через пару часов свет непременно дадут. По-моему, еще несколько человек находятся в дежурной части и компьютерном зале. Они могут оказаться в опасности. Оба эти помещения находятся возле длинного не перекрытого коридора. Если вы оба останетесь здесь, в безопасности, я могу для разнообразия поохотиться на чудовище.

– Нет, – сказала Марго. – В одиночку вы не сможете.

– Может быть, и нет, мисс Грин, но хотелось бы сделать попытку.

– Я иду с вами, – решительно сказала она.

– Прошу прощения.

Пендергаст в выжидательной позе встал у двери в сохранную зону.

– Это существо обладает высокоразвитым разумом, – сказала Марго. – Идти против него одному вам нельзя. Если это из-за того, что я женщина...

На лице Пендергаста появилось выражение удивления.

– Мисс Грин, я потрясен тем, что вы столь низкого мнения обо мне. Дело в том, что вам не приходилось бывать в подобной ситуации, без оружия вы ничего не сможете поделать.

Марго воинственно поглядела на него.

– Я спасла вас советом включить шахтерскую лампочку, – возразила она с вызовом. Агент ФБР приподнял бровь. Фрок сказал из темноты:

– Пендергаст, оставьте это нелепое южное джентльменство. Возьмите ее.

Пендергаст повернулся к ученому.

– Доктор, вы уверены, что сможете спокойно остаться в одиночестве? Мне придется забрать и фонарик, и шахтерскую каску.

– Разумеется! – Фрок махнул рукой. – Отдохну после всех этих треволнений.

Пендергаст еще немного поколебался, затем улыбнулся.

– Отлично. Марго, заприте доктора в сохранной зоне, возьмите его ключи, остатки моего пиджака, и пойдемте.

Смитбек яростно потряс фонарик. Свет замигал, на миг стал ярче, потом снова потускнел.

– Если батарейка сядет, – сказал д'Агоста, – нам придется туго. Выключи его: будем включать время от времени, чтобы видеть, куда двигаемся.

Они брели в темноте под шум текущей воды, дыша спертым воздухом. Смитбек шел первым: за ним д'Агоста, он держал журналиста за руку, почти совсем онемевшую, как и все тело.

Внезапно Смитбек насторожился. Он различил какой-то новый шум.

– Слышите?

Лейтенант прислушался.

– Кое-что слышу.

– Судя по звуку, это...

– Водопад, – договорил д'Агоста. – Но, похоже, далеко. Звук хорошо разносится по туннелю. Помалкивай об этом.

Группа брела в молчании.

– Посвети, – попросил лейтенант. Смитбек включил фонарик. Пустой туннель. Шум стал гораздо слышнее. По воде пошли волны.

– Черт! – ругнулся д'Агоста.

Позади них внезапно раздался женский голос:

– Помогите! Я поскользнулась! Меня уносит!

– Держите ее, кто-нибудь! – воскликнул мэр. Смитбек быстро включил фонарик и посветил назад. В воде барахталась женщина средних лет, на черной поверхности плавало длинное вечернее платье.

– Встаньте! – кричал ей мэр. – Упритесь ногами в дно!

– Помогите! – вопила женщина. Смитбек сунул фонарик в карман и напрягся, борясь с течением. Женщину несло прямо к нему. Рука ее

взметнулась и крепко обвилась вокруг его бедра. Журналист почувствовал, что и сам скользит.

– Не дергайтесь! – крикнул он. – Я держу вас! Та крепко обхватила ногами его колени. Смитбек выпустил руку д’Агосты и шагнул вперед, чтобы не упасть, поражаясь силе женщины.

– Вы утопите меня! – испугался он, оказавшись в воде по грудь и чувствуя, как течением его тащит вниз. Краем глаза увидел, что д’Агоста спешит к нему на помощь. Женщина в слепой панике вскарабкалась на журналиста и окунула его голову в воду. Он распрямился, но ее мокрое платье облепило ему лицо, не давая вздохнуть. Смитбека охватила жуткая слабость. Он опять нырнул с головой и услышал странный глухой рев.

Вдруг журналист снова оказался над водой, давясь и кашляя. Его поддерживали крепкие руки. Руки д’Агосты. Спереди из туннеля несся ужасный крик.

– Эту женщину мы потеряли, – произнес лейтенант. – Идем дальше.

По мере того как ее уносило, вопли становились слабее. Некоторые их спутники что-то кричали, стараясь ее приободрить, другие неудержимо рыдали.

– Живее, все! – скомандовал д’Агоста. – Держитесь возле стены! Вперед, и ни в коем случае не разрывайте цепочку. – Потом вполголоса сказал Смитбеку: – Подтверди, что фонарик все еще у тебя.

– У меня, – сказал Смитбек, проверяя.

– Надо идти, иначе потеряем всех, – пробормотал д’Агоста. Затем невесело усмехнулся: – Похоже, теперь я спас жизнь тебе. Мы квиты, Смитбек.

Журналист промолчал. Он старался не слышать отчаянных воплей, несущихся издалека, искаженных туннелем. Рев воды становился все более близким, угрожающим.

Происшествие деморализовало группу.

– Все будет нормально, если держаться за руки! – услышал Смитбек голос мэра. – Не разрывайте цепочки!

Журналист изо всех сил сжимал руку д’Агосты. В темноте они брели вниз по течению.

– Посвети, – сказал лейтенант. Смитбек включил фонарик. И ужаснулся. Ярдах в ста впереди высокий свод туннеля полукругом сжимался. Вода с грохотом бурлила в проеме и устремлялась вниз, в темную бездну.

Густой туман усеивал мшистую воронку темными капельками. Раскрыв рот, Смитбек смотрел, как все его надежды на сенсационную книгу, все мечты – даже желание остаться в живых – исчезают, в этом водовороте.

...Он смутно осознал, что в криках за его спиной звучит не ужас, а радость. Оглянулся и увидел, что промокшие люди таращатся вверх. Там, где сводчатая кирпичная кладка потолка соединялась со стеной туннеля, зияло темное отверстие площадью около трех квадратных футов. Из него торчал конец ржавой железной лестницы, прикрепленной болтами.

Радостные крики быстро утихли, когда до людей дошла ужасная истина.

– Чертовски высоко, не дотянуться, – сказал д’Агоста.

58

От сохранной зоны они осторожно пошли к лестничному колодцу. Пендергаст повернулся к Марго, прижал палец к губам и показал ей алые пятна крови на полу. Она кивнула: убежав от света, зверь двинулся сюда. Ей вспомнилось, как накануне, убегая от охранника, они со Смитбеком поднимались по этой лестнице. Пендергаст выключил шахтерскую лампочку, осторожно открыл дверь первого этажа и с узлом волокон на плече вошел в темноту. Марго последовала за ним. Агент ФБР остановился и потянул носом воздух.

– Не ощущаю никакого запаха, – прошептал он. – В какой стороне дежурная часть и компьютерный зал?

– Отсюда налево, – ответила Марго. – Пойдем через зал ископаемых млекопитающих. Это не так уж Далеко. За углом от дежурной части начинается тот длинный коридор, о котором говорил доктор Фрок.

Ненадолго включив фонарик, Пендергаст посветил на пол.

– Следов крови нет, – пробормотал он. – Существо, видимо, миновало эту лестничную клетку и направилось прямиком к доктору Райту. – Повернулся к Марго. – Как же вы предлагаете его сюда заманить?

– Опять волокнами, – ответила та.

– Прошлый раз оно не поддалось на эту хитрость.

– Но теперь мы не устраиваем ему западню. Хотим только завлечь его за угол. Вы будете в другом конце коридора, с оружием на изготовку. Устроим – как это называется?

– Засаду.

– Вот-вот. Спрячемся в темноте. Когда оно приблизится, я направлю на него свет шахтерской лампы, а вы начнете стрелять.

– Угу. А как мы узнаем, что существо появилось? Если коридор такой длинный, как говорит доктор Фрок, можно его вовремя и не унюхать.

Марго притихла.

– Трудная задача, – призналась она в конце концов.

Оба немного помолчали.

– В конце коридора есть стеклянная витрина, – заговорила Марго. – Она предназначалась для новых книг, выпущенных сотрудниками музея, но миссис Рикмен не потрудилась поставить туда ни единой. Значит, заперта витрина не будет. Можно сунуть узел туда. Возможно, существо жаждет крови, однако я сомневаюсь, что оно сможет устоять против *этого*. Пытаясь открыть витрину, оно поднимет какой-то шум. Услышав его, стреляйте.

– Извините, – чуть подумав, сказал Пендергаст, – но это уж слишком явно. Нужно снова задаться вопросом: если б я наткнулся на такую приманку, догадался бы, что это ловушка? В данном случае – определенно. Нужно действовать более тонко.

Марго прислонилась к холодной мраморной стене коридора.

– У него острые слух и обоняние, – напомнила она.

– Так?

– Может, самый простой подход окажется самым лучшим? Станем приманкой сами. Поднимем какой-нибудь шум. Начнем громко разговаривать. И покажемся легкой добычей.

Пендергаст кивнул.

– Как куропатка, которая, притворяясь, будто у нее сломано крыло, уводит лису от гнезда. А как мы узнаем, что оно появилось?

– Будем время от времени включать фонарик. Водить им, освещать коридор. Яркость установим минимальную; тогда свет подействует на существо раздражающе, но не отпугнет. И мы сможем его разглядеть. Оно решит, что мы осматриваемся, ищем дорогу. И как только пойдет к нам, я включу лампочку, а вы начнете стрелять.

Агент ФБР задумался.

– А если оно появится с другой стороны? Сзади?

– Коридор оканчивается тупиком со служебной дверью в зал тихоокеанских народов.

– И этот тупик окажется для нас западней, – сказал Пендергаст. – Мне это не нравится.

– Даже если мы будем не в тупике, – сказала Марго, – то не сможем убежать, если вы промахнетесь. По данным экстраполятора, это существо способно бегать со скоростью борзой.

Пендергаст помолчал.

– Знаете, Марго, этот план может удаться. Он обманчиво прост, как натюрморт Сурбарана или симфония Брукнера. Раз это существо сумело разделаться со спецназом, оно, видимо, считает, что самая большая опасность позади. И уже не будет столь осторожным.

– К тому же оно ранено.

– Да. Думаю, д’Агоста попал в него, не исключено, и спецназовцы успели разок-другой продырявить ему шкуру. Может, и я не промахнулся: точно знать невозможно. Однако, Марго, раны делают это существо гораздо *более* опасным. Я предпочел бы преследовать десять невредимых львов, чем одного раненого. – Агент ФБР расправил плечи и потянулся за пистолетом. – Идите вперед, пожалуйста. Стоять здесь, в темноте, с этим узлом страшновато. Светим только фонариком. Будьте осторожны.

– Может, отдадите мне каску, чтобы вам проще было стрелять? – предложила Марго. – Если неожиданно встретим зверя, придется отогнать его светом.

– Если он серьезно ранен, вряд ли что-то его испугает, – мягко возразил Пендергаст. – Но тем не менее возьмите.

Они тихо прошли по коридору, обогнули угол и проникли через служебный вход в зал ископаемых млекопитающих. Марго казалось, что ее осторожные шаги по каменному полированному полу раздаются, как выстрелы. В свете фонарика тускло поблескивали ряды стеклянных витрин, в которых стояли муляжи: громадный лось, саблезубые кошки, зловещие волки. В центре галереи высились скелеты мастодонта и мамонта. Марго и Пендергаст осторожно шли к выходу, агент ФБР держал пистолет наготове.

– Видите в дальнем конце дверь с табличкой “ТОЛЬКО ДЛЯ СЛУЖАЩИХ”? – прошептала Марго. – За ней коридор, куда выходят дежурная часть и компьютерный зал. Его пересекает другой, где можно устроить засаду. – Она заколебалась. – Если существо уже там...

– ...я пожалею, что не остался в Новом Орлеане, мисс Грин.

Войдя через служебную дверь в восемнадцатую зону, они оказались в узком коридоре с множеством дверей. Пендергаст посветил фонариком: никого.

– Вот она, – указала Марго на дверь слева. – Дежурная часть.

Проходя мимо, она расслышала неразборчивые голоса. На следующей двери была табличка “ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМПЬЮТЕР”.

– Там беззащитные люди, – сказала Марго. – Может...

– Нет, – ответил Пендергаст. – Не время. Они свернули за угол и остановились. Пендергаст посветил в коридор.

– А это откуда? – спросил он. Посередине коридора насмешливо поблескивала в свете фонарика толстая стальная дверь.

– Добрый доктор ошибся, – заключил Пендергаст. – Вторая секция делит коридор пополам. Здесь край периметра.

– Какое тут расстояние? – монотонно спросила Марго.

– Футов сто, от силы сто двадцать пять, – ответил он после паузы.

Она повернулась к нему.

– Этого пространства достаточно?

Пендергаст оставался неподвижным.

– Не думаю. Но придется довольствоваться тем, что есть. Пойдемте, мисс Грин, займем позицию.

В фургоне связи становилось душно. Коффи расстегнул воротничок рубашки и злобным рывком ослабил галстук. Влажность, должно быть, сто десять процентов. Такого ливня он не помнил уже лет двадцать. Водостоки бурлили, как гейзеры, лужи образовались такой глубины, что колпаки на колесах машин “скорой помощи” были скрыты водой.

Задняя дверь распахнулась, появился человек в форме спецназа.

– Сэр?

– Что тебе нужно?

– Ребята хотят знать, когда мы пойдем обратно внутрь.

– *Внутрь?* – заорал Коффи. – Спятили? Четверо ваших только что убиты там, располосованы, как бифштексы!

– Но, сэр, там еще есть люди, оказавшиеся в западне. Может, мы…

Коффи напустился на спецназовца, сверкая глазами и брызгая слюной:

– Не понял? Туда нельзя. Мы послали людей, не зная, с чем они там столкнутся. Нужно дождаться, когда снова включат электричество, привести в действие системы, а потом уже…

В дверь фургона заглянул полицейский.

– Сэр, мы получили сообщение, что в Гудзоне плавает труп. Его обнаружили возле лодочной гавани. Похоже, он выплыл из большого штормового водостока.

– Кого, черт возьми, интересует…

– Сэр, это женщина в вечернем платье, предположительно опознана как одна из тех, кто был приглашен на открытие выставки.

– Что? – Коффи пришел в замешательство. Немыслимо. – Из группы мэра?

– Из оставшихся внутри. Женщины, пропавшие без вести, очевидно, спустились в подвал два часа назад.

– Имеешь в виду, с *мэром?*

– Видимо, да, сэр.

Коффи чуть не напустил в штаны. Не может быть.

Чертов Пендергаст. Чертов д’Агоста. Они во всем виноваты. Не подчинились, поставили под угрозу его план, отправили всех этих людей на смерть. Мэр погиб. За это с него, Коффи, шкуру снимут.

– Сэр?

– Пошли вон, – прошептал Коффи. – Убирайтесь, оба.

Дверь закрылась.

– Говорит Гарсиа. Слышит кто-нибудь? – громко раздалось из рации. Коффи повернулся и ткнул в нее пальцем.

– Гарсиа! Что происходит?

– Ничего, сэр, только напряжения нет до сих пор. Здесь со мной Том Аллен. Он хочет с вами поговорить.

– Давай его.

– Говорит Аллен. Мы здесь слегка беспокоимся, мистер Коффи. Делать ничего не можем, пока не дадут ток. Батареи передатчика Гарсии садятся. Хотелось бы, чтобы вы вызволили нас отсюда.

Коффи истерически расхохотался. Агенты за пультами с беспокойством переглянулись.

– Хотите, чтобы я вызволил вас? Слушай. Аллен, эту заваруху устроили ваши гении. Вы клятвенно заверяли меня, что система не подведет, что у нее есть резервное питание. Вот сами себя и наказали. Мэр мертв, я потерял больше людей, чем… Алло?

– Это опять Гарсиа. Сэр, тут сплошная темень, а у нас всего два фонарика. Что там с группой спецназа, которую отправили внутрь?

Смех Коффи резко оборвался.

– Гарсиа? Они убиты. Слышишь? Убиты! У них выпущены кишки. И в этом вина Пендергаста, вина д’Агосты, вина этого чертова Аллена и, возможно, твоя. Сейчас снаружи работают люди, чтобы снова подать напряжение. Говорят, это возможно, только потребуется несколько часов. Понятно? Я убью находящуюся там тварь, только по-своему, в свое время. Так что сидите тихо. Я не буду гробить еще людей ради вас.

В заднюю дверь постучали.

– Войдите, – резко сказал он, выключая рацию.

Вошедший агент сел рядом с Коффи, отсвет мониторов заострял черты его лица.

– Сэр, только что сообщили, что заместитель мэра едет сюда. И звонят из резиденции губернатора, требуют последних сведений.

Коффи закрыл глаза.

Смитбек поглядел на ржавую перекладину лестницы в добрых четырех футах над его головой. Может, если б не поток, он допрыгнул бы до нее, но когда стоишь по грудь в воде, это невозможно.

– Видишь там что-нибудь? – спросил д’Агоста.

– Нет, – ответил журналист. – Свет слабый. Непонятно, как далеко тянется эта штука.

– Тогда гаси фонарик, – негромко сказал лейтенант. – Дай мне немножко подумать.

Долгое молчание. Вода быстро прибывала. Еще фут – всех их унесет течение в…

Смитбек потряс головой, отгоняя эту мысль.

– Откуда только берется эта вода, черт возьми? – простонал он, ни к кому не обращаясь.

– Подвал расположен ниже поверхности Гудзона, – ответил д’Агоста. – И в сильный дождь в него всякий раз просачивается вода.

– Угу, просачивается – может, даже заливает на фут-другой, – пропыхтел Смитбек. – Но ведь тут потоп. Снаружи, надо полагать, строят ковчеги.

Д’Агоста промолчал.

– Черт возьми, – послышался голос. – Встаньте кто-нибудь мне на плечи. Поднимемся один за другим.

– Кончай! – оборвал его д’Агоста. – Тут слишком высоко.

Смитбек, прочищая горло, откашлялся.

– У меня идея! – объявил он. Все притихли.

– Смотрите, эта стальная лестница кажется довольно прочной, – убедительным тоном заговорил журналист. – Если свяжем наши ремни и перебросим через перекладину, то, держась за них, можно дождаться, когда вода поднимется настолько, чтобы ухватиться за нижнюю ступеньку.

– Я не могу так долго ждать! – крикнул кто-то. Д’Агоста сверкнул глазами.

– Смитбек, большей глупости я не слышал, – проворчал он. – К тому же у половины мужчин здесь камербанды[19], а не ремни.

– Я обратил внимание, что у вас ремень, – ответил Смитбек.

– Да, – с вызовом сказал д’Агоста. – Но почему ты решил, будто вода поднимется так высоко, что мы дотянемся до перекладины?

– Смотрите. – Смитбек посветил фонариком на стену. – Видите обесцвеченную полосу? По-моему, это уровень полной воды. По крайней мере однажды вода достигала этого уровня. Если гроза хоть наполовину такая сильная, как нам кажется, мы поднимемся достаточно близко.

Лейтенант покачал головой.

– По-моему, это безумие, но все же лучше, чем дожидаться здесь смерти. Мужчины! – крикнул он. – Ремни! Передавайте их мне!

Собрав ремни, д’Агоста скрепил их пряжки с концами, начав с самой широкой. Потом отдал Смитбеку. Размахнувшись тяжелым концом

импровизированного троса, журналист крепко уперся ногами, откинулся назад и метнул его к нижней перекладине. Двенадцать футов кожи упали в воду. Он сделал еще попытку и снова промахнулся.

– Дай сюда, – вмешался д’Агоста. – Предоставь делать мужскую работу мужчине.

– К черту. – Смитбек до отказа откинулся назад и сделал очередной бросок. На сей раз удачный; ему пришлось уклониться от падающей вниз тяжелой пряжки. Потом он продел в нее другой конец ремней и затянул “веревку” вокруг нижней перекладины лестницы.

– Отлично, – сказал лейтенант. – Теперь все возьмите друг друга под руки. И держитесь. Поднимаясь, вода приближает нас к лестнице. По мере подъема будем постепенно передавать веревку назад. Надеюсь, эта чертова штука выдержит, – пробормотал он, с сомнением глядя на ремни.

– И вода поднимется достаточно высоко, – сказал Смитбек.

– Если не поднимется, я с тобой поговорю!

Смитбек хотел ответить, но передумал. Поток все выше заливал его грудь, и медленное, нарастающее давление снизу стало отрывать ступни от гладкого каменного пола.

59

Гарсиа смотрел, как Аллен медленно водит лучом фонарика по обесточенной аппаратуре. Несбитт, охранник, наблюдавший за мониторами, сутулился за “тревожным” столом посередине комнаты. Рядом с Гарсией сидели Уотерс и тощий, простоватого вида программист из компьютерного зала. Десять минут назад они постучались в дверь дежурной части, напугав сидевших там трех человек до полусмерти. Теперь программист сидел в темноте, обкусывая кутикулы и сопя. Уотерс выложил на стол табельный револьвер и нервозно вертел его.

– Что это было? – неожиданно спросил Уотерс, забыв о револьвере.

– Ты о чем? – угрюмо осведомился Гарсиа.

– Кажется, я только что слышал шум в коридоре, – ответил Уотерс, с трудом сглатывая. – Будто кто-то прошел.

– Тебе вечно что-то слышится, – проворчал Гарсиа. – Из-за этого и торчим здесь.

Наступило неловкое молчание.

– Ты уверен, что понял Коффи правильно? – снова заговорил Уотерс. – Если эта тварь разделалась с группой спецназа, то вполне может заявиться к нам.

– Не думай об этом, – сказал Гарсиа. – И не болтай. Это произошло тремя этажами выше.

– Не верится, что Коффи просто так бросает нас этой...

– Уотерс! Если не заткнешься, прогоню обратно в компьютерный зал.

Уотерс притих.

– Свяжись с Коффи еще раз, – сказал Аллен Гарсии. – Нам нужно убраться отсюда к черту, сейчас же.

Гарсиа медленно покачал головой.

– Это ничего не даст. Он был как пьяный. Приложился, видимо, к бутылке от такой нервотрепки. Мы здесь прочно застряли.

– Кто его начальник? – не отставал Аллен. – Давай я поговорю с ним.

– Ничего не получится. Батареи почти сели. Аллен начал протестовать, потом вдруг умолк на полуслове.

– Я чувствую какой-то запах, – произнес он. Гарсиа подался вперед.

– Я тоже.

И медленно, словно пробуждаясь от дурного сна, взял ружье.

– Это зверь-убийца! – завопил во весь голос Уотерс. Все подскочили, опрокинув кресла. Послышались глухие удары и ругань, когда кто-то наткнулся на стол, потом грохот упавшего монитора. Гарсиа схватил рацию.

– Коффи! Оно здесь!

Раздалось царапанье, затем негромкое щелканье дверной ручки. Гарсиа почувствовал, как по ногам течет что-то теплое, и понял, что обмочился. Дверь внезапно прогнулась внутрь, древесина затрещала от сильного удара. За спиной Гарсии кто-то начал читать молитву.

– Слышали? – прошептал Пендергаст. Марго посветила в коридор фонариком. – Что-то слышала. Из-за угла послышался треск дерева.

– Оно проламывает одну из дверей! – сказал Пендергаст. – Нужно привлечь его внимание. Эй! – закричал он.

Марго схватила его за руку.

– Не говорите ничего такого, что ему не следует понимать! – прошептала она.

– Мисс Грин, – раздраженно ответил агент ФБР, – сейчас не время для шуток. Оно наверняка не понимает английского.

– Как знать. В том, что мы доверяем данным экстраполятора, уже есть риск. Но мозг у этого существа высокоразвитый, оно, видимо, прожило в музее несколько лет, прислушивалось, сидя в своих укрытиях. Некоторые слова оно может понимать. Нельзя испытывать судьбу, – шепотом выпалила Марго.

– Как хотите, – тихо отозвался Пендергаст. Потом заговорил громко: – Где вы? Слышите меня?

– Да! – крикнула Марго. – Но я заблудилась! Помогите!

Пендергаст понизил голос:

– Оно должно было услышать. Теперь остается только ждать.

И опустился на колено, держа пистолет на изготовку в правой руке, а левой поддерживая запястье.

– Светите в сторону перекрестка, водите фонариком, будто заблудились. Увидев существо, я вам дам знать. Включайте шахтерскую лампочку и не сводите с него света ни в коем случае. Если оно в ярости – если охотится теперь ради мести, – нам нужно любым способом замедлить его движение. В нашем распоряжении всего каких-то сто футов коридора. Если чудовище двигается с такой быстротой, как вы полагаете, это расстояние оно покроет за несколько секунд. Никаких колебаний, никакой паники.

– За несколько секунд, – повторила Марго. – Понимаю.

Гарсиа опустился на колено, приклад ружья – у щеки, ствол направлен на смутно видимые очертания двери. Позади него с револьвером на изготовку стоял в той же позе Уотерс.

– Когда оно появится, стреляй беспрерывно, – сказал Гарсиа. – У меня всего восемь патронов. Постараюсь рассчитать выстрелы так, чтобы ты успел хоть раз перезарядить свою пушку, прежде чем оно до нас доберется. И погаси фонарик. Хочешь нас выдать?

Остальные – Аллен, программист и Несбитт – отступили к дальней стене и присели под схемой системы охраны музея.

Уотерс дрожал.

– Оно уничтожило группу спецназа, – сообщил он срывающимся голосом.

Снова удар, дверь застонала, петли ее затрещали. Уотерс с криком подскочил и попятился, забыв об упавшем на пол пистолете.

– Уотерс, предатель, вернись!

Громко ударяясь головой о металл, Уотерс полз под столами к дальней стене.

– Не давай ему схватить меня! – завопил он. Гарсиа заставил себя снова повернуться к двери. Попытался унять дрожь в руках, от которой ружье ходило ходуном. Дверь снова содрогнулась от сильного удара, и смрад заполнил его ноздри. Больше всего Гарсиа боялся увидеть чудовище. Он выругался и утер лоб тыльной стороной ладони. Тишину нарушали только всхлипы Уотерса.

Марго светила фонариком в коридор, имитируя беспорядочные движения человека, который ищет выход. Свет падал на стены, на пол, тускло отблескивал на витринах. Сердце ее колотилось, дыхание было частым, прерывистым.

– Помогите! – снова закричала она. – Мы заблудились!

Собственный голос показался ей неестественно хриплым.

Из-за угла не доносилось ни звука. Существо прислушивалось.

– Эй! – заставила Марго себя крикнуть снова. – Есть здесь кто-нибудь?

Голос ее раскатился по коридору, и вновь наступила тишина. Марго вглядывалась в темноту, пытаясь уловить какое-нибудь движение.

Вдали, куда не достигал луч фонарика, показался какой-то темный силуэт. Замер. Голова его казалась поднятой. Послышалось влажное сопение.

– Рано еще, – прошептал Пендергаст. Существо продвинулось чуть вперед. Сопение стало громче, потом их ноздрей достиг отвратительный запах.

Монстр сделал еще шаг.

– Рано, – прошептал агент ФБР.

Руки Гарсии дрожали так сильно, что он с трудом нажал кнопку передатчика.

– Коффи! – прошипел он. – Коффи, ради Бога! Слышите?

– Это агент Слейд с передового командного поста. Кто говорит?

– На связи дежурная часть, – ответил Гарсиа, тяжело и часто дыша. – Где Коффи? *Где Коффи?*

– Особый агент Коффи временно недееспособен. Руководство операцией принимаю я, до прибытия регионального директора. Как у вас дела?

– Дела? – Гарсиа нервно захихикал. – Дела такие, что нам крышка. Это существо за дверью. Ломится сюда. Прошу вас, пришлите людей на выручку.

– Черт! – послышался голос Слейда. – Почему ничего мне не сказали? – До Гарсии донесся приглушенный разговор. – Гарсиа? У вас есть оружие?

– Что толку? – прошептал тот, чуть не плача. – Здесь нужна базука. Помогите нам, *пожалуйста*.

– Гарсиа, тут сплошная неразбериха. Продержитесь минутку. Существо не сможет прорваться сквозь дверь дежурной части, так ведь? Она же металлическая?

– Она деревянная. Слейд, самая обыкновенная! – ответил Гарсиа, по лицу мужчины обильно текли слезы.

– Деревянная? Ну и заведеньице. Гарсиа, послушай. Если мы кого-то пошлем, путь до вас займет двадцать минут.

– *Пожалуйста…*

– Придется вам справляться самим. Я не знаю, Гарсиа, что это существо представляет собой, но наберитесь мужества. Мы постараемся добраться до вас как можно скорее. Не теряйте хладнокровия и цельтесь…

Гарсиа в отчаянии опустился на пол, палец его соскользнул с кнопки. Надежды никакой, им конец.

60

Смитбек, перебирая руками ремень, передал назад еще несколько дюймов веревки. Подумал, что вода как будто прибывает еще быстрее, чем раньше; через каждые несколько минут по ней шли большие волны, и хотя течение вроде бы не усиливалось, рев в конце туннеля стал оглушительным. Непосредственно за Смитбеком сжимали веревку из ремней самые старые, самые слабые, самые плохие пловцы: остальные, схватившись друг за друга, отчаянно гребли, стараясь удержаться на месте. Все молчали: уже не оставалось сил стонать, плакать, даже говорить. Смитбек посмотрел вверх: еще два фута, и можно попытаться достать до лестницы.

– Там, должно быть, буря, – сказал д’Агоста. Лейтенант за спиной Смитбека поддерживал старуху. – По случаю празднества в музее, – добавил он с легким смешком.

Журналист, включив фонарик, поглядел вверх. Еще восемнадцать дюймов.

– Смитбек, перестань щелкать фонариком, ладно? – раздраженно произнес д’Агоста. – Я скажу, когда смотреть.

Очередная волна прижала Смитбека к кирпичной стене туннеля. Несколько человек ахнули, однако от группы не отделился никто. Оборвись веревка, все бы утонули через полминуты. Смитбек старался не думать об этом.

Мэр слабым, но твердым голосом принялся рассказывать одну историю. Участниками ее были несколько известных людей из муниципалитета. Смитбек, несмотря на профессиональный интерес к ней, все сильнее ощущал сонливость. Он вспомнил, что это признак гипотермии.

– А ну, Смитбек, взгляни, где там лестница. От грубоватого голоса д’Агосты журналист взбодрился. Посветил фонариком вверх. За четверть часа вода поднялась еще на фут, и он почти мог дотянуться до перекладины. Крякнув от удовольствия, Смитбек передал назад еще несколько дюймов веревки.

– Сделаем вот что, – сказал лейтенант. – Ты лезешь первым. Я остаюсь помогать здесь и лезу последним. Лады?

– Лады, – ответил Смитбек, стряхивая с себя сонливость.

Д’Агоста потуже затянул петлю на перекладине, затем ухватил журналиста за талию и приподнял. Смитбек, вскинув свободную руку, ухватился за нее.

– Давай мне фонарик, – сказал д’Агоста. Смитбек отдал, затем ухватился за перекладину другой рукой. Слегка подтянулся, потом снова повис, мышцы его рук и спины судорожно подергивались. Глубоко вздохнув, подтянулся снова и на сей раз достиг второй перекладины.

– Теперь вы хватайтесь за ступеньку, – сказал д’Агоста кому-то. Смитбек, ловя ртом воздух, привалился к лестнице. Затем, подняв взгляд, ухватился за третью перекладину, потом за четвертую. Осторожно стал нащупывать ногами первую.

– Не наступи никому на руки! – предупредил снизу д’Агоста.

Журналист почувствовал, как чья-то рука направила его ступню, и смог перенести свой вес на нижнюю ступеньку. Твердость опоры казалась ему

блаженством. Он подал руку и помог пожилой женщине. Затем повернулся, чувствуя, как силы к нему возвращаются, и полез вверх.

Лестница окончилась у отверстия большой горизонтально проложенной трубы, там, где свод туннеля соприкасался со стеной. Смитбек осторожно влез в нее и пополз в темноту.

Ему сразу же ударил в нос отвратительный запах. Канализация, подумал он. Невольно замер на миг, затем снова пополз вперед.

Труба окончилась, вокруг была темнота. Смитбек осторожно высунул ноги и опустил вниз. Подметки коснулись твердой земли примерно в футе ниже отверстия. Он едва верил, что им всем так повезло: между верхним и нижним подвалами находилась неизвестного размера комната, видимо, сохранившаяся после многочисленных реконструкций музея. Журналист продвинулся на несколько дюймов вперед, потом еще и еще, волоча ноги по черноте пола. Стояла ужасная вонь, но это не был запах того зверя, чем Смитбек был очень доволен. Что-то высохшее – хворостинки? – захрупало под ногами. За спиной он слышал пыхтенье остальных, ползущих к нему по трубе. Слабый луч фонарика д'Агосты не мог пронизать ее темноты.

Смитбек повернулся, опустился на колени возле отверстия и стал помогать мокрым людям вылезать наружу, направлять их в сторону, предупреждая, чтобы не уходили слишком далеко в темноту.

Люди один за другим появлялись и вставали возле стены, осторожно нащупывая путь, чуть не падая от изнеможения. В комнате слышалось только тяжелое дыхание.

Наконец Смитбек услышал голос д'Агосты.

– Черт, что это за вонь? – негромко обратился к нему лейтенант, вылезая из трубы. – Фонарик в конце концов погас. Я его выбросил. Порядок, люди, – произнес он уже громче, поднимаясь на ноги. – Устроим перекличку.

От звука стекающей воды сердце Смитбека испуганно заколотилось, через секунду он понял, что д'Агоста выжимает мокрый пиджак. Люди один за другим, еле слышными голосами назвали свои фамилии.

– Хорошо, – сказал д'Агоста. – Теперь надо выяснить, где мы. Возможно, придется поискать местечко повыше, если вода будет еще подниматься.

– Местечко повыше я хотел бы поискать в любом случае, – послышался голос из темноты. – Здесь ужасно воняет.

– Без света будет трудно, – сказал Смитбек. – Придется идти гуськом.

– У меня есть зажигалка, – послышался голос. – Проверить, действует ли?

– Осторожнее, – произнес кто-то другой. – Вроде бы пахнет метаном.

Когда комнату осветил дрожащий желтый огонек, Смитбек содрогнулся.

– О Господи! – вскрикнул кто-то. Комната неожиданно снова погрузилась в темноту, потому что державшая зажигалку рука невольно дернулась, но у Смитбека успел сложиться единый ужасающий образ того, что лежало вокруг.

Марго вглядывалась в темноту, медленно водя лучом фонарика по коридору, стараясь не высветить зверя, который сидел неподалеку от угла, глядя на них.

– Рано еще, – пробормотал Пендергаст. – Подождите, пусть направится к нам.

Существо ждало, казалось, целую вечность, неподвижное и безмолвное, будто каменная горгулья. Марго видела красные глаза, наблюдающие за ней из мрака. Когда чудовище мигало, они исчезали, потом появлялись снова.

Существо сделало шаг, потом опять замерло, словно бы в нерешительности, его невысокое, мощное тело было напряжено, подобрано.

Вдруг оно бросилось вперед странными, ужасающими скачками.

– Пора! – выкрикнул Пендергаст. Марго вскинула руку, коснулась каски, и коридор внезапно залило ярким светом. Почти тут же она услышала оглушительное БАХ! – Пендергаст выстрелил из своего крупнокалиберного револьвера. Существо ненадолго остановилось, и Марго увидела, как оно трясет головой, щурясь от света. Потом отвернуло голову назад, словно пытаясь укусить себя за бедро, в которое попала пуля. Марго не верила своим глазам: приплюснутая светлая голова, отвратительно удлиненная, с белой полосой над глазами – след пендергастовской пули; мощные передние лапы, покрытые густым черным мехом и оканчивающиеся длинными острыми когтями: более короткие задние с морщинистой кожей, свисающей к пяти пальцам. Мех был покрыт запекшейся кровью, свежая кровь краснела на чешуйках задней лапы.

БАХ! Правая передняя лапа монстра дернулась, и Марго услышала ужасающий яростный рык. Существо повернуло к ним морду и бросилось вперед, из пасти, болтаясь, свисали потеки слюны.

БАХ! Прогремел револьвер – *промах,* – и существо продолжало стремительно приближаться.

БАХ!

Марго увидела, как словно при замедленной съемке левая задняя лапа дернулась, и чудовище чуть пошатнулось. Но выпрямилось и с ревом, с вставшей дыбом жесткой шерстью на бедрах снова понеслось к ним.

БАХ! Еще выстрел, но монстр продолжал нападать, и Марго ясно поняла, что план их провалился.

– Пендергаст! – крикнула она, пятясь. Шахтерская лампочка резко запрокинулась вверх. Она отступала от красных глаз, глядящих прямо в ее глаза с ужасающе понятной смесью ярости, азарта и ликования.

Гарсиа сидел на полу, напряженно вслушиваясь, и недоумевал, действительно ли слышал чей-то голос – есть ли снаружи еще жертвы этого кошмара – или ему померещилось.

Внезапно за дверью прогремел совершенно определенный звук: выстрел, потом еще, еще.

Гарсиа неуверенно поднялся на ноги. *Не может, быть.* Принялся возиться с передатчиком.

– Слышали? – произнес голос за его спиной.

– Клянусь Богом, в коридоре кто-то стреляет! – воскликнул Гарсиа. Долгая, жуткая тишина.

– Остановили его, – прошептал Гарсиа.

– Убито оно? Убито? – заскулил Уотерс.

Тишину ничто не нарушало. Гарсиа сжимал ружье, ложе и скоба предохранителя стали скользкими от пота. Он слышал всего пять-шесть выстрелов. А эта тварь разделалась с мощно вооруженной группой спецназа.

– *Убито?* – опять заныл Уотерс. Гарсиа напряженно вслушивался, но из коридора не доносилось ни звука. Это самое худшее: недолгая вспышка надежды, затем окончательное крушение. Он ждал.

От двери донеслось пощелкивание.

– Оно вернулось, – прошептал Гарсиа.

– Дайте сюда зажигалку! – рявкнул д’Агоста. Смитбек, оступившись и падая на спину, внезапно увидел свет и машинально закрыл глаза.

– О Господи… – услышал он стон лейтенанта. Потом чья-то рука стиснула ему плечо.

– Слушай, Смитбек, – зашептал на ухо журналисту д’Агоста, – не подводи меня. Помогай держать людей одной группой.

Смитбек заставил себя открыть глаза и едва сдержал рвоту. Земляной пол был завален костями: большими, маленькими, и высохшими, и все еще с хрящами на узловатых концах.

– Это не хворостинки, – пробормотал себе под нос журналист. – Нет-нет, не хворостинки.

Свет снова погас, д’Агоста берег горючее в зажигалке.

Опять желтая вспышка, и Смитбек стал озираться по сторонам. То, что он отбросил ногой, оказалось трупом собаки – судя по виду, терьера – с остекленевшими глазами, светлым мехом, маленькими коричневыми сосками на разодранном животе. Вокруг валялись трупы и других животных: кошек, крыс, еще каких-то существ, сильно изуродованных или давно уже дохлых и потому неузнаваемых. Позади него кто-то вопил без передышки.

Свет погас, потом вспыхнул снова, уже впереди, потому что д’Агоста отошел от группы.

– Смитбек, ко мне, – послышался его голос. – Всем смотреть прямо перед собой. Пошли.

Смитбек медленно шагал, глядя лишь под ноги, чтобы не ступать на разбросанные кости, но боковым зрением заметил что-то. И повернул голову к правой стене.

Когда-то вдоль этой стены на высоте плеча проходила труба, теперь куски ее валялись среди останков животных. Толстые металлические опоры трубопровода остались прикрепленными к стене и торчали наружу острыми зубцами. На этих опорах висело несколько человеческих трупов, казалось, они шевелятся в трепещущем свете пламени. Смитбек видел, но не сразу осознал, что все они без голов. Внизу вдоль стены лежали небольшие разбитые предметы, он догадался, что это черепа.

Самые дальние от него висели очень давно; плоти на костях почти не оставалось. Смитбек отвернулся, но мозг отметил последнюю подробность: на запястье ближайшего трупа знакомые часы, имеющие форму солнечных. Часы Мориарти.

– О Боже… Боже, – повторял снова и снова Смитбек. – Бедняга Джордж.

– Ты его знал? – угрюмо спросил д’Агоста. – Черт, эта штука раскаляется!

Зажигалка снова погасла, и журналист тут же остановился.

– Что это за *место?* – крикнул кто-то позади них.

– Представления не – имею, – пробормотал д’Агоста.

– Я знаю, – безо всякого выражения сказал Смитбек. – Продовольственный склад.

Свет вспыхнул опять, и они зашагали вперед, теперь быстрее. Позади мэр глухим, механическим голосом уговаривал людей двигаться.

Свет снова погас, и журналист замер на месте.

– Мы подошли к дальней стене, – послышался из темноты голос лейтенанта. – Один из проходов здесь ведет вверх, другой вниз. Пойдем верхней дорогой.

Д’Агоста снова чиркнул зажигалкой и пошел. Смитбек за ним. Через несколько секунд вонь начала слабеть. Земля под ногами становилась сырой, мягкой. Смитбеку показалось, что в лицо едва ощутимо тянет прохладным ветерком.

Д’Агоста рассмеялся.

– Черт, приятное ощущение.

Земля под ногами стала мокрой, и туннель внезапно окончился у новой лестницы. Д’Агоста подошел к ней и поднял руку с зажигалкой. Смитбек порывисто шагнул вперед, стягивая носом освежающий воздух. Сверху неожиданно донеслось: *тук-тук!* Промелькнул яркий свет, потом послышался плеск воды.

– Люк! – воскликнул д’Агоста. – Мы вышли, даже не верится! Вышли, черт побери!

Лейтенант вскарабкался по лестнице и попытался приподнять круглую крышку.

– Закреплена, – пробормотал он. – *Помогите!* – начал он кричать в одно из смотровых отверстий. – *Помогите, кто-нибудь, ради Бога!* – Потом расхохотался, привалясь к лестнице и выронив зажигалку. Смитбек тоже неудержимо смеялся и плакал, обессиленно свалившись на дно колодца.

– Выбрались! – произнес д’Агоста сквозь смех. – Поцелуй меня, Смитбек, чертов ты журналист. Я люблю тебя и желаю тебе заработать на этой истории миллион.

Сверху, с улицы. Смитбек услышал чей-то голос.

– Слышите, кто-то кричит?

– Эй вы там, наверху! – надрывался д’Агоста. – Хотите заработать вознаграждение?

– Слышал? Там внизу кто-то есть. Ау!

– Слышите меня? Вызволите нас отсюда!

– Сколько? – спросил другой голос.

– Двадцать долларов! Позвоните в пожарное депо, вызволите нас!

– Полсотни, приятель, или мы уходим.

Д’Агоста не удержался от смеха.

– Ладно, полсотни. Помогите же нам, черт возьми!

Затем повернулся и распростер руки.

– Смитбек, поторопи всех. Люди, мэр Харпер, добро пожаловать в Нью-Йорк!

Ручка двери защелкала вновь. Гарсиа, беззвучно плача, крепко прижал к щеке приклад. Оно пытается войти. Сделал глубокий вздох и попытался унять дрожь в руках.

Потом осознал, что пощелкивание сменилось стуком в дверь.

В дверь снова постучали, погромче, и Гарсиа услышал голос:

– Есть здесь кто-нибудь?

– Кто вы? – еле ворочая языком, отозвался Гарсиа.

– Особый агент Пендергаст, ФБР.

Гарсиа едва поверил своим ушам. Открыв дверь, увидел высокого, худощавого человека, тот спокойно взирал на него, светлые волосы и глаза агента ФБР в темноте коридора казались призрачными. В одной руке тот держал фонарик, в другой – большой пистолет. По лицу его тянулась кровавая полоса, рубашка являла собой картину чудовищных причудливых пятен, как в тесте Роршаха. Рядом с ним стояла невысокая

молодая женщина в слишком большой желтой шахтерской каске, ее лицо, волосы и свитер тоже были в темных влажных пятнах.

В конце концов Пендергаст улыбнулся.

– Мы все сделали, – просто сказал он. Лишь увидев его улыбку, Гарсиа осознал, что кровь на обоях не их собственная.

– Как… – начал было он и не смог продолжать. Они протиснулись мимо него, остальные, сжавшись под темной схемой системы охраны музея, во все глаза глядели на пришельцев, оцепенев от изумления и страха.

Пендергаст указал фонариком на одно из кресел.

– Присаживайтесь, мисс Грин.

– Благодарю, – ответила Марго, шахтерская лампочка на ее лбу подскочила вверх. – Вы очень любезны.

Пендергаст сел в другое кресло.

– Есть у кого-нибудь носовой платок? – спросил он.

Аллен выступил вперед, доставая платок из кармана.

Пендергаст протянул его Марго, та утерла кровь с лица и отдала платок агенту ФБР, который старательно вытер лицо и руки.

– Большое спасибо, мистер…

– Аллен. Том Аллен.

– Мистер Аллен.

Пендергаст вернул ему измазанный кровью платок, тот начал было совать его обратно в карман, замер, потом бросил на пол. И уставился на Пендергаста.

– Оно мертво?

– Да, мистер Аллен.

– Вы убили его?

– Мы. Вернее, мисс *Грин.*

– Называйте меня Марго. Решающий выстрел произвел мистер Пендергаст.

– Марго, но ведь это вы сказали мне, куда целиться. Я бы ни за что не догадался. У всей крупной дичи – льва, буйвола, слона – глаза расположены по бокам головы. При нападении этих животных глаза не принимаешь в расчет. Стрелять в них попросту невозможно.

– А у этого существа, – стала объяснять Марго Аллену, – морда примата. Глаза расположены впереди, что обеспечивает стереоскопическое зрение. Это прямой путь к мозгу. И когда при таком невероятно толстом черепе пуля попадает в мозг, он просто взрывается.

– Вы убили это чудовище выстрелом в глаз? – изумился Гарсиа.

– Я всадил в него несколько пуль, – ответил агент ФБР, – но оно было очень сильным и разъяренным. Толком я не рассмотрел зверя – решил повременить с этим, – но могу утверждать, что никакой другой выстрел его не остановил бы.

Пендергаст тонкими пальцами поправил узел галстука. Марго сочла это излишней щепетильностью, поскольку вся белая рубашка агента ФБР была в пятнах крови и брызгах серого вещества. Ей никогда не забыть, как из глазной орбиты зверя фонтаном брызнул мозг. Зрелище было ужасающим и прекрасным. Собственно говоря, эти глаза – страшные, яростные – и навели ее на внезапную, отчаянную мысль, когда она пятилась от гнилостного смрада и дыхания, пахнущего свежей кровью.

Девушку внезапно бросило в дрожь, и она обхватила себя руками. Пендергаст жестом велел Гарсии снять форменный китель и накинул ей на плечи.

– Успокойтесь, Марго, – тихо сказал он, опустившись рядом с ней на колени. – Все позади.

– Надо привезти доктора Фрока, – произнесла она, едва шевеля посиневшими губами.

– Конечно, – успокаивающе сказал Пендергаст.

– Докладывать будем? – спросил Гарсиа. – Еще на один разговор батареек хватит.

– Да, и нужно отправить спасателей к лейтенанту д’Агосте. – Пендергаст нахмурился. – Придется, видимо, общаться с Коффи.

– Вряд ли, – сказал Гарсиа. – Там произошла смена командования.

Пендергаст приподнял брови.

– Правда. – Гарсиа отдал ему передатчик. – Командиром назвался агент по фамилии Слейд. Может, возьмете на себя эту обязанность?

– Как хотите, – ответил Пендергаст. – Хорошо, что разговаривать придется не с особым агентом Коффи. А то, боюсь, задал бы ему перцу. Я резко реагирую на оскорбления. – Покачал головой. – Скверная привычка, но от нее очень трудно избавиться.

62

Месяц спустя

Когда появилась Марго. Пендергаст и д’Агоста были уже в кабинете Фрока. Пендергаст разглядывал что-то на низком столике, сидевший рядом Фрок оживленно говорил. Д’Агоста со скучающим видом бродил по кабинету, брал то одно, то другое, потом ставил обратно. Латексовый слепок когтя лежал посреди письменного стала, будто кошмарное пресс-папье. В центре теплой, залитой солнцем комнаты бросался в глаза большой торт, купленный Фроком по случаю предстоящего отъезда Пендергаста. Белая глазурь уже начинала подтаивать.

– Будучи там последний раз, я ел поистине замечательный раковый суп, – говорил Фрок, стискивая локоть Пендергаста. – А, Марго, – ласково сказал он, выезжая к другой стороне стола. – Входите, полюбуйтесь.

Марго подошла к столу. Весна окончательно вступила в свои права, и через большое окно видна была синяя лента текущего на юг Гудзона, речная вода искрилась под солнцем. По набережной бегали люди в спортивных костюмах.

На низком столе подле глыбы песчаника с ископаемым отпечатком лежали большие слепки следов Музейного зверя. Фрок любовно провел по ним рукой.

– Семейства разные, отряд определенно один, – сказал он. – И на задней лапе существа действительно было пять пальцев. Еще одна связь со статуэткой Мбвуна.

Вглядевшись, Марго подумала, что сходство между следами не столь уж велико.

– Фрактальная эволюция? – высказала она предположение.

Фрок поглядел на нее.

– Не исключено. Но чтобы знать наверняка, потребовалось бы много анализов. Теперь произвести их невозможно, поскольку власти спешно увезли труп Бог весть с какой целью.

За прошедший с того ужасного вечера месяц общественное мнение прошло путь от негодования к благодушию, от недоверия к полному признанию. Первые две недели пресса взахлеб писала о чудовище, однако противоречивые свидетельства уцелевших вызывали путаницу. Единственное, что могло положить конец разноголосице, – труп монстра, – немедленно увезли из музея в большом белом фургоне с

правительственными номерными знаками, и больше его никто не видел. О местонахождении туши не знал даже Пендергаст. Пресса вскоре занялась темой человеческих жертв и судебными процессами, грозящими изготовителям охранной системы и в меньшей степени – управлению полиции и музею. Журнал "Тайм" опубликовал передовую статью, озаглавленную "Насколько безопасны наши национальные учреждения?". Теперь, когда прошли недели после трагедии, люди разглядели в этом существе единственный в своем роде феномен: древнее чудище, вроде динозавров-рыб, иногда попадающих в сети на больших морских глубинах. Интерес к происшествию начал угасать: с уцелевшими уже не проводили телеинтервью, запланированные субботние серии газетных комиксов отменили, игрушки, изображавшие Музейного зверя, покупать перестали.

Фрок оглядел свой кабинет.

– Простите, я недостаточно гостеприимен. Кто-нибудь хочет шерри?

Послышались негромкие отказы.

– Разве что у вас найдется, чем запить, – сказал д'Агоста. Пендергаст, побледнев, взглянул на него.

Д'Агоста взял с письменного стола слепок когтя.

– Опасная штука.

– В высшей степени, – согласился Фрок. – Это существо было отчасти рептилией, отчасти приматом. Не стану вдаваться в специальные подробности – оставлю это Грегори Каваките, я поручил ему проанализировать данные, которыми мы располагаем, – но, кажется, гены рептилии дали этому существу силу, быстроту и мышечную массу. Гены примата сделали его разумным и, возможно, эндотермическим. Теплокровным. Странное сочетание.

– Конечно, – согласился д'Агоста, возвращая слепок на место. – Но что оно, черт возьми, *представляло* собой?

Фрок засмеялся.

– Дорогой мой, из-за недостатка данных мы просто не можем это точно установить. И поскольку оно, судя по всему, было последним представителем вида, вряд ли когда-нибудь установим. Мы недавно получили отчет об обследовании тепуи, откуда это существо явилось сюда. Опустошение там полнейшее. Растение, служившее существу пищей, – кстати, мы его назвали Liliceae mbwunensis, – видимо, совершенно исчезло. Горные разработки отравили все окружающие болота. Да и вся местность была выжжена напалмом, чтобы расчистить место для разработок. Ни единого следа подобных существ, бродящих

где-то по лесам, нет. Обычно я ужасаюсь такому уничтожению окружающей среды, но в данном случае оно, кажется, избавило планету от страшной угрозы. – Ученый вздохнул. – В виде меры предосторожности – должен добавить, вопреки моему совету – ФБР уничтожило все упаковочные волокна и образцы растений в музее.

– Откуда мы знаем, что это существо было последним представителем вида? – спросила Марго. – Не может ли оказаться где-то другого?

– Это немыслимо, – ответил Фрок. – *Тепуи,* был экологическим островом – по общему мнению, уникальным, где растения и животные за миллионы лет создали единственную в своем роде взаимозависимость.

– И в музее подобных существ определенно больше нет, – выступая вперед, заговорил Пендергаст. – По этим давним планам, которые я обнаружил в Историческом обществе, мы разбили нижний подвал на участки и прочесали каждый квадратный дюйм. Нашли много любопытного для городских археологов, но никаких новых следов этого существа.

– Убитое, оно выглядело таким печальным, – произнесла Марго. – Таким одиноким. Мне даже стало его немного жаль.

– Существо *было* одиноким, – сказал Фрок. – Одиноким и затерянным. Оно ушло за четыре тысячи миль от родных джунглей по следу оставшихся образцов драгоценных растений, которые поддерживали в нем жизнь и избавляли его от страданий. Но оно было и очень злобным, агрессивным. До того как труп увезли, я насчитал на нем по меньшей мере дюжину пулевых ран.

Дверь отворилась, вошел Смитбек, театрально помахивая большим конвертом в одной руке и бутылкой шампанского в другой. Достал из конверта пачку бумаг и высоко поднял их.

– Договор на книгу! – объявил он улыбаясь. Д'Агоста нахмурился, отвернулся и снова взял слепок когтя.

– Я добился всего, чего хотел, и обогатил своего литагента, – радостно продолжал журналист.

– И сам разбогател, – съязвил д'Агоста, глядя на журналиста, словно хотел запустить в него слепком.

Смитбек театрально откашлялся.

– Я решил передать половину гонорара фонду, основанному в память полицейского Джона Бейли. На пенсию его семье.

Д'Агоста глянул на Смитбека.

– Иди отсюда.

– Нет, правда, – сказал журналист. – Половину. Конечно, после отработки аванса, – торопливо добавил он.

Д'Агоста направился было к Смитбеку, потом резко остановился.

– Можешь рассчитывать на мое сотрудничество, – негромко сказал он, и желваки на его челюсти задвигались.

– Спасибо, лейтенант.

– Капитан со вчерашнего дня, – поправил его Пендергаст.

– Капитан д'Агоста? – спросила Марго. – Вас повысили в звании?

Тот кивнул.

– Начальник говорит, я больше всех заслуживал этого. – И направил указательный палец на Смитбека. – Я должен прочесть, что ты сочинишь обо мне, *до того,* как это пойдет в печать.

– Постойте-постойте, – сказал Смитбек, – существуют этические нормы, которых должны придерживаться журналисты…

– Черт возьми! – вспылил д'Агоста. Марго обернулась к Пендергасту.

– У них будет увлекательное сотрудничество, – прошептала девушка. Пендергаст кивнул.

Послышался легкий стук в дверь, из приемной заглянул Кавакита.

– Простите, доктор Фрок, – сказал он, – секретарша не предупредила, что вы заняты. Результаты можно будет обсудить потом.

– Ерунда! – воскликнул ученый. – Входите, Грегори. Мистер Пендергаст, капитан д'Агоста, это Грегори Кавакита. Автор программы, которая помогла нам получить столь точное описание существа.

– Я вам признателен, – сказал Пендергаст. – Без этой программы никого из нас сегодня здесь не было бы.

– Благодарю, но программа, в сущности, является идеей доктора Фрока, – сказал Кавакита, глядя на торт. – Я занимался только техническими деталями. К тому же экстраполятор *многого* вам не сообщил. Например, о расположении глаз спереди.

– Ну, Грег, успех сделал тебя скромником, – сказал Смитбек. – Как бы там ни было, – продолжал он, обращаясь к Пендергасту, – у меня есть несколько вопросов к *вам*. – Он не сводил с агента ФБР выжидательного взгляда. – Чьи трупы обнаружили мы в логове?

Пендергаст чуть заметно пожал плечами.

– Мне ничто не мешает ответить вам – однако до публикации нужно будет получить официальное подтверждение. Пять останков из восьми опознаны. Два трупа принадлежали бездомным бродягам, видимо, они залезли в подвал зимней ночью, чтобы погреться. Еще один – иностранному туристу, который числится в интерполовском списке пропавших без вести. Еще один, как вам известно, Джорджу Мориарти, помощнику Иена Катберта.

– Бедняга Джордж, – прошептала Марго. Она уже целый месяц гнала от себя мысли о последних минутах Мориарти, о его борьбе со зверем. Погибнуть таким образом, потом висеть, будто туша...

Пендергаст, чуть помолчав, продолжал:

– Пятый труп предположительно опознан по стоматологической карте как человек по фамилии Монтегю, сотрудник музея, исчезнувший несколько лет назад.

– Монтегю! – воскликнул Фрок. – Значит, это правда.

– Да, – сказал Пендергаст. – Судя по всему, некоторые представители администрации – Райт, Рикмен, Катберт и, возможно, Ипполито – догадывались, что некое существо рыскало по музею. Когда в подвале обнаружили большую лужу крови, они велели ее смыть, не ставя в известность полицию. И хотя исчезновение Монтегю совпало с этим происшествием, они ничего не предприняли, чтобы расследовать этот факт. У них было также основание предполагать, что существо имеет какое-то отношение к экспедиции Уиттлси. Возможно, этими догадками объясняется переноска ящиков. Теперь ясно, что делать этого не следовало. С этого началась серия убийств.

– Вы, разумеется, правы. – Фрок начал размышлять вслух, подъезжая на коляске обратно к столу. – Как нам известно, существо обладало высокоразвитым разумом. Оно понимало, что окажется в опасности, если о его пребывании в музее станет известно. И думаю, ради самосохранения обуздывало свою природную свирепость. Поначалу, оказавшись в музее, оно было отчаянным, возможно, потому и убило Монтегю, увидев его возле артефактов и растений. Но потом быстро стало осторожным. Оно знало, где находятся ящики, располагало запасом растений – по крайней мере, пока упаковочный материал не кончится. В потреблении их было очень экономным. Конечно, концентрация гормонов в этом растении была очень высокой. И зверь украдкой разнообразил свою “диету”. Крысами, живущими в нижнем подвале, кошками, удравшими из отдела поведения животных... иногда даже несчастными людьми, забредшими слишком далеко в подвалы

музея. Однако существо всегда старалось спрятать свою добычу и несколько лет оставалось практически необнаруженным.

Ученый чуть передвинулся на сиденье, скрипнув коляской.

– И вдруг ящики перенесли под запор, в сохранную зону. Зверь сперва оголодал, потом пришел в отчаяние. Возможно, стал кровожадным от злобы на существа, которые лишили его растений – и сами могли служить заменой им, правда, слабой. Бешенство нарастало, и зверь совершал одно убийство за другим.

Ученый достал платок и утер лоб.

– Но существо обезумело не окончательно, – продолжал он. – Помните, как оно спрятало труп полицейского на выставке? Несмотря на вспыхнувшую кровожадность, на неодолимую потребность в растении, у него хватило разума понять, что убийство привлечет к нему нежелательное внимание. Возможно, оно собиралось утащить тело Борегара в свое логово, но не смогло этого сделать – выставка находилась далеко от обычных мест его охоты, – поэтому и спрятало труп. В конце концов, главной целью существа был гипоталамус: остальное представляло собой всего лишь мясо.

Марго содрогнулась.

– Я не раз задумывался, чего ради этот зверь забрел на выставку, – сказал Пендергаст. Фрок поднял указательный палец.

– Я тоже. И кажется, понимаю. Помните, мистер Пендергаст, что *еще* было на выставке?

Агент ФБР неторопливо кивнул.

– Конечно. Статуэтка Мбвуна.

– Вот именно, – сказал Фрок. – Статуэтка, изображавшая его самого. Единственная связь с родными местами, безвозвратно утраченными.

– Вам, кажется, понятно все, – сказал Смит-бек. – Но как Райт и Катберт, если им было известно об этом существе, догадались, что оно имеет отношение к экспедиции Уиттлси?

– Пожалуй, на этот вопрос смогу ответить я, – сказал Пендергаст. – Они, разумеется, знали, почему судно, везшее ящики с материалами экспедиции из Белена в Новый Орлеан, так задержалось – думаю, выяснили тайком, как и вы, мистер Смитбек.

Журналист внезапно занервничал.

– Видите ли, – заговорил он, – я...

– К тому же прочли журнал Уиттлси. И легенды эти знали не хуже, чем кто бы то ни было. Потом, когда Монтегю – человек, которому было поручено обследовать эти ящики, – исчез, и неподалеку от них оказалась лужа крови, то не требовалось быть семи пядей во лбу, чтобы обо всем догадаться. К тому же, – лицо его помрачнело, – Катберт, в сущности, это подтвердил. Насколько был в состоянии, разумеется.

Фрок кивнул.

– Поплатились они страшно. Уинстон и Лавиния погибли. Иен в психиатрической лечебнице… слов нет, до чего прискорбно.

– Это так, – сказал Кавакита, – однако всем ясно, что теперь вы первый кандидат на должность директора музея.

Именно ему это должно было прийти в голову, подумала Марго.

Фрок покачал головой.

– Сомневаюсь, Грегори, что мне ее предложат. Когда страсти улягутся, предпочтение отдадут рассудительному человеку. Я слишком несговорчив. К тому же директорство не привлекает меня. При таком количестве открывшегося материала я не могу больше медлить с новой книгой.

– Только доктор Райт и остальные не знали, – вновь заговорил Пендергаст, – да, собственно, не знает и никто из присутствующих здесь, что череда убийств началась не в Новом Орлеане, а раньше – в Белене, на складе, где ящики ждали отправки. Я узнал об этом, когда расследовал убийство на судне.

– Видимо, это была первая остановка существа по пути в Нью-Йорк, – сказал Смитбек. – Полагаю, теперь в этой истории пробелов нет. – Отвел Пендергаста к дивану. – Мистер Пендергаст, думаю, теперь ясно и что случилось с Уиттлси.

– Это существо почти несомненно убило его, – отозвался Пендергаст. – А теперь, с вашего разрешения, я возьму кусок торта…

Смитбек не отпускал агента ФБР.

– Откуда вы знаете?

– Что оно убило Уиттлси? Мы обнаружили в его логове некий сувенир.

– Вот как?

Журналист поспешно достал из кармана микрокассетный магнитофон.

– Уберите его, пожалуйста, мистер Смитбек. Да, вещицу, которую Уиттлси, видимо, носил на шее: медальон в виде сдвоенной стрелы.

– Ее изображение было вытиснено на журнале! – воскликнул Смитбек.

– И на письме, отправленном Монтегю! – добавила Марго.

– Видимо, это было что-то вроде фамильного герба Уиттлси. Для чего зверь притащил его с Амазонки, мы никогда не узнаем, но медальон находился там.

– В логове находились и другие артефакты, – сообщил с набитым ртом д'Агоста. – Вместе с семенными коробочками Максуэлла. Это существо было прямо-таки коллекционером.

– Какие же? – спросила Марго, подойдя к одному из окон и глядя наружу.

– Совершенно неожиданные. Набор ключей от машины, множество монет и жетонов для входа в метро, даже прекрасные карманные золотые часы. По фамилии на внутренней стороне крышки мы отыскали их владельца, он сказал нам, что лишился их три года назад. Был в музее, и его обокрали. – Д'Агоста пожал плечами. – Может, одно из неопознанных тел принадлежало этому воришке. А может, мы никогда его не найдем.

– Существо повесило их на гвозде в стене логова, – сказал Пендергаст. – Оно любило красивые вещи. Очевидно, это еще одно свидетельство его разумности.

– Все было взято в стенах музея? – спросил Смитбек.

– Насколько можно судить – да, – ответил Пендергаст. – Ничем не подтверждается, что существо могло – или хотело – найти выход из него.

– Да? – сказал Смитбек. – А как же тот выход, к которому вы вели д'Агосту?

– Он нашел его, – простодушно ответил агент ФБР. – Вам очень повезло.

Смитбек повернулся, чтобы задать вопрос д'Агосте. Пендергаст воспользовался этим, встал и направился за тортом.

– Благодарю вас, доктор Фрок, за угощение, – сказал он, возвратившись на место.

– Вы спасли нам жизнь, – сказал ученый. – И я решил, что маленький торт вполне уместен как способ пожелать вам доброго пути.

– В таком случае, – сказал Пендергаст, – пожалуй, я нахожусь здесь не по праву.

– Как так? – спросил Фрок.

– Возможно, я не навсегда покидаю Нью-Йорк. Видите ли, меня собираются перевести на должность директора нью-йоркского отделения ФБР.

– Значит, Коффи она не достанется? – усмехнулся Смитбек.

Пендергаст покачал головой.

– Бедный мистер Коффи. Надеюсь, он доволен своим положением в Уэйко[20]. Во всяком случае, мэр, воспылавший симпатией к капитану д'Агосте, считает, что я вполне могу рассчитывать на этот пост.

– Поздравляем! – воскликнул Фрок.

– Это еще не решено, – ответил Пендергаст. – И я еще не уверен, хочу ли остаться здесь. Хотя у Нью-Йорка есть свои прелести.

Он встал и подошел к окну, из которого Марго глядела на Гудзон и зеленые холмы Палисейда за ним.

– Какие у вас планы, Марго? – спросил он. Она повернулась к нему:

– Решила остаться в музее, пока не закончу работу над диссертацией. Фрок засмеялся:

– Говоря по правде, я отказался ее отпустить.

Марго улыбнулась:

– Я получила приглашение из Колумбийского университета. Предлагают должность доцента с будущего года. Колумбийский университет – альма-матер моего отца. Так что, сами понимаете, я должна защититься.

– Замечательная новость! – сказал Смит-бек. – Мы должны это отпраздновать сегодня за ужином.

– За ужином? Сегодня?

– Cafe des Artistes[21], семь часов, – сказал журналист. – Я всемирно известный писатель или вот-вот стану им. Шампанское согревается, – спохватился он и потянулся за бутылкой.

Все собрались у стола, Фрок достал бокалы. Смитбек направил горлышко бутылки в потолок и громко выстрелил пробкой.

– За что выпьем? – спросил д'Агоста, когда бокалы были наполнены.

– За мою книгу, – не утерпел Смитбек.

– За особого агента Пендергаста и его благополучное возвращение домой, – произнес Фрок.

– Помянем Джорджа Мориарти, – негромко сказала Марго.

– Помянем.

Воцарилось молчание.

– Благослови нас всех, Господи, – нараспев протянул Смитбек. Марго шутливо ущипнула его.

Эпилог

63

Лонг-Айленд, полгода спустя

Кролик дернулся, когда игла вонзилась ему в бедро. Кавакита наблюдал, как темная кровь наполняет шприц.

Он бережно посадил кролика обратно в клетку, потом перелил кровь в три пробирки. Открыл центрифугу, вставил их в барабан и закрыл крышку. Щелкнул выключателем и стал слушать, как гудение переходит в вой, свидетельствовавший, что сила вращения разделяет кровь на компоненты.

Поначалу все давалось очень трудно: найти подходящее место, собрать оборудование, даже оплачивать помещение. За полуразвалившиеся склады в Куинсе дерут невероятно много. Труднее всего оказалось обзавестись компьютером. Вместо того чтобы купить его, Кавакита в конце концов ухитрился подключиться по телефону к большому компьютеру в медицинском колледже Соколова. Место для прогонов экстраполяционной генетической программы вполне надежное.

Кавакита заглянул через грязное окно в полу в лабораторию, расположенную этажом ниже. Помещение было темным и почти пустым, только свет от аквариумов, стоявших вдоль дальней стены на железных стеллажах, отбрасывал на пол легкое зеленоватое сияние. От фильтровальных систем исходило легкое бульканье. Резервуаров уже около двух дюжин. Скоро потребуются еще. Но деньги становились все меньшей и меньшей проблемой.

Поразительно, думал Кавакита, самые изящные решения вместе с тем и самые простые. Но вот само видение ответа отделяет гениального ученого от просто выдающегося.

Так вышло и с загадкой Мбвуна. Он, Кавакита, единственный, кто усомнился в очевидном, стал искать другой ответ и – теперь – нашел.

Вой центрифуги стал затихать, вскоре замерцала красная надпись “ЗАВЕРШЕНО”. Кавакита открыл крышку и достал пробирки. Кровь

разложилась на три компонента: сверху сыворотка, посередине тонкий слой белых кровяных клеток и на дне толстый слой красных. Он аккуратно высосал шприцем сыворотку, потом поместил по капле на несколько предметных стекол. Добавил несколько ферментов и реактивов.

Одно из стекол покраснело. Кавакита улыбнулся. Все очень просто.

После того как Фрок и Марго, столкнувшись с ним на открытии выставки, принялись сбивчиво излагать аргументы за то, чтобы немедленно закрыть мероприятие, его первоначальный скептицизм быстро сменился глубоким интересом. Прежде он почти не уделял внимания этой проблеме. Но буквально едва оказавшись на Риверсайд-драйв – вынесенный истеричной толпой, – молодой ученый начал размышлять. Затем – задавать вопросы. И когда потом Фрок объявил, что тайна раскрыта, любопытство его лишь возросло.

Если быть честным, то, пожалуй, Кавакита сохранял несколько большую объективность, чем те, кто оказался в музее той ночью и сражался в темноте со зверем. Но так или иначе, в решении были мелкие погрешности: небольшие неясности, незначительные противоречия, которых не заметил никто.

Никто, кроме Грегори Кавакиты.

Он всегда был очень скрупулезным исследователем, педантичным до мелочей и вместе с тем исполненным ненасытного любопытства. Это помогало ему и в Оксфорде, и по приходе в музей. И вот помогло снова. Стремление к точности и осторожность побудили его вмонтирвать в экстраполятор подпрограмму сбора информации. Из соображений безопасности, разумеется, и чтобы знать, для чего используют его программу другие.

Поэтому, вполне естественно, Кавакита посмотрел, чем занимались Фрок и Марго.

Потребовалось лишь нажать несколько клавиш, и компьютер выдал все вопросы, которые они задавали, все введенные данные и все полученные результаты.

Эта информация дала ему ключ к подлинному раскрытию тайны Мбвуна. Решение было под носом, но они не знали, какие вопросы задавать. Кавакита умел задавать нужные вопросы. И вместе с ответом пришло ошеломляющее открытие.

В дверь склада постучали. Кавакита беззвучно, уверенно спустился по темной лестнице.

– Кто там? – хрипло прошептал он.

– Тони.

Кавакита легким движением отодвинул засов и потянул дверь на себя. Вошел человек. Невысокий, жилистый, сутулый.

– Темно здесь, – сказал гость, нервозно оглядевшись.

– Света не включай, – предупредил Кавакита. – Иди за мной.

Они прошли в дальний конец склада. Там под инфракрасными лампами на длинном столе сохли волокна. На краю стола стояли весы. Кавакита взял небольшую горсть волокон, взвесил. Затем высыпал их в пластиковый пакет.

И выжидательно посмотрел на гостя. Тот полез в карман брюк, достал несколько измятых банкнот. Кавакита пересчитал: пять двадцаток. Кивнул и подал гостю сумку. Тот нетерпеливо схватил ее и хотел раскрыть.

– Не здесь! – одернул его Кавакита.

– Извините. – И гость быстро, насколько позволял тусклый свет, направился к двери.

– Попробуй опустить их в кипяток, это повышает концентрацию, – посоветовал Кавакита. – Думаю, результат тебе понравится.

Гость кивнул.

– Понравится, – медленно произнес он, словно смакуя это слово.

– Во вторник дам тебе побольше, – пообещал Кавакита.

– Спасибо, – прошептал гость, уходя. Кавакита запер за ним дверь. День выдался напряженный, он очень устал, однако с нетерпением дожидался ночи, когда городской шум станет потише и на землю опустится темнота. Ночь быстро стала его любимым временем суток.

Как только он выяснил, для чего Марго и Фрок использовали его программу, все встало на свои места. Требовалось раздобыть одно из волокон. Это оказалось сложной задачей. Сохранную зону тщательно прибрали, ящики сожгли вместе с упаковочным материалом. Лаборатория, где Марго проводила начальные исследования, теперь блистала чистотой, пресс для растений уничтожили. Однако хозяйка не потрудилась опорожнить сумку, известную на весь отдел антропологии тем, что там могло заваляться что угодно. Лишь через несколько дней после катастрофы Марго сама на всякий случай швырнула ее в мусоросжигательную печь. Но прежде Кавакита успел отыскать в сумке нужное ему волокно.

Да, трудностей было много, однако труднее всего оказалось вырастить растение из единственного волокна. Это потребовало всех его способностей, всех познаний в ботанике и генетике. Но он направил всю свою кипучую энергию на одну цель.

Мечты о продвижении по службе, научной карьере были оставлены, в музее Кавакита взял отпуск. Через пять недель ученый добился своего. Кавакита помнил, какое его охватило ликование при виде зеленого росточка в чашке Петри с агаром. А теперь в аквариумах у него рос большой урожай, полностью инокулированный реовирусом. Заносным реовирусом, возраст которого насчитывал шестьдесят пять миллионов лет.

Растение оказалось разновидностью кувшинки. На нем почти без перерыва появлялись большие темно-красные цветы с алыми семенными придатками и ярко-желтыми тычинками. Вирус концентрировался в жестких, волокнистых стеблях. Кавакита уже собирал два фунта волокон в неделю и намеревался добиться большего.

Котога знали об этом растении все, подумал Кавакита. Они пытались контролировать его мощь, но потерпели неудачу. То, что казалось благословением, обернулось для них проклятием. Легенда гласила совершенно недвусмысленно: дьявол не сдержал слова, и сын его, Мбвун, вышел из повиновения.

Но Кавакита не допустит ничего подобного. Пробы с сывороткой крови кролика показали, что исследователь преуспеет.

Последняя часть головоломки встала на место, когда он вспомнил, что рассказывал этот фараон д'Агоста на проводах агента ФБР: они нашли в логове висюльку в форме сдвоенной стрелы, принадлежавшую Джону Уиттлси. Доказательство, сказали они, того, что это чудовище убило Уиттлси. Доказательство. Что за чушь.

Скорее доказательство того, что этим *чудовищем и* был Уиттлси.

Кавакита прекрасно помнил тот день, когда ему все стало ясно. Это было апофеозом, откровением. Это явилось объяснением всему. Существом, Музейным зверем. Тем. Кто Ходит На Четвереньках, был Уиттлси. Кавакита ввел в свою программу данные о ДНК человека и реовируса. И – задал вопрос о промежуточной форме.

Компьютер в ответе описал это существо: Тот, Кто Ходит На Четвереньках.

Реовирус оказался поразительным. Возможно, он сохранился почти неизменным с мезозойской эры. В достаточных количествах он способен вызывать поразительные морфологические изменения. Всем известно, что в наиболее труднодоступных районах тропических лесов есть

неоткрытые растения, обладающие почти непредставимым значением для науки. Но Кавакита уже сделал свое открытие: поедая волокна, инфицируясь этим вирусом, Уиттлси превратился в Мбвуна.

Мбвун – этим словом котога называли чудесное, ужасающее растение и *существо, в которое превращались те, кто им питался*. Кавакита отчасти представлял себе тайный культ племени котога. Растения являлись главным его атрибутом, и ненавистным, и необходимым. Существа наводили страх на врагов котога – и вместе с тем представляли собой постоянную угрозу для своих хозяев. Видимо, племя постоянно держало только одно существо – увеличить их количество было бы слишком опасно. Культ, очевидно, сосредотачивался вокруг растения, его выращивания и уборки. Кульминацией обрядов, несомненно, была индукция нового существа – насильственное кормление растением противившейся жертвы. Поначалу в больших количествах, чтобы гарантировать достаточно реовирусов для телесных изменений. Когда превращение человека в монстра завершалось, требовались небольшие порции растения, с добавлением других белков, разумеется. Но эту дозу необходимо было поддерживать постоянно. В противном случае тело станет возвращаться в прежнее состояние, это вызовет острую боль, вероятно, безумие. Разумеется, смерть наступит раньше, чем совершится возвращение к человеческому облику. И дошедшее до отчаяния существо будет искать заменитель этому растению – а лучшим является человеческий гипоталамус.

В густой, успокоительной тьме, прислушиваясь к тихому гудению ламп над аквариумами, Кавакита представлял себе драму, разыгравшуюся в джунглях. Котога впервые увидели белого человека. Сначала, несомненно, они обнаружили напарника Уиттлси, Крокера. Существо, видимо, было старым или ослабевшим. Возможно, Крокер успел выстрелить из ружья, когда существо напало. Возможно, и нет. Но Кавакита понимал, что, когда котога обнаружили Уиттлси, исход был возможен только один.

Ему стало любопытно, что испытывал Уиттлси, когда его, связанного, кормили, по всей видимости ритуально, странным растением, которое он сам собирал всего несколько дней назад. Возможно, ему варили опьяняющий напиток из листьев, а может, просто заставляли жевать сухие волокна. Должно быть, они пытались сделать из белого человека то, чего не могли из соплеменников: чудовище, которое можно контролировать. Которое не допустит строителей дорог, старателей, шахтеров, намеренных вторгнуться на *тепуи с* юга и уничтожить их всех. Которое будет терроризировать окружающие племена, *не* терроризируя своих хозяев: навсегда обеспечит безопасность и уединенность племени котога.

Однако цивилизация со всеми ее ужасами была неотвратима. Кавакита представлял, как это случилось: Уиттлси-чудовище притаился в джунглях, глядя, как с неба падает огонь, сжигая *тепуи,* индейцев, драгоценное растение. Спасся он один. И только он знал, где после уничтожения джунглей можно найти дающие жизнь волокна. Знал, потому что сам их туда отправил.

А может, когда тепуи сжигали, Уиттлси там уже не было. Может, Уиттлси в своем прискорбном, ужасном состоянии наметил себе план, в который не входило быть ангелом возмездия племени котога. Может, он просто захотел вернуться домой.

Но, в сущности, Кавакита был равнодушен к антропологическим подробностям. Его интересовала сила, заключенная в этом растении, и управление этой силой.

Чтобы контролировать существо, нужно контролировать источник.

И *вот в этом-то,* думал Кавакита, котога потерпели *неудачу,* а я *преуспею*. Источник он контролирует. Никто больше не знает, как выращивать эту упрямую, нежную болотную кувшинку из глубины амазонских джунглей. Только ему известны необходимый для ее роста кислотно-щелочной баланс воды, температура, освещение, смесь питательных веществ. Только он знает, как инокулировать растение реовирусом.

А с помощью сплайсинга генов при посредстве сыворотки крови кролика он выделил существенную силу вируса, очистил его и устранил самые неприятные побочные эффекты.

По крайней мере он почти уверен в этом.

Его открытия революционны. Всем известно, что вирусы вводят собственную ДНК в клетки своих носителей, после чего по “команде” клетки производят новые вирусы. Именно это происходит со всеми известными человечеству вирусами: от гриппа до СПИДа.

Открытый им вирус иной. Он вводит в свою жертву целую армию генов: генов рептилии. Ископаемой рептилии. Генов, которым шестьдесят пять миллионов лет. И за это время вирус “позаимствовал” гены приматов – вне всякого сомнения, человеческие. Он крадет гены у своего носителя и передает их жертве.

Эти гены, вместо того чтобы производить новые вирусы, преображают *жертву*. Превращают постепенно в монстра. Вирусы дают организму команду изменить строение скелета, эндокринную систему, конечности, кожный, волосяной покров, внутренние органы… Вирус меняет поведение носителя. Придает ему сверхъестественные обоняние и слух, но ухудшает голос и зрение. Дает громадную силу, массу, быстроту, но

почти не затрагивает восхитительный человеческий мозг. Короче говоря, снадобье – *вирус* – превращает человеческую жертву в машину для убийств. Нет, слово *жертва,* не подходит к инфицированному этим вирусом. Симбионт, пожалуй, лучше. Потому что получить этот вирус – привилегия. Дар. Дар от Грегори Кавакиты.

Великолепный. Даже величественный.

Возможности генной инженерии безграничны. И у Кавакиты уже возникли идеи относительно совершенствования методики. С помощью реовируса можно вводить в носителя новые гены. И человека, и животных. Он, Кавакита, будет контролировать, во что превратится носитель. В отличие от примитивных суеверных котога он способен осуществить полный контроль – научным путем.

Интересным побочным эффектом приема растения является легкое наркотическое воздействие: это чудесный, "чистый" кайф без неприятных последствий. Может, именно поэтому котога стали это растение употреблять в пищу, а потом и разводить. Но для Кавакиты этот побочный эффект оказался средством получения денег на исследования. Сначала он не собирался торговать этим наркотиком, однако финансовые затруднения вынудили. Кавакита улыбнулся при мысли, до чего это оказалось просто. Кружок избранных наркоманов уже дал название новому снадобью: лоск.

Лоск пользовался спросом, и Кавакита мог продать все, что изготавливал. Жаль, волокна кончались слишком быстро.

Опустилась ночь. Кавакита снял темные очки и вдохнул пряный аромат склада: тонкое благоухание волокон, запахи воды, пыли, выхлопных газов из окружающего воздуха, смешанные с запахами перегноя, сернистого ангидрида и множеством других. Хроническая аллергия почти прошла. *Должно быть, благодаря чистому воздуху Лонг-Айленда,* подумал он с кривой улыбкой. Снял тесные туфли и с наслаждением пошевелил пальцами ног.

Он добился самого ошеломляющего после открытия двойной спирали успеха в генетике. Мог бы претендовать на Нобелевскую премию, – он иронически усмехнулся.

Если бы он избрал этот путь.

Но кому нужна Нобелевская премия, если открылась возможность обирать весь мир?

В дверь постучали снова.

Примечания

1

Памятник материальной культуры, любой предмет искусственного происхождения.

2

Протерозойской эры.

3

Это безумие! (исп.)

4

Следователь по делам о внезапной и насильственной смерти.

5

Резная фигурка, носимая на поясе (япон.).

6

Марка виски.

7

Джон Джеймс Одюбон (1785 – 1851) – американский художник-анималист.

8

Джованни Баттиста Пиранези (1720 – 1778) – итальянский гравер и архитектор. Автор офортов с изображением архитектурных памятников, реальных и воображаемых.

9

Толстокожие (лат.).

10

Да, да! (нем.)

11

Господи (нем.).

12

Фамильяр – член инквизиции, производящий аресты.

13

Айзек Уолтон (1593 – 1683) – английский писатель, автор трактата о рыбной ловле.

14

Расписка, выдаваемая капитаном судна грузоотправителю и удостоверяющая принятие груза к перевозке.

15

Перевод А. Финкеля.

16

Город Олбани является столицей штата Нью-Йорк.

17

Первая поправка декларирует политические свободы слова, печати, собраний.

18

Перевод В.Вересаева.

19

Камербанд – широкий пояс, кушак.

20

Городок в штате Техас.

21

Кафе художников (фр.).